**РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (РИНХ)**

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

**ИНСТИТУТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ГЛОКАЛИЗАЦИИ РГЭУ (РИНХ)**

**КАФЕДРА ЮНЕСКО ПО ИЗУЧЕНИЮ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
НА ФАКУЛЬТЕТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА**

ТАГАНРОГСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. А.П. ЧЕХОВА (ФИЛИАЛ) РГЭУ (РИНХ)

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

**Ростов-на-Дону
2018**

УДК 1
ББК 87
Ф 561

Научная редакция:
А.У. Альбеков, д.э.н., проф., заслуженный деятель науки РФ
А.М. Старостин, д.п.н., профессор
А.Ю. Голобородько, д.п.н., доцент

Ф 561 **ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ**. Кол. моногр. Научн. ред.: А.У. Альбеков, А.М. Старостин, А.Ю. Голобородько. – Ростов н/Д.: Изд-полигр. комплекс РГЭУ (РИНХ), 2018. – 312 с.

ISBN…

В монографии анализируются новые концептуальные подходы и стратегические практики в области образования, обусловленные активно развивающимися процессами глобализации и глокализации, проекцией этих процессов на национальный уровень.

Первостепенное внимание уделено широкомасштабным образовательным инновациям, формированию новых культурно образовательных систем, а также угрозам и рискам в области образовательной политики, обусловленным новой волной глобализации.

Монография подготовлена на основе материалов Научно-практической конференции с международным участием 2-3 ноября 2018 года (г. Ростов н/Д – г. Таганрог) «Философия образования в глобальном и национальном измерении)

Утверждена в качестве монографии Редакционно-издательским советом Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

В оформлении обложки использована репродукция картины Себастьяно Конка. Аллегория Знания. XVIII век. Рим, палаццо Корсини, библиотека.

ISBN…

© РГЭУ (РИНХ)
© А.У. Альбеков, А.М. Старостин, А.Ю. Голобородько, кол.авторов. 2018

Введение

Более 30 лет тому назад вышла в свет нашумевшая книга О. Тоффлера «Футурошок». Она заставила по-иному смотреть на социальный мир: не как на реальность, к которой мы можем постепенно адаптироваться, по мере ее медленных изменений, и подготовить к этому новые поколения, опираясь на институты образования и воспитания. О. Тоффлер показал, что нужно, во-первых, радикально менять ментальную установку, ориентируясь не на наличное бытие, которое может так или иначе изменяться, а на параметры будущего, которое стремительно вторгается в жизнь и нужно уже не догонять события, а опережать их. А, во-вторых, будущее, связанное с цивилизацией «третьей волны» (этот его термин появится чуть позже), может служить источником необратимых изменений и разделений в обществе. Уже позднее, в посттоффлеровский период и был зафиксирован этот феномен: «Это приводит к неравенству, которое выходит за рамки неравенства социального…. Это онтологическое неравенство разделит тех, кто приспособился и тех, кто сопротивляется переменам, превратив их, по сути, в победителей и неудачников».[1] В отчете Всемирного экономического форума 2016 года о глобальных рисках это неравенство диктуется в качестве феномена «гражданин, наделенный возможностями/лишенный возможностей»[2].

К таким возможностям, которые наделяют человека навыками и компетенциями адаптации к будущему, относятся: владение компьютерными технологиями и возможностями вести поиск в системах, погруженных в Internet; опора на наиболее распространенные языковые ресурсы (русский язык/английский язык); подключенность в качестве пользователя к ресурсам интернет-услуг различных государственных, негосударственных и коммерческих организаций; экономическо-компьютерная грамотность, знания и ориентации в рисках сетевых коммуникаций и др. Очевидно, что далеко не все из перечисленного дает современное образование. Многое восполняется путем самообучения и различными видами дополнительного образования, не входящими в сферу нормативно-установленных. К этому нужно обязательно добавить, что обозначенный сдвиг в сферу цифровой, компьютерной реальности, вместе с тем обедняет возможности непосредственного человеческого общения и в общепринятом понимании отчуждает, отключает

[1] Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. – М.: Изд-во: «Э», 2017. С. 119.
[2] Там же. С. 117.

«компьютерного человека» от ресурсов, значимых для его карьеры и личностного развития. Как пишет уже цитировавшийся Клаус Шваб: «Все чаще высказываются опасения, что по мере того, как четвертая промышленная революция будет углублять наши личные и коллективные отношения с технологией, будут ухудшаться наши социальные навыки и способность к эмпатии. Мы видим, что это уже происходит»[3].

Между тем, современные образовательные системы и технологии и здесь не поспевают за событиями.

Поскольку именно, государства, крупнейшие концерны, объединения и союзы, представляющие «третью волну» цивилизации выступают основными агентами современной глобализации, важно посмотреть, определить какие новации они генерируют, можно ли с их помощью «заглянуть за горизонт». А далее, основываясь на этом, оценить наши возможности к футуросоциализации. И это, прежде всего касается возможностей и недостатков современных образовательных систем и технологий, ибо образование и воспитание в семье все более снижает свой удельный вес, не обладая ни ресурсами, ни профессиональными компетенциями, предоставляемыми современным образованием.

Вот почему мы избрали в качестве основной темы конференции и основанной на ее материалах монографии проблему «Философия образования в глобальном и национальном измерении». Ибо, прежде всего интегративный, междисциплинарный подход к столь сложным проблемам основан на философских исследованиях этих проблем. При этом мы исходим из концепции альтернативных моделей глобализации, выдвинутой Институтом междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации[4] РГЭУ (РИНХ), а также основываемся на инструментарии исследовательской философии, разрабатываемой здесь[5].

Продвигаясь в намеченном направлении, мы исходим также из основных социальных и когнитивных коллизий, которые «озадачивают» деятельность образовательных институтов в глобальном сообществе. Прежде всего, нужно указать на то, что выстроенная в соответствии с современными инновационными требованиями и подходами система образования выступает не только в качестве одного из основных механизмов капитализации человеческих ресурсов, но и в роли одного из главных векторов «мягкой силы», которая, очевидно, будет определять преимущества в глобальной конкуренции основных центров силы современного мира.

---

[3] Шваб Клаус. Указ. соч. С. 123.

[4] Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Кол. моногр., (науч.ред. Альбеков А.У., Матишов Г.Г., Старостин А.М.), Ростов н/Д., Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018

[5] См.: А.М. Старостин. Исследовательская философия. Ростов н/Д. Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018. Его же Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

I
Цивилизационные и кросс-культурные подходы в философии образования

Альбеков А.У.,
докт. экон. наук, проф., ректор
Ростовского государственного
экономического университета
(РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ В ВУЗЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПАРИРОВАНИЯ ДЕВИАЦИОННЫХ И ДЕЛИНКВЕНТНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В СРЕДЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

При рассмотрении подходов к формированию образовательных стратегий в вузе прежде всего обращается внимание на конструктивное решение перспективных проблем: реструктуризация системы профессиональной подготовки с ориентацией на обновленную систему отраслей экономики; задействование новых технологий образования; институциональная перестройка системы высшего образования; внесение изменений в подготовку, мотивацию, оценку научно-педагогических кадров; внесение изменений в экономику высшего образования. В меньшей мере затрагиваются вопросы коррекции дисфункций в управлении высшим образованием и так называемой гуманитарной терапии в процессе профессиональной социализации на этапе вузовского обучения. Между тем, значимость этих задач нарастает ввиду роста их значимости в обществе в целом.

Прежде всего беспокоит проблема профилактики и парирования делинквентных отклонений (влияние экстремистских и террористических организаций) и девиационных факторов (коррупция, низкий уровень культуры и функциональная неграмотность в ряде сфер взаимоотношений).

Не претендуя на создание обобщенной картины, касающейся парирования различных девиаций и делинквенций, хочу рассмотреть эту проблему на одном важном прецеденте – формировании антитеррористического сознания студенчества. Будем считать это своеобразным кейс-стади.

Сразу подчеркнем, что актуальность данной проблемы не обусловлена какими-то масштабными проявлениями. Все-таки в лице сту-

денчества мы имеем дело с наиболее образованной и рациональной стратой молодежи.

Тем не менее, и на уровне этой макрогруппы присутствуют смысло-жизненные поиски, стремления к самореализации, желание изведать новые сферы отношений и проявить себя в них и др.

Данная мотивация обусловливает определенные риски, которые влекут в том числе и отрицательные риски для общества, что и требует более пристального отношения к данной теме.

Итак, представляя обозначенную тему, необходимо подчеркнуть, что процесс формирования антитеррористического сознания опирается как на технологии, ориентированные на снятие остроты ситуации, разъяснения политической позиции общества и государства, дезавуацию контропродуктивной и опасной деятельности экстремистов, так и на решение долговременных, стратегических задач, связанных с общественно -направленной и продуктивной социализации студенческой молодежи. В последнем случае, мы ожидаем на «выходе» из вузовской среды не только высокопрофессиональных и компетентных специалистов, но и личностей с гражданской позицией, устойчивыми морально-этическими установками, нацеленностью на защиту безопасности и устойчивого развития общества. Для этого, как подчеркнуто в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», касаясь разработки национального проекта в сфере образования: необходимо «воспитание гармонично развитой и социально-ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций».

Эти задачи мы призваны решать, опираясь на научные разработки, создание специальных программ, подразделений и групп, ориентированных на дезавуацию социально-опасных действий и их последствий экстремистского и террористического характера, их профилактику, мониторинг подобных ситуаций.

Отмечу наш собственный опыт и вытекающие из него рекомендации.

Прежде всего в плане и ситуативной контрпропагандистской работы, и перспективной долгосрочной деятельности, направленной на формирование устойчивого духовно-нравственного иммунитета против экстремистских и контрпродуктивных действий, нужно исходить из реалистически оцениваемой картины действительности.

Мы представляем Юг России, Ростовскую область. В целом на Юге России очень неравномерно распределены источники террори-

стических угроз. Они и динамика их изменений в научном аспекте системно отслеживается Южным научным центром РАН, Национальным центром информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной сфере и сети Интернет, Центром социально-политических исследований ЮФУ, учебно-методическим центром финансового мониторинга и др.

С недавних пор в нашем университете учрежден Институт междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации, разрабатывающий в этой области концепцию данджерологии и систему данджерологических технологий.

Так вот, о чем говорят данные исследований последних 2-3 лет в студенческой среде Ростовской области и Юга России в целом? Несколько фактов[6]. В целом уровень общественной активности студенчества невысок. Лишь 21,4 % участвуют в работе университетских объединений, а на общегородском уровне – менее 10%. Намерение отстаивать свои права в законных формах подчеркивают 44% респондентов, ок. 30% - не демонстрируют этого вообще. Около 6% готовы к активным протестным акциям в любых формах, однако за последние 10 лет этот слой студентов сократился почти вдвое.

Интерес к политике у большинства опрошенных имеет ситуативный характер. Лишь одна треть стараются быть в курсе событий и обсуждают их с друзьями.

Около 90% назвали Интернет основным источником информации о политических событиях. При том, что в интернете весьма активны экстремистские сайты.

Примечателен рост числа студентов, считающих, что вуз должен давать лишь профессиональные знания, а мировоззренческие, поведенческие и иные установки являются частным делом учащихся. И это на фоне того, что за последние 5 лет зафиксировано почти двухкратное ухудшение субъективного социального самочувствия и, по оценкам самих студентов, в 3 раза выросло число студентов, живущих «бедственно, которым приходится недоедать, отказываться от самого необходимого». В то же время отмечен рост индивидуалистических и гедонистических ориентаций студентов. Все это на фоне того, что в полной мере патриотами считают себя чуть более трети опрошенных и каждый пятый не участвует в выборах «по принципиальным соображениям». Приведенные характеристики социально-политического самочувствия студентов вряд ли говорят о серьезных угрозах и намерениях

[6] См. результаты межрегионального социологического исследования на тему «Противоречия и парадоксы социализации студенческой молодежи в условиях транзитивности современного российского общества// http://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=COM/news1/D&params=(p_nws_id=%3E54116)

этой социальной группы, но известные риски здесь имеются. Хотелось бы подчеркнуть, что в контексте приведенных характеристик просматриваются значительные резервы для реализации в полном объеме известного «Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013-2018 гг.»[7]. Прежде всего это касается организации системы мониторинга (и не только социологического) ситуаций, способствующих распространению экстремистских информационных вбросов. Причем речь идет об акциях непрямого характера, в которых поддерживается не всегда обоснованный критицизм, видна акцентуация на неправовых способах воздействия на власть или отдельные социальные группы, а также уверения и «доказательная» база эффективности таких действий. Формируются установки на установление «нужного порядка» или, напротив – анархической дезорганизации. Словом, все то, что объединяется на платформе информационных технологий «мягкой силы», основной вектор которой направлен на ослабление тенденций устойчивого развития современного российского общества и дискредитацию правильности политической позиции его руководства и эффективности его усилий.

Конечно, меры такого ситуативного противодействия и методики их использования известны, разработаны.

Однако они недостаточно сконцентрированы. Можно говорить об актуализации работы Института кураторов – воспитателей студенческих групп и о усилении работы с самими кураторами. Далеко не все, а скорее, немногие из них хорошо информированы, к примеру, об особенностях идеологии салафизма и деятельности суфийских орденов, которые активно используются и преломляются в интересах разжигания террористической активности[8].

Ориентируясь на исключительную привязанность студенческой молодежи к интернет-источникам, следует говорить о создании региональных и федеральных интернет-центров, разрабатывающих и предлагающих нашим вузам электронные продукты (материалы) контрпропагандистской направленности в режиме on-line.

У нашей страны есть большой опыт организации контрпропагандистской работы в условиях «Холодной Войны». Фактически сейчас мы уже находимся в режиме «Холодной Войны 2.0». И настала пора переходить в мобилизационную фазу активных информационных противодействий нашим противникам и конкурентам. Причем мы четко

[7] См. также материалы Всероссийского форума «Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде» в г. Москве 18-19 сентября 2017 года// Вестник национального антитеррористического комитета. 2017 №2(17). С.28-43

[8] См.: Добаев И.П. Основные направления усиления работы по противодействию терроризму в молодежной сфере России в идеологической сфере // Обзор. НЦПТИ. Вып.№2 (13), май 2018. С.27-28.

знаем, что в отличие от периода «Холодной войны», когда основными контрпропагандистскими средствами были газеты, книги, TV, массовые мероприятия, «Холодная война 2» ведется, прежде всего, на базе электронных СМИ. А студенческая молодежь, как наиболее образованная часть молодежной сферы, заземлена на интернетовские источники и группы общения и личностно серьезно (если не абсолютно) индивидуализирована и атомизирована.

Поэтому очень серьезно следует говорить о формировании углубленных подходов к воспитательной стратегии. В условиях вузов речь идет о профессиональной социализации и ее мировоззренческом контексте. Он должен быть сориентирован на формирование устойчивого профессионального и гражданского самосознания и идентичности, создающим иммунитет к политическому экстремизму и, вообще, к социально-политическому бескультурью и маргинальности. Здесь много значимых сюжетов. Но обозначу лишь два из них. Первое. Это касается мировоззренческого контекста, формируемого прежде всего нашим обществоведческим блоком дисциплин. Мы, под воздействием классической и современной западной традиции сориентированы почти абсолютно на просвещенческо-прогрессистские, даже однолинейные подходы в понимании и моделировании социальных, экономических, политических, да и во многом культурных процессов. Конкуренция и конфликт, как механизм прогрессивного развития, практически заглушают другие, не менее важные аспекты развития: преемственность, цикличность, солидарные начала. В этом плане можно говорить о незадействованных и отброшенных ресурсах консервативного мировоззрения. Я не говорю сейчас об идеологии. Но, формируя мировоззренческий контекст устойчивого развития общества во взаимосвязи с природной средой, консерватизм дает более эффективные предложения стратегического характера, нежели либерализм и другие мировоззренческие подходы, абсолютизирующие прогрессизм (например, марксизм).

В нашей отечественной традиции, на уровне мировоззренческих и общенаучных концепций, указанный выше контекст, хорошо разработан и присутствует и в философской, и в литературной, и в научной традиции. Нужно, чтобы он был достаточно и серьезно представлен в мировоззренческом контексте профессиональной социализации в вузе.

Второй сюжет связан с первым и касается подготовки нового поколения учебной, методической литературы, разработки паспортов научных специальностей, образовательных стандартов и других регламентирующих образовательных инструментов и источников.

Несомненно, что по ряду позиций такая работа уже начата. Она должна быть существенно усилена. Речь идет о серьезном присутствии в нашем образовании наших национальных традиций и опыта. Ведь должны же появиться отечественные «Соросы», которые заложат основы национально-ориентированных образовательных стратегий, что в итоге и должно создать необходимую платформу для формирования национально-ориентированного гражданского и профессионального образования и воспитания. А это и будет залогом охранительных социокультурных традиций, препятствующих генерированию экстремизма и терроризма.

Резюмируя сказанное в рамках обозначенного кейс-стади, хотелось бы подчеркнуть не только значимость гуманитарной терапии, но и наличие конструктивных инструментов по ее реализации. Прежде всего ключ к успеху в данном деле зависит от наличия политической воли и профессионализма в подходах к подбору и применению соответствующих гуманитарных технологий.

Старостин А.М.,
докт. полит. наук, проф., директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ)
(г. Ростов-на-Дону)

ФИЛОСОФИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА

Анализируя современный этап глобализации (или формирования новой волны глобализации)[9], обращаешь внимание не только на экономические, политические, аксиологические и социально-экономические видоизменения, но и на изменения в сфере производства идей, смыслов, социально-гуманитарных технологий, касающиеся в первую очередь, субъекта-производителя. Речь идет о новых инновационных центрах и кадрах, которые в них сосредоточены, а также о перестройке всей системы подготовки кадров, направляемых в эти центры. А это прежде всего авангардная часть высшего профессионального образования и аффилированные с ней научные центры, работающие и на разработку новых социально-гуманитарных технологий, и на подготовку новых кадров.

[9] См. подробнее: Старостин А.М. Глобализация современного мира: концептуальная репрезентация. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

В этой сфере генерируются не только новые центры духовного, интеллектуального производства, но и новые концепции, на основе которых формируются новые стратегии, большие проекты и технологии их реализации. Большая их часть направлена на обеспечение развития новых трендов социального и экономического развития, а часть – на опережение, экспериментирование.

Все эти процессы требуют обстоятельного анализа, критического осмысления и оценки рисков, а также поиска балансов между инерционным массивом социального развития и его инновационной частью. Тем более, что технологические, организационные, финансово-экономические ресурсы инновационного развития ныне достаточно велики, чтобы резко сокращать время от рождения новых идей и концепций до их экспериментальной апробации, полномасштабного проектного воплощения и перевода к тиражированию.

В этих условиях крайне важна предварительная экспертная оценка последствий (кратко-, средне-, дальних) и рисков, осуществляемая на комплексной (междисциплинарной, межотраслевой и межсубъектной) основе, методологическую базу которой, с нашей точки зрения, составляет прикладная философия. В данном случае речь нужно вести о философии высшего образования (ФВО)[10].

Нам неизвестны сформированные аналоги ФВО (они пока системно не выражены), но можно говорить, что к ним можно отнести ряд парадигмальных подходов к образованию в целом, наметившихся в области философии образования[11]. К этому нужно добавить парадигму постчеловеческого будущего и трансгуманизма, динамично развиваемую и внедряемую в отечественную социально-проектную деятельность и весьма популярную в западно-глобалистских научно-образовательных кругах[12].

Таким образом, в рабочем аспекте определим философию высшего образования как сферу междисциплинарных исследований и идейную базу для проектных подходов (инноваций), позволяющие выявлять глубинные возможности и потребности когнитивного и социального развития человека в условиях вторичного этапа социализации

[10] См. подробнее авторские разработки: Старостин А.М. Новые модели образования в современном мире: факторы формирования и тенденции развития // Философия права. 2007. № 5; 6; Старостин А.М. Философия и образование // Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009. С. 435-473; Философские инновации и междисциплинарные проблемы современного образования. Сб. научн. трудов. Науч. ред. А.М. Старостин. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2012; Старостин А.М. Философия образования и философско-образовательная инноватика // Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 239-264.

[11] См.: Запесоцкий А.С. Основные парадигмы и модели образовательной деятельности // Философия социальных и гуманитарных наук. – М.: Академ. проект, 2006. С. 484-500.

[12] См.: Четверикова О.Н. Трансгуманизм в российском образовании. – М.: Книжный мир, 2018.

на уровне профессиональной и постпрофессиональной подготовки, а также социальных последствий таких процессов. Иными словами, речь идет об исследовании образовательных процессов в условиях ранней взрослости и возможностях их пролонгирования с корреляциями и поправками на когнитивный потенциал последующих этапов человеческого развития[13].

Данное определение, естественно, не является окончательным, а лишь стартовым. И мы дополним его текстуально в конце материала, либо же оно будет просматриваться контекстуально в рамках предложенного дискурса.

Еще одно суждение связано с предлагаемой парадигмой ФВО. Она базируется на авторской концепции философской инноватики, которая в последнее время была дополнена суждениями о философской альтернативистике и философской диатропике – направлениями, прослеживаемыми в рамках исследовательской деятельности в философии[14]. Большая часть этой исследовательской работы имеет свое пролонгирование в философскую инноватику, реализуемую в рамках алгоритма:

фундаментальные исследования ⟵⟶ прикладные исследования ⟵⟶ разработки

Исходя из алгоритма поисковой деятельности в философской инноватике, следует определить основные параметры познавательной ситуации в рамках ФВО, определить альтернативные векторы образовательной динамики, а также выявить базовые концепты философско-образовательного анализа. Прежде всего речь пойдет об основных проблемных детерминантах, формирующих эту область (ФВО). Остановимся на этом.

В первую очередь необходимо репрезентировать тот когнитивный и социокультурный контекст, в рамках которого динамично изменяется ВО и формируется его новый облик. Поскольку наиболее значимо здесь воздействие научно-когнитивных детерминант, покажем эти изменения в рамках матрицы «Наука – высшее образование: глобальные тренды» (табл. 1).

[13] См.: Сапогова Е.Е. Территория взрослости. Горизонты саморазвития во взрослом возрасте. – М.: Изд-во «Генезис», 2016.

[14] См.: Старостин А.М. Философия в диатрибической и исследовательской проекции (на материале кейс-стади «политическая философия») // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 10.

Таблица 1

Наука – высшее образование: глобальные тренды

Основные этапы развития **Структурные элементы когнитивной матрицы**	**Классический**	**Неклассический**	**Современный**	**Постсовременный**
1. Тип реальности	Онтологически гомогенный мир (онтологический макроцентризм)	Онтологически иерархический мир (микро-, макро-, мегаонтологии)	Онтологически гетерогенный мир (включая виртуальную реальность)	Онтологически информационный мир
2. Модель взаимодействия исследователей с реальностью	O ⇄ S Контролируемый S-том	O – Усл. – S В пределах антропного принципа	S – Усл. – (S – O) S – Усл. – (S – S) S – Усл. – (O – O)	Цифровые сенсоры как прямые интерфейсы, обеспечивающие связи с различными иммерсионными средами
3. Формы фиксации исследовательских результатов	Факт, проблема, идея, теория, закон, фиксированные в чувственных и рациональных формах, отображающие универсальную макрореальность	Первичные данные, факт, теоретическая модель, концепт, дисциплинарная парадигма, дисциплинарная и междисциплинарная картина мира.	Качественная и количественная формализация, алгоритмизированные модели, концепты, дискурсы (дисциплинарные и информационно-компьютерные)	Облачные хранилища оцифрованных данных и баз знаний, сформированных на основе четвертого (по М.К. Петрову) типу кодирования – универсально-междисциплинарно-концептному
4. Используемый научный или инновационный инструментарий	Классические эмпирические и теоретические методы, формальная логика и индуктивная логика	Системы: общенаучная-дисциплинарная методология, научная методика, современная формальная и математическая логика	Языки программирования, методы качественного и количественного моделирования, неклассическая логика	Система синхронизации и интеграции деятельности ментальных анализаторов, опосредованных операционными системами ИИ, включенного в Интернет. Когерентная система разных моделей логики (тождественных отношений, подобия, толерантности, диатропики и др.)
5. Способ репрезентации (укладки знаний)	Научные понятия, научный язык (дисциплинарный и междисциплинарный), научные тексты. Классическая картина мира	Научные тексты, математизированный научный язык, вариативные теоретические модели, неклассическаая дисциплинарная и междисциплинарная картины мира	Компьютизированные тексты и базы знаний, когнитивные карты, динамические и компьютерные модели, фреймы, паттерны	Оцифрованные базы междисциплинарных знаний, базы данных разнопрофильной когнитивной аналитики

Основные этапы развития Структурные элементы когнитивной матрицы	Классический	Неклассический	Современный	Постсовременный
6. Тип управления исследовательской деятельности	Индивидуальная организация поисково-исследовательской деятельности.	Методы планирования и программирования экспериментально-поисковой деятельности и системно-поисковой деятельности	Когнитивный менеджмент	Синхронизация диатропических рядов инновационного развития с помощью и на основе ИИ и ресурсов АИ
7. Основная когнитивная метафора	Машина, часы	Система, органическое целое	Компьютер, искусственный и естественный интеллект	Ноосфера
8. Используемый язык	Философский и дисциплинарный язык классической науки	Математизированный язык специальных дисциплин и междисциплинарный язык	Языки алгоритмизации, программирования и их интерпретация	Компьютеризированный язык, репрезентирующий базовые сегменты информационной реальности
9.Когнитивная дифференциация и специализация деятельности	Дисциплинарно-научная в системе классических фундаментальных наук	Теоретическая и эмпирическая; выделение цепочки: фундаментальные-прикладные исследования и разработки	Инновационные комплексы (типа NBYCS)	Инновационные комплексы, специализирующиеся на основе базовых типов ИИ
10.Концепция истины	Корреспондентная	Корреспондентно-когерентная	Когерентно-интерпретационная	Диатропическая
11. Институциональные формы в системе ВО	Академические, элитные и субэлитные	Сочетаемость академических и профессионально-ориентированных массовых форм ⇄	Сервисно-ориентированные и исследовательские	Непрерывные и неформальные (дополнительные), сетевые и виртуально всеохватывающие
12. Доминирующие образовательные установки	Образование как просвещение, приоритет предметоцентрических знаний	Компетентностно ориентированное образование		Приоритетность междисциплинарных знаний, коммуникативных и поведенческих компетенций
13. Когнитивные установки в системе ВО	Установка на идентификацию картины реальности с самой реальностью	Установка на моделирование и конструирование реальности		Установка на междисциплинарное моделирование реальности и конструирование альтернативной реальности
14. Модель образованности	Академическая	Профессионально-ролевая	Культурно- и субкультурно-ролевые	Информационно-ролевая

Далее следует обозначить альтернативно направленные векторы значимых изменений в развитии современного ВО, образующие фокальные узлы этих изменений: с одной стороны – инновационных, с другой стороны – инерционных.

Вот эти альтернативно направленные векторы:
инновации против традиций
компетенции против знаний
глобальное против национального
проблемное против описательного
самореализация против потребительства
цифровое против смыслового
трансгуманизм против гуманизма
системность против секторности
субъектное против объектного
виртуальное против натурального
иммерсивное против разделенного
сетевое против иерархичного
и др.

Важно также опираться на те базовые концепты философско-образовательного анализа, отталкиваясь от которых можно репрезентировать как общую картину наблюдаемой и конструируемой образовательной динамики, так и выделить в ней инерционные и инновационные секторы. По-существу это категориальная сетка в философии высшего образования. Дабы не переключать внимание на описание данной инструментальной части, мы вынесли ее в приложение к данному материалу.

Суммируя отмеченные позиции, касающиеся средне- и долгосрочных тенденций в развитии научно-ориентированных и образовательно-социализирующих детерминант, следует выделить такие интегрированные тренды, ведущие к ***качественным изменениям образовательных моделей в сфере высшего образования***:

Переход к интегративным, динамическим и эволюционирующим моделям знания (в альтернативе к статичным и предметоцентричным)	Становление «сетевого» общества и «сетевого» человека, живущего в условиях нестационарности и высокой социокультурной динамики	Формирование нового семиотического уровня в мышлении и культуре, преобладание виртуальной реальности в качестве основного предмета деятельности и конструирования

Как преломляются указанные перспективные глобальные тренды в российском социуме и системе высшего образования? Насколько эти системы чувствительны к ним и их востребуют? Это проявляется прежде всего в понимании ВО в отечественном высшем звене социального проектирования и управления.

Несколько положений Pro и Contra, касающихся миссии высшей школы (ВО) как драйвера инновационных изменений в нашем обществе. Каково реальное положение и его соотношение с конструистскими шагами.

Итак, Pro.

1. ВО в России по сравнению с ВО в СССР, т.е. за последние 25 лет, существенно выросло и в абсолютном, и в удельном измерении (число студентов на 1000 чел. населения, число лиц с ВО среди взрослого населения). Это рост примерно вдвое. И, хотя в развитых странах (ОЭСР) эти показатели тоже росли динамично, но ныне Россия по ним входит в первую пятерку стран, что, несомненно, говорит об интеллектуализации и динамичном росте человеческого капитала как драйвера других сфер жизни.

2. Опережающий рост ВО по сравнению с ростом экономики, сферы услуг, строительства, транспорта и других сфер позволил кардинально переформатировать структуру экономики и преодолеть посути вечный разрыв, существовавший в СССР между сферой производства и потребления. Наиболее значимый вклад здесь внесла сфера ВО, обеспечив компетентную, профессиональную поддержку модернизации экономической, политической, культурной сфер и вхождения РФ в мир рыночных отношений и демократии.

3. Реструктуризация системы ВО, появление в ее составе нового типа вузов – исследовательских, опорных, инновационного профиля университетов позволило переместить часть научно-образовательного потенциала из сферы ВПК, производственно-промышленных отраслей в другие отрасли и существенно изменить инновационный потенциал ряда непроизводственных отраслей, определяющих процессы перехода к постиндустриальному, информационному обществу (СМИ, информационные технологии, медицина, фармацевтика, культура и образование, управление).

4. Отечественное ВО в ее авангардной части позволило подготовить значительную часть специалистов и ученых, которые смогли переместиться в развитые страны для работы и освоения новых технологий, продолжения образования, научных исследований в более продвинутых отраслях, нежели в России. Зарубежный обмен в сфере образования и науки увеличился многократно. Удалось восстановить и

экспортный потенциал ВШ в части подготовки специалистов из зарубежья.

Несмотря на вхождение в поле международной конкуренции в области профессиональной подготовки отечественная ВШ, перестраиваясь под принятые международные стандарты, входит в глобальную систему ВО, занимая во многом конкурентосопоставимые позиции в первой десятке экономик мира.

5. За счет развития научного и интеллектуального потенциала ВШ, вкупе с ресурсами РАН за последние 30 лет удалось во многом реконструировать реальную картину развития России в XX веке, да и скорректировать в сторону большего реализма и аутентичности маркеры и образы, поддерживающие историческую память России в целом, что позволяет восстановить ее цивилизационную идентичность.

Конечно, перечисленные позиции могут быть пополнены, но в целом тенденции, раскрывающие потенциал указанной миссии российского ВО, в его позитивном, конструктивном измерении достаточно понятен. Но необходимо сопоставить изложенные позиции в альтернативном измерении. Без этого, т.е. без анализа позиций contra в тех же измерениях, не будет до конца ясно: насколько достаточны, полны, эффективны шаги в данном направлении и какие здесь есть риски?

Итак, доводы Contra:

1. Динамичный количественный рост системы ВО, действия по принципу «разрешено все, что не запрещено» привели к резкому преобладанию частных вузов и филиалов, дающих т.н. «легкое образование», а то и простую его имитацию. Оказались сбиты, сломаны достаточно высокие по мировым стандартам требования к качеству российского образования и специалистов. До 80 % выпускников к началу 2010-х гг. не соответствовали требованиям ВО. Появился обширный слой функционально неграмотных специалистов. Понадобились огромные усилия, предпринятые в последние 8-10 лет для реорганизации и упорядочения системы ВО, дабы она хотя бы на уровне ведущих 15-20 % вузов стала соответствовать стандартам ВО. Объем «производства» специалистов с ВО многократно превышает потребности современной российской экономики. Выпускаемые специалисты лишь на 20-25 % востребованы и работают по специальности. Произошла перестуктуризация и переакцентировка базовых функций ВО, когда на ведущие места выдвинулись функции общегражданской и культурной социализации студенческой молодежи вместо функций высшей профессиональной подготовки. ВШ и поныне, хотя и в меньших масштабах, нежели в 90-х – начале 2000-х гг. выполняет социально-

компенсаторную функцию, парирующую пагубные последствия массовых процессов социальной маргинализации.

2. Опережающий рост социально-гуманитарного, юридического и экономического образования оказался существенно избыточным и серьезно повлиял на представленность в ВО инженерно-технических и естественнонаучных специальностей и секторов образования и науки, что стало сдерживать и тормозить развитие инновационных процессов в российской экономике и повлекло существенную сдачу позиций и представленность на мировом рынке в части высокотехнологических и инновациоых продуктов. Рядом энергичных шагов эти тенденции сокращены. Но образовавшиеся разрывы между реальной экономикой, ВО и наукой пока не устранены, что не позволяет России занять свое место на рынке инноваций.

3. Доля инновационного образования в системе российского ВО находится на уровне 10-15 % от числа вузов и их выпускников, что недостаточно для обеспечения ускоренного перемещения специалистов новой формации согласно выдвинутых амбициозных программ экономического развития России на кратко- и среднесрочную перспективу. К тому же часть наиболее подготовленных выпускников уезжают зарубеж. Сказывается тормозящим образом и не вполне адекватная российским условиям американизированная модель взаимодействия науки и ВО. Наш позитивный опыт в этом плане отодвигается на задний план и блокируется под влиянием западноориентированного экспертно-управленческого сообщества.

4. Экспортный потенциал современной системы ВО пока уступает советскому, ввиду существенно сократившейся высокоиндустриальной и инновационной части экономики, которая создавала и должна создавать значительные экспортноориентированные ниши для российской промышленности и системы высокопрофессиональной подготовки и переподготовки зарубежных студентов и специалистов.

5. Деятельность системы ВО по созданию культурно-мировоззренческого и социокультурного контекста в высокопрофессиональном образовании далека от полноты и пока значимо зависит от ценностной, нормативной, методической оснастки системы ВО западноориентированных образовательных норм, стандартов, учебников, методологических и методических парадигм в гуманитарной подготовке студенчества, что поддерживает состояние если не разрывов и бикультурных парадигм, то ориентаций на подходы, не соответствующие отечественной культурной идентичности. И поддерживает альтернативные механизмы гражданской и цивилизационной социализации.

Резюмируя сказанное об альтернативных проявлениях в инновационных и инерционных трендах и их балансе в системе отечественного ВО, как думается, этот баланс находится в состоянии «полупозишен» с перспективой перехода в состояние лидера, драйвера инновационных сдвигов нашего общества и с удержанием основных ориентиров и мотивов на реализацию стратегических национальных интересов и защиту национальной безопасности.

Приложение

Базовые концепты в структуризации стратегий и сценариев развития высшего образования в условиях современной глобализации:

– образовательная социализация;

– образовательные субкультуры и культурно-образовательные системы;

– когнитивно-образовательные модели и кластеры;

– уровни и форматы когнитивной идентичности;

– образовательная стратификация;

– научно-экспертные и экспертно-образовательные системы и институты;

– сильно-, средне- и слабоструктурированные образовательные системы;

– контекстуальное измерение образования;

– инновационные технологии в образовании;

– инерционные технологии в образовании;

– альтернативные системы и средства (инструменты) в образовании;

– образовательные интерфейсы;

– иммерсивные образовательные среды;

– сетевые системы в образовании.

Ильин И.В.,
докт. полит. наук, проф.,
декан факультета глобальных процессов МГУ
им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

Урсул А.Д.,
докт. филос. наук, проф., руководитель Центра
глобально-экологических исследований
факультета глобальных процессов МГУ
им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА ОТ НЕУСТОЙЧИВОГО К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ «СОЦИУМ – ПРИРОДА»

Авторы исходят из того, что между конкретным обществом (как целым) и его образованием (как частью) существует взаимосвязь, зависящая от типа общества и его взаимоотношений с природой. Образование находится между обществом и его частью – наукой, которые по-разному влияют в определенные периоды времени. Появление образования как специально выделенного социального института и процесса было вызвано потребностями общества, и оно фактически возникло вместе с научными знаниями.

Со времен неолитической революции можно выделить два типа общества, причем не по формационному либо социотехнологическому принципам, а в связи с переходом к устойчивому развитию (УР). Развитие цивилизации в этом смысле можно разделить на неустойчивое развитие (НУР), которое было в прошлом и в острой форме проявляется в настоящее время, и на пока гипотетическое, виртуальное устойчивое будущее, которое мы связываем с его уже предвидимой «конечной» целью – становлением ноосферы. Между реальной и виртуальной формами цивилизационного процесса должна быть переходная форма, которая официально началась с декады 2005-2014 гг. и завершится, скорее всего, уже не в этом столетии, а в будущем, когда будет достигнута цель – формирование глобальной устойчивой информационной цивилизации.

Модель НУР в ее малодинамичной форме, которую нередко именуют традиционалистским обществом, характеризуется незначительными темпами и масштабами перемен и инноваций. В таком обществе образование, в какой бы форме оно ни существовало, в основном выполняет функцию передачи традиций, знаний, умений – в более общем случае уже существующей культуры от одного поколения к другому.

И такое трансляционно-традиционалистское понимание образования фактически сохранилось вплоть до наших дней, особенно в развивающихся странах, но не только в них. В этот период образование наиболее сильно зависит от общества и, по сути, с существенным запозданием отображает его основные черты и динамику.

Однако эпоха перемен во взаимоотношениях в системе «общество-наука-образование» наступила, когда в последние столетия произошло становление техногенно-индустриальной цивилизации, которая с полным правом может также именоваться моделью НУР несмотря на то, что принципы природопользования (приведшие к неустойчивости) начали формироваться со времен перехода к производящему хозяйству. Завершающий этап модели НУР (а для мирового сообщества – современный) оказался сползанием к планетарному антропоэкологическому кризису, а в случае продолжения этого типа цивилизационного развития – даже к глобальной катастрофе с весьма трагическим финалом для человечества.

Образование на этом этапе уже не может ограничиваться своей инерционно-трансляционной функцией (передачи прошлого в настоящее), ибо перемены идут быстрее усвоения знаний живущими поколениями. Научные знания и иные формы культуры, функционирующие в образовании, оказываются устаревшими и малопригодными для борьбы с кризисными явлениями и защитой от все умножающихся угроз и опасностей. На этапе завершения модели НУР и перехода к новой цивилизационной стратегии образование также испытывает глобальный кризис и раздирается противоречиями, о которых шла речь в работе.

Переход к новым моделям образования вызывается не только экологическими соображениями и другими факторами, но и следующими темпоральными обстоятельствами и противоречиями развития самого образования. Мировой образовательный процесс оказался чреват противоречием, проявившимся в двух основных аспектах. Во-первых, образование, нередко мыслимое как передача знаний, ценностей, культуры и т.д. от прошлых поколений к настоящим, оказалось неспособным удовлетворить потребности современной жизни. Слишком много традиционного, «устоявшегося» и, тем самым, устаревшего циркулирует в школе и вузах. Знания прошлого и *о* прошлом не могут удовлетворить современное и тем более будущее человечество в условиях, когда объем научной информации удваивается менее чем за год.

Во-вторых, современное образование вступило в кардинальное противоречие не только с настоящим, но и с будущим. Не обеспечивая социальные потребности живущих в настоящее время поколений людей, мировая образовательная система фактически игнорирует будущее,

находя свое «комфортабельное» существование в «воспоминаниях о прошлом» и обучении прошлому. Почти все образовательные учреждения, системы и процессы не ориентированы на будущее, на создание того его образа, который обеспечит выживание человеческого рода в настоящем, а тем более в отдаленном будущем.

Система знаний и ценностей, функционирующая в образовании, не адаптирована к тому будущему, которое может устроить как все человечество, так и отдельного человека. Такая система будет все больше отставать от настоящего и, тем более, не позволит решать проблемы выхода из углубляющегося глобального кризиса, не гарантирует после обучения человеку адекватно реагировать и жить в быстро меняющихся условиях. Образование как глобальный процесс должно в своем современном развитии «предвидеть» и определенным опережающим образом реагировать на потребности грядущих поколений людей, которые еще не появились и не участвуют в принятии решений своих предков.

Но речь идет не только о современных и будущих поколениях людей, важно учитывать и «интересы» природы и, прежде всего, населяющих биосферу Земли живых существ. Все, что было сказано о современных и будущих поколениях в системе образования, в известной мере относится и к природе, окружающей человека среде и используемым и потенциальным природным ресурсам. На образование довольно существенно влияет и природа: вот почему отмеченное выше основное противоречие мирового образования носит не просто социальный, а, в сущности, социоприродный характер. Можно сказать, что ныне существующая система образования не «устраивает» ни общество, ни природу, она углубляет системный кризис цивилизации и способствует ускорению деградации биосферы.

Таким образом, во всех сферах деятельности будет проявляться противоречие, которое характерно в существенно большей степени для XXI в., чем для предыдущего. Речь идет о противоречии между предлагаемой новой моделью развития – УР и старой – моделью НУР, в которой мы по инерции продолжаем жить и действовать. Это противоречие, вполне естественно, затрагивает и науку, и образование, которые уже не удовлетворяют потребности настоящего и тем более – будущего, продолжая углублять глобально-экологический кризис и обострять другие глобальные проблемы.

Ныне существующая система образования, как, впрочем, и наука, не могут эффективно «работать» на переход к УР, ибо они – результат НУР. УР как инновационная социоприродная форма развития, ориентированная на будущее, кардинальным образом изменяет все сферы

деятельности людей, в том числе науку и образование. Если в традиционном видении образования как трансляции знаний от прошлых поколений к настоящим выпадают из поля зрения будущие поколения и окружающая природная среда, то ситуацию надо коренным образом изменить. В образование должен «вторгнуться» фактор будущего, в частности – будущих поколений, от которых мы также должны «черпать» вероятностно-гипотетическую информацию (в своем прогнозировании и моделировании будущего). Только в этом случае появляется возможность становления образования в интересах УР. Это совершенно новая проблема для образования, и важно уже сейчас ее правильно поставить и начать решать.

Совершенно очевидно» что образование, ставшее атрибутом человеческого существования и развития, надо переориентировать на новые общечеловеческие цели и ценности III тысячелетия, соответствующие новой цивилизационной парадигме. А такая переориентация меняет смысл образования, его роль в жизнедеятельности людей. До сих пор образование в основном характеризовалось как процесс и результат усвоения человеком систематизированных знаний, навыков, умений, опыта, культуры прошлых поколений, их передачи последующим поколениям. Так, в Законе «Об образовании в Российской Федерации» понятие образования определяется как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»[15].

Фактор будущего в таком понимании отсутствует, но если это так, то и «обучение прошлому» мало способствует формированию «будущего, которого мы хотим». Для последующих, особенно трех-четырех поколений, потребуются прежде всего знания и ценностные установки о выходе из мирового кризиса, выживании цивилизации и переходе к УР и ноосферогенезу.

Поэтому в начале III тысячелетия все еще продолжается интенсивный поиск новых моделей образования, которые могли бы удовлетворять потребности не только нынешних, но и будущих поколений землян и всего человечества, поставившего гуманистическую цель

[15] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (Статья 2). URL: http://base.garant.rU/70291362/l/#btock_1000

своего выживания и сохранения окружающей природной среды. Одну из основных новых моделей образования мировое сообщество в основном связывает со стратегией УР, причем основные черты этой модели должны сформироваться уже в ближайшие десятилетия XXI в.

Прогнозирование грядущего, формирование основных черт будущего образования всегда характеризуются неопределенностью, и от нас самих зависит возможность снижения этой неопределенности, по крайней мере, пока теоретически, ориентируясь на некоторые общие идеи. Одной из таких общих и принципиально важных идей является видение будущего в ракурсе перехода в XXI в. к глобальной устойчивости. Такой переход оказывается тем нормативным прогнозом, на который после Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. в Рио-де-Жанейро ЮНСЕД ориентируется все мировое сообщество и прежде страны, входящие в ООН.

Будущее образование должно выступать в качестве приоритетного и опережающего фактора перехода всех видов деятельности, их переориентации на новые цивилизационные цели. Ведь любой практической деятельности по переходу к УР должна предшествовать деятельность по осознанию ее целесообразности и необходимости. Вот почему наиболее приоритетной проблемой перехода к новой цивилизационной стратегии развития следует считать формирование человека нового типа, готового и способного действовать в кризисно-динамичных условиях, планировать и прогнозировать свои действия и всего общества, оценивать последствия его воздействия на природу.

Эту цель выживания человечества, его устойчивого развития на нашей планете и за ее пределами призвано реализовать развертывание образования в интересах УР. Один из важных ракурсов видения этого процесса перехода к УР – это его принципиально социоприродный характер, который направлен на гармонизацию системы «человек-общество-природа». И образование в интересах УР также будет приобретать черты этой «социоприродности», формируя человека XXI в. как центрального и самого активного элемента в формирующейся социоприродной системе коэволюции.

Причем решение социально-экологических проблем необходимо соединить с решением других, как глобальных, так и иных проблем, и эту идею необходимо воплотить в самой системе образования. Это касается прежде всего все большего включения в социально-гуманитарное образование основ и элементов экологического и естественно-технического образования и развертывание гуманитарно-экологической проблематики, что сейчас реализуется в ряде вузов России. Этими же идеями руководствуются ЮНЕСКО, ЮНЕП и другие

международные организации, которые связывают инвайронментальное образование с идеями и практикой перехода к глобальной устойчивости, причем уже в 2005 г. в рамках ЕС принята Стратегия Европейской экономической комиссии ООН для образования в интересах УР.

В этой Стратегии справедливо подчеркивается, что для того, чтобы этот тип образования эффективно вошел в программу дальнейших преобразований, ориентированных на построение более устойчивого общества, само образование должно быть кардинально перестроено. ОУР сейчас видится в качестве одного из ключевых механизмов достижения ЦУР, тех новых 17 глобальных целей устойчивого развития, которые были приняты на Саммите по УР 70-й Генеральной ассамблеей ООН, утвердившей Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года. Принята и реализуется также Глобальная программа действий по ОУР, и основные концептуальные контуры и векторы этой перестройки мы попытались очертить в работе.

Модель образования современного общества будет постепенно сменяться новой моделью, которую уместно назвать переходной, или антикризисной. Переходной – потому, что должна идти смена моделей развития, антикризисной – потому, что образование должно включаться в общий процесс выхода из глобальных кризисов и перехода к УР. И было бы странно считать, что антикризисное управление и соответствующие действия на всех уровнях появятся вне зависимости от общей антикризисной направленности переходного образовательного процесса.

Именно в этот непростой для цивилизации и мирового образования период на первый план выступают в образовании функции адекватного реагирования на вызовы и угрозы, особенно глобальные, т.е. обеспечение безопасности в любом ее виде (а не только экологической или, например, информационной). Трансляционная функция образования уходит на его периферию, а на приоритетное место выдвигается созидательно-творческое, инновационно-развивающее начало, способствующее принятию решений по выходу из кризисных ситуаций и выживанию. Акцент смещается из области усвоения знаний и формирования компетенций в область развивающего и опережающего мышления, сферу образовательно-исследовательского творчества – овладения методами принятия решений и антикризисного моделирования.

Глобальные трансформации образовательного процесса должны будут идти по ряду направлений, но имеет смысл выделить некоторые из них – приоритетные и уже достаточно очевидные. На наш взгляд, образование должно как можно быстрее включать в свое содержание все наиболее общее и фундаментальное, транс- и междисциплинарное, не дожидаясь, пока это знание «установится» и тем самым существенно

устареет в условиях все усиливающегося информационного взрыва. Это означает, что образование должно стать не просто процессом трансляции устаревшей информации (знаний, опыта, умений, навыков, ценностей, культуры и т.д.), а в полном смысле инновационным процессом, воспринимающим новую информацию как через науку, так и нововведения из окружающей социальной и природной среды.

Говоря о будущем образовании как инновационном процессе, мы имеем в виду, что новая содержательная информация также будет генерироваться в самом образовательном процессе, а не только в науке, которая затем передаст его образованию. Речь, естественно, идет не просто о том, что новое более общее и фундаментальное знание получает обучающийся (оно для него ново по определению), а это новое должно возникать в процессе взаимодействия учителя и учащегося, а также их взаимодействия с окружающим миром.

Образование, мыслимое как непрерывный инновационный процесс, должно будет не только модернизироваться, но и футуризироваться, становиться опережающим образованием, не отстающим от современной жизни, а эффективно прокладывающим путь в наше общее глобальное будущее. Опережающее образование в определенном смысле тоже оказывается «дистанционным» образованием, но уже не в пространственном, а во временном измерении.

В результате будет формироваться принципиально новый тип образовательного процесса – инновационно-опережающее образование. Образование, впитывая знания ноосферно-ориентированной науки, постепенно будет преобразовываться из консервативно-отстающей системы в систему опережающую, ибо только такая информационная система и сможет обеспечить выживание человеческого рода. Только умея предвидеть и прогнозировать, можно будет реализовать комплекс превентивных, упреждающих действий, направленных на выживание цивилизации и ее дальнейшее существование в пространстве и времени. А это и является фундаментом опережения коллективным сознанием человечества его планетарного и космического бытия. Только в этом случае неустойчивое, чреватое катастрофами бытие цивилизации уступит место направляемой опережающим разумом социоприродной эволюции ноосферной ориентации.

Вместе с тем неопределенность грядущего существенно снижается при видении вектора цивилизационного процесса в ноосферном направлении. Модель опережающего образования XXI в., основанная на стратегии устойчивого развития цивилизации (основные принципы которой были предложены в России), не будет транслировать из поколения в поколение неустойчивый образ жизни населения планеты,

общечеловеческие, но уже архаичные ценности, знания и умения, приближающие глобальную экокатастрофу. Становясь темпорально-непрерывным и всеобще-глобальным, образование будет передавать нынешнему и будущему поколениям информацию и ценности, направленные на выход из антропоэкологического кризиса, на выживание человечества, становление глобального информационного общества как первой ступени сферы разума.

Включение функции опережения наряду с передачей знаний меняет само понимание, а значит, и определение понятия «образование». Образование с этой точки зрения – это не только трансляция знаний и других форм культуры от прошлых поколений к нынешним и будущим, но и опережающая подготовка человека и всего человечества к превентивным действиям по переходу на стратегию устойчивого развития, целью которого становится формирование сферы разума, обеспечивающей выживание цивилизации и сохранение биосферы.

Саямов Ю.Н.,
докт. полит. наук, проф., зав. кафедрой
ЮНЕСКО факультета глобальных
процессов МГУ им. М.В. Ломоносова
(г. Москва)

НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕСТРОЙКИ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Новый этап в развитии глобальных процессов существенно меняет не только картину международных отношений и ее ценностные основания, но и требует новых подходов в образовательной деятельности, ориентированной не только на подготовку профессионалов нового поколения в сфере международной политики, но и изменение ориентиров в общегуманитарной подготовке всех специалистов. Однако возникает вопрос о подоснове такой переориентации – об эволюции внешнеполитической картины мира.

Конечно, здесь уже сложились и предъявлены разные варианты, построенные на фундаменте прежде всего цивилизационно разных интересов и ценностей, отражающих продолжающееся движение к многополярному глобальному миру. Мы остановимся на отечественном российском подходе. При этом подчеркнем геополитический и аксиологический аспект такого видения[16].

[16] Полная версия нашей концепции изложена в монографии: Саямов Ю.Н. Международные отношения в контексте глобальных процессов. – М.: Известия, 2018.

Геополитический аспект перестройки современной системы международных отношений

Конец эры биполярности означал, наряду с прочим, что кардинально изменившееся положение дел в мире потребует разработки новых внешнеполитических подходов, стратегий и концепций. Это касалось практически всех основных игроков на мировой арене, если не всех государств вообще, формирующих собственную внешнюю политику.

В первой половине 1990-х годов на Россию было развернуто массированное наступление Запада в вопросе о расширении НАТО на Восток.

Расширение НАТО на Восток уже было для Запада решенным делом, и остановить его Россия возможности не имела. Стремясь во что бы то ни стало добиться для себя односторонних преимуществ, Запад невольно заставил Россию задуматься о цене и истинном смысле «западной дружбы», в объятия которой она так неосмотрительно бросилась, наивно поверив «другу Биллу» и другим «друзьям», искавшим в этой «дружбе» только собственные интересы и выгоду. Осознание своекорыстия и расчетливости «западной дружбы» стало ширящимся глобальным процессом.

Подписавший 30 мая 1995 года на саммите НАТО в голландском Нордвейке соглашение о присоединении России к программе НАТО «Партнерство ради мира» (ПРМ) министр иностранных дел России Андрей Владимирович Козырев 5 января 1996 года был отправлен в отставку. Период безоглядного следования России в фарватере вашингтонской внешней политики завершился. Назначенный вместо него академик Евгений Максимович Примаков вступил в решительную борьбу против расширения НАТО на Восток и, не имея возможности остановить этот процесс, добился его определенного ограничения на российских условиях. Формируя независимую внешнюю политику России, Примаков последовательно выступал против диктата Вашингтона и американской «свободы рук» во внешней политике. Новая концепция независимой внешней политики России, ориентированной на национальные интересы страны, получила название «разворота Примакова», после того, как в 1999 году, направляясь с визитом в США, он распорядился развернуть самолет над Атлантикой в обратную сторону, когда узнал, что США начали бомбить Югославию.

Становление и применение американской «концепции нового интервенционизма» произошло в период и под эгидой президента Клинтона, который в ноябре 1996 года был избран на второй срок. Она предполагала, что наряду с операциями по поддержанию мира (peacekeeping operations) могут осуществляться также операции по принуж-

дению к миру (peace-enforcement operations). В стратегию национальной безопасности США было включено положение о «новом интервенционизме» (new interventionism), подразумевавшее право США и их союзников на вмешательство во внутренние дела других стран в гуманитарных целях. Появился термин «несостоявшиеся государства» (failed states), под которыми понимались страны, не способные обеспечивать мир и порядок на собственной территории. Вмешательство в их дела администрация Клинтона считала целесообразным проводить в контексте деятельности ООН, но допускала и самостоятельные акции в обход ООН с участием НАТО.

Концепция «нового интервенционизма» была применена при участии ООН в Сомали в 1993-1994 годах, где операция завершилась провалом. Более успешным оказалось американское вторжение на Гаити в 1994 году, когда удалось вернуть к власти свергнутое военной хунтой правительство во главе с возвращенным из американской эмиграции католическим священником Жаном Бертраном Аристидом.

Вмешательство в Либерии, где шла гражданская война, и в Сьерра-Леоне, которая оказалась в зоне распространения либерийского конфликта, ограничилось со стороны США предоставлением материальной помощи, в то время как основную работу взяли на себя миротворческие контингенты Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) в Либерии, и ООН – в Сьерра-Леоне.

Действия администрации Клинтона ввели посредством создания ряда прецедентов «новый интервенционизм» в практику международных отношений. В 2008 году понятием «принуждения к миру» воспользовался президент России Дмитрий Анатольевич Медведев для обозначения действий Российской Федерации по сдерживанию агрессии Грузии против Южной Осетии и размещенных на линии разграничения миротворческих сил.

Однако применение концепции «нового интервенционизма» в отношении Югославии без мандата ООН, но с участием НАТО и с применением массированных бомбардировок, повлекших жертвы среди мирного населения, не имело достаточного обоснования и было расценено в мировом сообществе как международный разбой и произвол распоясавшегося гегемона. Такое развитие событий еще недавно было бы невозможным в условиях сдерживающей силы биполярности.

События в бывшей Югославии и вокруг нее усилили атмосферу нестабильности в Европе и опасения государств в отношении собственной безопасности на фоне действий США и растущей мощи объединенной Германии. Последняя ведь тоже могла бы однажды последовать примеру заокеанского глобального гегемона и сама предъявить

претензию на ведущую роль на своем континенте. Россия осудила агрессию США и НАТО против Югославии.

Вместо принципа нерушимости национального суверенитета инициаторы агрессии пытались утвердить принцип избирательной легитимности, подразумевавший, что в отношении отдельных государств может допускаться принудительное ограничение их суверенитета силой.

Принцип избирательной легитимности, неоднократно примененный впоследствии США и их союзниками в отношении таких независимых и вполне состоявшихся богатых государств, пак Ирак, Ливия и Сирия, утвердил в глобальном масштабе опасную практику, угрожающую любому государству, которое не сможет себя защитить причинением агрессорам неприемлемого ответного ущерба.

Выбор стран, подвергшихся агрессии, лежит на поверхности. Югославия мешала Западу как мощная сила на Балканах, занимавшая к тому же третье место в мировой торговле оружием н военным снаряжением. Ирак, Ливия и Сирия располагали огромными запасами нефти, к которым Запад получил доступ в результате агрессии.

Не следует в этой связи удивляться ускоренному перевооружению России и сетовать на тяжесть расходов на оборону, которые могли бы быть направлены на другие цели. Это сегодня – цена выживания независимого государства, располагающего огромными природными богатствами, на которые открыто зарятся хищники, желающие ими обладать.

Сравнительный анализ в глобальном измерении российских базовых внешнеполитических документов от первой пост-биполярной концепции внешней политики России в период министра Козырева от 23 апреля 1993 года, к концепции Примакова от 7 мая 1997 года, первой концепции Путина от 28 июня 2000 года, концепции Медведева от 12 июля 2008 года, концепций нового президентского периода Путина от 12 февраля 2013 года и от 30 ноября 2016 года четко показывает движение России к ее возвращению на позиции и утверждению в роли ведущей великой мировой державы, на которые она впервые вышла после Северной войны в 1721 году.

Мировой порядок и его перспективы

Разрушение СССР, системы социалистических стран и их союзников из числа развивающихся государств, предпринятое изнутри советской сверхдержавы в отсутствие против нее какой-либо военной агрессии, означало развал прежнего Ялтинско-Потсдамского мирового устройства. На его руинах возникал новый миропорядок впервые не после мировых войн, а в результате фактического самоуничтожения одного из двух полюсов существовавшего до этого биполярного мира. В складывавшемся новом мироустройстве сохранялась ключевая роль

Организации Объединенных Наций, созданной после Второй мировой войны и утвердившейся в качестве универсального объединения государств – основного элемента системы международных отношений, хотя предпринимались попытки под флагом реформирования размыть ее значение и изменить функции.

Резкое усиление позиций США в мире после самоликвидация СССР обусловило попытку США создать мировой порядок под американским господством. Примерно в течение десяти лет после краха биполярности США удавалось удерживать мир в формате своего однополярного доминирования, пользуясь отсутствием противовеса, способного уравновесить их влияние. Действия США на мировой арене объяснялись ими как естественный процесс глобализации.

Новый порядок формировался в условиях коммуникационной революции, возникновения информационного общества и быстрого распространения по всему миру информационных технологий и средств связи, что делало в техническом плане возможным достижение глобального управления и манипуляции общественным сознанием в мировом масштабе. Экономические процессы, обретавшие характер глобальных взаимосвязей и взаимозависимостей, повысили роль транснациональных участников международных отношений. Глобализация по-американски имела своей целью проникновение в национальные экономики и политические структуры и размывание суверенитета государств в вопросах принятия ими экономических и политических решений с тем, чтобы сделать их более открытыми для американского влияния и, в конечном счете, более зависимыми от США. Американская дипломатия, обслуживавшая задачу обеспечения для своей страны глобального лидерства, действовала по трем новым направлениям в дополнение к традиционной деятельности. Она умело использовала после терактов 11 сентября 2001 г. волну международной солидарности против терроризма, а также проблему распространения оружия массового поражения и других глобальных вызовов и угроз для достижения своих целей. Стремясь обосновать свои претензии на глобальное лидерство, США обратились к растущему потенциалу малых и средних государств, предлагая себя в качестве защитника их суверенитета и интересов перед лицом угроз, которые якобы могли возникнуть со стороны других держав – России и Китая, в первую очередь. И, наконец, США, используя опыт Советского Союза, задействовали фактор неправительственных организаций и использования «мягкой силы», то есть привлекательности вместо принуждения, для переформатирования в свою пользу общественных настроений в целевых государствах и обработки национальных элит. При этом совершен-

ствовалась практика выращивания протестных движений и создания почвы для разного рода «цветных» и «бархатных» революций, той или иной «весны» по отработанным американским шаблонам и сценариям.

США отдавали себе отчет в том, что американское лидерство в оболочке глобализационного проекта может быть осуществлено только при обеспечении определенных условий для этого. В политическом плане было необходимо добиваться отмены в той или иной форме права вето, которым располагают при принятии решений в Совете Безопасности ООН его постоянные члены. Для реализации этой задачи США предпринимали попытки соответствующего реформирования ООН, которые, однако, несмотря на настойчивость, не увенчались успехом американской дипломатии. Этой же цели была призвана послужить инициатива занявшего президентское кресло в 2017 году республиканца Дональда Трампа, предложившего в сентябре 2017 года в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН принимать решения в Совете Безопасности ООН простым большинством голосов.

В военном плане ставилась задача добиваться сокращения ядерных потенциалов и обычных вооружений России, а также Китая и других возможных конкурентов до уровня, не представляющего опасности для США. В экономическом плане было необходимо сохранять «Вашингтонский консенсус» как основу для выстраивания национальных экономик на принципах, навязанных США.

Аксиологический аспект перестройки системы современных международных отношений

Говоря о ценностях и смыслах международных отношений, важно отметить, что понятие ценности является фундаментальным для мирового сообщества и международных отношений.

В Декларации Тысячелетия ООН, принятой резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года, в разделе «Ценности и принципы» заявляется о «решимости установить справедливый и прочный мир во всем мире» и отмечается, что существенно важное значение для международных отношений в XXI веке будет иметь ряд фундаментальных ценностей». К ним относятся свобода, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе и общая обязанность по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, а также устранению угроз международному миру и безопасности, которая «должна разделяться между народами мира и осуществляться на многосторонней основе» при центральной роли ООН как наиболее универсальной и самой представительной организации в мире[17].

[17] www.un.org Резолюция 55/2 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 сент. 2000 г. Декларация Тысячелетия.

Наряду с наукой о ценностях – аксиологией в современном политическом и научном дискурсе существует понятие аксиополитики – науки о соотношениях между политикой и духовными ценностями[18], используемое также применительно к геополитике и международным отношениям. Можно утверждать, что аксиополитика всегда так или иначе ориентирует геополитику, поскольку геополитика зависит, в том числе, от господствующей системы ценностей.

Прослеживая эволюцию международных отношений с древности и до наших дней, нельзя не отметить, что в бесконечных войнах и завоевательных походах с целью обретения материальных ценностей – богатств, территорий, людских и природных ресурсов, складывалось понимание высшей экзистенциальной ценности для человечества – мира как состояния без войны и сопутствующих ей жертв и разрушений. Мир ipso facto становился терминальным смыслом конфликта.

За временем открытия Америки, колонизации и возникновения новых государств последовала эпоха геополитических систем международных отношений, начиная с создания Вестфальской в 1648 году и до распада Ялтинско-Потсдамской в 1991 году, после чего мир вступил в период формирования новой модели.

Сегодня существуют разные точки зрения на возникновение Вестфальской системы международных отношений и ее последующую эволюцию. В то время как одни продолжают считать принципы Вестфаля эталоном отношений между государствами, другие утверждают, что глобализация привела к размыванию суверенитета государств и вместе с этим – к кризису международных отношений на принципах Вестфаля, на смену которым должны прийти некие другие ценности.

При этом Соединенными Штатами Америки открыто проводится политика ограниченного суверенитета, под которой понимается право вмешательства во внутренние дела других государств, развязывания против них военных действий и вооруженного вторжения на их территорию, если от них якобы исходит угроза для США и мирового сообщества или существует острая необходимость гуманитарной интервенции в целях обеспечения прав человека.

Примат института прав человека над институтом суверенитета, который самым активным образом продвигается США и их союзниками, и использование международного гуманитарного права для существенного ограничения власти государства над его гражданами опасно размывают принцип суверенности государства.

[18] Предложено И.Н. Андрушкевичем, русским философом и политологом в Аргентине. (прим. автора).

Одновременно происходит становление сетевого сверхгосударства – Евросоюза, которое последовательно и целенаправленно преодолевает синдром национального государства, усматривая в этом суть и основное содержание европейского интеграционного проекта. Давление руководства Евросоюза на государства-члены в пользу этого проекта уже привело к выходу Великобритании и к растущему недовольству других участников.

На практике один из основных принципов современного международного права, которым является принцип самоопределения народов и наций, нередко вступает в противоречие с двумя другими основными принципами – принципом суверенного равенства государств и принципом территориальной целостности государств. В современном мире растет количество так называемых «несостоявшихся» государств, которые, запутавшись в международных долгах, кредитах и обязательствах, практически все более утрачивают возможность возврата к статусу полноценного суверенного государства. Процессы глобализации размывают национальную идентичность стран, составляющую основу национального суверенитета. Захлестнувшие многие страны мощные миграционные потоки, которые стали, по существу, новым великим переселением народов, стремительно разрушают идентичность сложившихся национальных государств.

Таким образом, вопрос о суверенитете предстает сегодня достаточно сложным. Абсолютной полнотой суверенитета в быстро глобализирующемся мире XXI века скорее всего не обладает никто. Вряд ли найдется государство, не состоящее ни в одной международной организации, не участвующее ни в одной международной конвенции и не имеющее никаких международных обязательств по двусторонним или многосторонним соглашениям. Поэтому речь может идти о реальном суверенитете, который остается у государства за пределами его международных обязательств. Государства-лидеры, как правило, придают своему суверенитету и соответственно независимости поведения на мировой арене большое значение, стараясь не связывать себя международными обязательствами и участием в наднациональных структурах за исключением самых необходимых, таких, например, как членство в ООН.

В наднациональных образованиях суверенитет и независимость поведения участников зависят от того, насколько эта организация авторитарна, бюрократизирована и подвержена влиянию государств, занимающих в ней ведущие позиции. Именно в силу этих причин была малоэффективной Лига наций, оставившая о себе не лучшие воспоминания в истории международных отношений. Теперь, похоже, ее

ошибки приумножает Евросоюз, в котором диктат бюрократов под руководящим и направляющим влиянием ведущих держав не желают дальше терпеть другие государства-члены объединения.

«Вестфальский суверенитет», который понимался как политическая система недопущения внешнего влияния на внутреннюю политику независимых государств, видимо, и в самом деле отчасти «размывается» современными процессами, но это отнюдь не означает конец суверенитета, который в новых условиях наполняется новым содержанием. Суверенитет, как известно, не был однородным и однозначным применительно к международной практике, состоянию и поведению разных государств в разные времена и при разных обстоятельствах на протяжении всего периода после Вестфальского конгресса.

Борьба за суверенитет, его утверждение в мире, меняющиеся представления о значении суверенности государств – все это позволяет рассматривать распространение принципа суверенитета в мире как глобальный процесс, который имеет особую ценность и основополагающее значение для формирования международных отношений в различные геополитические эпохи.

Возникшая биполярная система международных отношений имела на одном полюсе США со своими союзниками, создавшими в 1949 году военный блок НАТО, и на другом – СССР, вокруг которого образовывалось сообщество стран народно-демократической и социалистической ориентации. Советский Союз, выступивший в 1960 году на 15 сессии Генеральной Ассамблеи ООН инициатором принятия Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам и много сделавший для их освобождения, обрел десятки сторонников из числа новых независимых государств. Конфигурация Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений дополнилась Движением неприсоединения, которое образовали не присоединившиеся к двум блокам государства. Вместе с выходившими на международную арену молодыми государствами Азии, Африки и Латинской Америки они составляли так называемый «Третий мир», в котором две сверхдержавы вели борьбу за влияние.

Ялтинско-Потсдамская система международных отношений на протяжении более 45 лет удерживала мир от новой глобальной конфронтации и, как принято, считать, прекратила свое существование в 1991 году вместе с одним из ее полюсов – Советским Союзом. В американской логике происшедшее было квалифицировано как победа Запада в «холодной войне», в результате которой мир стал однополярным с США во главе.

Финальная фаза существования СССР проходила под флагом «общечеловеческих ценностей», продвигать которые в международных отношениях предлагал лидер страны М.С. Горбачев. Аксиология не дает однозначного ответа, существуют ли «общечеловеческие ценности» в действительности. Многие ученые склонны на этот вопрос ответить отрицательно, полагая, что «общечеловеческие ценности», возведенные в абсолют, вряд ли могут быть сопоставимы с культурным и цивилизационным многообразием мира и измеряться на предмет их универсальности и общечеловеческой значимости некими эталонами, создание которых представило бы собой отдельную проблему.

Это, впрочем, не означает, что не могут существовать ценности, которые на том или ином этапе развития человечества становятся общепризнанными. Как показывает история, происходит постепенное сближение ценностей, разделяемых различными обществами. Однако в случаях достаточно серьезных кризисных ситуаций в международных отношениях на передний план выдвигаются ценности экзистенциального характера, связанные с проблемами выживания, оттесняя на второй план такие ценности, как толерантность, демократия, права меньшинств и т. п.

Современные международные отношения, отличающиеся сегодня огромным разнообразием и чрезвычайной сложностью по своим структуре и содержанию, участием в них тем или иным образом сотен миллионов людей самых разных профессий, возрастов, занятий и интересов, уже не является мировым порядком, построенным на взаимодействии государств и балансе их сил. Он вытесняется новыми международными отношениями, которые включают в себя вместе с государствами неправительственную сферу, города и местные власти, других участников, все более настойчиво заявляющих о себе на мировой арене и заметно меняющих среду международного общения, ценности и смыслы международных отношений. Официальная дипломатия дополнилась общественной или публичной дипломатией, занимающей в наши дни далеко не последнее место на мировой арене и привносящей в международные отношения разнообразные ценности и смыслы гражданского общества.

Попов В.В.,
докт. филос. наук, проф., Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ) (г. Таганрог)

Музыка О.А.,
докт. филос. наук, проф., Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ) (г. Таганрог)

СТАБИЛЬНОСТЬ И НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ РАЗВИТИИ*

Актуальность работы. Глобализация как природно-планетарный процесс, обострившая уже существовавшие глобальные проблемы человечества охватила все возможные сферы человеческого существования – экономические, политические, экологические, культурные. Если на рубеже XX – XXI вв. глобализация имела преимущественно экономический характер, то сегодня наметилась тенденция расширения влияния глобализации на социокультурную сферу. В связи с этим современный человек вынужден быстро трансформироваться и адаптироваться к новым реалиям своей жизни. С этого момента, можно сказать, начинается новейшая история его существования, построенная в условиях хаоса и неоднозначности, т.е. жизнь человека, приобретает в этих реалиях особый смысл и свою философию.

В связи с этим исследователь сталкивается с необходимостью обращения к философии истории, которая позволит определить место и роль отдельного индивида в историческом процессе, т.е. зависимость каждого индивидуума от окружающего социума и наоборот; понять смысл истории человечества через смысл индивидуального существования или движения к нему; осознать взаимозависимость решения глобальных проблем современности от линии поведения человека; ясно определить весь комплекс глобалистских проблем, не вырываемых из культурно-исторического процесса и обозначить возможные варианты движения человечества в истории к выходу из кризисного тупика развития ради ближайшего и отдаленного позитивного будущего. «Недостаточная разработка концептуально-методологических принципов анализа современного российского общества как сложной саморазвивающейся системы, отсутствие четко разработанного семантического аппарата, отражающего специфику и перспективы его развития, обусловило приоритетное внимание к исследованию проблемы оценки

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта “Трансформация стратегий исследования динамики социальной реальности”, № 16-33-00003-ОГН/18

социально-исторических процессов в контексте нелинейной методологии. Для раскрытия данной проблематики необходимо обосновать выбор именно нелинейной методологии в данном контексте и ответить на следующие вопросы: Каковы особенности нелинейных концепций социально-исторического процесса и общественного развития? В чем их отличие и преимущество перед линейными концепциями?»[19].

Проблема. Современная философия истории как относительно самостоятельная область философского знания, посвящена осмыслению качественного своеобразия развития общества в его отличии от природы, т.е. это концепция, нацеленная на осмысление исторического процесса и анализ методологических проблем исторического познания. Философия истории, пытаясь построить модель исторического процесса, разрабатывает определенную трактовку специфики исторической реальности, смысла и цели истории, основных движущих сил истории и механизмов их действия, соотношения исторической необходимости и человеческой свободы.

Философия истории рассматривает целый ряд важнейших проблем, среди которых можно выделить: направленность и смысл истории; методологические подходы к типологизации общества; критерии периодизации истории и исторического прогресса. Обратим внимание на то, что в философии истории до сих пор нет единства мнений ни по одному из названных выше вопросов. Точки зрения различны настолько, что можно сказать, что они противоположны друг другу. «Одним из наиболее перспективных подходов, изучающих нелинейные и неравновесные процессы в сложных системах природы, общества и человека является социосинергетика. Синергетический подход позволяет не только описать особенности сложной структуры современного российского социума, но и объяснить механизмы его самоорганизации и организации, дать рациональную оценку саморазвивающемуся обществу, представить соответствующий категориальный аппарат»[20].

В постнеклассической науке сложилась ситуация, когда философия истории как самостоятельная концепция не может в полной мере отразить происходящие в современном социуме проблемы и кризисы и, следовательно, дать адекватную характеристику современной исторической реальности, поэтому она вынуждена обратиться к новым нетрадиционным концепциям, построенным на междисциплинарных связях и позволяющим выйти на новый уровень интерпретаций про-

[19] Музыка О.А., Ковтунова Д.В. Линейная (классическая) и нелинейная (постнеклассическая) концепции социально-исторического процесса: сравнительный анализ // Фундаментальные исследования. № 11. Ч. 1. – М.: РАЕ, 2012.
[20] Там же. С. 193.

цесса исторического развития общества с точки зрения нестабильности, нелинейности и неравновесности. Такие новые возможности интерпретаций может дать изначально, например, синергетика, сформировавшая нетрадиционный категориальный аппарат постнеклассической науки и конечно, социосинергетика, построенная на ее базе, но с приложением к современному социуму. При этом В.В. Попов отмечает, что «В данном направлении вполне уместны исследования, связанные с построением модельных конструкций, раскрывающих механизм нестабильных ситуаций в социальной структуре социальных процессов с точки зрения их преодоления в социальном времени с учетом его альтернативности в будущих сценариях»[21].

Социосинергетика построенная на принципах синергетики отличается от традиционных представлений тем, что в ее основе лежит принципиально иной мировоззренческий подход – философия нестабильности, что позволяет при построении моделей исторических процессов учитывать такие важные особенности социальных систем, как стохастичность, неопределенность, нелинейность, поливариантность. Так, В.В. Попов и Б.С. Щеглов отмечают: «Актуальность исследования понимания случайности и вероятности в постнеклассическом дискурсе, прежде всего, связаны с теми переменами, которые произошли в рамках научного знания»[22].

Такой подход обоснован специфическими особенностями исторически развивающихся систем, представляющихся как наиболее сложный тип объекта по сравнению с саморегулирующимися системами, которые характеризуются особым состоянием динамики исторического объекта, т.е. устойчивой стадией его эволюции.

Синергетика, изучая механизмы возникновения кризисных ситуаций и разрабатывая способы их преодоления, особое внимание уделяет анализу возможных путей выбора, а также оценке тех потерь, которые неизбежно сопровождают тот или иной выбор. При этом наука говорит о том, что существует ограниченное число сценариев, по которым может пойти нелинейная система в своем развитии после точки бифуркации.

Подобное ограничение может быть связано только с выбором пути сложных природных систем, но когда речь заходит о социоприродных системах, к которым принадлежит человек, такие представления не находят достойного подтверждения. Учитывая сложную психиче-

[21] Попов В.В. Социальное время и альтернативы развития будущего. // Философия права – Ростов-на-Дону, 2012 - №4 – С. 7-10.
[22] Попов В.В., Щеглов Б.С. Вероятность и случайность в нелинейном развитии // Фундаментальные исследования – М., 2013 - №10 – С. 2559.

скую организацию человека, трудно предсказать какой выбор будет сделан в определенный момент времени, это будет зависеть как от объективных, так и от субъективных обстоятельств[23].

Выбор системой того или иного пути в точке бифуркации будет определяться флуктуацией, случайным отклонением. Случайность же в историческом процессе всегда связана с деятельностью конкретных людей.

Необходимо отметить, что практическая деятельность людей по преобразованию предметного мира всегда осуществляется в определенных объективных условиях, в определенной социальной среде. Это характерно и для общественно-исторической практики в целом, и для каждой ее сферы: экономической, политической, социальной, духовной.

Неизбежность выбора людьми одной из реальных возможностей свидетельствует о том, что законы функционирования и развития общества в истории не являются чем-то привнесенным извне в жизнь людей, а являются объективными законами собственной деятельности людей, их общественной практики. Поскольку же действуют разные люди, имеющие различные интересы и ценности, социальные законы будут являться законами-тенденциями как «равнодействующие» многочисленных перекрещивающихся стремлений и действий. В динамических законах историческая необходимость проявляется преимущественно как неизбежность, но поскольку в общественных и исторических процессах велика роль случайных факторов, общественно-исторические законы чаще всего имеют статистический характер, это законы массовых явлений и поэтому они приобретают вероятностную природу.

Отметим, что философия истории направлена, прежде всего, на раскрытие сложных механизмов выбора в каждом случае той определенной траектории из множества возможных нестабильных, которые, в своей исторической тенденции, соответствуют прогрессивному конусу аттрактора. Сложность выбора зависит от двойственности самого человека, именно борьба между духовным и материальным началом будет перетягивать индивида либо в одну, либо в другую сторону, наподобие выбора между двумя притягивающими центрами-аттракторами, которые находятся в состоянии противоречия.

В контексте, например, синергетической философии истории особое внимание необходимо обратить на то, что у глобализации, как процесса объединяющего все сферы и структуры в единую сеть взаимосвязей, может быть и оборотная сторона – деглобализация, т.е. распад глобальной структуры на множество новых локальных структур, кото-

[23] Попов В.В. Философия нестабильности и современная социальная структура общества // Приволжский научный вестник. – 2012. - № 4 (8). – С. 55-58.

рые в свою очередь, через определенное время своего существования создадут новые центры притяжения и, следовательно, новые социальные структуры, а в итоге обнаружат тенденцию к новой глобализации. Может сложиться впечатление, что глобализация будет являться непрерывным процессом, меняющая только оттенки своего проявления. Однако с появлением новых структур будет связано образование новых бифуркаций и аттракторов, дающих дополнительные возможности или шанс для изменения пути развития системы, если прошлый исторический путь был ошибочным или безрезультатным.

Сложность вопроса о смысле истории, а, следовательно, и смысле жизни человека, связана с переплетением его с целью истории, так как смысл истории можно понимать как цель истории. А если есть цель, то, значит, есть и смысл у истории? Большая часть современных философов считает, что у исторического процесса нет, и не может быть цели. Цель ставит перед собой и обществом сам человек, в соответствии с которой он и определяет смысл истории. Подобная позиция показывает определяющую роль сознательной организации, как своей индивидуальной жизни, так и социума в целом, в отличие от самопроизвольной самоорганизации, присущей природным системам, о которых идет речь в теории самоорганизации. Значит, человек получает такую жизнь или такой ее смысл, какую представил сам себе либо сознательно, либо бессознательно, изменения которой могут только произойти по воле случая.

Социально-философская проблематика непосредственно связана с проблемой значения и смысла истории не только потому, что определяет решение той или иной философской проблемы, и не в той связи, что речь идет об адекватном уровне классического мышления, по отношению к которому исследуется степень самосознания или осознания обществом конкретного этапа своего развития. Можно высказать предположение, что определенные размышления, касающиеся смысла истории, составляют ту мировоззренческую основу, на которую как бы налагается определенное множество вопросительных и утвердительных высказываний относительно проблем аналитической философии и истории. Своеобразное видение содержательной стороны исторической проблематики может быть различно в зависимости от того, в каком именно спектре рассматривается сама человеческая история, например, как последовательность взаимной дополнительности и автономности различных ипостасей целостной человеческой истории, которая фактически проявляется в рамках особенностей восхождения теоретического философско-исторического мышления от абстрактного к конкретному.

Вопрос о результатах подобного восхождения и их инструментально-прагматической значимости стоит несколько в стороне, поскольку речь идет в большей степени об эффективности тех или иных социальных технологий, которые имеют свое значение в условиях социально-исторической практики деятельностного субъекта по отношению к реальности. Осевой проблемой для ведущих философских направлений становится проблема соотношения рационального и исторического.

История уже не мыслится как неположенный, предопределенный человеку процесс, или как поток индивидуально-психологизированного сознания, иррационального в своей основе. Она есть способ существования всех феноменов и процессов мира, в том числе и разума, всякий раз выступающего в конкретно-исторических формах, которые являются результатом деятельности человека. Поиски смысла истории осуществляются на пути выяснения соотношения индивидуального и всеобщего, субъективного и объективного, стабильного и динамичного, традиционного и инновационного и т.д. Центром этих пересечений становится человек, для которого история является фундаментальным способом его существования. В результате сама история приобретает антропологическое измерение, ибо поиски человеком ее смысла совпадают с поисками им смысла своей жизни.

Вакула И.М.,
докт. филос. наук, проф.,
РЮИ МВД России (г. Ростов-на-Дону)

Москаленко С.Г.,
канд. ист. наук, доц., РЮИ МВД России
(г. Ростов-на-Дону)

ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Цифровая революция относится к числу феноменов, радикально изменивших важнейшие тенденции эволюции и мировой, и локальных цивилизаций. Контент и результаты цифровой революции сопоставимы по объему или даже превосходят результаты всех предшествовавших ей технологических переворотов с их богатыми содержанием социокультурными, политическими, психолого-педагогическими и сакральными последствиями[24].

[24] Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2016; Карр Н. Дж. Великий переход: что готовит революция облачных технологий. М., 2014; Сонг М., Хэлси В., Баррес Т. Белка в колесе или Е-мейл революция. Как справиться с электронной почтой прежде чем она расправится с вами. М., 2010; Каррыев Б. Хро-

Если предшествовавшие революции затрагивали с разной степенью глубины технические, институциональные, культурно-ментальные аспекты общества, цифровая революция изменила самый главный движущий мотив всемирно-исторической исторической эволюции как таковой, а именно с невиданной глубиной трансформировала сам процесс производства, распределения и потребления информации.

Грандиозные перевороты всемирно-исторического масштаба начинались, реализовывались и заканчивались, в конечном счете, с инноваций в области фиксации, распространения и потребления информации. Графическая или буквенно-письменная форма фиксации, распространения и потребления является очевидным и надежным маркером перехода сообщества к исторической жизни и завершения жизни доисторической, то есть доинформационной.

Основная интенция историософских представлений современности концентрируется в проблеме фабрикации, распространения, потребления и хранения информации, как универсальном критерии, разделяя всемирную историю на эпохи: доинформационную, информационную, пост (гипер-, супер-) информационную.

Дописьменная фиксация информации (например, устная) нам известна плохо. Теоретические представления об устной передаче из поколения в поколение некоего информационного контента, скажем, гомеровского цикла, можно отнести к числу слабо верифицируемых и шатких в своих основаниях гипотез.

Даже пиктографическая письменность вызывает больше вопросов, чем дает ответов с точки зрения эффективности именно пиктографического способа фиксации информации, ее распространения и потребления.

Очевидно только то, что примитивные формы фиксирования информации использовались узким кругом лиц и предполагали весьма ограниченный контент. Появление буквенной письменности позволило создать литературные языки, выразить на них уже достаточно сложный и объемный информационный контент. Стал возможен логический анализ письменной речи, появление художественной, философской, технической, юридической литературы, как в сакральном, так и, на определенном этапе, секулярном аспектах.

Письменная фиксация контента только начала изменять доинформационный характер эпохи в прединформационный, для которой характерны труднодоступность и «эзотеричность» фиксированной в

ники ИТ-революции. М., 2016; Каррыев Б Контуры цифровой реальности. Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего. М., 2018; Каррыев Б. Интернет и цифровая революция эры мгновенной коммуникации. Мегасила, история и влияние на общество. М., 2017.

письменной форме информации, трудоемкость и дороговизна ее фабрикации. Функционирование и организация монастырского скриптория бенедиктинцев, изображенных Умберто Эко в романе «Имя розы», могут восприниматься как художественный символ такой «эзотерической» трудоемкой формы сохранения, манипулирования и использования информации.

В период рукописной письменной фиксации информации процесс образования по доминирующим своим характеристикам полностью ей соответствовал: он был «эзотерическим», сакрализированным и трудоемким, относящимся к очень узкому сегменту общества, обладавшему правом доступа к информационной «эзотерике».

Только типографский способ фиксации информации может быть уверенно атрибутирован как революционный по сравнению с периодом письменной ее фиксации. Печатный станок радикально изменил способы фиксации и тиражирования текстов.

Появилась техническая возможность массовых тиражей книг и периодических изданий, печатная продукция из-за потенциальной неограниченности копий становится доступной неограниченному кругу лиц. Продуценты и потребители печатной информации из «эзотериков» стали «экзотериками».

Информация по историческим меркам очень быстро стала массовой с точки зрения ее циркуляции и потребления, превратившись со временем в важный фактор политического управления поведением людей посредством регуляции их социального и менталитетно-идеологического статусов. Дешевое копирование текстов позволило государствам Европы в 17-18 веках создать все предпосылки для образовательных революций: литературные директивные унифицированные языки, начальную грамотность для социально активной части населения. Возникновение феномена классической европейской культуры можно без всяких натяжек относить к последствиям изобретения печатного станка.

Потенциально все, инспирируемое массовым копированием информации предполагало неограниченно массового потребителя и столь же неограниченно массового производителя любого контента.

Парадоксом стало повышение значения этико-персоналистического фактора на всех этапах возникновения, распространения и потребления информации как в позитивно-созидательном, так и в негативно-разрушительном аспектах в условиях массового тиражирования, резкого удешевления фабрикации, и расширения границ распространения информации. Европейская педагогика Нового времени не стала апологетизировать массовость, растворение в ней индивида,

но и в иезуитски-католическом, и в масонском вариантах, культивировала личностное начало.

Массовое тиражирование позволило резко усилить христианизацию беднейшего населения с азами христианской персоналистической этики и теологии. Показателен роман «Робинзон Крузо» Даниеля Дефо, задуманный как вариант дешевой Библии для малоимущих, развлекательной формы для неосуществимой в условиях устного нарратива религиозно-этической дидактики. Массовое тиражирование повысило нравственный уровень европейского общества, превратившись в наглядный пример того, как Масонская идеология и этика «аристократии заслуг», так сильно повлиявшая на историю культуры Европы 18-19 вв., также не могла распространиться без возможностей книгопечатания.

Когда началась гиперинформационная революция, то она очень наглядно показала, что является в гораздо более радикальной степени революцией даже по сравнению с книгопечатанием. Микрочипы, персональный компьютер, интернет трансформировали все области и сегменты социума гораздо глубже, чем железные дороги гужевую инфраструктуру дилижансов и извозчиков.

С начала постинформационной революции прошло очень мало времени, темпы революционных деформаций невероятно быстрые, а затронутыми оказались несущие структуры индивидуальной и массовой социальной и ментальной жизни.

Постинформационная революция упразднила колоссальные усилия информационной эпохи по фабрикации и фиксации информационных данных хорошего качества. Информация любого вида и качества превратилась в общедоступный и легкодоступный фактор частнобытовой и публичной жизни человека.

Десакрализация информации на этапах фабрикации, хранения и потребления, элементаризация манипулирования информационными массивами, казалось бы, однозначно должны вызвать всплеск персоналистическо-креативной активности. Однако, в отличие от персоналистического парадокса информационной эпохи, гиперинформационная революция невероятно быстро приводит к деперсонализации всех фаз процесса циркуляции информации в том числе и в образовательном пространстве социума.

Возник неожиданный феномен инфляции информации, последствия которого только начинают проявляться в образовательном пространстве: пресыщенность, легкодоступность информации, снижение требований к предварительной образовательной подготовке пользова-

теля, трансформация позитивной образовательной активности в индифферентность или негативно окрашенный креативный «экшен».

Легкодоступность информации, в том числе и образовательной, как дешевого фактора массовой бытовой жизни начинает приводить к равнодушию к ней. Проблему инфляции информации дополняет, существенно осложняя образовательный процесс, проблема неадекватных предпочтений при ее отборе, трудно объяснимые симпатии потребителей к низкокачественной или прямо ложной информации, соответствующей не реальности или истинности, а архаическим структурам коллективного психического бессознательного (архетипам), коренящегося в биологических подвалах психического мира человека.

Резко изменились статусные и функциональные позиции всех элементов образовательного процесса: источников информации (научной и учебной литературы), медиаторов (преподавателей), потребителей (обучающихся). Возникновение письменности, и в свое время книгопечатания, вовсе не означали поголовного вовлечения всех слоев населения государств в число не только производителей, но и прямых потребителей информации фиксированной в рукописной или печатно-типографской формах. Еще в XX веке процент неграмотных во всех европейских странах был очень высок.

Неожиданным вторым парадоксом цифровой революции стало далеко не поголовное, а сегментированное вовлечение в мир дешевой легкодоступной информации, заставляющее предполагать, что какие-то области социума останутся вне ее господствующих трендов, а какая-то часть населения аналогично ситуации эпохи типографского тиражирования информации останется не охваченной элементарной цифровой и, возможно, даже общей грамотностью.

Не следует впадать в радикальные алармистские настроения, но некоторые обозначившиеся на сегодняшний момент тенденции цифровой революции в образовательном пространстве не могут не вызывать тревоги. Дальнейшее потребительское совершенствование цифровой техники, упрощение процесса пользования ею приводит к стремлению потребителя обладать и пользоваться доступным устройством как самоцелью, без рефлектированной для него связи информационного устройства (средства) с определенным информационным контентом (целью).

Развлекательный момент по понятным психологическим причинам начинает доминировать в веере мотивов пользователя, а отсутствие необходимости осуществлять какие-то прелиминарные действия в качестве работы над собой перед использованием цифрового инфор-

мационного устройства для ориентации в мире цифрового контента закрепляет эту установку.

Снижение возрастного порога для пользования цифровыми устройствами в бытовой жизни происходит, пожалуй, наиболее революционными темпами. Уже 3-4 летний ребенок достаточно легко, не имея для этого никакой нужды в знакомстве с буквами, ориентируясь исключительно по логотипам, может включить и отключить цифровое устройство, найти и прекрасно проводить время с необходимым ему развлекательным ресурсом. Качество разработки инфографики, таким образом, существенно снижает мотивацию к приобретению общей грамотности уже в самом раннем возрасте.

Возможность манипулирования текстовой и графической информацией из интернета не только способствует развитию коммуникативных и когнитивных способностей, но и быстрыми темпами убивает способность подростка или студента к поиску собственных средств интеллектуального, креативного, эмоционального самовыражения.

Парадоксы цифровой революции требуют форсирования усилий для исследования тенденций в современном образовательном пространстве для выработки системы мер превентивного, а не постфактумного характера.

Золотухина-Аболина Е.В.,
докт. филос. наук, проф.,
ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

ЧТО ТАКОЕ ОБРАЗОВАННОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ?

Вопрос, поставленный в заголовок этого небольшого размышления, поставлен провокативно. Действительно, может быть, образованность в информационную эпоху это нечто иное, чем было всегда? Может быть, она должна квалифицироваться какими-то принципиально новыми качествами, которые не ведомы прежним поколениям, чем-нибудь радикально иным, совсем уж технико-технологическим, особым умением считать в уме или считать деньги или программировать или писать сайты? Хочу сразу разочаровать читателя: образованность в современную эпоху, конечно, включает умение работать на компьютере или пользоваться социальными сетями и возможностями Интернета, но по сути своей в современном мире она является тем же, что была в веке девятнадцатом и двадцатом, а, возможно, и раньше: она является качеством целостной, развитой и ответственной человеческой души.

Образованный человек в его общепринятом понимании это не просто человек информированный, эрудированный, ловкий, сообразительный или обладающий оперативно-техническими умениями, но человек *глубокий,* то есть, обладающий сложным и развитым внутренним миром. Глубокой может быть лишь личность, как мы уже подчеркнули, имеющая *душу* – то есть, внутреннее измерение, соотнесенное и с человеческими ценностями и с духом. Робот, киборг, машиноподобный бюрократ и однобокий сциентист, ориентированный лишь на количественные показатели, в этом смысле глубокой души иметь не могут. Робот – просто машина, киборг – странная и пока еще гипотетическая смесь человека и машины, лишенная многих человеческих качеств, а, вот, бюрократ и сциентист, даже если они блистают знаниями и выучили все сформулированные законы мироздания – это «образованцы», то есть существа поверхностные, приобщенные к культуре только внешне, поскольку с внутренним миром у них существенные проблемы – он плоский, формальный, эгоцентрический, не усвоивший важных ценностных измерений жизни общества.

Образованных людей формирует образование, которое призвано не только давать знания и умения, но и воспитывать душу, поэтому . как бы ни менялись времена, образование – это не то, что можно ситуативно импровизировать без оглядки на прошлое, оно тесно связано с *традицией,* которая достаточно *универсальна* в силу того, что обращена к общему человеческому качеству – внутреннему миру или , как мы определили, душе. Образование делает душу *образованной* – грамотной, внятной, совестливой, учитывающей опыт других человеческих умов и душ, можно сказать, дает душе *образ*, придает ей внутреннюю форму, тургар и целеустремленность. Так обстоят дела и в современном мире, какие бы информационные новации и инновации его не потрясали.

В связи с этим неоценимым фактором современной образованности была и остается гуманитарная мысль и гуманитарная культура, которую, к сожалению, все более потесняют оперативно-технические и прикладные предметы.

Каковы же черты образованности, сообщаемые человеку гуманитарной культурой – историей, философией, литературой, историей искусства, этикой?

- Это способность сформировать свою точку зрения в мировоззренческих вопросах, умение искать и находить для себя ведущие идейные ориентиры, способность к религиозной, политической, моральной, эстетической рефлексии, к размышлению, связанному с поведением и деятельностью;

- Это умение фантазировать, воображать, обращаться с культурными образами и символами, знание культурно-символического наследия, глубокое усвоение эталонных образцов культуры – уважение и почтение к великим именам, биографиям, достижениям прошлого, из которого вырастает настоящее;

- Это формирование эмоциональной памяти и глубокое принятие гуманистических идеалов, без обращения к которым любые знания и умения могут быть обращены во зло, а не во благо.

- Это - развитие совокупности коммуникативных способностей, предрасположенности к пониманию другого человека, умение сопереживать и практическое знание этико-этикетных форм.

Перечисленное – лишь небольшая часть того, что дает гуманитарная культура для подлинной образованности, какая бы эпоха ни властвовала на дворе – пусть даже информационная, компьютерная, кибернетическая или космическая образованность как формирование автономного, но гуманистически ориентированного внутреннего мира, сколь широко информированной, столь и благородной души, возможно только при личном общении *человека с человеком*. Книга, фильм, передача, страницы сайта могут выступать как посредники, медиаторы в деле образования, но не могут заменить реальной живой личности, которая общается с учениками и воспитанниками в личном же режиме. Знаковые системы оживают, когда к ним прикасается живой человек, и в еще большей мере это касается высоких чувств и глубоких переживаний. При доброй сотне видеозаписей, знакомящих человека с разными разностями в науке и природе для возникновения настоящей образованности нужно *личное общение* с достойными учителями, которые искренне увлечены своим делом и способны реагировать на текущие вызовы ситуации – здесь и сейчас, должен быть ощутимый конкретный пример и достаточно длительный постоянно воспроизводящийся диалог.

Все это говорит о том, что информационная эра не изменяет сути образованности, а лишь дополняет ее новыми исторически-конкретными умениями. Никакая эпоха не должна гордиться перед другой, каждая из них преодолевает свои трудности и создает свои собственные возможности для полноценного развития человека.

Разумов В.И.,
докт. филос. наук, проф., ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского (г. Омск)

ФИЛОСОФИЯ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО СИСТЕМНОГО КРИЗИСА

Широко обсуждаемую в настоящее время тему мирового системного кризиса следует дополнить пониманием того, что с конца 20 и начале 21 в. человечество переходит в новую эпоху, что по масштабам сопоставимо с периодом 800-200-х г. до н.э., названным К. Ясперсом «осевым временем». Этот переход знаменуется глубокими переменами в науке и образовании. Для объяснения происходящего воспользуемся такой периодизацией отраслей культуры: повседневность, искусство, религия, наука, технология и техника[25]. Есть основания предположить следующее. Наука и образование начинают доминировать в культуре с 17 в. как условие для становления индустриальной цивилизации. Кризис науки и образования, начавшийся во 2-й половине 20 в., оказывается тесно связан с существенным замедлением темпов их развития. Каковы причины этого явления?

За сравнительно короткий исторический период своего доминирования социальные институты науки и образования осуществили две масштабные эмансипации от религии и от философии, с сохранением «покровительственного» отношения к технике и технологиям. Не затрагивая последствий разрывов связей с религией, отторжение от науки философии привело, как минимум, к усиливающейся фрагментации научного знания и учебных дисциплин. Происходящие в 21 в. цивилизационные изменения выдвигают на лидирующие позиции технологии и технику, которые по-новому определяют свои отношения с наукой. С одной стороны, разработки новых технологий и технических устройств выступает источником заказов для новых научных разработок, с другой стороны, технологии и техника по своей сути междисциплинарны, о чем ярко свидетельствуют представления о NBYCS-комплексах, а научные исследования выполняются в своем большинстве в русле узко-специализированных подходов.

В науке и образовании идут мощные конкурентные процессы, борьба за ресурсы. Эта борьба разворачивается по линии разграничения гуманитарно-социальных наук с естествознанием и технознанием, прочерченной еще неокантианцами. Очень ярко эта борьба проявляет себя в современной России, где приоритеты отданы естествознанию и

[25] Разумов В.И. Категориально-системная методология в подготовке ученых: Учебное пособие / Вст. ст. А.Г. Теслинова. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – С. 39-41.

технознанию. В данной ситуации положение философии еще более проблематично. Об этом свидетельствует сокращение преподавания философских дисциплин в вузах. Чем это чревато? Известный американский социолог науки Р. Коллинз отмечает, что с 17 в. и по настоящее время функцией философии является поддержание уровня абстрактного мышления в университетах[26]. К этой функции можно добавить еще одну – создание благоприятной среды для междисциплинарных исследований и коммуникаций. Уместно задуматься о том, что «успехи» по вытеснению философии за пределы науки как раз и послужили причиной тому, что результаты фундаментальных исследований со 2-й половины 20 в. не пропорциональны затратам общества на науку и образование.

Если обратиться к NBYCS-комплексам, а в них сосредоточиться на когнитивных технологиях, среди них лидирую исследования по искусственному интеллекту. Здесь складывается странная ситуация. Совершенствуются системы вычислений и алгоритмов в направлении автоматизации вычислений, но делается это фактически вне решения не менее фундаментальной задачи – автоматизации рассуждений, поставленной еще в 14 в. Р. Луллием. Фактически логика Аристотеля получает развитие до уровня технологии рассуждений в 17 в. логике Пор-Рояль[27]. К сожалению, к 21 в. прорыва в совершенствовании технологий рассуждений не произошло, впрочем, осталась не решенной задача автоматизации рассуждений, а вместе с этим для большинства современных интеллектуалов рубеж между науками о Природе и науками о Духе остается непреодолимым. Несмотря на очевидную актуальность разработок в данной области уже имеющиеся и внедряемые в практику результаты остаются вне поля серьезных обсуждений и поддержки[28].

В сложившейся сейчас обстановке огромное значение приобретает обсуждение проблем философии. Предположим, именно философская проблематика от осевого времени дала мощнейший импульс для развития интеллекта, а через него для эволюции культуры и цивилизации. Однако, данный импульс исчерпывает себя со 2-й половины 20 в. Для выхода из мирового системного кризиса, и перехода в новую эпоху нужны новые проблематизации. В качестве таких новых проблематизаций можно предложить следующие формулировки.

1. Роль в организации креативных видов человеческой деятельности интеллектуальных интуиций. Они представляют собой осново-

[26] Коллинз, Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз; [пер. с анг. Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейм. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – С. 827-892.
[27] Арно А., Николь П. Логика или искусство мыслить / Ответственный редактор и автор послесловия А. Л. Субботин. Перевод с французского В. П. Гайдамака. М.: Наука, 1991. 417 с.
[28] Разумов В.И., Сизиков В.П. Сибирский философский журнал. 2016. Том 14, № 1. С. 53-69.

полагающие идеи, которые, однако, слабо эксплицированы и, в практике исследований, даже не обсуждаются, поэтому интеллектуальные интуиции некритично используются как условия для умозаключения, гипотезы, модели, теории, эксперимента.

2. Ситуация с языками интеллектуальной культуры становится все более напряженной. Моно- или поли- языковый характер будет носить интеллектуально-духовная культура XXI в.? Какое место среди многообразия языков новейшей коммуникации займут языки программирования?

3. Какие форматы для выражения философских (и иных проблем) будут использоваться в XXI в. и каким образом они будут соотноситься между собой? Это можно рассматривать расширением проблемы дополнения линеаризованных форм представления знаний гипертекстами.

4. В XXI в. на фоне уже протекающего мягкого процесса демонополизации науки конкуренция между отдельными дисциплинами переносится на уровень интеллектуальной культуры в целом. Какие из направлений развития интеллектуальной культуры станут актуальными в ближайшей и отдаленной перспективах? Насколько будут работать для этих процессов механизмы преемственности?

4.1. Как возможен переход исследовательских стратегий (и менталитета ученых) на уровень синтеза систем, на процессы в ранге систем, когда акценты в понимании предмета смещаются от структурного к функциональному и имитационному уровням проработки?

4.2. Уместно ли ожидать перехода от неокантианского разъединения наук о Природе и Духе к интеграции содержательно-смысловых и формально-математических описаний[29]?

4.3. Развернется ли создание новых интеллектуальных технологий на основе разработок и широкого внедрения методов визуализаций, геометризаций рассуждений в научную, учебную, проектную деятельности?

4.4. По какому из наметившихся путей пойдет развитие искусственного интеллекта (ИИ)? Если встать на позицию гибридного подхода к ИИ, то объекты ИИ целесообразно рассматривать системами, включающими компоненты антропной, природной, социальной, технической реальности. Т.о., средами для развертывания ИИ могут выступить интеллектуальные системы, определяемые И.С. Ладенко ком-

[29] Разумов В.И. Приложения информационных основ синтеза систем: ДИС-развёртки и парадигма закона. Монография [Электронный ресурс] / В.И. Разумов, В.П. Сизиков. – Электрон. текстов. дан. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. Информрегистр. Регистрационное свидетельство № 33934.

плексами, объединяющими предметную область, коллектив специалистов, класс задач, когнитивные инструменты, технические средства[30].

5. По какому из сценариев и как согласованно пойдёт развитие человека, общества, Природы? Насколько полно и разнообразно при этом будут представлены к исполнению потенциалы развития у человека и общества? Насколько надежно в них будет прописываться статус закона? Как человек и общество проявят себя во взаимодействиях с Природой и между собой?

6. Как будет осуществляться распространение духовно-интеллектуальных достижений человека на развитие его физических способностей, как станет достижим баланс естественных возможностей человека и искусственных научно-технических дополнений?

6.1. Уместно ли ожидать переход от доминирования аналитико-редукционистских установок к холистическо-синтезирующим, когда онтологические ориентиры субъекта сместятся от поиска простейших частей Мироздания к пониманию таких высоко-сложных объектов как биосфера, человек, общество.

6.2. В русле осмысления вопросов о месте общества и человека в эволюции Космоса правомочен также вопрос о том, не является ли одной из функций общества выполнение им роли социокомпьютера? Вообразим себе быстро формирующуюся за счет разнообразных средств связи сеть, включающую более 7 млрд. сознаний, плюс к этому множество компьютеров разных видов! В американской научно-технической фантастике 70-х годов XX в. обсуждались сюжеты возникновения ИИ на базе мировой телефонии…

К 20 и 21 в. накапливается большая и разнообразная история философских рефлексий, полученных относительно материалов из разных отраслей интеллектуальной культуры, а это все более закрепляет за философами статус доксографов интеллектуальных процессов, протекающих вне философии, а поэтому имеющих вспомогательное назначение.

Аутсайдером в данных условиях оказывается не столько философия, сколько интеллектуальная культура в целом, включая фундаментальные науки. Их подлинным назначением в 21 в. представляется раскрытие природы Мироздания, объединяющей математику, физику, философию. В этом движении внимание исследователей и практиков должно акцентироваться на выявление особенностей информационно-полевой природы объектов[31]. На такой базе перспективно движение к пониманию сознания как среды для производства символов и смыслов,

[30] Ладенко И.С. Интеллектуальные системы и логика – Новосибирск: Наука, 1973. - 172 с.
[31] Разумов В.И., Сизиков В.П. К новой парадигме закона // Вестн. Ом. ун-та. 2012. № 2. С. 213-219.

а это может обсуждаться более конструктивно и вне жестких противопоставлений идеально/материальное, и с учетом универсальности протекающих в сознании и в объектах физической природы информационно-полевых процессов, аппроксимированных к вычислительным процедурам.

Настоящее философии в 21 в. определяется нами за счет фокусировки внимания на исчерпании на настоящее время интеллектуально-духовных оснований для дальнейшего развития культуры и цивилизации стратегического характера. Будущее философии, ее возможности по выходу цивилизации из кризиса и активному участию в становлении новой эпохи свяжем с тремя областями формирования проблематизаций:

1) разработка интеллектуальных интуиций в направлениях экспликации имеющихся и генерации новых креативных идей;

2) работа над формированием языков (естественных и искусственных) и механизмов переводов новой интеллектуальной культуры;

3) создание инновационных форматов упаковки знаний с установлением между ними механизмов, поддерживающих трансферы знаний и технологий.

Работа над философскими проблемами 21 в. оказывается связанной с настоящей битвой за знание и его использование. Это относится, например, к следующему вопросу: на каких языках и в каких форматах-упаковках будет представлено знание ужу к середине 21 в.? Есть основания предположить, что эти процессы занимают высшие уровни развернувшейся в XXI в. Мировой гибридной войны. А каковы здесь позиции России!?

При обращении к инновациям, высоким технологиям и их конвергенции в моделях и комплексах NBICS следует отдавать себе отчет в том, что стратегические характеристики конкуренции в современном мире определяются сейчас именно разработкой и овладением новыми формами мышления с установками на синтез[32].

[32] Разумов В.И. Философия синтеза: история и опыт концептуализации // Вестн. Ом. ун-та. 2013. № 3. С. 13-16.

Sheetal Sharma,
Assitt. Professor
Centre for Russian and Central
Asian Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi

IMPACT OF GLOBALISATION AND ECONOMIC TRANSITION UPON STATUS OF WOMEN IN CENTRAL AND EASTERN EUROPEAN COUNTRIES

Abstract

The process of economic and political transformation in the Central and Eastern European Countries after fall of communism resulted in massive changes in the lives of people across the region. The processes of economic transition, political change and social reforms were certainly not smooth. The Central and East European countries[33] share a common communist past and joined the European Union together on May 1, 2004, however they differ greatly in terms of their political, social and economic development. As they moved on with market reforms, the CEE countries got integrated with international economy and became part of process of globalisation. The impact brought wide-ranging consequences for different sections of people and had different impact upon the lives of men and women in these countries. Focusing upon status of women in Central and Eastern European Countries this chapter attempts to discern impact of process of globalization and economic transition upon the lives of women in CEE countries. Comparing with the lives of women under communist regimes the chapter attempts to identify how did it change after the period of transition with special focus upon participation of women in economic sphere. The chapter is divided into two main sections. The first section provides a description of the status and condition of women in the region during the soviet period. In the second section the chapter discusses about the impact of transition from socialism to capitalism on the lives of women in these countries.

Introduction

The last decade of the previous century was marked by major events in human history that shook the roots of world order. In the work titled as "The End of History?" Francis Fukuyama, in 1989, described the defeat of communism and the ascendance of western model of liberal democracies, capitalism and forces of globalization. With the fall of Berlin Wall, disinte-

[33] Czech Republic, Slovakia, Slovenia, Hungary, Poland, Estonia, Latvia and Lithuania, source: http://www.msoe.fnst.org/Central-Europe-and-Baltic-States/1107c947/ accessed on 05/05/2015.

gration of USSR, end of cold war and collapse of communism, globalization and its concomitant processes gained new momentum and direction.

Globalization is defined as a process of internationalization of economy, unification of goods, services and capital markets across the globe, and in which barriers to international trade and investment get increasingly reduced. Globalization can be caused either by technological progress which reduces transport costs and improves information flows or by economic and policy changes focused on reduction of protectionism, liberalization of foreign investment and migration rules[34], According to Castells (2001), "flows rather than organizations" constitute the basic units of an informationalized global economy[35]. Martin Albrow and Elizabeth King (1990) define globalization as "all those processes by which the peoples of the world are incorporated into a single world society[36].

A large number of philosophers have interpreted globalization and its various aspects highlighting the causes and consequences of globalization. The three dominant perspectives on globalization are 1) hyper globalist, 2) transformationalist, 3) sceptics. The hyper globalists argue that there has been a sea-change in the nature, magnitude and reach of cross-border flows of goods, services, professionals, people, capital, and money in the last quarter of the previous century, giving rise to an interconnected, and interdependent world in which territorial boundaries and geographical proximity have been gradually rendered unimportant in the wake of for economic accumulation. The impact of monumental magnitude of free trade, open markets, capital flows, international transactions, trade and high technology …will lead to higher rates of economic growth and improvements in people's standard of living. They predict gradual demise of the nations state's power over domestic policy issues foresee a convergence in economic and social policies across national entities. Gradually nation states will succumb to the logic and pressure of market -based economy and converge towards the neo-liberalism[37]. On the other end of the spectrum the sceptics believe that current phase of internationalization of economy and other associated

[34] Hirst, P., and G. Thompson. 1994. *Globalization in Question*. Oxford: Polity Press; Giddens, Anthony. 1991. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press. p. 64.

[35] Castells, M. 2001. 'Information Technology and Global Capitalism' in W. Hutton and A.

[36] Albrow, Martin and Elizabeth King (eds.) 1990. *Globalization, Knowledge and Society* London: Sage. p. 8.

[37] Hirst, P., and G. Thompson. 1994. Globalization in Question. Oxford: Polity Press; Weiss, Linda. 1997. Globalization and the Myth of the Powerless State. New Left Review. 225 (Sept/Oct):3-27; Jomo, K.S. 2001. Globalization, Export-oriented Industrialization, Female Employment and Equity in East Asia. Geneva: UNRISD mimeo; Helleiner, Gerald Karl. 2000. Markets, Politics and Globalization: Can the Global Economy be Civilized? Paper read at 10th Raúl Prebisch Lecture, 11 December, at Palais des Nations, Geneva; UNRISD. 2000. Visible Hands: Taking Responsibility for Social Development. Geneva: UNRISD; Rodrik, Dani. 1999. The New Global Economy and Developing Countries: Making Openness Work. Washington, D.C.: Overseas Development Council; Rodrik, Dani. 2001. The Global Governance of Trade as if Development Really Mattered: Report prepared for the UNDP.

processes are over-exaggerated and globalization is nothing new. Globalization and internationalization has been happening in the past as well. Finally transformationalists argue that globalization occurs as "states and societies across the globe are experiencing a process of profound change as they try to adapt to a more interconnected but highly uncertain world"[38].

The process of economic and political transformation in the Central and Eastern European Countries after fall of communism resulted in massive changes in the lives of people across the region. The Central and East European countries[39] share a common communist past and joined the European Union together on May 1, 2004, however they differ greatly in terms of their political, social and economic development. The economic, political and social reforms or the process of transition was certainly not a smooth one. As they moved on with market reforms, the CEE countries got integrated with international economy and web of globalisation. The first two decades, after fall of communism were marked by a difficult phase of shift from a Soviet-type centrally planned economy to a free market capitalist model. Various countries of Central and Eastern Europe have gone through different phases of development. The impact brought wide-ranging consequences for different sections of people and had different impact upon the lives of men and women in these countries. Men and women adopted different mechanisms to cope with the changes brought about by transition. However it is interesting to explore what was the impact of transition upon the livelihoods of women and their work? What did the transition offer to women? Did they retain the rights and advantages that were seen as central to state socialist emancipation and equality project?

Women during communism

The Central and Eastern European state socialist regimes followed the soviet style of state controlled[40] economic and political restructuring after the end of Second World War. Ideological commitment to offer equality to its citizens is one of the fundamental characteristic of communist regimes. The communist governments were committed to gender equality and hence created conditions to bring equality between men and women. As part of the agenda to bring gender equality and women's emancipation program, legis-

[38] Bryane, Michael. 2003. Theorising the Politics of Globalisation: A Critique of Held et al.'s "Transformationalism", *Journal of Economic and Social Research*. 4 (2), 3-17.

[39] Czech Republic, Slovakia, Slovenia, Hungary, Poland, Estonia, Latvia and Lithuania, source: http://www.msoe.fnst.org/Central-Europe-and-Baltic-States/1107c947/ accessed on 05/05/2015.

[40] In communist regimes the state decides what goods will be produced, in what quantity and by what deadline; it decides which factories will produce specific goods, prices of finished goods, and wages earned for production. Stated differently, this is a *dirigiste*, or state-controlled, economy that is the opposite of a free-market economy run according to *laissez-faire*, or "hands-off" principles. It is also called a planned economy due to state-created and directed plans for production. In CEE countries and Baltic states, following the Soviet model, a succession of five-year plans dictated production priorities from the top down (Giustino).

lations were passed that radically transformed the status and position of women in the CEE countries. The new laws designed by the state were framed in order to guarantee women equality and status in all walks of social life, work and family. The laws mandated and underlined the fact that women have to be productive members of society. Women should engage in paid work, labour, economic activity and contribute towards rapid development of society by actively participating in the process of industrialisation. The political leadership perceived presence of women in labour force as a means of perpetuating and passing on communist ideology to successive generations of young ones, because women as mothers were also responsible for socialisation of children in the household.

In order to ensure larger percentage and participation of women in the work force, a number of measures, policies, and laws were brought into practice. The whole system was restructured in order to ensure and enhance women participation of women in the process of development of society and nation. The wage structure was altered, wage setting was centralised and controlled by the state, and the family wage was abolished. In the initial years women were encouraged to do the same job as men, and were paid as much as men were paid. They were also encouraged to take up leadership responsibilities, as men would do. In order to give women some freedom children were taken care-off by public day care institutions, and in some cases the domestic activities such as cooking and laundry were carried out in communal facilities. Changes were also introduced in the social security system to make it difficult for women to lay claim over social benefits through husband's entitlement. Consequently, in this scenario it became difficult for many families to sustain themselves with income of one partner, which indirectly pushed women to the job market[41] (UNIFEM, 2006:12). Prior to 1989 a majority of women within the working age bracket were gainfully employed in various sectors of the economy. It is noted by Fodor (2003) and Zimmermann (2010), that men's wages alone were not sufficient enough to fulfil the needs of a typical family[42]. The social benefits extended by the state were also related to the labour force participation. Hence it became crucial for women to take up paid employment.

[41] UN Development Fund for Women (UNIFEM), The Story behind the Numbers: Women and Employment in Central and Eastern Europe and the Western Commonwealth of Independent States, March 2006, available at: http://www.refworld.org/docid/46cadad40.html [accessed 1 June 2015.

[42] Fodor, É. 2003. Working difference: Women's working lives in Hungary and Austria, 1945-1995. Durham, NC: Duke University Press; Zimmermann, S. 2010. Gender regime and gender struggle in Hungarian state socialism. Aspasia. International Yearbook for Women's and Gender History of Central, Eastern and South Eastern Europe. 4, Spring, pp. 1-24.

The UNIFEM report[43] titled as, *The Story behind the Numbers: Women and Employment in Central and Eastern Europe and the Western Commonwealth of Independent States*, of March 2006 establishes that Women were also encouraged to attain high levels of education - perhaps the most successful part of the state socialist emancipation campaign. By the mid-1980s women's share in secondary and tertiary education equalled men's, producing a labour force where women's human capital was also equal to men's, despite significant gender differences in the types of skills men and women acquired (Szelenyi 1998 quoted in UNIFEM, 2006: 12)[44].

Although there was a general trend of rise in the level of educational achievement and labour force participation among women, there were considerable variations within the countries in the region. The variations occurred because of factors such as enforcement of legislation, size of the agricultural sector in the economy. The women who worked on the family plots were unpaid and were not identified as part of the paid work force. The situation of women under the totalitarian state socialist system improved in some respect but the underlying many of the legal, and financial dispositions concerning women, gender relations and family remained mostly conservative[45].

Under the state controlled regime, according to Thorborg, there were 4 features that characterised women's lives; *first*, Militarization, during the war-time period Soviet unity was glorified and romanticized, and afterwards a militarization and regimentation of daily life occurred. In the propaganda people were "friends-in-arms" and comrades, the words "struggle" and "fight" were everywhere[46]. The military terminology, discipline and regimentation dominated and hence it determined and reinforced conservatively defined roles of mothers, family, and gender relations. *Second,* Collectivization: collectivization too had a very different impact upon the lives of men and women. "With the liquidation of private property followed that property no longer could be a basis of self-esteem nor a foundation for a family. Hence families did not matter as before and there was a lack of self-esteem for many men as society took over. The functions of the men changed, males only became biological additions to women's lives. The economic in-

[43] CEE countries analysed in this report are: Albania, Bosnia and Herzegovina, Bulgaria, Croatia, the Czech Republic, Estonia, FYR Macedonia, Hungary, Latvia, Lithuania, Poland, Romania, Serbia and Montenegro, Slovenia, and Slovakia; Western CIS consists of Belarus, Moldova, Russian Federation and Ukraine.

[44] Szelenyi, Szonja. 1998. Equality by Design: The Grand Experiment in Destratification in Socialist Hungary, Stanford, Ca.: Stanford University Press; UN Development Fund for Women (UNIFEM), The Story behind the Numbers: Women and Employment in Central and Eastern Europe and the Western Commonwealth of Independent States, March 2006, available at: http://www.refworld.org/docid/46cadad40.html [accessed 1 June 2015.

[45] Zsuzsa Ferge, (1997).

[46] Thorborg, 2002, p. 539.

terests gained priority".[47] *Third*, Internationalization: in the state propaganda the 'Soviet woman' was treated equal, she came from no special nation, she was international, her image was unifying, and the family meant little to her. She was Homo Sovieticus made into one mass. The ties between woman and nationality were cut, while those between woman and Soviet society were emphasized[48]. And *fourth*, hard tempering of daily life: women's total average workload, paid and unpaid work, showed that women in the soviet era worked roughly 70 hours a week as against 15-20 hours less in the West. For example women in West Germany and Hungary in 1965 shared similar unpaid workloads of 36-37 hours a week. However, Hungarian women contributed an additional 35 hours of paid work, while West German women worked just less than half of that amount, implying that Hungarian women worked altogether almost 20 hours more every week. Soviet sociological surveys conducted in the 1970s indicated that while men on the average enjoyed almost 6 hours free time daily, women barely got 2 hours"[49].

The soviet-style effort for gender equality and liberation of women has been labelled as the "star system" by scholars and researchers, which elevates individual women as role models, highlighting their achievements and success. According to Thorborg, "Although all legal and other formal obstacles were removed for women's participation in public life and production, the focus was in the propaganda and in politics on individual successful women, but not on the category of women per se. When resources were scarce and women as a group had no real political power, male priorities prevailed. It was less costly to promote a few "stars", than trying to elevate women as a group, thereby making women's unpaid work visible and part of the state budget"[50]. The aggrandizing was part of an attempt to establish that the soviet system has delivered on its promise for liberation and emancipation of women and equality. It attempted to demonstrate that these women in the regime have become successful despite the existence of hurdles, like lack of social infrastructure and other requisite means for socio-economic development.

The countries in the south and east Europe under the soviet influence 'understood emancipation in a very narrow sense, i.e. mainly as the participation of women in paid employment/jobs. In order to achieve this goal, women had to be relieved of household responsibilities that were thought to

[47] Thorborg, 2002, p. 539.
[48] Thorborg, 2002, p. 539.
[49] Ibid.
[50] Thorborg, Marina. 2002. Women and gender in history in the Baltic region in Witold Maciejewski edited, The Baltic Sea Region: Cultures, Politics, Societies, Baltic University Press. P. 539.

become public ones. Employment would free women from forced marriage and dependency on men. This approach in economic policies was also reflected in the legal field, where pre-communist stipulations discriminating against women were abolished, such as the legally-determined preponderance of men in all household affairs' Brunnbauer (2000: 152)[51]. Fodor and Balogh establish that (2010) although the 'actual rates of education and employment varied among various communities, classes, and groups and variations also occurred between different countries because of the ambiguity over the definition of who counts as being part of the labour force or the "working age population", or due to the exact nature of parental leave policies and retirement age thresholds[52]. Nevertheless women in the Central and Eastern Europe were expected to spend most of their adult lives in paid full-time labour, with occasional breaks because of childbirth or other family responsibilities. Comprehensive maternity leave policies allowed for breaks for childbirth, and guaranteed women jobs when they returned to the work post-maternity'. Fodor and Balogh further argue that the communist policy makers promoted the worker-mother ideal for women, where women's worker status was guaranteed and protected but expected to be at an inferior level compared to those of men. Thus despite the fact that work worked much harder than their counterparts in the western world, continued to experience patriarchy and asymmetrical power in relation to men.

By the middle of 1960's it started to become clear that the system and policies designed for greater participation of women in the workforce were not yielding as per expectations. The expenditure incurred by the state for providing substitutes of household chores ended up being very high. The state had to bear social cost and that too when Russian expenditure on military were very high during the cold war. The active engagement of women in the workforce to pursue goals of industrialization and cold war resulted in the sharp decline of the birth rate sharply in the region, as women delayed or avoided bearing children. Moreover, there was considerable resistance to some of the policies and programs for emancipation of women even among party members. It is interesting to note that men who themselves were party leaders and who had passed regulations for emancipation of women and for promoting their participation in political positions, were found to be dissatisfied with their family setup themselves when their wives returned home

[51] Brunnbauer, Ulf. 2000. From equality without democracy to democracy without equality? Women and transition in southeast Europe, 3/2000 South-East Europe Review S. 151 – 168.

[52] Fodor Éva & Anikó Balogh. 2010. Back to the kitchen? Gender role attitudes in 13 East European countries, Zeitschrift für Familienforschung, 22. Jahrg., Heft 3/2010, S. 289-307.

late from work and brought pre-cooked food purchased from factory canteens[53] (UNIFEM, 2006:12).

Interestingly, the much-valorised ideal of gender equality in Central and Eastern European countries was achieved through the administrative mechanism rather than by bringing about fundamental change in the gendered attitude towards women, and/or gender relations in society at large. The socialist regimes in CEE states stressed on the removal of formal and legal obstacles for women in order to achieve equal status, social equality, ensure full participation of women in work, and contribute towards the development of nation. But at the same time, the society and the state could not do away with the fact that one of the important roles of women is to be a mother and that her role in the process of socialisation and bringing up of the children and the young ones is crucial. Consequently, in soviet style or pattern of liberation of women, women eventually had to bear double or triple burden of work and family. Along with taking up full time employment or paid work, women had to juggle between their professional assignments and household responsibilities. They had to take care of children along with their domestic responsibilities. The traditional gendered socio-cultural constructions of roles and responsibilities accorded women responsibility for childcare, socialization, household chores, and domestic duties.

Attempting to coordinate and establish a balance between the goal of gender equality and domestic roles of women, the government too realised that women play a significant role in managing domestic responsibilities and somehow their participation in economic sphere is affecting quality of participation in their domestic and social realms of life. But they did not insist that women should quit the job either. Hence it implied that women would look for low quality and short-term jobs that gave them time and space to carry out their domestic responsibilities along with their work/jobs. Such arrangement was double burden upon women as now women had to manage and balance both the domestic and professional front at the same time. Although there was some reduction in the demands at the professional front but this too happened at the cost of promotion at the higher level or top managerial positions, or increase in wages as compared to men (UNIFEM, 2006:12). Data from Yugoslavia (1965) and Bulgaria (1988) suggest that the total workload of women averaged 60 to 70 hours per week, of which 20 to 30 hours were unpaid work. In Italy, for example, a country with a total workload for women well above the west European average – in particular as regards unpaid work – women had to work about 56 hours in

[53] UN Development Fund for Women (UNIFEM), The Story behind the Numbers: Women and Employment in Central and Eastern Europe and the Western Commonwealth of Independent States, March 2006, available at: http://www.refworld.org/docid/46cadad40.html [accessed 1 June 2015.

1980; in West Germany and the UK, the weekly workload of women amounted to around 54 hours in the 1960s.[54]

Haney (2000) argues that owing to women's twin responsibilities the communist states introduced measures that allowed women with children and family to claim social welfare benefits. Some of these benefits included paid maternity leave, guarantee of job post child-birth, provision for paid leave in case of illness of children or other family members at home or to take care of other responsibilities. Thus all these provisions resulted in women holding the prime responsibility of domestic work and household task. In the economy that was suffering from slowdown and severe shortage of consumer goods, women shouldered double responsibility of homemakers and wage earners.

The goals of economy, pattern of development and planning also contributed to systemic discrimination of women. The soviet system emphasised more on the development of industries and sectors that contributed to rapid industrialization. The manufacturing and heavy industry and their workers got more attention as compared to other sectors and workers in those sectors. Those engaged in these industries (heavy) were paid higher than those working in other (soft) areas such as education sector, retail, or tertiary activities. Soviet system encouraged and often attracted young men towards heavy industry and manufacturing whereas women got concentrated in areas that required higher academic qualification such as academics, medical profession, sales and finance. This trend led to a peculiar situation. Women although were better educated or qualified but got concentrated more in number in low salaried professions, and men on the contrary had shorter training and comparatively less educational qualification and yet had high paid jobs. According to Fodor (2010: 292), "Women increasingly found work as low-level professionals in largely underpaid and undervalued jobs. The wages these jobs provided were a significant contribution to the family budget and the work hours were flexible enough – formally or informally – to allow taking time off for care work".

"In 1987 the last Soviet leader, Gorbachev, called on women to devote themselves to "their pure womanly mission" while simultaneously setting up women's sections, "*zhensoviety*", under strict party control like a latter-day revival of the more independently functioning women's departments, "*zhenotdely*" in the experimental period of the 1920s. Although opening up to modernizing influences from the outside in many areas, however, the socioeconomic stratification of Soviet society remained intact on

[54] Data quoted from UNICEF Report , 1999, by Brunnbauer 2000, pg 153. (Source: UNICEF (1999): Women in Transition, Florence: UNICEF (The MONEE Project: Regional Monitoring Report, No. 6), p. iii.)

the surface".[55] Anastasia Posadskaya remarks that, "Sociological research indicates that women themselves did not feel that the *zhensoviety* expressed their interests, but saw them mainly as a food-distribution network at a time when shopping for food was becoming increasingly difficult. However, those individual *zhensoviety* which took an independent stand, formulated their own objectives and investigated ways to achieve them did prepare the ground for a new women's movement independent of officialdom" (1994:10).

The impact of ideological commitment is also visible in the form of almost equal participation of both men and women in the labour force along with equal progress and achievements manifest in the field of education. The data establishes that in 1989 almost half of the women in Albania were employed. In Bulgaria, while only 24% of women were part of the total workforce before the Second World War, by 1989, women accounted for half of the total work force in Bulgaria.[56] The improved educational achievements of women were positively correlated with their employment status. For instance, before the communist takeover, the majority of women were illiterate. By 1955, it was estimated that illiteracy had been eradicated among women completely (and men as well) under the age of 40 and, in the 1980s, half of Albania's university students were female.[57]

In brief one can distinguish some of the significant outcomes of the campaigns, policies and programs of communist governments for emancipation of women. First, 'women in these countries grew up expecting lifelong, full-time paid work, with only brief interruptions for mothering. Second, working age women in CEE countries on average are better educated than men, and thus bring significant human capital to the labour market. Third, the belief that the government should offer a variety of social provisions and security benefits has been ingrained among population. Meeting these expectations has become all the more more difficult in the market economies in the region after transition' (UNIFEM, 2006:13).

Impact of economic transition

The economic crises, social unrest, domestic conditions and international pressures during 1980s culminated into the process of historic transformation in the CEE countries. The Soviet Union disintegrated into independent nations and one after another the communist regimes collapsed in the CEE region. The erstwhile soviet republics and the CEE countries adopted capitalist form of market economy and democracy as the political

[55] Thorborg, 2002: 539-540.
[56] Dobrinka Kostova (1998), quoted in Brunnbauer 2000, pg 152.
[57] Fatos Tarifa (1998): "Disappearing from Politics (Albania)", in Marilyn Rueschemeyer (ed.): Women in the Politics of Postcommunist Eastern Europe, Armonk, NY and London: M. E. Sharp, p. 269. quoted in Brunnbauer 2000, pg 152.

organization. The state-owned assets were privatized, and these countries adopted structural adjustment policies, combining international market economy models with local variations (UNIFEM, 2006: 13).

The economies of CEE countries moved slowly to adopt to the market-oriented structural reforms and many of these countries faced unanticipated and disastrous consequences called as the shock-therapy. Along with privatization, market economies opened price and wage liberalization. During the communist regime, the governments guaranteed employment to all, fixed wages, prices of goods and services were centrally regulated, and the social goods were subsidized. But economic restructuring changed the fundamental patterns, leading to deregulation, liberalization and privatisation. There was decline in wages, increase in prices, subsidies were withdrawn or cut, and almost 10-30% %of jobs in the economy disappeared. The transition resulted in mass unemployment, poverty and rising levels of social inequality (UNIFEM, 2006:13). The transformation brought about major changes in social institutional, economic and political fabric of these nations. The consequences of this transformation were mixed and debated but it is almost agreed that some were positive some were negative. As Brunnbauer comments at "More than ten years after the beginning of transition, the balance sheet of the transformation of communist societies and centrally-planned economies into liberal democracies and capitalist market economies is still disputed. Some scholars put the emphasis on the increase in political liberties and hail the prospects of economic growth stimulated by privatisation and restructuring, while others focus on the enormous social costs of economic restructuring" (2000:151).

How did the transformation impact lives of the women? A large number of studies have established that women suffered economic setbacks after introduction of market economy. Unemployment and poverty increased, and there was a decline in the health and social status of women (UNIFEM:2006, Thorborg: 2002, Brunnbauer:2000, Fodor and Balogh:2010). In 1994, the American sociologist Gail Kligman summarised the post-89 developments concerning women as: "A sharp drop in political participation of women in the public spheres of governance, an increasing feminization of poverty and of refugee populations, pronounced changes in reproductive policies, and a renewed emphasis on the role and responsibility of women as reproducers of cultural identity".

Economic status:

During the Communist era women's participation in the work force was exceptionally high. As per the COE Report (2004), "Before the collapse of the previous system, there was no open unemployment in the countries of post-communism transition. In the first half of the 1990's, GDP

dropped by 15-% in the Central Eastern countries, by 35-45% in South Eastern Europe… altogether 26 million jobs were lost, which is 13% of the total number of workplaces before the changing of the system. Out of these jobs there were 14 million that had been filled by women".

Fodor and Balogh (2010), argue that "While in Western European countries the turn of the century witnessed a growing percentage of women entering the labour market and the promotion of social policy – if somewhat hesitantly – preparing to support this change, the opposite trend is widely noted in Eastern Europe after 1989". The researchers comment that the 'Women's labour force participation rates declined by approximately 20 to 25% in each of the thirteen countries[58] they collected data from for the study. Quoting Einhorn (1993), they further suggest that, the party programs and policy makers distanced themselves from the state socialist emancipation project, which had emphasized the importance of paid work for all.

The decline in women's economic status can be established through the figures indicating decline in female employment. In Romania, 13.5% of women and 9.1% of men were unemployed in 1994. In the Republic of Macedonia, women amounted in 1997 to 38% of all employees, but 45.1% of those who were unemployed. The unemployment rates of women were not higher than those of men in all countries, but this can partly be explained by the official unemployment statistics counting only those who register as such. Those – mostly women – who completely withdraw from the labour market are not officially regarded as 'unemployed'. The gender gap in crude activity rates (that is male minus female rates) has, thus, risen throughout the region. In particular, women raising small children, as well as older women, have problems in the more competitive labour market (Brunnbauer, 2000: 158). Women were primarily employed in service sectors, where salaries were low and were often paid after long delay.

The general rate of unemployment for both men and women in these countries went up as they adopted market oriented-open economy. In the new economic organization women could retain their 40-50% employment rate, with regard to the formal economy. The women who were inhabitants of rural areas were particularly in a disadvantaged position, the state owned agricultural co-operatives dissolved and there was, poor demand for privately produced products in the market (COE, 2004). However, even after transition women continued to remain employed in sectors like, public health, education, science, and information and culture just like the communist times. In the Republic of Macedonia, for instance, two-fifths of all female

[58] The researchers collected data from thirteen eastern European countries regarding various variables. These countries were Belarus, Bulgaria, Czech Republic, Estonia, Hungary, Latvia, Lithuania, Moldova, Poland, Romania, Russia Slovakia, Ukraine

employment was in the field of health care, education and public administration. Women were employed in low-qualification, export-oriented industries, such as clothing or shoe making. These industries were vulnerable because of shrinking export opportunities, and often many jobs were cut during the process of restructuring.

Brunnbauer posits, "Poverty and unemployment have forced many women to the very margins of society, where tens of thousands of the most desperate end up in prostitution. Young women are especially vulnerable, and are often forced into prostitution and sold into virtual slavery in west European brothels. Aside of falling rates of employment, women are also faced with gender gaps in pay as a result of gender-based occupational segregation. As in most countries around the globe, women are clustered in lower-paying, lower-status occupations and are not equally represented in senior and decision-making positions" (2000:159).

A large number of unqualified and low paid women were pushed out of the labour market during transition but the percentage of employment among women with a college/ university degree went up as they could retain their jobs. The memory of the forced participation in the labour market gave the illusion to many women that it was better for them to take up the role of full-time mothers and housewives. At the same time, there is great pressure on households to maintain and earn two incomes, forcing men and women to continue work or find employment (COE, 2004).

The chances of finding employment for women after transition were restricted by their domestic responsibilities because of the withdrawal of state institutions from the childcare system. Childcare agencies and Nurseries for children were less used in the whole of the region (in the case of children under 2 years old), especially in the Baltic States and in the NIS countries. In the Czech Republic and in Slovakia nurseries in the years after transition were practically liquidated. In several other countries, the number of places in nurseries has sharply declined, hence making it very difficult for women to opt for child care facilities (COE, 2004). The employers too in the private sector preferred hiring male workers over female workers so as to avoid or restrict usage of maternity and parental leave. Data in Table-1 demonstrates the decline in rate of economic activity among males and females a decade after transition in the countries in the region.

Table-1

Country	1990-1995 women	1990-1995 men	1995-2004 women	1995-2004 men	1990-2004 women	1990-2004 men
EU-8						
Czech Republic	-8.5	-1.5	-1.8	-3.1	-10.3	-4.6
Estonia	-7	-5.8	-1.1	-5	-8.1	-10.8
Hungary	-6	-7.4	2.2	0.8	-3.8	-6.6
Latvia					-12.7	-11.7
Lithuania	-5.1	-2.7	-3.4	-7.8	-8.5	-10.5
Poland			-3.4	-4.2		
Slovakia	-8.5	-4.5	1.3	-0.1	-7.2	-4.6
Slovenia	-2	-1.9	0.4	0.1	-1.6	-1.8
SEE						
Albania	-19	-2	-3.2	-5.8	-22.2	-7.8
Bulgaria	-2.4	-2.9	-2.5	-0.7	-4.9	-3.5
Croatia					-2.5	-8.9
Romania	5.5	7.2	-11.7	-11.4	-6.2	-4.2
Serbia & Montenegro			-8.5	-12.3		
Western CIS						
Belarus			-2.5	6.2		
Moldova					-5.8	-11.7
Russian Federation	-12.6	-14.1	-0.1	-2.2	-12.7	
Ukraine			-6.4	-4.7		

Source: UNECE Gender Statistics Database

The countries in Central and Eastern Europe traditionally have been dominated by patriarchal value system especially with regard to sharing of household domestic responsibilities and parenting duties between the parents. According to Brunnbauer "women's loss of political and economic status is not only an unavoidable by-product of transition, but also the result of the deliberate choices which have to be made despite all the economic constraints. These choices reflect to a large extent existing power relations between the genders in politics, as well as notions about the roles of men and women in society" (2000:161). Under the patriarchal system, women hold the prime responsibility of rearing and socialization of children. Coincidently, women often tend to have maximum amount of domestic responsibilities at that age and stage in their life when they are in the most productive age bracket in the employment sector as well. Thus, domestic responsibilities more often than not tend to be the foremost reasons for gender ine-

quality in employment and remuneration, as women have to devote substantial amount to time catering to domestic needs. The breakdown of communism is associated with moral vacuum and crisis. The loss of sense of security in many walks of life had an opposite effect; it led to strengthening of traditional values and role models. To make up for the loss of security and achieve balance in family life and create a healthy society, people strengthened traditional values, that assigned men greater role in public life and relegated household tasks to women (Brunnbauer, 2000).

In some cases such as Slovenia and Croatia, the Catholic Church has also put pressure upon women to adhere to traditional family norms. In both countries, the church has pushed for the abolition of abortion, albeit without much success because the populations have been against such restrictions. The severest cultural backlash has occurred in countries ruled by nationalist regimes in which "Genders are divided as *naturalized* sexes in order to make them complementary agents of the Nation".[59]

After the transition the liberals, reformed communists, social democrats and feminists emphasised upon the issues of gender equality. But due to differences among themselves these groups could not achieve much and also because of poor representation of women in politics the women's issues were not taken up as important issues and were subsequently sidelined. Moreover Brunnbauer writes that, 'In traditional nationalist discourse and politics, women are primarily defined by their role in the biological and cultural reproduction of the values that a nation upholds. Women are not seen as individuals in their own right, but as instruments for the higher ideals of the national collective, quite similar to the discourse in socialism'. As it has been expressed particularly in war-afflicted countries for, in war, women "Can only be a wife of the dead hero, or a mother of the dead hero, or a daughter of the dead Hero".[60]

The collapse of communism and political upheavals brought turmoil in the lives of masses in general and women in particular in these countries. It resulted in decline in economic status and independence and rise in the percentage of female unemployment. Women were suddenly out of jobs, as they were hit hard by withdrawal of subsidies, downsizing, privatisation and and job cuts in the market. In the process of political and economic restructuring gender issues were not much focussed upon. Unfortunately, the period of turmoil and uncertainty did not even see rise of any women's movement asserting their rights. In the decade following transition, women were withdrawn from public life and were forced to take care of domestic activities. The problems emerging from transition were cultural one rather than

[59] Papic, 1999, quoted in Brunnbauer, 2000: 162.
[60] Pavlović, 1999, quoted in Brunnbauer, 2000: 162

legal as the prevailing patriarchal mentality across the society did not let women come up openly to stand for their rights.

The socio, political and economic conditions and situation of women began to change after one and half decade of transition. But then the position in women all over the world in general and in Europe in particular - both in East and West- has been almost similar and particularly when societies are hit by any crisis women are hit harder. The financial crisis in Europe has for example impacted women equally both in East and West Europe. From job segregation to rising unemployment rate, from difficulty to return to work, to the feminization of poverty, the irony is that fewer women are in work despite having better qualifications. The latest report (2014) on gender equality by the EU Commission states that the overall employment rate for women in Europe is around 63 %, compared to around 75 % for men aged 20 to 64. On average, women in the EU earn 16 % less per hour than men. The gender pay gap varies across Europe. Although the share of employed women continues to increase and that there are more university-educated women than men, the payment women receive for work performed is still lower than for their male colleagues.[61] It is below 10 % in Slovenia, Malta, Poland, Italy, Luxembourg and Romania, but wider than 20 % in Hungary, Slovakia, the Czech Republic, Germany, Austria and Estonia. Although the overall gender pay gap has narrowed in the last decade, in some countries it has grown, for example in Hungary and Portugal.[62] The gender pay gap exists even though women do better at school and university than men. On average, in 2012, 83 % of young women reach at least upper secondary school in the EU, compared to 77.6 % of men. Women also make up 60 % of university graduates in the EU. The impact of the gender pay gap is long-term, since it means that women earn less over their lifetimes, which results in lower pensions and a risk of poverty in old age. In 2012, 21.7 % of women aged 65 and over were at risk of poverty, compared to 16.3 % of men.[63]

However despite these setbacks there were some areas where one can recognise the positive effect of the transformation. According to Vesna Nikoli-Ristanovi, “One of the most important changes is reflected in the development of the women's movement and women's self-organising that is seen, for instance, in women's claims for new rights and protests against the erosion of previously (at least formally) recognised rights. Women's advocacy, although faced with many obstacles and resistance as the new economic systems have developed, has led to some important

[61] https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/si/Documents/about-deloitte/si_shexo_women-in-business-in-ce.pdf pg. 25
[62] http://www.iwm.at/read-listen-watch/transit-online/women-survived-post-communism-didnt-laugh/
[63] Ibid.

achievements. Prime examples in Serbia include legal changes that improve women's protection from domestic violence, marital rape and trafficking, and in more general terms, the emergence of more women-friendly institutions" (2004:3).

The story of transition from communism is almost three decade old now, however changes are continuously happening. Along with adaptation to the changed political and economic structures, the situation in CEE is also influenced by interplay of global forces and factors. At one level these problems seem to be universal affecting women belonging to regions all across the world, at the same time they seem to be specific to women who experienced transformation and lived it in their everyday life. It is rather difficult to gauge changes at micro and macro level in all the spheres of activities women are engaged in this region. Inspite of some countries in Europe, such as Nordic, registering highest achievements in the field of gender equality, the eastern and southern European countries lag behind. Democracies guarantee equal participation of men and women and no democracy is real democracy unless it allows equal participation of women not just in words but in spirit as well. The situation in Europe has changed now, and gender democracy has been and has to be an indispensible part of changing contours and emerging dynamics. According to Slavenka Drakulic, "ultimately, young women in the former communist countries have also been emancipated from above. Like their mothers and grandmothers, they enjoy, at least formally, the rights that women in the Western democracies had to fight hard for. But on the other hand, it is exactly this kind of emancipation that makes them so passive".[64] The transformation also led to general emancipation of women giving them space to accomplish their goals in liberal and democratic environment.

[64] Ibid.

Dr. Preeti D. Das,
Assistant Professor
Centre for Russian and Central
Asian Studies
School of International Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi

GLOBALIZATION, RELIGIOUS REVIVAL AND ITS IMPACT ON CULTURAL DIVERSITY

Introduction

The religious and cultural identities play a crucial role as part of cultural heritage of the nation in making of national identity. Though contested religion is considered to "form a fundamental component of identity". Dissected religious identities, as argued may "oppose the state's efforts at identification or form the basis of political communities" or be manipulated. In multi-cultural and multi-religious societies it is not necessary that the state's religious identities be accepted by all its ethnicities or groups, rather it can even be resisted by some or many (Johnson & Benjamin 2005). Both Russian and Indian societies have throughout been multi-cultural and multilingual and any single religious identity or national identification cannot be considered to be all-inclusive identity. Both of these civilizations have had a deep history of beliefs and traditions. However major difference between the two countries is socialist ideology, which was once a significant part of Russia, which restricted religious practices, whereas Indian religions never faced any such restriction. The other major point is that culturally and religiously diverse groups became part of one nation 'India' as a result of freedom struggle, whereas formation of Soviet Union was ideological and forceful. Nonetheless, revival of traditional and religious practices based on the revived religious and cultural identity is common to both the countries. Apart from this the restoration process is based on the social memory. Increased interest towards memory studies with regard to restoration of social and cultural traditions started beginning from the 20th century. This process was so vibrant that it extensively increased interest towards past memories and captured socio-cultural and religious aspects of most different societies.

What is unique about religious and cultural policies of specific countries and what is coming to the regions as part of globalization? Are religious fundamentalisms permeating twenty-first century consciousness, conscience and the society change the way religion and politics is viewed? Hence it is important to understand what religion is? As is known the word "religion" signifies "binding, readdressing something sacred, constant and

unchanging." It is associated with the concepts like religious teachings, practice and organization all combined together with the faith. Consequently it is the faith that is the principle creative aspiration of humanity, which defines life, views, actions, imagination and feeling and allows for the possibility of sacrifice. In case of Russia, religious awakening was accompanied by the loss of trust and faith in Communism, as it was not only a political or economic system but also a faith. As per the arguments raised by Yuri Glazov in his book "Russian mind since Stalin's death" the partial religious revival can be traced since 1953 after Stalin's death when society faced "crisis in Soviet ideology and in the spiritual body of the nation as well" (Glazov 1985:115)

Religious Revival

After decades of isolation the experience of religious revival in Russia is unique. Towards the last few years of Soviet Union along with the religious revival there was influx of new religious movements. This was accompanied by introduction of practices of hypnotism and diverse practices of meditation. People could openly express their desire to be buried as per the Russian Church rites. Initially the bibles were distributed free of cost and later they were sold though very cheap. The demonstration of hypnotism was openly performed everywhere including in the conference Hall of State Universities. This was certainly the revival of religion in a country, which followed atheism for so long. It is noteworthy that, immediately with the introduction of Law on Freedom of Religion 1990 Russian Orthodox Church and Islam had predominant influence and presence throughout Russian society and Russian politics. This could be due to their traditional and historical existence and significance. Consequently, it is noteworthy that, Russia with the majority of Christianity has a very large Islamic presence. Though the Orthodox Christianity a lot has shaped the consciousness, character, worldview, behavior and the political and economic distinctiveness of Russian history. The shift started with the change in the Church - State relations in 1988 when the Russian Orthodox Church was granted the status of legitimate public institution leading to end of policy of State atheism. However, the process of religious revival in Russia is highly contested and the reason cited for the same is the relative position of different religions developing in Russia in a changing situation within the country. In the Post-Soviet Russia religion continues to play a significant role. Some of the interactions with people reveal – "But the boring Soviet life and spiritual dissatisfaction gave me no peace, and somewhere at the end of 1955, in my 19th year, there occurred an event, outwardly unnoticeable, which however overturned my life and (finally) brought me here. This event occurred in my soul and consisted of the fact that I understood in what kind of society I was living. Despite all the naked Soviet propaganda, I understood that I

was living under a regime of absolute rightlessness and absolute cruelty. Very many students came to the same conclusion at this time, and in time there appeared those who thought as I did, and we all considered it our duty to tell the people of our discovery and to somehow act against the triumph of evil." (Rose 1980)

On the other hand in India practicing one's religious ideology was always permissible, however, State followed the principles of secularism. Article 25(1) in the Constitution of India 1949 guarantees the freedom to all "freedom of conscience and the right freely to profess, practice and propagate religion". Article 25 (2) points out that "nothing shall affect the operation of any existing law or prevent the State from making any law" (b) "providing for social welfare and reform or the throwing open of Hindu religious institutions of a public character to all classes and sections of Hindus Explanation I. The wearing and carrying of kirpans shall be deemed to be included in the profession of the Sikh religion Explanation II. In sub clause (b) of clause reference to Hindus shall be construed as including a reference to persons professing the Sikh, Jaina or Buddhist religion, and the reference to Hindu religious institutions shall be construed accordingly". Massive victory of BJP 2013 onwards opened up a new platform in multicultural and multilingual country India for religious beliefs and practices. This religious revivalism has gone beyond confined religious dogmas and practices. The diverse communities belonging to different religious and cultural groups are coming close for the overall development of the region. That got reflected in the General Assembly Election 2014 of the country and the State Assembly election of Uttar Pradesh in 2017. Since then religious revivalism in across India took an altogether different path though the country continues to remain 'secular' politically. Consequently, in India there is continuity in the religious and cultural practices unlike Russia where a religious revival began after a long break.

Constitutional provision

As has been mentioned, the constitution of all the modern multicultural societies provides for freedom of religion, similar to the constitution of Russia and India. Several amendments were made to the Russian federal law "on freedom of conscience and religious associations" over the year. Nonetheless, some of the laws and policies introduced in Russia do restrict religious freedom and discriminate among religious groups and denying some groups legal status. Therefore, in practice some of the other religious groups experience these restrictions. As per another amendment the requirement for religious groups to prove that they had existed for past 15 years in order to be registered as religious organizations, however the requirement for religious organizations to provide information about their

continued activities on an annual basis was removed. This law formally gave Orthodoxy, Islam, Buddhism and Judaism equal status as the traditional religions of Russia Though there is no state religion, but the dominant Russian Orthodox Church and other "traditional" religious communities receive some preferential consideration. For example the law "on freedom of conscience, and on religious associations" (1997) does asserts that Judaism - the national religion of Jews alongside Christianity, Islam, and Buddhism is one of the religious traditions of Russia.

On the other hand the constitution of India very clearly mentions that secularism is the basic structure of the constitution. Clause (1) of Article 28 prohibits imparting of 'religious instructions' in educational institutions fully maintained out of State funds. Nonetheless the words 'religious instructions' have been held as not prohibiting education of religions dissociated from 'tenets, the rituals, observances, ceremonies and modes of worship of a particular sect or denominations'. Article 28 (1) of the Constitution does not prohibit the academic study of the teaching and the philosophy of any great Saint such as Kabir, Gurunanak and Mahabir.

Theoretical Perspective

Any restoration process, including cultural and religious, is connected with formation of the image of the past. But this process is understood from two different perspectives. Supporters of much more broad understanding consider the historical details of past and present geographically are of significance, whereas the "purist" have a narrow view and limit it to frameworks of history of science and forms of reflection on this or that subject matter. However, the cultural exchange cannot always be one sided or always one dominating over another. Matthew Arnold has rightly pointed out that people do have the habit of imposing their own ideas and beliefs on others (masses) whom they think are inferior to themselves-

"Plenty of people will try to give the masses, as they call them, an intellectual food prepared and adapted in the way they think proper for the actual condition of the masses. Plenty of people will try to indoctrinate the masses with the set of ideas and judgments constituting the creed of their own profession or party. Our religious and political organizations give an example of this way of working on the masses. I condemn neither way; but culture works differently. It does not try to teach down to the level of inferior classes; it does not try to win them to this or that sect of its own, with ready made judgments and watchwords" (McIlroy 1993)

There are a number of definition of culture available, however, the best-suited definition for the proposed paper is the definition used by Alex Mesoudi - "culture is information that is acquired from other individuals via social transmission mechanisms such as imitation, teaching, or language"

(Mesoudi 2011: 3-4; E. B. Tylor 1871:1). Other modern cultural evolution scholar have defined it as - "Culture is information capable of affecting individuals' behavior that they acquire from other member of their species through teaching, imitation, and other form of social transmission" (Mesoudi 2011: 221; Richardson and Boyd 2005: 6). It is further argued that defining culture, as 'information' does not mean, "culturally acquired information does not affect behavior … of course it does" (Mesoudi 2011: 4). However, these definitions point towards only acquiring "information" and its reflections on "behavior" of an individual. It does not indicate the direction of "information" flow. Can "information" be transmitted from one side to the other or it is mutual exchange between cultures? By nature culture is "adaptive" and constantly enriching itself with mutual interaction with other culture.

Similarly, thoughts on globalization entail cultural homogenization and most commonly in the guise of Americanization also negatively affecting the minds of people deeply attached with the traditional values. Often cited the examples of Americanization or Westernization is Mac Donald or the brands "Levi Strauss", "Peter-England", "AND", "Marks and Spenser" etc. Nonetheless, these do not clearly point towards the cultural homogenization. While discussing cultural homogenization Kimberly discussed Hall's view that "commodification and consumption of difference does not occur without resistance from more traditional and conservative forces like the moral majority coming from the same places" (Kimberly 1999:63). Though this viewpoint has found more or rather acceptance in a new region for consumer goods only. There may be initial, region specific, resistance to certain commodities; nonetheless most of the time slowly new products are adopted by the 'other' culture. However, the same cannot be true to cultural values or religious issues. It may take much longer time for a foreign cultural belief or value to be part of the local cultural values. As per discourses and debates "such theories depend upon a notion of cultures behaving as substances, which flow intact and "easily dissolve the differences that they encounter" (Kimberly 1999:64; Featherstone 1995:9). The distinction Featherstone made is that "world can no longer be perceived as extending out from one central point … but rather from many global centers" He points out Japan and East Asia as "competing centers," though the notion of more than one center seems to introduce the need for a new metaphor. Hence the world with multiple "center" suggests not cultural uniformity but new levels of differences. (Featherstone 1995:13) Thus the globalization not only opens up different aspects of local religion and culture but also exposes to the whole world with the complexity of volume this diversity can bring about due to the ongoing changes that occur in religious and cultural diversity.

Indian Thought

Indian perspective, especially of Vinoba Bhave, offers a balanced approach in the matter of religious and cultural understanding. Great Indian philosopher, social reformer and religious man, Vinoba Bhave studies all religions of India and some other countries. In his work he quoted from Vedas - "Ekam Sat Vipra Bahuda Vadanti", meaning truth everywhere is the same; the devotees worship it in different forms. Or, the other meaning of this Sanskrit couplet is "the thought of truth everywhere is the same, we have understood only part of it, others have understood the other part of it". Therefore, according to him, different religious thoughts can be assimilated and synthesized for creating harmony. In the world, different thoughts on relationship of man with God and nature are to be found in various religions like Hindus, Buddhist, Parsies, Jains, Yahudies, Islam, Christians and many others. These different thoughts influenced millions of people who are following them. The Common factor of all these thoughts should be understood as the ultimate truth dwelling deeper into these leads to knowledge.

As per Indian scholars, democracy cannot survive and Constitution cannot work unless Indian citizens are not only learned and intelligent but they are also of moral character and imbibe the inherent virtues of human being such as truth, love and compassion. Some of the ethno - religious conflicts that took place in certain pockets of Russian and Indian society will help to understand the changes and its impact on cultural diversity of Russian and Indian societies.

Religious revival in Russia

Period from 1985-1991 was crucial not only for political and ideological changes but also for religious revival in Russia. Being part of the then USSR I, myself, witnessed some of the changes that occur in the region. On one hand at the university level we were introduced with the Marxist-Leninist ideology, soviet atheism, significance and role of CPSU, whereas, the interaction at the family level gave exposure to the hidden spiritual life of people. It came as a surprise that apparently Soviet society was atheist but in reality people did belief in Orthodox Christianity and similarly other religious beliefs. Soviet atheism could not completely eradicate the religious faith from the minds. Fr. Seraphim Rose very well highlights this belief in his article highlighting the talk held at the University of California, Santa Cruz. Feelings expressed here were very common to different people in the then soviet union.

"And suddenly there came a second, when somehow for the first time I saw (as if a door had opened from a dark room into the sunny street), and in the next second I already knew for sure that God exists and that God is the Jesus Christ of Orthodoxy, and not some kind of Hindu, Buddhist, Jewish, or other God. I call this moment the greatest miracle because this pre-

cise knowledge came to me not through reason (I know this for sure) but by some other way, and I am unable to explain this moment rationally… And so by such a miracle my new spiritual life began, which has helped me to endure another thirteen years o life in concentration camps and prisons, a forced emigration, and, I hope, will help me to endure all the difficulties of emigrant life.

> "And this 'moment of faith,' this greatest miracle, is being experienced now in Russia by thousands of people, and not only in the concentration camps and prisons" (Ogurtsev).

Hence, religious revival in Russia is also to be able to openly express oneself, promote its ideology and right to visit religious institutions. Broadly religious revival in Modern Russian society provided equal platform to different traditional and non-traditional religions. Even for Jews in Russia the period is considered to be a renaissance period. However, some incidents of popular and legislated anti-Semitism can still be observed. Media highlighted some specific incidents of grassroots anti-Semitism like graffiti on synagogues and violent attacks against Jews. Nonetheless, it was argued that these are the acts of some insane people and not directly targeting Jews and attacking their religion and that the Federal Registration Service could become an instrument for suppression of freedom of belief. Similarly the attack of 2006 when a 20-year-old man assaulted worshippers was sent to prison for 13 years and mandatory psychiatric treatment.

Debates and discussions have been over the steps taken to control a religious text that incites national and religious hatred. Amendment to Russian law on freedom on conscience of 2006 enabled authorities to close down religious associations more easily by allowing the Federal Registration Service to carry out inspections at the slightest suspicion of extremism and go to court to get association banned. However, this step is crucial in maintaining law and order. Though there is rise in racial violence and expression of racial extremism, the Jewish population has grown drastically in Moscow as well as in Russia. This would not have been possible had there not been support of majority communities and constitutional protection. Xenophobic acts are recognized as a threat; therefore, a new consultative body "Public Chamber" was created, which serves as a bridge between state and civil society. In addition to this there is a remarkable increase in followers of New Religious Movements and tolerance towards religious and cultural diversity and they have the liberty to follow any religious practices until it is a threat to national integrity.

Indian Society and Religion in India

The impact of diverse religious practices and beliefs can be observed on the life of individuals on daily basis. This is applicable not only to Hin-

duism but also to numerous world religion which originated due to some or other historical reality became part of Indian society and flourished in India. Islam, the largest religious minority in India, spread from the West throughout South Asia beginning from early 8th century. Sikhism, from 16th century onwards, Christianity from the time of apostles, Judaism and Zoroastrianism reached India with the help of traders is represented in small number of population mostly concentrated on the West coast of India. Consequently since centuries these diverse cultural beliefs have been coexisting and even to an extent intermarriages took place between these different communities. The impact of Buddhism, Jainism, Islam and other religion can be seen on overall Indian art, philosophy and society. The division of Indian federal states was done based on the linguistic principles; nonetheless practically all the Indian republics are multiethnic in its composition. It is to be noted that the violent ethnic conflicts did erupt but only in certain pockets, which could have taken a shape of full-scale of civil war, but till date it was avoided.

Though India adopted a form of secular democracy since independence the Hindu - Muslim debates has been contentious. It is often argued that identity politics of 1980s, whereby people mobilize politically around particularistic identities, be it religion, caste, sati or language, has promoted the political expediency of organizations and political parties such as Bhartia Janata Party (BJP) (Guha 2007:546). However, recently BJP has been considered a party who is now considered to be all-inclusive and come above caste and creed to unite people belonging to different ethno - religious identities. This is obvious from the recent elections (2017) held in one of the largest state Uttar Pradesh of India. It is worth mentioning here that revival of religion, especially of Hinduism, has been more prominent in the last few years, the results of forthcoming election in 2019 will bring more clarity for ethno-religious relations and their trust with a political party in India.

It was the Hindu ideology that inspired the most notable incidents of Hindu - Muslim violence in recent past, such as the Mumbai riots (1992, 1993) and the Gujarat riots (2002). Nonetheless, as per the William Crowne (2013; April 24) these riots mainly erupted due to de-industrialization of Mumbai and Gujarat areas. Consequently, the process of industrialization, unemployment and poverty are pointed out to be as the main reason behind these clashes rather than religious.

Another state with Hindu majority and with a large Muslim majority in the capital city Bhopal is Madhya Pradesh. As per the census report of 2001 in the state of MP there are 91.14% Hindu, 6.36% Muslims, 0.282% Christians, 0.34% Buddhist, 0.9 Jain, 0,67 others out of total population. Only in Bhopal there are only Hindu - 2.44%, whereas Muslims are 10.96%, Christians are 11.99%, Sikh are 7.5% of the total Sikh population

of MP, Buddhist is 9.8% and Jain is 4.07% and others are 0.05%. There has been no major conflict reported, though it would be wrong to say that ethno - religious clash do not exist.

Communal violence and Minority Protection

Despite government efforts to foster communal harmony extremist groups continue to attack some religious minorities. Hence, The Ministry for Minority Affairs, the National Human Rights Commission (NHRC), and the National Commission for Minorities (NCM) are some of government bodies which were created to investigate allegations of religious and other forms of discrimination and make recommendations for redress to the relevant local or nation government authorities. The Communal Violence (Prevention, Control and Rehabilitation of Victims) Bill in 2005 was rejected by a parliamentary standing committee and called for a new law that provided for speedy prosecution and strict punishment. The National Commission for Minority Education Institution was empowered to resolved disputes and investigates complaints regarding violations of minority rights. Federal and state laws related to religion included - Foreign Contribution Regulation Act (FCRA) 2006 and several other state level "anti-conversion" laws, Unlawful Activities Prevention Act, and the 1988 Religious Institutions (Prevention of Misuse) Act. There are active "anti-conversion" laws in five of twenty-eight states: Orissa, Gujarat, Madhya Pradesh, Chattisgarh and Himachal Pradesh. Gujarat has its own Freedom of Religion Act (2003) and rules (2008). All these ban religious conversion by means of any kind of force (State Gov. 2008).

Although NHRC recommendations do not have the force of law, nevertheless, central and local authorities followed their recommendations. These institutions mainly see to the enactment of "anti-conversion" legislation in states. Some of the examples of the intervention of NHRC and NCM are instances of 2002 anti - Muslim violence in Gujarat and 2008 attack against Christians in Orissa. If to compare the complaints received by NCM in the year 2008-2009 was 2268 as compared to complaints received in the year 2007-2008, and the majority of complaints were received from Muslim communities.

Recent election (2017) results in states like Uttar Pradesh, Uttarakhand, Goa and Manipur point towards that people have not voted based on their caste and religion. To an extent Bhartia Janata Party or policies of Narendra Modi have succeeded in bridging the gap between communities and religious groups of these regions in the name of development. People came together as they want improved and qualitatively better life. The dramatic victory of Bhartia Janata Party is significant in Uttar Pradesh as this is the state with largest cultural diversity not only in terms of inter - caste difference but also in terms of Hindu - Muslim divide.

Conclusion

Apart from internal challenges faced by Russian and Indian societies there were conflict of interest as far as the religion is concerned. The spread of modern religious organization started only after the collapse of Soviet Union. In addition to revival of Orthodox Christianity a large number new religious organization came up including a number of Hindu organizations such as International Society for Krishna Consciousness, Brahma Kumari, Ramakrishna mission, Anand Marg etc. It is noticeable that the number of Russian followers of different versions of Hinduism has grown much more than in any other countries, especially Vedic. These are not necessarily the people who have converted their religion but are following the life style and meditate as directed by Hinduism. Similarly, in India there is increased enthusiasm among youngsters to know more about Russian Orthodox Church. Though Russian Orthodox Church does not have a separate building of its own in India it has started functioning in Russian Embassy.

Religion is most significant part of culture - religion is all about inner belief and religious ideology whereas culture is more associated with the day-to-day life style, behavior, traditions, food habit, dance, music, traditional artifacts etc. Though, religious ideology does propagate certain life style. Religious revival in Russia was more to do with the search of peace, belief in supernatural and strength to overcome adversaries, which will save them even in the most melancholic conditions. All this only points towards that religious diversities only supplement each other. Hence, the initial questions raised in the beginning - Can the vast existing diversity - ethnic, religious and cultural diversity contribute in the creation of global culture and global peace? The answer, probably, would be yes provided they supplement each other rather that contradicting. The growing socio-cultural conflict, apparently religious as projected sometimes, are not only the result of religious revival, but unemployment, poverty play key role both in Russian as well as Indian society. Practically all the social institutions of modern multicultural societies point towards the religious and cultural tolerance.

Unlike the theories on globalization propounded by western scholars where impact of dominant culture is stronger, Indian philosophy gives space for mutual enrichment. Example of Russian society very clearly shows that artificially imposed political restrictions on socio - cultural dynamics cannot stop the cultural and religious process, though it can be stopped for certain timeframe. The nature of interethnic conflicts in both the countries due to the changing perception of religion and religious freedom will remain till the policy of tolerance and co-existence are not in place. The concepts like culture and cultural diversity is accommodative by nature as it finds its way even in adverse conditions, like it survived even atheist regime of Soviet Union.

References

Aleksei Vasiliev, Voploshennaya Pamyat: Kommemorativniy Ritual v sotsiologii E. Durkheim, PDF, Cultural Sociology

Dresen F. Joseph Ed., *Religion in Russian Society: State Policy, Regional Challenges and Individual Rights*, Woodrow Wilson International Centre for Scholars, Washington, D.C. 2008

Franklin S. and Widdis E. (Eds), National Identity in Russian Culture, Cambridge University Press, Cambridge, New York, Melbourne, 2004

http://www.censusindia.gov.in/DigitalLibrary/MFTableSeries.aspx (Accessed on 22nd March 2017)

In the Supreme Court of India (Original Civil Jurisdiction) Writ Petition (Civil) No. 98 of 2002, Ms. Aruna Roy and Ors Vs Union of India and Ors

India The Constitution and Other laws and Policies protect Religious Transcripts, PDF, 2011 https://www.state.gov/documents/organization/171754.pdf

Johnson J., Stepaniants M., Forest B. (Eds), Religion and Identity in Modern Russia, The revival of Orthodoxy and Islam, Ashgate Publishing Ltd., UK, USA, 2005

Kimberly J. Lau, Folklore and theories of Globalisation, Folklore Forum 30 (1/2) 1999, 55-71.pdf

McIlroy J., Westwood S. (Eds), Raymond Williams in Adult Education, National Institute of Adult Continuing Education, 1993 https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED358300.pdf Accessed on 13th May 2017

Mesoudi A., Cultural Evolution, The University of Chicago Press, Chicago and London, 2011.

Moravcikova M., Smid M., (Eds), Freedom of Conscience and Religious Freedom, Praha, Leges, 2015

Natalya Khon, Alla Kim; *From Religious Fanatic to maturity in faith: cross confessional tolerance as a way to understand emotional components of others*, International Conference on Communication in Multicultural Society, Procedia Social and Bevioral science, www.sciencedirect.com, Accessed on October 2014, CMSC 2015, 6-8 December 2015, Moscow, Russian Federation

Pivovarov N., Probably We should Strengthen the Fight against such Regionalists, The Policy of Central Committee of the CPSU towards the Council of Churches of Evangelical Christians – Baptists (1964-1969), Russian State Archive of Contemporary History, published in Social and Behavioral Sciences 236 (2016) 368 - 373

Rajan A. K. (Justice), Reservation and some other important issues under the Constitution, Emerald Publishers, Chennai, 2009

Rose Fr. Seraphim, *The Orthodox Revival in Russia,* A talk given on September 1, 1980, at the University of California, Santa Cruz, during the West Coast Conference held in preparation for the thousandth anniversary of the baptism of Russia, http://www.sfaturiortodoxe.ro/orthodox/orthodox_advices_seraphim_rose_american_orthodoxy.htm

Senyushkina T.,(Ed), Religion and Civil Society: Between Nationalism and Globalism, Simferopol, Yalta, 2005

Sharma K., Surviving violence, Making Peace: Women in Communal Conflict in Mumbai, in Kapadia, K. (ed.) - The violence of Development: The Politics of Identity, Gender and Social Inequalities in India, New Delhi: Kali for Women

The Constitution of India, 2014, https://www.constituteproject.org/constitution/India_2014.pdf?lang=en

Vasilieva O. U., History of Religions in Russia ("Istoria Religii V Rossii"), Textbook, Moscow, RAGC publication, 2004

William Crowne, Ethnicity as a Source of Conflict in India, April 24, 2013, E-International Relations Students, www.e-ir.info/2013/04/24, accessed on 22nd March 2017. http://www.e-ir.info/2013/04/24/ethnicity-as-a-source-of-conflict-in-india/

Yuri Glazov, *The Russian Mind Since Stalin's Death*, D. Reidel Publishing company, Dordrecht, Boston, Lancaster, 1985

Голобородько А.Ю.,
докт. полит. наук, доц., директор
Таганрогского института
имени А.П. Чехова (филиала)
РГЭУ (РИНХ) (г. Таганрог)
Самойлова И.Н.,
канд. филос. наук, доц., зав. кафедрой
теории и философии права,
Таганрогский институт
имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ
(РИНХ) (г. Таганрог)

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОМ КОНТЕНТЕ ФИЛОСОФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Важнейшим методологическим основанием любой сферы деятельности (и, конечно, педагогики) является историзм: необходимость опоры на предшествующий опыт слишком очевидна во всех сферах человеческой деятельности, при этом не менее важен вопрос не только и не столько о формальном накоплении и учете прошлого опыта, а о механизмах формирования оценочных суждений об опыте. Но сложность заключается в том, что каждое поколение склонно к выработке своего отношения к прошлому посредством демпфирования возможностей влияния на формирование определенной точки зрения представителей предшествующего поколения. Мало того, каждый человек формируется под воздействием ключевых исторических событий своего времени; зачастую обманутые надежды в настоящем заставляют человека искать ошибки в прошлом.

Французский историк М. Блок отмечал, что существуют поколения «длинные» и «короткие», при этом основным критерием их разграничения является отнюдь не средняя величина прожитых лет, а динамика смены (слома) устоявшейся картины мира и образа жизни. Как отмечает авторитетный ученый, педагог и руководитель в сфере отечественного образования профессор Е.А. Ямбург, «…в последние десятилетия мы пережили столь стремительную смену вех, что перед школой встала необходимость взаимодействия с одним длинным и чередой коротких поколений; длинное – советское в лице бабушек и дедушек, которые по факту более активно участвуют в воспитании своих внуков, нежели занятые родители; череда коротких поколений – перестроечное, мечтавшее соединить демократию, рынок и социализм;

поколение девяностых, уповавшее на рыночные реформы, посредством которых надеялось быстро достичь западного уровня жизни; поколение нулевых, испытавшее на себе шок рыночных реформ и потому по достоинству оценившее преимущества стабильности и укрепления государственности»[65].

Подобный, безусловно, сложный историко-психологический контекст развития молодого поколения неизбежно приводит к созданию условий для потери смыслов и расширению пространства неопределенности. Какой выход для детей и юношества: первый – конформизм (примыкание к воззрениям и ценностному «полю» (содержательно описываемого, очевидно, в контурах преобладания материально-потребительских ориентиров) господствующего большинства: довольно комфортная позиция, избавляющая от груза сомнений и личной ответственности), второй – культурно-смысловая индифферентность, аполитичность (принцип – «оставьте» нас, не донимайте своими проблемами). В конечном итоге обе формы ухода от открытых вопросов приводят к одинаковому результату: автоматизму существования человека со всеми вытекающими печально известными последствиями: гедонизм, цинизм, горячее стремление к карьеризму и др.

Человек 21-го века оказался погруженным в бездну хаоса, неоднозначности, неопределенности пути и перспектив будущего развития, в ситуацию жизни «одним днем»; неустойчивость и усиливающаяся частота разрушения порядков в современном мире превращается в норму, а процессы в режиме с обострением становятся преобладающими, изменяя структуры и конфигурации социумов; в социальном времени образуются провалы – «стирается» коллективная память, изменения социальных структур резко ускоряются и становятся трудно предсказуемыми – они утрачивают устойчивую логику и рациональное целеполагание, из-за чего образ даже ближайшего будущего становится неопределенным; жизненный путь личности вырван из «цепи времен» и почти не связан с преемственностью поколений - человеческие сообщества становятся краткоживущими, а социальная структура – размытой[66].

На авансцену политики, экономики, социального развития в современных условиях выходит проблема человеческого сознания как уникального феномена, динамика, гибкость и продуктивность развития которого способны обеспечить человеку «адаптационный фон» в эпоху информационной революции. По мнению М. Кастельса, новые

[65] Агафонов А. Ю. Человек как смысловая модель мира. Пролегомены к психологической теории смысла. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М». 2000. – 336 с.
[66] Бердяев Н. А. Воля к жизни и воля к культуре/ Смысл истории. – М. Изд-во «Мысль», 1990. – С. 164.

информационные технологии являются не просто инструментом для применения, но также процессом для развития, в силу чего в какой-то мере исчезает различие между пользователем и создателем, пользователи могут держать под контролем технологию (как в случае с Интернетом); отсюда следует новое соотношение между социальными процессами создания и обработки символов (культура общества) и способностью производить и распределять товары и услуги (производительны силы). Впервые в истории человеческая мысль прямо является производственной силой, а не просто определенным элементом производственной системы[67].

В онтологическом (бытийном) плане сознание – есть совокупность текстов, построенных в различных познавательных контурах, которые «пронизаны» смыслом: сознание в актах понимания стремится обнаружить смыслы текстов; понимание, по сути, является процессом смыслообразования. В силу этого сознание можно описать как «множественный самоинтепретирующийся текст, как понимающее себя эго-сознание, сознание есть мультипликативный самоинтерпретирующийся текст»[68]. Человек не просто отражает мир, строя модель мира, но, отражая его, вместе с тем, понимает мир сквозь призму своей модели. Понятия «смысл» и «понимание» предполагают друг друга; моделирование действительного мира человеком возможно благодаря пониманию сознанием собственного текста.

В корреляции с актуальной проблематикой «восхождения на Олимп» информационной эпохи в развитии человечества и обусловленной ею необходимости поиска адекватных инструментов осмысления человеком окружающего его мира виртуальных образов и символов, выскажем предположение, что развитие человечества связано сегодня с совершенствованием форм понимания, что, в свою очередь, предполагает формирование многовариантных стратегий понимания и децентрацию (в терминологии Ж. Дерриды и других исследователей постмодернизма) сознания; актуальная задача - поиск формулы, которая позволит решить проблему понимания мира, в котором мы живем.

Понимание – синоним человеческого присутствия в мире, ведь всякий акт понимания – это акт восстановления мира из хаоса цвета, звука, беспредметной разобщенности, это акт восстановления пространственно-временного порядка, это оформление мира в картину мира[69].

---

[67] Василенко И. А. Имиджевая стратегия современной России. Специально для портала «Перспективы». Электронный ресурс http://www.perspektivy.info/print.php?ID=290229. Дата обращения 25.05.2015 г.
[68] Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. Словари, 1997. – 416 с.
[69] Там же.

Человек всегда жил в трех измерениях – в мире реальном, мире информационном, мире символическом. И именно в современном мире информационные технологии и средства коммуникации оказывают столь мощное воздействие на сознание, что реальные действия и события по большому счету только тогда становятся значимыми, когда они представлены в СМИ, то есть становятся функцией виртуальности.

«Реальность доминирования виртуальности» в глобальном информационном пространстве позволяет адресатам, работая с сознанием человека, внедрять разнообразные технологии манипулирования, обеспечивая среду для формирования нужных образов и символов. На это, как известно, и опирается «мягкая сила», призванная обеспечить «обработку» сознания человека, а точнее, масс посредством информации, знаний и культуры.[70] Эта «мягкая сила», проявляющаяся как особый тип влияния, особый вид власти, непосредственно связанный с информационной революцией, с возрастающим объемом информации, а также со скоростью и широтой её распространения благодаря новейшим инфокоммуникационным технологиям, выступает одним из эффективных инструментов перекодирования сознания человека посредством, в частности, разрушения национального культурно-исторического ядра и переустройства социальной памяти.

Ещё в начале прошлого столетия выдающийся русский мыслитель Н.А. Бердяев в своей, по собственному признанию, ценной с точки зрения понимания его концепции истории, статье «Воля к жизни и воля к культуре», рассуждая о феноменах «культура» и «цивилизация», указывает на, что «...когда в массах человеческих слишком распространяется жадность к «жизни», тогда цель перестает полагаться в высшей духовной культуре, которая всегда в качествах, а не в количествах. Цель начинает полагаться в самой «жизни», в её практике, в её силе и счастье. Культура перестает быть самоценной...»[71].

Полагаем, размышления Н.А. Бердяева весьма актуальны в наше время многообразных, противоречивых, сложных процессов в экономике и социально-культурной сфере, при которых новые стимулы и мотивы поведения человека, разнообразие средств связи и форм общения резко меняют образ привычной индустриально-конвейерной цивилизации и формируют новые ориентиры деятельности человека информационного общества (современная методология синергетики рассматривает общественное развитие как … неоднозначное, каждый его момент предопределяет возможность его интерпретации как точку би-

[70] Герасимов Г. И. Познавательно-развивающая парадигма: инновационное измерение трансформации образования // Гуманитарий Юга России. Научно-образовательный журнал. № 4, 2013. С. 117-134.
[71] Там же.

фуркации...)[72]. На сегодняшнем, «бифуркационном», этапе развития все более активно и обоснованно «звучат голоса» исследователей, постулирующих мысль о необходимости поиска адекватного инструментария оптимизации возможностей «сбалансировать экономическое и социально-культурное измерение бытия человека»;[73] иными словами, речь идет о целесообразности поиска ресурсов, выходящих за рамки только экономических (количественных) показателей развития, – ресурсов качественного, культурного, порядка.

«Человек создан (преображен из животного) миром культуры. Первое дело культуры – заставить и научить нас быть людьми. Дело культуры – дать нам знания, умения и мотивы, чтобы жить в обществе и непрерывно создавать его…».[74] Именно «бытие человека в мире культуры и его пребывание в мире с культурой» – предпосылка осознания человеком чувства реальности и меры, столь необходимые в современных условиях (*ср.* предостережение Махатмы Ганди: «Даров Земли хватит для утоления всеобщих нужд, но не всеобщей алчности»).

Известно, что каждая культура в своем генезисе начинается с манифестации – «Что есть человек?». При этом одним из важнейших является вопрос о соотношении между полюсами материального потребления и нестяжательства; история доказала, что нежелание ограничить свои потребительские запросы не единожды приводило к государственной катастрофе – вплоть до утраты национального суверенитета. Напротив, при наличии механизмов сдерживания и ограничения индивидуальных потребностей народ находил в себе силы не только для преодоления кризисной ситуации, но и для организации исторического прорыва[75].

Нестяжательский ориентир исторически выступал как важный цивилизационно образующий принцип (полагаем, не требуется аргументация тезиса о том, что без идеи христианской аскезы не могла бы состояться, например, и европейская цивилизация); в рассматриваемом контексте позиционируемая и развиваемая в течение значительного периода в истории мирового сообщества сторонниками экономизма как единственно правильная модель устойчивого экономического роста,

---

[72] Дискин И. Е. Прорыв. Как нам модернизировать Россию. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 319 с.

[73] Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществознание. Часть вторая. Курс лекций. Лекция 14. М.: Научный эксперт, 2012. – С. 255

[74] Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса//Этнокультурная специфика речевой деятельности: С. Обзоров/ РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. М., 2000. – 112 с.

[75] См., например: Багдасарян В. Э. Культурное просветительство в системе национальной безопасности России \www.cnsr.ru. Доклад В.Э.Багдасаряна 6.05.2015. Электронный ресурс http://www.cnsr.ru/press-tsentr/analiticheskie-materialy/kulturnoe-prosvetitelstvo-v-sisteme-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii/. Дата обращения 25.05.2015 г.

при которой требуется обеспечение непрерывности спроса (которое достигается в эпоху информационной революции, в том числе посредством инфотелекоммуникационных технологий пропагандистского манипулирования – реклама, электронные СМИ и др.), в начале 21-го века переживает период содержательного переосмысления. Современный экономический и культурный кризис есть в мировоззренческо-ценностном отношении следствие распространения доктрины неограниченного потребительства;[76] терпит сегодня неудачу и модель «сервисного человека» с его ориентиром на рост и индивидуализацию потребностей (все это уже было: анализ гибели мировых цивилизаций позволяет обнаружить достаточно устойчивую, повторяющуюся, модель цивилизационных катастроф, становившихся следствием аксиологической эрозии, одним из непременных проявлений которой оказывалась девальвация ценности нестяжательства, приоритета духовных ценностей над материальными).

Как известно, в глобальном смысле (кстати, по мнению М. Кастельса, сам факт становления и развития глобального пространства (глобальной сети) обусловлен именно революцией в области информационных технологий, создавшей материальную основу глобальной экономики как принципиально новой, отличной от ранее существовавшей, экономической системы) ориентированная на внедрение в сознание конкретного социума запрограммированных образов и символов информационная экспансия способна привести к его культурной десуверенизации.[77]

Считаем, принципиально важным в сегодняшних условиях социально-культурного развития (в том числе в контексте вышеобозначенных тенденций «сосуществования», по терминологии М. Блока, длинного и коротких поколений) нашей страны является разработка и активное внедрение инновационного инструментария в сфере политической власти и различных видах управления, направленных на массовое и групповое сознание[78] – иными словами, речь идет о целесообразности реализации социально-гуманитарной инноватики нового типа, продуктивность которой стратегически значима «в контурах» укрепления культурной и гуманитарной безопасности России.

[76]Багдасарян В. Э. Культурное просветительство в системе национальной безопасности России \www.cnsr.ru. Доклад В.Э.Багдасаряна 6.05.2015. Электронный ресурс http://www.cnsr.ru/press-tsentr/analiticheskie-materialy/kulturnoe-prosvetitelstvo-v-sisteme-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii/. Дата обращения 25.05.2015 г. С.123

[77] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Предисловие научного редактора русского издания\Библиотека Гумер-Политология. М., 2014 г.

[78] Основы государственной культурной политики. Утверждены 24 декабря 2014 г. Указом Президента РФ В. В. Путина № 808. Цитируется п. 2.1 Документа// http://base.garant.ru/70828330/

Нами, в парадигме политологической инноватики как составной части сферы социально-гуманитарных инноваций нового поколения при активном участии и консультационной поддержке д. полит. н., профессора А.М. Старостина и д. полит. н., профессора А.В. Понеделкова разработан авторский когнитивно-методологический конструкт, представленный в виде государственной культурной политики, которая рассматривается в рамках разработки инструментария укрепления национальной безопасности современной России.

Как известно, в декабре 2014 года Указом Президента РФ утверждены «Основы государственной культурной политики»; в Документе, в рамках описания оснований для выработки государственной культурной политики, отмечается, что «…перед Российской Федерацией стоит задача в исторически короткий период осуществить экономическую и социальную модернизацию страны, выйти на путь интенсивного развития… Это возможно только при условии планомерных и последовательных инвестиций в человека, в качественное обновление личности. В недавнем прошлом такие вложения были явно недостаточными, что создало угрозу гуманитарного кризиса»[79].

Описываемый нами в русле положений, определенных «Основами государственной культурной политики» инструментарий культурной политики как исследовательский конструкт, предусматривающий в контексте социально-гуманитарной инноватики разработку комплекса управленческих решений, призван аккумулировать мощный потенциал защитно-охранительной культуры в практике государственного управления.

В ходе нашего исследования выявляются, в частности, тенденции нового понимания культуры в реализации национальных интересов России как основы государственности, ресурса социальной стабильности, экономического роста; определяются ценностно-смысловые основания культурной политики, её ресурсное и технологическое обеспечение; кроме того, осуществляется попытка рассмотрения инструментария государственной культурной политики в контексте факторов и условий развития «культуроцентричных» парадигм функционирования отечественной системы образования.

Применительно к сфере образования разрабатываемый нами инструментарий государственной культурной политики конкретизируется описанием релевантных (с точки зрения позиционируемой гипотезы результативности аккумулирования защитно-охранительного потенциала культуры в управленческой практике) свойств современного педа-

[79] Пономарева Е., Железная хватка «мягкой силы», журнал «Однако», 26.02.2015. Электронный ресурс http://trueinform.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=12071. Дата обращения: 25.05.2015 г.

гогического дискурса, рассматриваемого нами в ценностно-целевом измерении как «образовательно-воспитательный» модус сосуществования его участников.

Цель педагогического дискурса[80] – социализация члена общества (объяснение устройства мира, норм и правил поведения, организация его (человека/члена общества) деятельности в плане приобщения к ценностям и видам поведения, проверка понимания и усвоения информации, оценка результатов); специфика ценностей педагогического дискурса состоит в том, что он является основой для формирования мировоззрения члена общества, поэтому включает в себя континуум доминирующих в культуре моральных и нравственных установок.

С точки зрения изучения актуального потенциала «культуроустремленных» образовательных парадигм в рамках функционирования педагогического дискурса в контексте проблематики культурной политики релевантным представляется активное позиционирование и развитие в практике моделирования образовательной среды сегментов образовательного пространства современной России познавательно-развивающей парадигмы в построении образовательного процесса, описание которой предложено профессором Г.И. Герасимовым[81]; в содержательном плане познавательно-развивающая парадигма организации образовательного процесса призвана обеспечить переход от наиболее распространенного в нынешней педагогической реальности подхода, в котором в качестве образовательного идеала выступает «человек знающий» к социокультурному по своей сущности типу, восходящему к идеалу в виде человека «знающего, способного, деятельного, культуротворящего».[82] Среди сущностных и атрибутивных признаков создаваемого на познавательно-развивающей платформе образования выделяются, в частности: а) рождение субъектности личности, б) целенаправленная деятельность по самоизменению, самостановлению, саморазвитию, в) взаимосвязь социализации и индивидуализации личности в контексте предпосылки самоопределения и самоосуществления как качественным характеристикам личности.

Обосновывая гуманность (по основанию) и гуманитарность (по характеру) конструируемого на основе познавательно-развивающей парадигмы образовательного «движения», профессор Г.И. Герасимов совершенно, на наш взгляд, справедливо «сигнализирует»[83] о том, что личности – участнику подобной образовательной модели - имманентно

[80] Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., АН СССР, 1957. – 330 с.
[81] Старостин А. М. Философия социально-гуманитарных инноваций. Брошюра. – Ростов н/Д.: Редакционно-издательский центр ЮРИФ РАНХиГС, 2012.
[82] Там же.
[83] Там же.

присущи качество инновационности и способности к инновации как свойства, которые обеспечивают не только адаптацию к быстро меняющейся социальной и профессиональной реальности, но и возможность воздействия на нее.

Полагаем, в прикладном аспекте, развитие и расширение пространства применения в современном педагогическом дискурсе познавательно-развивающей парадигмы в «культуроориентированном ключе» предусматривает в числе прочего необходимость разработки и реализации проектов культурного просветительства, содержательное наполнение которых обеспечивается концептуализацией ценностей как механизмом культурного строительства (В.Э. Багдасарян, например, выделяет ряд базовых вопросов, с которых начинается культурное строительство: что есть добро и зло? что есть человек? кто такие мы? куда мы идем, в чем наш идеал? откуда мы пошли, в чем наше прошлое? почему мы лучше? в чем наша правда?)[84].

Рассматриваемое в позиционируемом контексте культурное просветительство как познавательно-развивающая деятельность способно, на наш взгляд, выступить одним из инструментов сознательного определения личностью своего отношения к национальному культурно-ценностному ядру; ведь «человек (в терминологии С.Л. Рубинштейна)[85] есть личность в силу того, что он сознательно определяет свое отношение к окружающему… для человека как личности фундаментальное значение имеет сознание, не только как знание, но и как отношение».

Системная, многоаспектная, активная работа по внедрению культурно-просветительского контента в «текст» современного педагогического дискурса как своего рода технологическая платформа обогащения контента современной российской философии образования, на наш взгляд, может и должна обеспечить, с одной стороны, расширение пространства трансляции в молодежной среде базовых оснований национальной культуры (А. Вежбицкая, например, к ценностным доминантам русской культуры относит концепты «добро», «душа», «семья», «судьба», а, с другой, – выступить эффективным инструментом противодействия усилиям, предпринимаемым некоторыми силами влияния (в том числе, «внешними»), по подрыву её культурно-исторического ценностного ядра; известно, что среди приемов, направленных на подрыв культурного фундамента, наиболее распространенными являются дезавуирование прежних исторических героев,

[84] Якунин В. И., Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э., Кара-Мурза С. Г., Дееева М. В., Сафонова Ю. А. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. Монография – М.: Научный эксперт, 2012. – 288 с.
[85] Ямбург Е. А. Беспощадный учитель: педагогика non-fiction. М. Издательство: Бослен, 2017 г. – 464 с.

формирование комплекса национальной неполноценности, представление прошлого страны как череды преступлений и т.д.[86] Подобных попыток сегодня, очевидно, предостаточно…

В завершение отметим, что позиционируемый нами в качестве актуального и востребованного в нынешних условиях развития и повышения жизнеспособности отечественной государственности и российского общества «культуроцентричный» содержательный компонент современного педагогического дискурса, предусматривающий необходимость расширения пространства и обогащения инструментов трансляции в познавательно-развивающей образовательной среде ценностного контента российской культуры, в значительной степени коррелирует с целевыми ориентирами внедряемых в практику деятельности образовательных организаций различных уровней общего, среднего профессионального и высшего образования актуальных образовательных стандартов, что, очевидно, усиливает возможности для повышения продуктивности осмысления и использования инструментария государственной культурной политики в сфере культурно-исторического просвещения, обучения и воспитания; в дальнейшей разработке и детализации моделей организации познавательно-развивающей образовательной среды, а также рефлексии о ней в контурах философско-образовательной инноватики и управления на основе культурно-ценностного измерения, видим дальнейшие перспективы нашего исследования.

В ряде наших будущих работ представим описание инновационных моделей и формата деятельности ряда субъектов образовательного пространства Ростовской области (в частности, Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ) и его партнеров - образовательных организаций ОО и СПО) по внедрению позиционируемого в рамках настоящей работы инструментария повышения качества функционирования на основе методологии историзма культуроцентричной образовательно-воспитывающей среды развития молодого поколения на платформе «живой», предусматривающей открытый диалог и активное взаимодействие, педагогики.

[86] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Предисловие научного редактора русского издания/Библиотека Гумер-Политология. М., 2014.

Узнародов И.М.,
докт. ист. наук, проф., зав. кафедрой
мировой политики и глобализации
РГЭУ (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО

В XXI веке поток мигрантов из стран Азии и Африки, прибывших на европейский континент, заметно изменил состав населения. Сегодня, согласно докладу ООН о миграционных процессах в мире, в Европе проживают 76 млн. мигрантов. По данным Евростата, на 1 января 2017 года 7,5% населения стран-членов Европейского Союза составляли иностранцы[87].

У нас на глазах происходит переход от мононациональных к мультинациональным государствам, что поставило в повестку дня вопросы о пересмотре понятий гражданства и национальной идентичности[88]. Весьма актуальным в данном контексте оказался и вопрос об адаптации мигрантов и их интеграции в европейское сообщество.

Так называемая «арабская весна» и особенно массовые антиправительственные выступления в Сирии весной 2011 г., переросшие в вооружённый конфликт между правительством и оппозицией, привели к появлению на европейском континенте значительного количества беженцев и ещё более обострили проблему мигрантов.

В странах Евросоюза осели более двух млн. человек, что вызвало серьёзный миграционный кризис. Ведь в Европу прибывают люди, которые, как правило, не знают европейских языков, не имеют ни необходимого образования, ни соответствующей квалификации для получения работы (в основном мужчины (72%), абсолютное большинство которых находится в возрасте от 18 до 34 лет. Доля женщин – примерно 13% и детей – порядка 15%[89]). Эти люди обычно не могут обеспечить себя и нуждаются в помощи, которая требует больших материальных затрат.

Последнее обстоятельство способствовало росту социальной напряжённости (значительные средства из социальной сферы были

[87] International Migration Report. 2015. Highlights. New York: United Nations, 2016; EUROSTAT. Statistics Explained. - URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics (дата обращения: 24.03.2018).

[88] См. подробнее: Узнародов И.М. Европейская идентичность XXI века в контексте глобализационных процессов // Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2017. С. 166-174.

[89] Кондратьева Т.С. Миграционный кризис в Европе: причины и последствия // Проблемы европейской безопасности: Сб. науч. трудов. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 218.

направлены на помощь беженцам), вызвало недовольство действиями национальных правительств и позицией брюссельской бюрократии.

Кризис нанёс сильный удар по единству Евросоюза, поскольку отдельные страны просто экономически не могут себе позволить принимать такое количество беженцев. Миграционная политика Брюсселя стала и одной из причин положительного результата референдума по выходу Великобритании из ЕС.

Ещё одним следствием кризиса является довольно быстрое накопление протестного потенциала среди европейского населения. Все чаще мы становимся свидетелями митингов против беженцев во всех странах Евросоюза, что связано не только с ростом социальной напряжённости, но и с ощутимым повышением уровня преступности. Многих беженцев обвиняют в воровстве, нанесении телесных повреждений, преступлениях сексуального характера. В сети имеется большое количество видеоматериалов, где показаны случаи нападения беженцев на женщин и пожилых людей.

В этом ряду следует упомянуть и возросшую угрозу терроризма, поскольку вместе с мигрантами на территорию ЕС проникают террористы и вербовщики, а молодые мужчины, прибывшие из зон конфликтов в Европу, вполне могут пополнить ряды боевиков. Террористические акты во Франции, Бельгии, Германии подтверждают наличие такой угрозы и вероятность террористических атак в будущем.

Попытки найти выход из миграционного кризиса пока не принесли результатов. Тем не менее, у руководителей на национальном и общеевропейском уровнях появилось понимание того, что во многом успех зависит от того, будут ли мигранты осознавать себя частью европейского сообщества, принимать его нормы и ценности, иными словами – сумеют ли приспособиться к новым условиям и стать полноправными гражданами стран, в которых оказались волею судьбы[90].

Поэтому на первое место выдвигается образовательная деятельность: мигрантов следует обучить языку принимающей страны, дать знания по её истории и культуре, основам государственного устройства и правовой системы, объяснить смысл и значение общеевропейских ценностей, обеспечить культурное сближение местных жителей и вновь прибывших.

Сегодня ведущие исследовательские центры, социологи разрабатывают для властей рекомендации по адаптации беженцев. Их объединяет одно – призыв не терять время и учиться. По мнению специали-

[90] Евразия: возможна ли интеграция мигрантов в европейское сообщество? // Центр стратегических оценок и прогнозов. - URL: http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/500/evrabiya-vozmozhna-li-integracziya-migrantov-v-evropejskoe-soobshhestvo-7197 (дата обращения 8.04.2018).

стов, это даст возможность в конечном итоге выйти на рынок труда, получить средства к существованию и приспособиться к новым условиям. Однако в реальной жизни решить поставленные задачи весьма непросто.

Обучение мигрантов в обычном режиме изначально невозможно, так как они не знают языка. Организация же специальных языковых курсов для большого количества людей требует соответствующего количества преподавателей, владеющих восточными и африканскими языками. При этом далеко не все государства-члены ЕС располагают необходимыми для обучения всех прибывших ресурсами. А перераспределение бюджетных средств или затруднено, или сопровождается негативной реакцией местного населения.

Профессор социологии Г. Энгберсен из Нидерландов, изучавший вопрос трудоустройства беженцев, считает, что в его стране интеграция переселенцев идёт плохо. Он выяснил, что прибывшим в страну требуется в среднем не менее 5 лет, чтобы выйти на местный рынок труда. Такого же мнения придерживается директор муниципального агентства в Билефельде (Германия) К. Сьегерот. Ему представляется, что беженцы не в состоянии приобрести минимальную профессиональную квалификацию и языковые навыки за год или два. Для этого нужно от 4 до 5 лет. Только по прошествии указанного времени они оказываются готовы к реальным поискам рабочего места[91].

Тревогу у политиков и экспертов вызывает также то, что лишь незначительная часть прибывающих на европейский континент проявляет сегодня желание приспособиться к новой культурной среде, интегрироваться в принимающем сообществе. В качестве иллюстрации данного тезиса можно привести принятый в Германии в 2016 году закон, в котором сказано, что беженцу может быть отказано в долговременном убежище, если он не будет прикладывать достаточно усилий для интеграции, в том числе, для изучения немецкого языка, который необходим для временного пребывания на ее территории[92].

Обращает на себя внимание и стремление переселенцев отгородиться от европейского социума и создать своё «параллельное общество», которое практически полностью дублирует уже действующие социальные, культурные, религиозные и экономические структуры. В основе данного процесса лежат многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются мигранты. Поэтому общинная солидарность ста-

[91] Euronews. - URL: http://ru.euronews.com/2016/05/05/a-place-to-call-home-the-challenge-of-integrating-europe-s-migrants (дата обращения: 12.05.2017)

[92] Центр стратегических оценок и прогнозов. - URL: http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/500/evrabiya-vozmozhna-li-integracziya-migrantov-v-evropejskoe-soobshhestvo-7197 (дата обращения: 10.04.2018)

новится средством самозащиты, что способствует формированию особых «мигрантских» районов, характеризующихся необычным для европейцев образом жизни.

Особенно преуспели в создании параллельных сообществ иммигранты-мусульмане, которые сегодня составляют основу беженцев. Ислам уже превратился во вторую после христианства религию европейского континента, а массовое строительством многочисленных мечетей во многих европейских городах уже никого не удивляет. В результате у мусульман обостряется чувство принадлежности к мусульманскому миру, усиливается желание изучать свою культуру и историю, а не постигать нормы и ценности, исповедуемые населением принимающей стороны.

Таким образом, создается «культурная дистанция», а обособленные сообщества превращаются в серьёзное препятствие на пути интеграции прибывших в местную жизнь. К тому же подобные анклавы становятся удобной почвой для деятельности проповедников радикального исламизма, вербовщиков различных экстремистских группировок.

Культурная дистанция задается этнической и расовой принадлежностью, языком, религией, культурными нормами, ценностями, уровнем образования и т.д., во многом определяя успешность социальной и экономической адаптации мигранта. Именно сохраняющаяся культурная дистанция существенно затрудняет образовательную деятельность местных властей среди мигрантов. Последние же, наоборот, всё чаще демонстрируют желание самим влиять на образовательную деятельность в европейских странах.

В данном случае в качестве примера можно привести Италию, которая подверглась усиленному нажиму в связи с требованием обязательного изучения ислама на всех уровнях государственных школ при ограничении распространения знаний о других религиях. На практике это означало бы, например, изъятие из курса итальянской литературы многих классических произведений, включая «Божественную комедию» Данте Алигьери[93].

Если не получается оказывать давление на обычные школы, то тогда используются специальные школы религиозных групп, которым обычно оказывается финансовая помощь со стороны государства. Так, накануне очередных парламентских выборов в Швеции в этом стране разразилась весьма острая дискуссия. Лидер партии либералов Я. Бьерклунд заявил, что у религиозных групп не должно быть бес-

[93]Столетие. Интернет-газета. - URL: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/ot_jevropy__k_jevrabii_468.htm. (дата обращения: 10.11.2017)

платных школ, поскольку большинством из них заправляют исламисты, которым нет дела до шведских ценностей. Почему шведское правительство должно финансировать салафитов?[94]

Вообще школа и иммиграция стали важнейшими вопросами, обсуждаемыми в Швеции. Многие директора школ и учителя считают, что с интеграцией мигрантов дела обстоят не лучшим образом. Многие ученики по-прежнему плохо владеют шведским языком и не могут на должном уровне осваивать общеобразовательные предметы. Педагоги-практики считают, что на обучении детей мигрантов отрицательно сказывается и концепция преподавания. Она предполагает, что учитель должен быть в большей степени наставником, чем человеком, который передает знания. Подобная философия хороша для тех детей, родители которых имеют университетское образование и могут им помочь в учёбе дома. Для детей же беженцев требуются совсем иные подходы, поскольку они сначала должны адаптироваться к новым условиям[95].

Серьезным препятствием на пути обучения и адаптации мигрантов является также стремление руководителей многих мусульманских общин добиться права жить по законам шариата, что предполагает выведение мусульман из-под юрисдикции принявших их стран и легализацию практик, которые только усиливают цивилизационные различия между коренным населением и прибывшими на европейский континент. Причём, данная тенденция реализуется в русле постепенно набирающей силу исламизации европейского континента.

В Великобритании, например, уже существуют более 85 судов шариата, что предполагает интеграцию мусульманского права в государственную правовую систему. Однако реальная ситуация несёт в себе существенные риски, поскольку отсутствуют прозрачность системы судов шариата и подконтрольность их органам юстиции и обществу. К тому же суды шариата не ограничены регламентом и нигде не сказано, что светская правовая нормативная система сохраняется в качестве ведущей[96]. В таких условиях принимающая страна практически полностью утрачивает возможность вести образовательную деятельность среди мигрантов и способствовать их приобщению к общеевропейским ценностям.

---

[94] The Spectator. 2018. Sept. 9th. - URL: https://blogs.spectator.co.uk/2018/09/swedens-last-election-debate-offers-a-brutal-exposure-of-its-immigration-woes/ (дата обращения: 11.09.2018)

[95] Aftenposten. 2018. Aug. 29th. - URL: https://www.aftenposten.no/verden/i/oRarQR/Bare-fem-av-450-elever-pa-denne-skolen-har-svensk-som-morsmal-For-et-par-ar-siden-var-skolehverdagen-kaos-Da-tok-rektor-grep (дата обращения: 03.09.2018)

[96] Пинюгина Е. В. Исламизация Великобритании: социально-политические последствия - URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/islamizacija_velikobritanii_socialno-politicheskije_posledstvija_2014-09-29.htm. (дата обращения: 08.10.2017)

Объективности ради следует отметить, что помимо негативного, имеется и позитивный опыт адаптации мигрантов. Как отмечает заместитель директора Института Европы РАН В. Белов, об этом говорили на семинаре, прошедшем в июле текущего года в Академии политического образования баварского г. Тутцинга. Эксперты обратили внимание на имеющиеся успехи, несмотря на значительные разногласия между федеральными и баварскими институтами власти. Бавария успешно выдержала испытания по приёму беженцев в 2014 году, когда ежедневно на территорию этой немецкой земли прибывало до 8 тысяч человек, стремящихся обрести убежище и получить разрешение на проживание[97].

В Баварии действуют многочисленные центры языкового обучения и культурной адаптации мигрантов в местную общественную среду. В отличие от других немецких земель, например, Северного Рейна-Вестфалии, где имеются ограничения по доле количества иностранцев среди населения городов, в Баварии такие пороги отсутствуют. В результате в ряде населённых пунктов доля иностранцев достигает 20–22 процентов. В земле отсутствуют как переселенческие гетто, так и «параллельные общества». Число иностранцев, получивших отказ на проживание там, невелико и не превышает трёх процентов от общего количества подавших заявление беженцев. Баварские предприниматели заинтересованы в использовании как квалифицированной, так и неквалифицированной рабочей силы в производстве и активно привлекают для этого прибывающих к ним мигрантов, организуя курсы обучения и повышения квалификации.

Подводя итоги, следует отметить, что интеграция мигрантов в европейское сообщество является весьма сложной проблемой. Её решение зависит как от позиции местных властей, так и от позиции самих мигрантов, мигрантских сообществ, которые они представляют. Ключом к решению выступает необходимость обучить прибывших не только языку принимающей страны, но и основам её истории, культуры, правовой системы. Если они разберутся в смысле и значении общеевропейских ценностей, примут их, то смогут адаптироваться к новой жизни. В противном случае их ждёт жизнь чужаков и подозрительность коренного населения стран европейского континента.

[97] Русский мир. - URL: https://russkiymir.ru/publications/244282 (дата обращения: 08.09.2018).

Рябова Л.В.,
докт. филос. наук, проф. кафедры
философии и методологии науки ЮРИУ
РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону)
Лобова Л.А.,
мл. научн. сотр. Института МИГПиГ
РГЭУ (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ УЧИТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ И КУЛЬТУРЕ

Обучение и образование как любой культурный процесс имеют свою неизменную и изменчивую стороны. Попытаемся провести различие между этими сторонами образования, обращая внимание прежде всего на роль учителя в современной социокультурной ситуации.

В цивилизованном обществе изменчивая сторона бытия – инструментально-технологическая. Психологически, ментально – ценностно люди меняются мало, и обучать, образовывать, транслируя опыт, они, так или иначе, научились за последние два с половиной тысячелетия.

Фундаментальная основа обучения – подражание. Способность к подражанию – условие обучения у людей и высших животных, а собственно подражание – это древний способ сохранения и воспроизведения опыта, как у людей, так и у животных.

Изменения в образовании, как правило, касаются его формальной стороны – средств, методов, приемов, инструментов. Когда говорят о реформе содержательной стороны образования, то имеют в виду ответ на вопрос «чему учить?»; то есть дисциплины, их объем и содержание. Суть образования – трансляция опыта, знаний, ценностей, и вообще трансляция культуры пока остается неизменной. Покуситься на суть образования, то есть на передачу опыта и знания, значит образование уничтожить.

Образование, как и медицина и искусство – сфера духовно-практическая. Поэтому формальные манипуляции с образованием, осуществляемые вопреки ментальным и культурным основаниям, способны образование только ухудшить. Все новейшие реформы образования идут по формальному пути (объединение и разъединение вузов, создание гигантской отчетности и документации, попытка пересмотреть систему отметок и т.п.). Силы отвлекаются от главного, и создается видимость, которая не имеет отношения к делу.

Хочется поговорить о деле – о транслировании опыта и ценностных представлений в современной социокультурной ситуации. Для

этого вспомним такое понятие, как учитель жизни. Учитель жизни – универсальные понятия, характеризующие представленность и транслирование ценностей, в личностной форме. Это понятие имеет отношение не только к образованию, но и ко всем сферам индивидуально-личностного взаимодействия людей.

Вопрос об авторитетности личностного транслирования культуры на рубеже XX–XXI вв. представляется весьма непростым именно в силу принципиальных ценностных ориентаций нашего времени. Самоосуществление личности, выражение и утверждение ее самобытности, только ей присущих качеств – одна из главных ценностей культуры XX–XXI вв. И в обыденной повседневности, и в литературе, публицистической и художественной, обнаруживается мощная установка на индивидуальное самоопределение. Человек судит о своем присутствии в мире по делам, по тому, что он сделал в отличие от всего внешнего, что сделалось с ним. Граница между «сделал я» и «сделалось со мной» («сделали со мной»), между самоопределенностью и определенностью внешними обстоятельствами отделяет в человеке индивидуально-особенное от природного и социального. Это граница между пространством личной человеческой свободы и сферой несвободы, деспотической зависимости от внешних влияний и обстоятельств. И возможность самому сделать себя в соответствии со своим свободным выбором без оглядки на образцы, предписания и авторитеты рассматривается современной культурой как высшая ценность. Но если это так, то нуждается ли современный человек в личностно представленных ценностях?

Современности свойственно возрастание динамизма жизни. Как верно замечают социологи, нашу эпоху отличает быстрота социальных изменений. Условия жизни могут разниться не только для двух разных поколений, но и в пределах жизни одного индивида, который вынужден несколько раз приспосабливаться к новому материальному и духовному окружению. Удовольствие жить по испытанной веками традиции перестало быть привилегией человека нашей эпохи. Но в периоды быстрых перемен человеку требуется способность немедленной адаптации к новым обстоятельствам жизни. Поэтому он должен знать себя лучше, чем это требовалось его предшественникам. Греческая поговорка «познай самого себя» когда-то могла считаться приглашением к роскошеству, в наши дни она выражает насущную необходимость. Человек может приспособиться к изменяющейся окружающей среде и выразить, реализовать себя в ней, только узнав себя, свои желания, влечения и потребности. Но если способность к быстрой адаптации отсутствует, то динамичность жизни сплошь и рядом приводит людей

в ситуацию эмоционального стресса и жизненного тупика, из которого сложно найти выход в посюстороннем мире, и тут на помощь приходит магия.

Интерес к магии и вообще к различным формам оккультизма связан не только с надеждой на решение жизненных проблем, но и с трансформацией прежней системы ценностей, создающей неясность, неустойчивость картины мира. Широкое распространение бытового оккультизма, повсеместное увлечение теософией, парапсихологией, астрологией можно понять не просто как прихоть массового сознания, не просто как элемент развлечения, присущий современной городской культуре, но как насущное стремление самых широких и не самых образованных человеческих слоев понять свою собственную, единственную и неповторимую живую душу.

Но, несмотря на возможность религиозной веры и магии, авторитет знания все-таки очень высок, а пафос индивидуальной самореализации, казалось бы, делает авторитетную личность не самым актуальным и почтенным культурным героем. Поэтому посмотрим, кем чувствуют себя в современности и как осознают свое предназначение Учителя жизни, известные по предыдущим эпохам?

Священник – один из древнейших персонажей, прямое дело которого – учить паству жить, однако пастырское наставление вступило сегодня на новый путь. Конечно, ряд традиционных моментов, связанных с тем, что религия – не только мировоззрение, но и соответствующий способ организации жизни и правила поведения, определяемые верой в Бога, остается и сегодня. Религия, как и прежде, вырабатывает вполне определенную, жестко заданную систему норм поведения и требует их неукоснительного исполнения.

Если говорить о христианстве, то аудитория Христианской религии, ее ученики – грешники все без исключения: «Как написано: нет праведного ни одного; нет раздумывающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного не годны: нет делающего добро, нет ни одного, потому что все согрешили и лишены славы Божией» (Рим. 3: 10-12, 23). Задача священника – научить этих грешников праведной жизни. Размышляя о возможных путях духовного обновления в XX в., русский философ И.А. Ильин важную роль в деле такого обновления отводит священнику, который, как наставник, должен обладать рядом качеств: ему должна быть присуща искренность, его беседы должны идти от сердца и восприниматься душой. У священника должно быть живое любящее сердце и свободная творческая христианская совесть. И тогда «простое обхождение с таким человеком становится незаметно

живою школою сердечного участия, любовного такта, христианской мудрости»[98].

Понятно, что врачевание души и пастырское наставление всегда были обязанностью священника, но XXI в. с его новым знанием о человеке и жадным интересом к личности приводит на новый путь столь консервативную фигуру: в западной культуре сегодня священники выступают в союзе с психологами. Как отмечает Э. Берн, ссылаясь на обследование 690 протестантских священников США, приходской священник в наше время должен быть специалистом в шести областях: он исполняет обязанности администратора, пастора, проповедника, священника и учителя. Пастырские обязанности (в том числе наставление) занимают около четверти времени. Поэтому в большей части учебных заведений, готовящих священников, читаются теперь основные курсы психологии. Быстро возрастает и число священников, выполняющих дипломную работу по психологии. Священник, таким образом, учится быть профессиональным психологом.

И маг (колдун, шаман) не избежал современных веяний. Сегодня он старается выглядеть ученым и, опять-таки, психологом. Как только современный колдун от колдовской практики переходит к попытке «теоретического» осмысления своей деятельности, он тут же начинает пользоваться современным научным жаргоном, широко применяет научную терминологию. «Информация», «энергетическое воздействие», «вещество и поле», «диалектическая связь полевых и физических структур», «тестирование событий», «биоэнергетика» – так и пестрят на страницах книг современных магов, которые сегодня зовут себя экстрасенсами. Интерес к индивидуальности делает сегодня актуальной древнюю астрологию, современный астролог весьма свободно ориентируется в достижениях психологии XX столетия, используя фундаментальные идеи психологии в качестве методологических принципов.

Философ сегодня понимает свое социальное предназначение весьма противоречивым образом, и сама эта противоречивость, естественно, отражает духовные искания эпохи. Как мы уже имели возможность убедиться, философ, начиная с Античности, во все времена осознавал, принимал и утверждал свое учительское предназначение, и был восхваляем или осуждаем именно в связи со своим учительством. Учительская роль философа всегда была очевидной и не вызывала сомнений. Для эпохи рационализма, с которой прежде всего полемизирует, ценности которой ставит под сомнение гуманистика XX в., «фи-

[98] Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 345.

лософ есть не виртуоз разума, а законодатель человеческого разума». Конечно же, это мысль Канта, который в «Критике чистого разума» утверждал, что идея «законодательной власти» философа как «идеального учителя» живет в уме каждого человека. Эта идея учит нас тому роду человеческого единства, которого требует философия с точки зрения существования целей человеческого разума. Кант вполне солидарен с многовековой традицией мудрецов в том, что вынесение приговора по делу человеческого счастья есть прерогатива и долг философа. Вслед за Кантом неокантианец Пауль Наторп, профессор Марбургского университета, полагал, что культура развивается посредством воспитания, а главный воспитатель в культуре – философия, поскольку именно она является теоретической основой практики воспитания, которое, в свою очередь, понимается как введение человека в сферу духа во всем разнообразии его проявлений. Практически примененная философия есть общение, учительство и ученичество (философствовать, значит философствовать вместе), благодаря которому происходит духовное рождение и самоуразумение человека.

Следует заметить, что практически каждый философ – учитель, и не только по высшему предназначению, но и просто по ремеслу: профессор Кант, профессор Гегель, профессор Рассел... Список философов-педагогов можно начать с Фалеса и никогда не закончить. В истории философии достаточно сложно найти никогда не преподававшего философа. А преподающий философ с неизбежностью приходит к пониманию учительской роли философии и философа как духовного наставника и Учителя жизни. Современность, однако, ставит под сомнение учительские амбиции философа. Можно выделить ряд позиций в отношении современных философов к сложившейся в веках учительской роли философии и философа. Так, позитивистски (и марксистски) ориентированный философ желает быть ученым, почти на манер естествоиспытателя или, на худой конец, видеть себя помощником науки. Учительская роль философии и философа при этом отрицается как устаревшая и всячески третируется. Заметим, что такая позиция не является откровением новейшей философии, что вполне понятно: современность наследует идейное богатство прошедшей истории, осмысливая его применительно к собственным проблемам. Истоки этой позиции восходят к эпохе рационализма, когда научное знание становится непререкаемой ценностью, а философия, соответственно, обвиняется в том, что она не способна выполнять функции естествознания, хотя ее и призывают этим заняться.

Современность сомневается в учительских правах философа не только по отношению к нефилософскому миру, но протестует и против

учительства в собственно философской среде. Эта распространенная для современной философии тема со всей категоричностью выражена Ю. Бохеньского, который решительно возражает против философа в роли гуру по отношению к своим собратьям. Суеверие, связанное с философским гуру, выражается, по Бохеньскому, в том, что разделяющие его люди избирают в качестве наставника какого-нибудь философа прошлого – к примеру, св. Фому Аквинского, Канта, Маркса и т.п. Их отношение к нему характеризуется следующим:

1. Все или почти все, что сказал гуру, заранее считается истинным.
2. При всякой возможности на гуру ссылаются.
3. Философия последователей основана, в сущности, на комментировании того, что создал гуру (среди последователей принято с гордостью подчеркивать, что они Х-исты – томисты, марксисты и т.д.)[99].

Можно согласиться с мнением Бохеньского о неплодотворности гуру в профессиональной философской среде, поскольку философское сознание, в отличие от религиозного, не требует и не предполагает однозначной безусловности авторитета, а назначение философского гуру часто делает грань между философией и религией очень плохо различимой.

Отрицанием не только учительской роли, но и философии как таковой характеризуется постмодернистское обществознание. Например, З. Бауман представляет себе историю философии как историю убывания и сведения на «нет» ее учительской (назидательной) или, как у Баумана, законодательной роли. Бауман полагает, что в истории философии законодательная парадигма сменяется интерпретативной. В законодательной парадигме (от Платона до Маркса в философии, и от Дюркгейма до Вебера в социологии) философ, и вообще обществовед, выступает как «идеальный учитель». В интерпретативной парадигме (герменевтика) философ выступает как толмач-коммуникатор, посредник между разными слоями одной культуры или между различными культурами. А в конечном счете философия изживает себя как таковая. На ее место приходит социология, которая занимается систематическим шунтированием повседневной жизни, исполняя в обществе информативную функцию. Социолог не учитель, но информатор и комментатор, описатель повседневной жизни.

Таким образом, с постмодернистских позиций, у философа вообще нет никакой роли в конце XX и начале XXI в. Этот тезис можно было бы принять в том случае, если увериться, что люди больше не

[99] Бохеньский Ю. Сто суеверий. Философский словарь предрассудков. М., 1993. С. 42.

нуждаются в ценностных ориентирах. Действительность, однако, все время убеждает нас в обратном.

Если понимать под философией науку и методологию, то постмодернистское заключение об исчезновении философии имеет свои резоны. (Впрочем, о бессмысленности философии, об утрате ею своей социальной и интеллектуальной роли всегда писали в момент смены мыслительной и общекультурной парадигмы). Но философия – еще и мировоззрение, универсальная картина мира, включающая в себе ценностные ориентиры. В этом качестве она никогда не может быть заменена социологическим комментарием к миру, его социологическим описанием. Более того, социологический комментарий всегда будет эмпирической базой для создания философских (ценностно-ориентирующих) картин мира. И в этом смысле учительская роль философии непреходяща. Поэтому социолог – комментатор, а философ – Учитель.

Но в связи с тем, что главной ценностью нашего века, нуждающейся в осмыслении, становится индивидуальность в ее уникальности и единственности, а учить может тот, кто знает эту индивидуальность, перед философией возникают проблема методологического характера: как может философия, всегда стремившаяся к всеобщности и универсальности знания, постичь столь актуальную сегодня индивидуальность? Индивидуальная жизнь – явление уникальное, конечное, ограниченное во времени и часто – бесследно исчезающее. След бесследного ловит искусство, поэзия, а не философия, которая в силу своей природы тяготеет к обобщениям, ухватывает всеобщее и останавливается перед уникальным, не раскрывая его. Поэтому в XX в., который ценит индивидуальность и пытается ее понять, философия становится феноменологией и экзистенциализмом, то есть стремится преодолеть свою ограниченность в возможности постижения уникального.

Религиозные философы и философы-экзистенциалисты видят роль философа в духовном наставничестве, отнюдь не чувствуют себя учеными, и полагают, что влиятельность и значение философов обнаруживается там, где речь идет о добре и зле. Вместе с тем, так понимающий свою роль философ часто осознает в XX в. свою трагическую отстраненность, одинокость и социальную невостребованность.

Ученый, в отличие от философа, по роду своих прямых занятий – не Учитель жизни. Пока он добывает знания и превращает их в «непосредственную производительную силу», об учительстве нет и речи. Но как только ученый начинает осмысливать роль знания, роль конкретных научных открытий (в области генетики или ядерной физики, например) в ценностном контексте эпохи, как только он начинает про-

пагандировать, пророчествовать, увещевать, призывать и т.п., то здесь он становится на учительскую стезю. В такой роли он авторитетен, так как причастен к знанию, скрытому от профанов и непосвященных. Ему известны нравственные последствия использования знания. Безусловно, в роли Учителя жизни выступал, например, академик Сахаров.

Когда ученый водворяется на университетскую кафедру, перед ним сразу же возникает соблазн учительства. Критичный Макс Вебер, осмысливая деятельность ученого в роли педагога, развивает еще Фрэнсис-бэконовский мотив: не учительствуй, а преподавай! Не пророчествуй, а передавай знание! Действительно, способности и качества Учителя жизни встречаются весьма редко и от обычного преподавателя не требуются, а если эти качества есть, то мы имеем дело с чистой случайностью. Поэтому заниматься реализацией способностей к духовному наставничеству, коль скоро они случились, следует вне учебной аудитории: в личном общении со студентами, на собраниях, в печати, в кружке и т.п. Что же касается обычного преподавателя, то от него, в первую очередь, требуется владение материалом и добросовестность. Ну а все, что сверх того – дар, способности, желание общаться – дается от Бога, редко, случайно и далеко не каждому.

До сих пор мы размышляли о тех трансформациях, которые происходят в наше время с уже известными по прежним эпохам типами Учителей жизни. Но кроме них появляются и совершенно новые социально значимые фигуры. Прежде всего, это фигура психолога, который становится настоящим героем нашего времени. В XX–XXI вв. общество достаточно свободно от власти церкви и религиозной идеологии. Религиозная вера, столь необходимая средневековому человеку, вряд ли вполне адекватна миропониманию и мироощущению человека современного. Свойственная религиозному сознанию и религиозной жизни корпоративность, объединение в вере во имя спасения, общинность, выраженная в разделении на пастыря и паству, при жесткой авторитарности пастыря, противоречит свойственной нашему времени тенденции к индивидуализации жизни.

Священник, который в прежние эпохи профессионально занимался наставлением и утешением, в наше время отнюдь не является самой актуальной и популярной фигурой, но потребность в авторитетном мнении, наставлении и утешении остается. Такой потребности не отвечает ни философ, ни ученый-естествоиспытатель. Наш жестокий век со всеми его катаклизмами делает тему спасения и утешения столь же актуальной, как и во времена раннего христианства. Но задача спасения не решается сегодня путем объединения в религиозную общину или иной авторитарный коллектив. Спасение сегодня требует личных

навыков самозащиты. Такие навыки и стремится дать психолог. Это связано с тем, что именно психология сегодня занимается вопросом тысячелетней давности: может ли человек познать себя и если может, то как?

Психология сегодня добилась значительных успехов в изучении конкретного человека. Профессия психолога возвышается в связи с интересом к душе и надеждой на ее возможности, на то, что исправление души даст больше, чем исправление общества. А психолог часто выступает в роли обладателя знания о том, как правильно жить. В личном общении с людьми психолог выступает как знаток и проводник по внутреннему миру и выполняет назидательную функцию.

Каковы же черты личности «неслучайного» психолога, психолога по призванию? Если это нетипичная личность, оригинальная и загадочная, артистичная в общении, интуитивная, способная к манипуляции чужим сознанием, обаятельная, владеющая мастерством повелительности, то в перечислении этих черт просвечивает облик Учителя жизни. Кстати, в профессию психолога и психотерапевта далеко не всегда приводят интерес к познанию и человеколюбивые мотивы. Часто такими мотивами бывают не всегда осознанные желания властвовать, повелевать и самоутверждаться за счет несчастных, глупых, немощных и не понимающих себя.

Среди новых фигур, претендующих сегодня на роль духовных наставников, можно видеть журналистов, актеров и эстрадных звезд. Это связано с возрастанием роли средств массовой коммуникации в жизни современных людей, и представители средств массовой коммуникации, осознавая свою возросшую значимость, стремятся занять место учителей в умах современников. Журналист актуален потому, что он прежде всего современник, он обязан им быть. Он живет в сфере вопросов, которые могут быть разрешены в современности. Он участвует в диалоге, который может перейти в дело, может стать практической силой.

В современной отечественной журналистике можно выделить две тенденции: первая, ориентированная на западные образцы, декларирует бесстрастное информаторство, вторая, более традиционная для русского менталитета, стремится не просто информировать о событиях, но оценивать и выносить приговор. Журналисты второго типа, как правило, и выступают в роли духовных наставников. А поскольку взгляды журналистов имеют самое широкое распространение, они становятся популярнейшими людьми, приобретая монополию на решение вопросов о добре и зле.

Право журналистов на роль проповедников морали может быть поставлено под сомнение в связи с тем, что журналист почти с необходимостью является дилетантом, информируя о самом широком круге вопросов, в которых он разбирается весьма слабо. Но положение журналистов, обусловленное почти безграничными возможностями воспитательного воздействия на людей средств массовой информации, к которым профессионально причастен журналист, объективно делает дилетанта-информатора одним из главных духовных авторитетов и оракулов нашего времени.

Шолохов А.В.,
докт. филос. наук, проф.,
Таганрогский институт (филиал)
им. А.П. Чехова РГЭУ (РИНХ)
(г. Таганрог)

«ОБРАЗОВАНИЕ В РУИНАХ»: ПЕРСПЕКТИВА ИЛИ ОБРАТНАЯ ТОЧКА ОТСЧЁТА?

Уже из названия самой статьи можно понять авторскую оценку результатов четвертьвековой реформы образования, которая перманентно длится в постсоветской России. Оценить эти процессы как реформы по их результатам невозможно, так все реформы имеют цель совершить изменения, которые бы адаптировали объект к новым условиям с тем, чтобы результат его функционирования был адекватен ожиданиям реформаторов и пользователей результатов функционирования. Возможности использовать этот результат для пользователей системы образования только уменьшились, а если полученный результат и был целью реформ, то вряд ли это можно определить как реформы. Сложившаяся система российского образования по своему качеству никак не превзошла советскую систему образования со всеми её объективными недостатками, нивелировать, которые и были призваны предпринятые реформы. Конечно, остаётся открытым вопрос о том, насколько результаты соответствуют ожиданиям «прогрессоров» российского образования. Если подобрать один термин, который бы отражал суть и дух этих «реформ», то, несомненно, это есть термин «маркетизация университетов». Из вузов как системных элементов института социокультурного воспроизводства всей мощью прямого государственного воздействия и косвенного влияния попытались сконструировать своего рода деловые корпорации сферы услуг, где в качестве услуги и было репрезентовано само образование.

В 2005 году в своей работе «Трансформация действующих формирование новых элементов в проблемном поле института высшего профобразования» в «Известиях ТРТУ»[100] автор обозначил проблему только начинающего тогда процесса «маркетизации университетов», ведущего, по словам известного исследователя в сфере образования Билла Риддингса, к «Университету в руинах»[101]. В этой статье автор поднимал вопрос: «Можно и следует ли рассматривать платное высшее профессиональное образование в качестве структурной единицы института рынка? Это далеко не риторический и не теоретический вопрос, потому что в зависимости от характера ответа и в обществе, и в государственной политике формируются позиции и соответствующие отношения и процессы, которые реализуются в конечном результате – трудовых ресурсах, как принято их обозначать, высшей квалификации. Именно эта категория работников, относящаяся к категории развитых и специализированных факторов производства, определяет уровень конкурентоспособности отечественных отраслей на международных внутренних рынках. Можно ли рассматривать образование как некоторую услугу?»

И вот прошло более десять лет после публикации этой статьи и активного продвижения российского образования по колее Болонского процесса, притом что те, кто поставил нашу страну на эту колею и их идейные восприемники, продолжают во многом и сейчас определять структурные и содержательные изменения в системе российского образования.

В настоящее время уже не только платное образование предлагают рассматривать как рыночный механизм формирования и продажи услуг, но и государственное «бюджетное» образование самым настойчивым образом выталкивают в так называемый квазирынок образовательных услуг, пытаясь выстроить англосаксонскую модель так называемого «эффективного менеджмента в образовании».

Многие недопрофессионалы-обладатели дипломов, которых массово «выпускают» «деловые корпорации» - университеты, охотно оправдывают свою фактическую профнепригодность незамысловатой, давно имеющей хождение присказкой, что, дескать, на производстве всегда говорили о том, что надо якобы «забыть всё то, чему учили в вузе». Те, кто действительно шёл работать по специальности, соответствующей диплому, никогда с этим не согласятся. Профессиональный

[100] Шолохов А.В. Трансформация действующих и формирование новых элементов в проблемном поле института высшего профобразования // Известия ТРТУ. – 2005. – № 8 (52). – С. 25–33.

[101] Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А.М. Корбута. – М.: Изд. дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

бухгалтер практически никогда не имеет дела при решении своих профессиональных задач с вопросами по экономической теории. Но если он – профессиональный бухгалтер, а не ремесленник-счетовод, то теория экономики имеет для него именно парадигмальное значение как для экономиста.

Что мы можем видеть в поведении «продавцов» образовательных услуг? Ничего, выходящего за рамки нормального рыночного поведения продавца. Причём так ведут себя и негосударственные вузы, и «коммерческие» филиалы государственных вузов, и сами государственные вузы. Потому что они были поставлены, причём безо всякого желания самих вузов, в положение рыночного субъекта продаж. Поэтому стремление повысить цену и объёмы продаж нельзя вменять в вину государственным вузам. Но и проблема снижения качества при всей реальной вине госвузов во многом детерминирована политикой государственного управления в сфере образования. Ведь госвуз не просто имеет право продавать свои услуги желающим. Он принуждён самим государством продавать их всем желающим, включая само государство, именно потому, что государство так поставило дело, выступая по сути дела покупателем тех услуг, которые ему нужны для дальнейших сделок на рынке труда с будущими выпускниками.

Свои потребности на «образовательные услуги» государство тоже стремится приблизить к рыночному способу размещения. И руководители деловых корпораций» - университетов бьются на квазирынке за объёмы продаж (бюджетные места) и, получив их, ни за что не хотят отчислять неуспевающих студентов, так как за этим следует потеря дохода текущего и доходов будущих. Тем в более это относится к тем, кто обучается на «основе полной компенсации затрат на обучение». И, чтобы обеспечить доход, вуз принимает всех, кого он может принять, не нарушая закон (или даже немного нарушая), при самых низких уровнях школьного знания, которые могут поступить на бюджетные места или оплатить обучение «с полной компенсацией затрат». Кто может обвинить менеджеров деловых корпораций за стремление максимизировать доход? Вот современные российские вузы и трансформировались из классических корпораций университетов в деловые корпорации, руководимые «эффективными менеджерами». Вернее будет сказать, что их принудили к такой трансформации. Гумбольдта и Ломоносова сейчас оценили бы как «неэффективных менеджеров». Но создали бы они свои университеты, будь они таковыми? Ответ представляется очевидным.

В итоге этого процесса институциональной трансформации образования, которому прививают рыночный характер, мы видим, что об-

разование как комплекс системно получаемых знаний и профессиональная парадигма мышления выпускника изменяется. Причём оно изменяется не по формальным формулам нормативных требований государственных образовательных стандартов к выпускнику. Здесь мы видим всё те же прекрасные формулы. Оно изменяется содержательно по существу реально воспринимаемых студентами знаний и формируемых умений (или, как модно сейчас определять, компетенций). Всё, что способствует росту объёмов продаж, приветствуется, ибо это эффективно с точки зрения рынка и конкуренции. В «Капитале»[102] К. Маркс цитирует очень яркую характеристику для «эффективных менеджеров» рыночной системы, которую он приводит из работы Даннинга, который в свою очередь ссылается на журнал "Quarterly Reviewer" (Коутерли ревьюз). «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» ("…Capital eschews no profit, or very small profit, just as Nature was formerly said to abhor a vacuum. With adequate profit, capital is very bold. A certain 10 per cent. will ensure its anywhere; 20 per cent. certain will produce eagerness; 50 per cent., positive audacity; 100 per cent. will make it ready to trample on all human laws; 300 per cent., and there is not a crime at which it will scruple, nor a risk it will not run, even to the chance of its owner being hanged. If turbulence and strife will bring a profit, it will freely encourage both. Smuggling and the slave-trade have amply proved all that is here stated").[103]

Сам собой напрашивается вопрос о том, надо ли институт образование как институт социокультурного воспроизводства переформатировать в ещё один, но при этом весьма уродливый отраслевой институт бизнеса? Или всё-таки он должен продолжить нормально выполнять свои атрибутивные функции, и прежде всего функцию социокультурного воспроизводства. Печальный опыт «разрушительного образования» всех так называемых «новых филиалов» государственных вузов и «коммерческих» негосударственных вузов показывает, что в системе российского общества они превращаются в «кассу» по выдаче билетов. Да, весьма дорогостоящих имеющих государственное удостоверение, но именно проездных билетов на «поезд» социальной мобильности. (Автор, следуя традиции социологов, обозначает этот про-

[102] Маркс К. Капитал. Т. I. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23, с. 770.
[103] Dunning T.J. Trade's Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention.

цесс как «поезд», понимая, что в «поезде» едут достаточно долго, а не возносятся быстро вверх как в «социальном лифте»).

Фундаментальное несоответствие видится в деструктивной попытке придать функционированию сугубо нерыночному социальному институту – институту образования – рыночный характер отношений его участников и механизмов их реализации. Известно, что рынок как способ социально-экономического взаимодействия сфере обмена благами детерминирует своим влиянием все остальные институты. Именно детерминирует, заставляя их адаптироваться к его влиянию. Но не заменяет своими механизмами те механизмы, которые другие социальные институты формируют в соответствии со своими функциями. Например, вполне возможно частичное применение маркетинговых методик. Но принципы маркетинга не могут стать главными детерминантами в работе вуза. Иначе вуз превращается в деловую корпорацию вместо специализированного института социокультурного воспроизводства и создания новых знаний.

Применять бизнес-подходы в управлении образованием, формировать государственную политику и реализовывать её в отношении образования, оценивая его деятельность и результат, определять условия его финансирования так же как это государство осуществляет это по отношению к субъектам сферы рыночного производства тем самым априори определяя образование как отрасль рыночного производства образовательных услуг, значит превратить социальный институт социокультурного воспроизводства в ещё одну отрасль консалтингового бизнеса. Выиграет ли от этого государственный бюджет – это ещё открытый вопрос. Но вот то, что качество социокультурного воспроизводства, в том числе качество воспроизводства профессионального состава населения – это уже факт, зафиксированный и тем же бизнесом, да и в целом сферой общественного производства.

То, что в течение уже как минимум пятнадцати лет пытаются провести в образовательном институте в качестве реформы, направленной на повышение, по сути, рыночной эффективности функционирования вузов, можно определить как волюнтаризм управленцев, которые научились хорошо калькулировать издержки, доходы и прибыль, но ещё недостаточно глубоко разбираются (или предвзято, исходя сугубо из личного ограниченного опыта человека, пусть и достаточно широкого, но всё же опыта отдельно взятого человека) в психологии трудовой мотивации и ещё меньше знакомы с социологическими теориями структурного устройства и динамики эволюции социума. Складывается впечатление, что весь опыт реформаторов от образования сугубо коммерческий. Но ведь государственное управление осу-

ществляет в экономике в подавляющем большинстве случаев регуляцию. Практически весь период тотальной «маркетизации» вузов, а по сути, всего профессионального образования, шло целенаправленное и последовательное реструктурирование социального института профессионального образования как института социокультурного воспроизводства в ещё один отраслевой институт бизнеса. Перефразируя известную фразу, можно сказать, что это хуже, чем ошибка, – это «университет в руинах». Строительные руины можно восстановить гораздо быстрее, чем руины образования.

Сейчас остро стоит вопрос о дальнейшем тренде эволюции российской высшей школы. Будет ли реализован до логического завершения проект вуза как квазиделовой корпорации. Если «прогрессоры» доведут проект своих «реформ» до завершения, то «образование в руинах», несомненно, состоится. Под руинам подразумевается, конечно, не материальное состояние вузов. Оно в последнее время или перестало ухудшаться, или даже где-то улучшилось. В показательно-образцовых вузах (например, ДВФУ на острове Русский) оно даже вышло на мировой уровень. Речь идёт о принципах формирования материальной основы учебного процесса и соответственно возможностях отбирать реально способные к обучению кадры и возможностях влиять на учебную мотивацию студентов, а в конечном итоге – на качество выпускников.

Паламарчук Е.А.,
докт. ист. наук, доц., ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Ростов-на-Дону)

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Какую бы сферу существования человечества в целом или же отдельных государств и обществ на современном этапе мы ни взяли, им, в той или иной степени, приходится иметь дело с вызовами, порожденными процессами глобализации, и, в конечном итоге, затрагивающими интересы национальной безопасности. Одним из главных факторов, влияющих на состояние последней, выступает система образования – важнейший показатель развития общества и залог его стабильности.

Вхождение России в глобальное образовательное пространство в условиях перехода к информационному обществу обусловило ломку прежней образовательной системы и породило целый ряд серьезных

издержек при формировании новой. В принятой в 2015 году Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» в качестве приоритетной задачи указывается «развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности». и подчеркивается, что сама Стратегия «опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, таких как человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством». Далее в документе отмечено, что «патриотическое воспитание и формирование российской идентичности предусматривают… повышение качества преподавания гуманитарных учебных предметов, обеспечивающих ориентацию обучающихся в современных общественно-политических процессах, происходящих в России и мире…»[104]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683, специально выделяются «стратегические цели обеспечения национальной безопасности в области культуры». К таковым документ относит «сохранение и приумножение российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности…». Укреплению же «национальной безопасности в области культуры, - отмечается далее, - способствует:… развитие общей гуманитарной и информационно-телекоммуникационной среды на территориях государств-участников Содружества Независимых Государств и в сопредельных регионах»[105].

Как видим, в обоих документах приоритет отдается сохранению и развитию духовно-нравственных ценностей. Между тем, 1990-е годы привели к серьезной эрозии последних под воздействием глобализационных процессов.

В современной науке существует множество определений глобализации. Одни исследователи видят в ней «экспансионистский проект США и других развитых стран», цель которого заключается в установлении и закреплении их гегемонии в мире. Другие придерживаются сходной точки зрения, согласно которой это – «культурно-цивилизационный проект», разработанный западными державами с тем, чтобы обеспечить в общемировом масштабе распространение

[104] Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 года № 996-р//СПС «Консультант Плюс».
[105] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683//СПС «Консультант Плюс».

собственных ценностей и образа жизни (или же, «процесс переформатирования всего социального пространства человечества… под западную модель поведения, по отношению к которой иные модели получают статус архаических, устаревших, подлежащих модернизации» в форме вестернизации)[106]. В. Л. Иноземцев, в частности, считает, что процесс глобализации в форме «вестернизации» развивался уже с середины пятнадцатого столетия как «экспансия "западной" модели общества и приспособление мира к потребностям этой модели»[107]. По другую сторону баррикад находятся те, кто наделяет глобализационные процессы «объективным, закономерным» характером, усматривая в них «продолжение процессов интеграции и интернационализации». В конечном итоге, согласно последнему подходу, процесс глобализации заключается в «распространении общих стандартов в сфере экономики, политики, управления и культуры» и имеет своей целью «гармонизацию различных национальных подходов к решению сходных или общих проблем»[108].

Мы придерживаемся того неоднократно высказывавшегося и обосновывавшегося мнения, что негативные тенденции в сфере отечественного гуманитарного знания вообще, гуманитарного образования – в частности, стали следствием целенаправленных, управляемых процессов, запущенных в России 1990-х годов по инициативе Соединённых Штатов Америки и их союзников и активно осуществлявшихся известными политическими кругами, последствия которых в значительной степени продолжают заявлять о себе и сегодня.

В целом уже для конца двадцатого столетия характерна «массовая утрата основ элементарной культурной компетентности» граждан России[109]. Нельзя не согласиться с З. К. Тарлановым в том, что глобализационные процессы «ставят под сомнение саму перспективу сохранения гуманитарной классики в ее национально-культурных вариантах в качестве опор высоких стандартов науки и образования в соответствии с исторически выверенными национально-образовательными представлениями», сами же гуманитарные науки «все глубже погружаются в процессы, ведущие к дегуманизации их содержания, неуклонно удаляются и самоустраняются от задач, связанных с необ-

[106] Золкин А. Л. Глобализация и цивилизационная ассиметрия//Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. Т. 36. № 10. С. 81.
[107] Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация, и «глобализация» как американизация//Вопросы философии. 2004. № 4. С. 60.
[108] Тюлин И. Г. Глобализация и российские гуманитарные науки//Вестник Международной Академии наук (русская секция). 2006. № 2. С. 67.
[109] Бенин В. Л., Жукова Е. Д. Толерантность в системе обеспечения национальной безопасности России: культурологический подход//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2-3. С. 29.

ходимостью постижения, защиты культур и культурных ценностей человечества, естественно-исторически существующих только в их этнических и зонально-территориальных воплощениях»[110]. В настоящее же время, по мнению Бенина В.Л. и Жуковой Е.Д., наблюдается «аксиологический крах образования». «Потеряв свои смыслы в культуре, - отмечают они, – образование перестало быть культурной ценностью. Российское же образование, не имея исторических константных основ, являющееся относительной ценностью лишь отдельных социальных групп, сегодня, в условиях интеллектуальной доступности и обезличивания, утратило последнее – свое гедонистическое значение», в связи с чем важнейшей проблемой, требующей своего решения, становится «разработка системы образовательной безопасности и создание гуманитарных технологий ее сохранения»[111]. Нельзя не согласиться и с констатацией рядом исследователей произошедших в нашей стране «деформации общего ценностного пространства и частичной утраты исторической памяти на уровне образовательных программ и учебно-методических источников»[112]. Это во многом связано с наблюдающимся сегодня снижением престижа гуманитарных знаний. Отсутствие последних не мешает многочисленным чиновникам, в том числе высокого ранга, делать карьеру, допуская в публичных выступлениях откровенные ляпы, связанные с элементарным незнанием истории или родного языка.

Отлучение подрастающего поколения от широких пластов культуры вообще, отечественной – в частности, приводит к тому, что даже значительная часть молодежи, поступающей в высшие учебные заведения на гуманитарные специальности, оказывается на студенческой скамье в состоянии tabula rasa».

Более того, сложилась ситуация, в которой «система высшего образования подчиняется коммерческой, экономической логике, что пагубно влияет на сам дух образования, на статус университета. Он перестает быть храмом культуры и знания, но становится своеобразным «знаниевым супермаркетом»[113].

Понимая, что от влияния процессов глобализации на образовательную сферу никуда не уйти, ряд ученых призывает искать баланс, который позволил бы «не только сохранить нашу самобытность и ин-

[110] Тарланов З. К. Процессы глобализации и современные гуманитарные науки (заметки на полях)//Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2008. «1. С. 114 – 115

[111] Там же. С. 31.

[112] Старостенко К. В., Чекулаев А. А. Модернизация высшего образования в Российской Федерации: актуализация защиты национальных интересов//Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 357.

[113] Самыгин С. И., Нечипуренко В. Н. Проблема образования в контексте национальной безопасности//Wschodnioeeuropejskie Czasopismo Naukowe. Socjologia. 2015. Т. 3. № 3. С. 137.

тегрироваться в мировое образовательное пространство, но и задать определенный уровень образования, который послужит примером для многих стран»[114]. Однако в современных условиях, когда впору говорить не о сохранении, а, в лучшем случае, о восстановлении нашей самобытности в указанной сфере, да и то в весьма отдаленной перспективе, подобные призывы способны произвести впечатление лишь на оторванных от реальной жизни мечтателей.

Конечно же, серьезной социальной проблемой, приобретшей системный характер, остается коррупция в школах и вузах, которая лишает реального доступа к получению высшего образования значительную часть детей из необеспеченных и малообеспеченных семей, порождая у многих из них неверие в принцип социальной справедливости и формируя протестный потенциал в их среде. Без ее существенной минимизации (на полное решение в условиях современного демократического государства рассчитывать не приходится), разумеется, не только в образовательной сфере, говорить о прочности фундамента образовательной безопасности как составной части безопасности национальной вряд ли возможно.

Наконец, в подавляющем большинстве российских вузов представители профессорско-преподавательского состава посажены на бумажно-компьютерную иглу, будучи поставлены в условия, в которых им приходится на протяжении каждого учебного года заниматься переработкой одних и тех же учебных планов, рабочих программ и тому подобными видами контрпродуктивной деятельности, убивающей творческую мысль. Неизбежно становящиеся следствием этого обезличивание и определенная деинтеллектуализация учебного процесса, по справедливому мнению исследователей, представляет собой «инструмент ведения консциентальной войны», преследующей цель «разрушения научной и технологической составляющих духовной сферы общественной жизни», что грозит соответствующим регрессом[115]. Разумеется, никто не подвергает сомнению тот факт, что в условиях непрерывного образования образовательные технологии требуют постоянной модернизации, основанной на современных научных достижениях. Однако порочность сложившейся системы как раз и заключается в резком снижении научного потенциала, главным образом, в гуманитарной сфере, которое еще не раз потребует оплаты «по счетам».

---

[114] Гусельникова Т. О. Глобализация системы всех уровней образования в современном обществе (на примере системы образования СССР и современной России)//Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. Материалы VIII Всероссийской научной интернет-конференции. 5 – 25 октября 2016 года. Иркутск, 2016. С. 189.

[115] Климов С. Н. Деинтеллектуализация как угроза национальной безопасности России//Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2016. № 4-2. С. 62.

Bhaswati Sarkar,
Centre for European Studies
School of International Studies
Jawaharlal Nehru University

BORDERS IN A GLOBALISED WORLD: THE 2015 REFUGEE CRISIS IN EUROPE

Introduction

A substantial body of literature on globalization argues how critically globalisation has been affecting states, so much so that we can today talk of the 'post-national' world where nation state borders are becoming increasingly tenuous.[116] Easy and unrestricted movement of goods, services and people is the hallmark of this globalized world. There are also of course others who caution against writing off the nation-state.[117] This paper examines these positions/perspectives in the context of Europe, its integration process epitomized in the European Union and the refugee crisis of 2015. The paper argues that while the European Union project prides itself as having done away with internal borders, the claim of borderless Europe needs closer scrutiny. 'Who moves' continues to be regulated by state and are subject to serious contestation. The paper is divided into three sections – the first section looks at the literature on globalization and state borders, the second section focuses on policies and developments in Europe/EU vis-à-vis borders and the third looks at the quick return of borders in Europe at the wake of the 2015 refugee crisis followed by conclusion.

State Sovereignty and Border

Lloyd Cox writing on globalization and its effects rightly observes that the concept of border is not as self-evident as it seems. There are he points out long standing controversies on distinctions between borders, boundaries, barriers and frontiers, and the extent to which they are political, legal or cultural constructs.[118] In the political-legal sense borders signal the territorial limit of a states' *de jure* sovereignty and regulates relations with states and 'external non-state agents.' In this politico-legal sense "[b]orders are the political membrane through which people, goods, wealth and information must pass in order to be deemed acceptable or unacceptable by the state. Thus borders are agents of a state's security and sovereignty, and a physical record of a state's past and present relations with its neighbours" (Wilson and Donnan, 1998, p. 9 in Cox ND).

Kenichi Ohmae in his various writings (1990, 1995, 2005) has ad-

[116] Ohmae, K. (1995) The End of the Nation State. New York, Free Press
[117] Krasner, S. D. (1999) Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, Princeton University Press
[118] Cox, Lloyd (ND) Border Lines: Globalisation, De-territorialisation and the Reconfiguring of National Boundaries file:///C:/Users/HPD/Downloads/borderlines%20(1).pdf, p.16.

vanced a clear picture of a ‘borderless' world. Ohmae’s central argument is that nation-state is becoming obsolete because it is no longer the optimal unit for organizing economic activity. ‘The supply chain of a Boeing 787 for instance is spread over nine countries on four different continents. The production of a simple burger is even more complex: in cultivation, stock, transportation, process, manufacturing, packaging, and distribution, seventy-five poles of activity are activated in fifteen different countries’ (Manlio Graziano, ‘Borders and Barriers’, 27 February 2018). Ohmae argues ‘that nation-states were once needed to provide the "four I's" of economic growth: investment, industry, information and individuals’.[119] The communications revolution has changed this and the state is losing control of economic activity. Important economic decisions are now taken at the level of the economic region, regions (such as Hong-Kong-South China or Southern Ontario-Michigan) which often cross national boundaries. This development is accompanied by globalization /"California-ization” of culture (Kaufmann Eric, Review). Friedman in a similar vein argued that “the world is flat”, without borders. From software programming, filing tax returns (for Americans), CAT-scan reading to reporting everything today can be outsourced given the technological revolution (Friedman 2005). Two interviews and interactions of the many that Friedman writes about reflect according to him the logic of this trend. One, where Rao summarizes the possibility that technological change opens up - ‘any activity where we can digitize and decompose the value chain, and move the work around, will get moved around (Jairath Rao of Mphasis in Friedman p15). Two, where Golcer clearly sums it as ‘moving work to where it is best done’. This ‘flat world’ is not only marked by transformative economic activity but many argue is accompanied by rise of non-state political actors, and the proliferation of human rights norms that strike at the core of the Westphalian sovereign state system.[120]

Examining these claims there are others who argue that while globalization and technological advancement are a reality today, however, that they are pushing towards a borderless world does not stand scrutiny (Rudolph, Cox). Rudolph argues it is important see whether these trends in globalization are a function of largely autonomous forces or are they result of state interests. As Barkin has argued ‘states for the most part need not participate in process of globalization and multilaterlization, but choose to nonetheless. They do this not out of weakness, but out of conscious consideration of tradeoffs (Barkin in Rudolph p3). In other words states far from

[119] Kaufmann Eric, Ohame Book Review, http://www.sneps.net/Cosmo/ohmae2.pdf

[120] Strange, Susan. (1994) Wake Up, Krasner! The World Has Changed. Review of International Political Economy 1:209-219.

being passive objects in the face of globalization have been instrumental in establishing the system.

Stephen Krasner (1999) argues sovereignty itself can be broken down into four distinct types – domestic, Westphalian, interdependence and international-legal. Domestic, Krasner says refers to the organization of government authority within a state, while Westphalian is defined as those aspects that exclude external actors from the realm of domestic authority; interdependence refers to control of trans-border movements and international-legal is limited to factors related to mutual recognition of states within the nation-state system. Krasner also makes a distinction between the 'authority' and 'control' aspect of sovereignty and observes that Westphalian and international legal sovereignty deals only with 'authority'; interdependence deals only with 'control' and domestic has elements of both 'control' and 'authority'. This disaggregated understanding of sovereignty helps us understand the possibility of tradeoffs and the notion of 'sovereignty bargain'. Apart from Krasner others like Liftin and Mattli have also suggested that dimensions of sovereignty can be bargained to promote other dimensions.[121] Rudolph's argument about understanding the linkage between sovereignty and conceptions of nationalism also merits attention in understanding borders and their salience. Rudolph outlines how sovereignty over a period of time came to be understood from being centered on the monarch to being centered on the people. In the European system of nation-states sovereignty, people, territory were intrinsically bound together: 'the state is the land, the people, the organization of coercion and a majestic idea each supporting and defining the other, so that they become indivisible'.

Cox identifies at least four ideal functions of national borders - to demarcate sovereignty, to regulate movement, to delimit citizenship and to classify populations. And the crux of the border-erosion, deterritorialization thesis is that under the impact of 'globalisation' borders lose this functionality. James Rosenau (1997), for example, argues that what distinguishes globalising processes "is that they are not hindered or prevented by territorial or jurisdictional barriers." Such border-erosion and deterritorialisation arguments Cox argues are over-stated. To begin with state sovereignty Cox observes has always been constrained in various ways and more so for some states than others. In other words in international relations 'sovereignty is more an ideal than reality'. State sovereignty understood as absolute and indivisible is Cox argues rather a condition that states aspire for rather than actually possess. 'Borders delimit the reach of a state's *de jure* sovereignty, but do not guarantee its *actual* or *de facto* sovereignty…'.[122]

[121] Krasner, S. D. (1999) Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, Princeton University Press.
[122] Cox, 7

Cox draws on Michael Mann and Linda Weiss' argument that states differ enormously in terms of their size, power and degree of autonomy in the face of global sources of pressure and constraint.[123] Not all states therefore are equally and identically affected by globalization. Moreover not all capacities of states are weakened. For instance while states may increasingly give away some of their economic capacities, their capacity to monitor and regulate movement of people across their borders may actually increase.

For Cox like Rudolph, national identity is still very much attached to territory.[124] Globalisation far from diminishing this orientation has in many ways actually heightened it. This is substantiated by the quantitative and qualitative increase of nationalist contention over the past two decades by figures in studies like that Marshall and Gurr.[125] Thus though to some extent borders have become more permeable, this permeability itself in turn has sharpened conflict over territory and borders and increased contestations. Moreover as Cox argues permeability is in favour of the movement of capital, commodities, information and wealthy tourists. Borders continue to be strengthened as barriers to the movement of the world's poor and desperate.[126] As Saskia Sassen points out, "when it comes to immigrants and refugees... the national state claims all its old splendour in asserting its sovereign right to control its borders".[127]

The contention of irrelevance of borders for even economic transactions has also been questioned. Ceglowski in his study of US-Canada border investigates whether borders have become economically meaningless. He has two posers – one, in economic relations do borders matter. The answer to which he says is 'border matters'. This leads to the second poser – does it matter a lot? The answer to which Ceglowski's study shows –'yes it does'.[128] He supports this by his finding that a Canadian province engages in 20 times more merchandise trade with another Canadian province than with and equidistant US state of comparable economic size. Preliminary evidence Ceglowski argues indicates 'home bias'.[129]

Another interesting development that Cox draws attention to is that over the last twenty years when national borders are assumed to have eroded, was also the years when many nationalist movements succeeded in forming their own states. A host of new states arising from the disintegration of the Soviet Union, Yugoslavia and Czechoslovakia are ready examples.

---

[123] Cox, 7
[124] Cox, 12
[125] Cox, 12
[126] Cox, 12
[127] Sassen, S. (1996) Losing Control? Sovereignty in the Age of Globalization. New York, Columbia University Press.
[128] Ceglowski, Janet (1998) 'Has Globalization Created a Borderless World?', 22
[129] Ceglowski, Janet (1998) 'Has Globalization Created a Borderless World?',22-23

Moreover for Cox and others like Mann, global institutions like the UN, the G7, the WTO, the IMF and the World Bank that are assumed to be the harbingers of a supra-national, cosmopolitan order that transcends state-defined citizenship rights are international / inter-state rather than supra-national institutions. They are composed of and funded by states and their actions reflect the interests of states and are forums for competition as well as co-operation between states.[130] 'They may well be more than the sum of their national parts, but those national parts remain important constituent elements for shaping the form and direction of such institutions'. One such institution is the European Union, the essence of which was to create a borderless Europe of single market and easy mobility. The following section focuses on how this has worked at the ground level.

EU – Borderless Europe?

One of the achievements that the European Union prided itself of having achieved is doing away with internal borders. The free movement of goods, persons, services and capital are the four freedoms on which the European single market rests. The Belgium-Luxembourg border was one of the first borders to be erased in Europe way back in 1921. In 1958, The Netherlands joined Belgium and Luxembourg in the Benelux customs agreement following which people, goods, services and capital could circulate freely in this new economic space. The next big step was achieved in Schengen in June 1985, when Benelux countries plus France and Germany concluded an agreement to scrap border controls at their common frontiers.

The implementation of the Schengen Agreements started in 1995. It initially involved seven EU States and was as an intergovernmental initiative. The concept of free movement was to enable the European working population to freely travel and settle in any EU State. Over the years the Schengen Area has come to cover most EU States. Non-EU States, Iceland, Norway, Switzerland and Liechtenstein are also part of the Schengen Area. The Europa website proudly declares 'Schengen cooperation enhances this freedom by enabling citizens to cross internal borders without being subjected to border checks. The border-free Schengen Area guarantees free movement to more than 400 million EU citizens, as well as to many non-EU nationals, businessmen, tourists or other persons legally present on the EU territory' (Europa). However many argue that while political borders within the European Union become more porous, the external boundary of the European Union as a whole has become more 'hard-edged', 'fortress Europe'. Almost hand in hand with the creation of the internal area of free movement, EU focused on tightening its external borders. 'Fortress Europe' is a

[130] Mann, M. (1993) Nation-states in Europe and other continents: diversifying, developing, not dying. Daedalus, 122(3)

phrase used to communicate fears that the European Union is or might become a self-contained bloc of nations increasingly impervious to penetration by goods, services or people coming from the outside world. It is a term being increasingly used to characterize individual EU member states and/or the Union as a whole for pursuing restrictive immigration policies. While single market and Schengen created a internal area of free movement for persons within the EU it led to increasing pressure for a common EU policy towards third-country migrants with the EU enforcing a stronger external frontier.[131]

In 2004 FRONTEX was created by Council Regulation EC 2007/2004 with the main objective of coordinating operational cooperation amongst Member States to strengthen security at the external borders of the EU Member States. Leonard (2010) identifies three main factors propelled the creation of FRONTEX. First, migration flows especially since the end of the Cold War had become an increasingly contentious issue in Europe. This led European states to initiate various measures in an attempt to curb the number of migrants, including the strengthening of border controls to restrict the access of migrants and asylum-seekers to their territory. Second the 2004 'big bang' enlargement had raised concerns that the future Member States may not be capable of effectively controlling the new external borders of the EU. Strengthening cooperation amongst EU Member States on border controls was seen as the most effective solution to counter this lack of capacity. Third in the post 9/11 scenario the tightening up of external border controls was also seen as an important step to fight terrorism (Leonard 2010). Leonard in this article goes on to show how activities of FRONTEX significantly contribute to the ongoing securitisation of asylum and migration in the EU.

In order to further improve the institutional framework of the EU to deal with refugees, the European Asylum Support Office (EASO) was created in 2011 with the objective of developing practical cooperation on asylum, to support the EU Member States under particular pressure and to collect and share information. In 2014 the Asylum Migration and Integration Fund (AMIF) was established for the period 2014–2020.[132]

However, apart from the question of external borders being stringently monitored and regulated, the internal free movement area is also zealously guarded. Membership to the EU is not a passport to Schengen. The countries which gained entry to EU in the 'big bang' enlargement of 2004, be-

[131] Teasdale Anthony 'Fortress Europe' The Penguin Companion to European Union (2012) at https://penguincompaniontoeu.com/additional_entries/fortress-europe/

[132] European Commission 2018, Asylum, Migration and Integration Fund (AMIF) https://ec.europa.eu/home-affairs/financing/fundings/migration-asylum-borders/asylum-migration-integration-fund_en

came part of the Schengen in 2007. Romania and Bulgaria who joined the EU in 2007 are yet to be part of the Schengen area. Several EU countries were given the possibility of exemptions from obligations to accept Romanian and Bulgarian workers when the Southeastern European countries joined the bloc. In 2011, the European Parliament cleared the way for Romania and Bulgaria to become members, but it needed unanimous approval of Schengen members. Germany, the Netherlands, Belgium, France, Finland, Denmark and Austria opposed Romania and Bulgaria's Schengen membership, stating that neither candidate country has made sufficient progress in reforming its judicial system and fighting corruption and organized crime (*Stratfor* 8 March 2013). In 2014, when such restrictions of free movement from Romania and Bulgaria were to expire in all EU countries, Cameron was arguing for extending the date, he was also talking of tightening social welfare facilities especially related to housing and health care. German Interior Minister Hans-Peter Friedrich said he would veto Romania and Bulgaria's accession to the Schengen zone if it came to a vote. Both countries continue to be out of the Schengen area (*The Economist* 7 March 2013).

Measures to put agencies and policies in place to control external borders or regulate entry of new members to the internal free movement zone only go to show how nation-states continue to be the primary drivers of the EU project, the states decided where the borders would or would not be. Schengen also had built in clauses for temporary return to borders if exigency of internal security so demanded. The Commission says 'a Schengen country may exceptionally temporarily reintroduce border control at its internal borders for, in principle, a limited period of no more than thirty days.' It does not rule out extensions only that if such controls are reintroduced, then other Schengen countries, the European Parliament and the Commission and the public should be informed (Schengen Area, European Commission). In the following section we will see how European states took on an increasingly restrictive approach in face of the refugee crisis of 2015 and EU struggled to get its members on board and formulate a common humane response.

The Refugee Crisis 2015 – Regulate, Restrict, Prevent

Immigration and refugee has been high on the policy-making agenda of EU, in political debates and discussion both at the member state level and the EU. To be noted that while EU has been trying to formulate a common response to migration in the form of Common Immigration and Asylum Policy, integration of immigrants continues to be almost exclusively in nation-state domain. In the Cold War dynamics of post Second World War most EU states had a open and liberal asylum policy, Germany was a classic

example. Movement of people from states behind the Iron curtain was welcome as it signaled an ideological victory of liberal democratic systems and the final victory was the fall of the Berlin Wall in November 1989. The euphoria of this momentous event was however short lived, when large number of people started moving into Western Europe.

In 2015 United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) put the total number of forcibly displaced people worldwide at 65.3 million, the highest since the aftermath of the Second World War.[133] In 2014 total number of refugees in the world was estimated at 19.5 million, the jump in 2015 is thus evident. On an average the UN report shows 24 people were displaced from their homes every minute of every day during 2015 – some 34,000 people were displaced perday. The refugee crisis was global but by the summer and early autumn of 2015, it became a crisis for Europe. This was because refugees in large numbers from Asia and Africa began to enter Europe.

Europe's encounter with refuge inflows is not new. Way back in 1956, the Hungarian Revolution and its suppression by the former Soviet Union created 200,000 refugees that is, about 2 per cent of the Hungarian population at the time. It was the first major refugee crisis of the Cold War. The UNHCR put pressure on the Western governments to engage in the principle of 'burden sharing'. In a global operation, the Hungarian refugees were soon relocated in 37 countries across five continents. Out of 37, 17 were European countries that accepted the Hungarian refugees for relocation.[134]

The Yugoslav Wars of the 1990s also led to large-scale movement of refugees in Europe. It is estimated that the wars in Croatia, Bosnia and Herzegovina and Kosovo produced about 2.4 million refugees between 1991 and 1996.[135] EU for long has been engaged with formulating a common policy response to immigration and asylum. In 1999 Treaty of Amsterdam and The Council of Tampere reiterated the need to develop common policies on asylum and integration. This paved the way for the development of the EU's Common European Asylum System (CEAS). During the first phase of the CEAS (1999 – 2005), a series of legislative measures were adopted to establish common minimum standards relating to asylum procedures and protection of refugees in Europe. Following a period of public consultation and reflection on the first phase, the CEAS entered its second phase (2008 – 2013). During the second phase, new EU-wide rules and

[133] Global Trends: Forced Displacement in 2015, UNHCR at http://www.unhcr.org/576408cd7.pdf
[134] Zieck, Marjoleine (2013) 'The 1956 Hungarian Refugee Emergency, an Early and Instructive Case of Resettlement' Amsterdam Law Forum,5(2):45-63
[135] Watkins, Clem S. (2003) The Balkans, New York: Nova Publishers.

common minimum standards were agreed on and set out in five key pieces of legislation - Revised Asylum Procedure Directive, Revised Reception Conditions Directive, Revised Qualification Directive, Revised Dublin Regulation, Revised EURODAC Regulation. Besides in 2000, the European Refugee Fund (ERF) was created to support the EU Member States' efforts in receiving refugees and guaranteeing them access to fair, consistent and effective asylum procedures. The ERF was allocated €630 million funds between 2008 and 2013.[136]

In 2015, within Europe not all countries were equally affected by the crisis. Italy and Greece the frontrunner states in the Mediterranean were the first and the worst hit. Also affected were the countries that were along the Western Balkans Migratory Route, namely Hungary, Croatia, Slovenia, Austria and finally Germany. Once the Arctic route opened the Nordic countries – Norway and Sweden were the other destinations.

Some countries, Germany, Sweden, Norway welcomed their arrival. Others like Hungary, Slovakia, Czech Republic, Croatia have come out as vehemently anti-immigrant. They have refused to agree on mandatory EU quotas to resettle refugees within each country. They made it clear that even the small numbers that they would take in would be Christians, Muslims were not welcome. Orban's was the first voice from Central Europe that asserted the right of the state to protect its borders even at the expense of fencing if so required. Soon other Central European countries followed suit – Czech Republic, Slovakia, Poland. These countries, the Visegrad 4 started cooperating more closely on border security and political matters, forming a hard core skeptical of immigration proposals from Berlin and Brussels. Hungary and Slovakia went so far as to challenge the European Commission's mandatory refugee quotas at the European Court of Justice. Orban also organized a referendum in Hungary on compulsory settlement quotas. In an interview he said 'what is the basic principle of democracy? In the end it is loyalty to the nation' (*Business Insider* Feb 25, 2016) Hungary and Orban was not alone. Czech President Milos Zeman called the wave of refugees coming to Europe an 'organised invasion'.[137]

Refugees are depicted as a dangerous, threatening, foreign force that will destroy central European countries. One particularly heinous example is an advert broadcast on Slovak television by the chicken firm Hyza. The advert begins with a happy Slovak family about to sit down to a delicious Slovak dinner.

[136] European Commission 2018, Asylum, Migration and Integration Fund (AMIF) https://ec.europa.eu/home-affairs/financing/fundings/migration-asylum-borders/asylum-migration-integration-fund_en

[137] Khan, Shehab, 'Refugees coming to Europe an 'organised invasion', says Czech President Milos Zeman, 27 December 2015, Independent UK at https://www.independent.co.uk/news/world/europe/refugees-coming-to-europe-an-organised-invasion-says-czech-president-a6787286.html

They are alarmed by a report on the television about ugly, diseased, foreign chickens entering the country in the back of cars. Mercifully, mum has been prudent enough to buy a "good quality, well trusted" Slovak chicken for their evening meal and all is well (*The Conversation*, September 7, 2015).

The upshot of this was very quickly border control and fences came up in Central and Eastern Europe. And months down the like even the welcoming European states were putting controls in place. Hungary flanked its border with soldiers and authorized the police to use water cannons, rubber bullets, tear gas grenades and even pyrotechnical devices on the refugees attempting to enter the country. The government also stationed armoured vehicles mounted with machine guns and soldiers armed with Special Forces' style firearms along the border with Croatia. In addition, thousands of "border hunters" (recruits must be between 18 to 55 years of age) were also recruited to patrol the frontier with the police and army.[138] To further obstruct the entry of refugees, the Hungarian government announced in June 2015 that it would erect a 4 metre high and 175 kilometres long fence along its southern border with Serbia. Its construction was completed by September 2015 and later on September 15, 2015, Hungary sealed its border with Serbia. The immediate impact of the closing down of the Hungarian-Serbian border was that it deflected a large number of refugees from Serbia to Croatia. Following such heavy influx of refugees, Croatia on September 17, 2015, closed seven of its eight road border crossings with Serbia (BBC**,** September 18, 2015).

Later, on October 17, 2015, Hungary closed its borders with Croatia (BBC**,** October 17, 2015). After Hungary closed its border with Croatia, the refugees got redirected from Croatia to Slovenia. As Slovenia began to receive refugees in large numbers, the government restricted the admission of refugees to 2,500 per day (BBC, October 18, 2015). Slovenian amended the country's defence law by allowing the soldiers to join the border police in patrolling the 670-kilometre border with Croatia. Slovenia also requested help from the European Union to deal with the refugee crisis. However, the number of refugees entering Slovenia did not fall. As refugees continued to arrive in large numbers, Slovenia in November 2015, started the erection of razor-wire fence along its border with Croatia (Reuters, November 11, 2015).

Austria had been receiving refugees from Hungary, the numbers increased when the German Chancellor, Angela Merkel announced on Sep-

[138] Naseer, Suha (2016) Refugees between EU policies and Human Rights Law: The Case of Syrian Refugees on Hungarian Borders, Master Thesis, Roehampton: Roehampton University, Gothenburg: University of Gothenburg,Tromso:Tromso University, p.14-15

tember 4, 2015 that Germany would open its borders to more than 10,000 refugees stranded in Hungary. As the arrival of refugees from Hungary outpaced their departure to Germany, there was a backlog of refugees in Austria. This led to an emergency situation. Later, in November 2015, the Austrian government announced that it would erect a 2.3 mile metal fence along its border with Slovenia, with whom it shares a 200 miles border. Its erection was completed in January 2016 (Al-Jazeera America, November 13, 2015).

Apart from reverting to internal borders and control, European states also looked to strengthen external border control. The EU-Turkey deal signed on 18 March 2016 was precisely one such attempt conveniently ignoring the fact that Turkey is not a safe country for refugees and asylum seekers.

The crux of the deal was that every person arriving irregularly (i.e. by boat, without official permission or passage) to the Greek islands – including asylum-seekers – would be returned to Turkey. In exchange, EU Member States would take one Syrian refugee from Turkey for every Syrian returned from the islands. Turkey was promised a sum of 3 billion euro followed by an additional 3 billion. Besides accession talks with Turkey restarted and visa-free travel for Turkish nationals to the EU agreed upon.[139]

Besides in November 2015 at the Valletta Summit on Migration, the EU Emergency Trust Fund for Africa (EUTF for Africa) was launched by European and African partners. Norway and Switzerland are also part of the initiative. The objective behind establishing the fund worth €3.4 billion was to deliver an integrated and coordinated response to the diverse causes of instability, irregular migration and forced displacement. This was yet another attempt to secure Europe's borders by tackling the root cause of migration – poverty and deprivation.[140]

The apprehension about refugees which started with Central East European countries voicing there open concern and resisting EU attempts of burden sharing through resettlement soon spread to even those states which had extended a hand of support and welcomed refugees. Germany, which initially welcomed refugees, soon put restrictions in place given the public uproar over cases of molestation during New Year celebrations. Even Nordic countries like Sweden and Norway, which have robust record of refugee resettlement, struggled to remain positive. In fact they too put in place restrictive policies unable to handle the sudden influx of people once

[139] Collett, Elizabeth, The Paradox of the EU-Turkey Deal, March 2016, Migration Policy Institute at https://www.migrationpolicy.org/news/paradox-eu-turkey-refugee-deal

[140] Council of the European Union, Valletta Summit on Migration, 11-12 November 2015, http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international- summit/2015/11/11-12

the Arctic route opened in September 2015, from Russia to Storskog, Norway, whereby Norway became the first Schengen and Dublin III country of entry[141].

Conclusion

All in all the response of European countries, both frontline and those along the Western Balkans Migratory Route to the increase in the number of refugee arrivals was to develop strategies to control, regulate and prevent the flow. At the wake of the crisis in Europe what was visible and heard were states than the EU. The EU as one voice could not be heard.

What we could hear were discordant notes, voices and the member states doing their own thing. This brings us back to where we started, changing character of state sovereignty rather than its surrender to regional/ supranational entities.

[141] Lien, Anders Nima (2016) The Way Refugees are Portrayed in the Comments Sections of Norwegian Online Newspapers: A Critical Discourse Analysis of Readers' Comments on Articles Discussing the 'European Refugee Crisis' at https://brage.bibsys.no/xmlui/bitstream/handle/11250/2449794/Anders%20Nima%20Jafarnejad%20Lien%20-%20MSGLOPOL%20-%202016.pdf?sequence=1

II
Образование в информационном обществе

Тумайкин И.В.,
канд. филос. наук, доц.,
РГЭУ «РИНХ» (г. Ростов-на-Дону)
Самыгин С.И.,
докт. соц. наук, проф., РГЭУ «РИНХ»
(г. Ростов-на-Дону)

ВОЗМОЖНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ПОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Современный институт науки, как и любой, существующий достаточно продолжительное время социальный институт, характеризуется накоплением достаточного количества вненаучного и ненаучного знания (гносеологических девиаций), которое умело маскируется под научное. Наличие внутри института науки, высшей ценностью которого является ценности истины, создает двусмысленную ситуацию.

С одной стороны, подобная ситуация неустойчивого равновесия социального института науки положительно сказывается на динамике отдельных направлений научных исследований, вынужденно порождает новые связи в научном сообществе, вскрывает парадоксы в развитии науки, что, в свою очередь, приводит к усилению креативного мышления ученого, более разностороннему познанию частных явлений, к поискам новых критериев обобщения.

С другой стороны, сложившаяся ситуация крайней дифференциации в сфере науки, как социального института провоцирует накопление отрицательного потенциала как в глобальных, так и национальных масштабах, провоцируя всевозможные спекуляции на понятиях «научное знание», «научность», «научная дисциплина» и на других производных понятиях.

Изначально ориентированная на чистое познание действительности, и развивающаяся как элитарная форма деятельности с помощью энтузиастов-одиночек и различного рода обществ, наука чуть более, чем за 300 лет своего существования в качестве ведущей системы познания реальности и, впоследствии, производительной силы общества, стала центральным элементом развития всей современной человеческой цивилизация.

Наряду с выполнением своей основной познавательной функции наука сегодня становится основой развития современного общества,

определяя результатами своей деятельности не только состояние человеческого знания об окружающем мире, но и экономики, социальной структуры, политики, вооруженных сил, экологии, а также структуру психики человека, если психику понимать как интериоризированную форму социальной реальности.

Неизбежная и вынужденная утрата учеными энциклопедичности, вследствие усиления дисциплинарной специализации в науке, усложнение хода научно-исследовательского процесса, низкий уровень популяризации научного знания в СМИ оборачивается раздробленностью знания, погруженностью научного сообщества в изучение частных проблем, что в итоге приводит его к неспособности видения общей перспективы познаваемых явлений и, в своей крайней форме, проявляется в злоупотреблениях сотрудников, связанных, тем или иным образом, с псевдонаучными «исследованиями», не придерживающихся строгих норм научности или этического кодекса ученого, в котором ведущей ценностью деятельности является познание объективной реальности.

Объективными причинами, определяющими возможность появления псевдонауки, стали характеристики постнеклассической науки и порождаемые ею социальные отношения. Высокая степень дисциплинарной и методологической дифференциации, возникновение междисциплинарных и трансдисциплинарных, конвергентных типов исследования, неопределенность содержания характеристик научности, высокая степень престижности социальной роли ученого в обществе и ряд других характеристик современной науки становятся условиями для появления и развития различных форм псевдонауки.

Если на заре становления научного типа рациональности псевдонаука существовала в форме рудиментов религиозных суеверий, мистических учений или откровенных заблуждений, то сегодня она представляет собой активную околонаучную деятельность, основной целью которой является осознанное лоббирование своих социальных и экономических интересов посредством искажения внутриорганизационных социальных отношений в научных, властных и предпринимательских структурах.

Можно было бы проигнорировать большинство появляющихся псевдонаучных публикаций и оставить их на совести самих псевдоученых. Можно расценить феномен псевдонауки как временное явление и занять выжидательную позицию, наблюдая за угасанием интереса к ней. Но, как показала практика, псевдонаука не отошла в историю, а закрепилась в структуре науки и обрела организационные формы.

Гипотетические негативные последствия от развития девиантных форм условного научного знания можно указать в следующем, отнюдь не исчерпывающем списке:

1. Засорение информационного пространства, означающего публикации в научных журналах, на сайтах сети Интернет, в научно-популярной литературе и т.п. некачественных текстов, лишь своей формой напоминающих научный стиль. Вместе с упразднением института цензуры и либерализаций печати, пришедшей в эпоху развала Советского Союза, средства массовой информации резко снизили качество содержания своих текстов и видеоинформации. При этом, основной ориентацией контента стала образность, наглядность, простота и увлекательность, т.е. характеристики, свойственные не напряженному пониманию сути проблемы, а развлечению. Либерализация в науке вместо ожидаемой конкурентной борьбы за качество информации, напротив, привела к снижению качества подаваемой информации, увеличению ее объема. Еще одним фактором, способствующим возникновению информационного шума в науке, становится требование массовых публикации российских ученых в зарубежных журнала с большим импакт-фактором, что, приводит не столько к качественным публикациям, сколько к борьбе за место на страницах тех или иных журналов.

2. Перенаправление бюджетных финансовых потоков на мнимые «научные» исследования. Поскольку фундаментальные научные исследования не гарантируют успешности достижения поставленных целей, но при этом требуют значительных финансовых средств, постольку деятели от псевдонауки активно спекулируют на этой характеристике. Заявив о намерениях «открыть» научный закон к обозначенным срокам, они тем самым, становятся успешнее подлинных научных коллективов в получении бюджетных средств.

3. Провоцирование коррупционной составляющей социальных отношений. Кроме того, указанные деятели более успешны в установлении неформальных коррупционных связей с миром недобросовестных политиков. Тем самым, в околонаучной сфере формируется новый уровень коррупции, который условно можно назвать «научным криминалитетом», основной целью которого становится добывание бюджетных средств на псевдонаучные исследования, заранее обреченных не только на отсутствие какого-либо результата, но и на отсутствие каких-либо предварительных разработок или методологии исследования. Из современных примеров, такого перераспределения средств может служить Заявление Совета по науке при Министерстве образования и наук РФ о проекте концепции «Стратегии развития кон-

вергентных технологий»[142]. В частности в тексте Заявления говорится, что «для реализации Концепции предполагается существенно перераспределить в пользу КТ [конвергентных технологий] и без того сокращающиеся бюджетные расходы на гражданские НИР и НИОКР за счёт всех источников, включая госпрограммы, институты развития и научные фонды»[143].

Лженаучные девиации опасны и своей способностью к перерождению в политически агрессивную форму защиты своих положений. «… Лженаука … агрессивна, стремится залезть в кошелек государства и простого человека»[144]. Эксперимент и логико-математические доказательства, которые можно считать фундаментальными критериями научного знания, в таком случае отходят на второй план, а в качестве аргументов лжеученые используют социально-административные и психологические механизмы защиты.

Связь представителей власти и лжеученых сегодня оборачивается реальной опасностью не только для социальной структуры науки и качества исследований, но и для России в целом, поскольку в ситуации снижения бюджетного финансирования фундаментальных научных исследований, возникновение и лавинообразное развитие девиантных форм условного научного знания подрывает как социальную структуру организации фундаментальных научных исследований, так и сами основы рационального, критического мышления, основного завоевания эпохи научной революции Нового времени и Просвещения, с таким трудом закреплявшегося в Западной Европе и распространявшегося в современном мире.

4. Нанесение вреда здоровью граждан. Население, будучи уверенным в целительной силе псевдонаучных изобретений, доверяя им и применяя приборы и лекарства, на поверку оказывающимися, в лучшем случае, плацебо, подчас отказываются от обращения к врачам, что приводит к пагубным последствиям для их здоровья.

5. Снижение мотивации ученых к подлинному научному творчеству. Современный российский молодой ученый при существующей оплате его труда оказывается в парадоксальной ситуации самообеспечения. Поскольку в российской науке отсутствует какая-либо действительная социальная защита научного сотрудника со стороны государства, постольку часть сотрудников вынуждена обеспечивать себя и

[142] Заявление Совета по науке при Министерстве образования и науки РФ о проекте концепции «Стратегии развития конвергентных технологий» // [Электронный ресурс:] - Режим доступа: URL: http://sovet-po-nauke.ru/sites/sovet-pnauke.ru/files/data/Declaration_26-01-2016.pdf

[143] Там же.

[144] Александров Е.Б. Можно ли победить лженауку? // Интервью Ю. Медведева с академиком Александровым Е.Б. // Российская газета. - Федеральный выпуск №6877 (9). 20.01.2016.

свои семьи с помощью квазинаучных или псевдонаучных исследований, подчас снижая собственные профессиональные требования и тем самым повышая лояльность к явно ненаучным текстам и исследованиям, преследующим конъюнктурные цели.

6. Искажение истории и коллективного мировоззрения общества. Исчезновение официальной идеологии из информационного политического пространства России, с одной стороны, обеспечило положительный рост плюрализма, обеспечило появление ряда авторских взглядов на историю России и мира, спровоцировало качественный рост исторической науки. Но, с другой стороны, элиминация идеологии, как способа обеспечения коллективной идентичности российского общества, поставило многих граждан России с состояние мировоззренческой растерянности, спровоцировало массовый поиск смысложизненной опоры, что, в свою очередь, открыло широкие перспективы для различного рода спекуляций на роли и смысле национальной истории и коллективной психологии россиян. Образовавшийся вакуум национальной идентичности позволил создание околонаучных концепций истории и политики, которые стали возможны благодаря, в том числе, и неопределенности критериев научности.

Как было сказано выше, данный список не является окончательным. Поскольку одним из аргументов представителей девиантного условного научного знания является заявление о притеснении свободы научного творчества со стороны «официальной науки», постольку на сегодняшний день необходима, во-первых, выработка критериев научности и во-вторых, этики научного работника, как двух взаимно подкрепляющих момента обеспечения подлинной научной деятельности.

Ajaya Kumar Samantray,
research Scholar (P.HD)
Centre for Russian and Central Asian Studies.
School of International Studies.
Jawaharlal Nehru University
New Delhi

RE-INCORPORATION OF CRIMEA INTO RUSSIA: CONFLICT BETWEEN MOSCOW AND KIEV

"Be Realistic on the other hand, admit the mistake made by NATO and proposed that the alliances assures Moscow that it will not draw Ukraine into its membership".

Henry Kissinger & Z Bzezinski

The collapse of the former Soviet Union added a new chapter in the socio-political life of the people of the new Russian Federation. Since 1991, Russia started endorsing new conflicts and contradictions with many countries like Georgia, Syria, Azerbaijan, Ukraine, the west etc. In the spring of 2014, the world witnessed the biggest threat of 21st Century which has shaken the West as well as the whole world is the conflict between Russia and Ukraine.

The present President of the Russian Federation "*hailed the Russian annexation of the Crimean peninsula as one of the greatest achievement that will forever remain a landmark in the national history*". Here Putin praised the Russian efforts for bringing back *"Crimea home*" (Ghar Wapsi). On the other hand Russian annexation of Crimea was not recognized by the USA and other western countries. The U.S secretary of state John Kerry accused that, "Russia is behaving in a 19th century fashion". The annexation leads to unilateral sanctions by the USA and its other NATO countries.

The outbreak of the 2014 conflict was not an immediate causal effect conditions. Until 2014 the territory of Crimea as a whole or partly being ruled by various rulers/invaders e.g. By the Greeks, Romans, Huns, by the Byzantine empire, by Venice, the Ottoman empire, by the Russian empire, the Soviet Russia, the Soviet Union, Germany, by the Soviet Union again and finally by Ukraine.

In 1441 the Tatars of Crimea established the independent Khanate, while is known as the Crimean Khanate and for the first time Crimea was an independent one. In 1475 the independent Crimean Khanate was conquered by the Ottoman Empire and historically the Russian claims over Crimea

starts only after the first and second wars with the Ottomans. There after Crimea was considered as a part of the Russian Empire. The Germany born ruler Catherine the Great annexed the Crimean Khanate in 1783. The imperial Russia and later Soviet rule dramatically changed the status of Crimea, e.g. politically, culturally, demographically and economically. The massive resettlement of ethnic Russians into Crimea and Stalin's deportation of the Crimean Tatars made the ethnic Ukrainian became a minority in Crimea and the Russian speaking people emerged as majoritarian.

It can be said that, the status of Crimea changed very frequently again and again just like the boundaries of the Central Asian states during the Soviet period. During the Bolshevik revolution of 1917, the status of Crimea ceased to exist. The legal status and official name of Crimea also changed, "Crimean status in 1921 was the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic which was proclaimed as a part of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR), But after one year, in 1922 the Autonomous Crimea was incorporated into the USSR and remained as a part of the greater Soviet space till the disintegration in 1991. In 1954 the Soviet Russia under Khrushchev transferred Crimea to Ukraine. The communist officials advocated the transfer as a symbolic gesture of brotherhood and friendship. Some are of the view that, the transfer was to make the administrative functionaries more effective. At that point of time USSR did not care for any of the constitutional provisions of either of the states. Though the transfer was a friendly gesture still then it was unconstitutional, illegal and illegitimate from all aspects.

The status of the Crimean Oblast was changed once again during the collapse of the USSR in 1991. The fate of the Soviet Union was sealed after the coup followed by a referendum on the question of Ukraine's independence, But in the latter referendum, the people of Crimea were not even consulted about their opinions, whether they desired to remain as part of Ukraine or to re-join the Russian federation alternatively. During the gathering in Belovezhska, the then President Boris Yeltsin failed to request the Ukrainian counter-part for the return of Crimea to Russia. When Crimea changed its status by bringing an amendment in its own constitution, Ukraine rejected unanimously and pressurised, as a result another Constitutional amendment brought under the Ukrainian Constitution. Now Crimea is no more the part of the Russian Federation or an independent state, but a part of Ukraine with special status.

During the 1990's Crimea wanted to become independent, but from the pressure from Kyiv, it could not succeed. In 1994, the popular activist Yuri Meshkov own the elections, who is a Russian. A tug war escalated be-

tween Kiev and Moscow. Many separatist propaganda was made by the Russian counterparts for the annexation of Crimea since last two decades.

Though the relationship between Russia and Ukraine was cordial and historically very friendly, but the role of the West (particularly NATO) in Ukraine made Moscow defensive by reintegrating Crimea to its own territory. The status of Crimea since long back a matter of concern for Moscow. For more than 20 years Russia did not raised the question of Crimea, but why suddenly in 2014? Russia was formally recognised as the 'continuer' state of the Soviet Union not the successor state. Technically, which meant whatever belongs to the former USSR came under the jurisdiction of the Russian Federation.

The 2014 coup d'état and the Ukrainian crisis are grounded in for decades lasting interethnic antagonism primarily on the Ukrainian and Russian relations. In august 2009, an anti-Ukrainian protest broke out in Crimea and calling for the same way to Russia as it had done in the past during the *Russo- Georgian war* in 2008. The sudden euro-Maidan Revolution of 2014 further intensified the conflict as 100 of people were killed and resulted in a sudden power shift in Ukraine. The west wanted to set up the government of Victor Yuschenko, whereas Russia wanted to install the pro-Russian leader Victor Yanokovich. The US tried its best and did everything to make Victor Yuschenko as the President of Ukraine and to make his country a NATO member. As for the west is concerned, it was at this time when Russia looked to have lost this round of geopolitical battle against the west, but it snatched the chance turned the table against the west by extending its helping hand to the Russian speaking people in the region.

The reunification in 2014 was nothing just to undo the 60 years unconstitutional and unjust separation. The boundary between the Russian Federation and Ukraine was an administrative boundary, not a state boundary. "*Crimea is psychologically closer to the hearts of many Russians and particularly of the Russian military*".

External and Internal factors of the conflict

The reintegration of the Crimean peninsula with the Russian Federation was not accepted by the western countries, which led to selective unilateral sanctions. The west accused that Russia was responsible for the violation of international code of conduct, the territorial integrity and sovereignty of Ukraine. Russia was of the view that it did not interfere in the internal matters of Ukraine as Crimea was a separate independent state and the incorporation was supported by the international memorandum and Russian constitution as well.

The conflict between Russia and Ukraine was also motivated by many external and internal grounds. Yekelchyk argued that, the Russian Federa-

tion refused to accept the new government after the Maidan victory in Ukraine and Russia always tries to keep Ukraine within Russian political and economic ambit. The state run Russian media successfully portrayed the Maidan as the pro-western propagandas against Russia. The ethnic Russian and Russian speakers in the parts of Ukraine particularly in Crimea are fighting to protect their cultural rights, which encouraged Moscow to protect its nationalities outside the territory.

The disproportionate nature of the post-cold war world order is highly responsible for the crisis between Russia and Ukraine. By the virtue of the treaty of Lisbon, 2007 (E.U's security merge with NATO) the problems further intensified. The EU's policy for the spreading of the union as 'Wider Europe' emerged as a potential future threat for Russia. The erroneous policies of the EU and its incapability to take decisions on European affairs independently of the U.S are the key reasons. Russia does not have any problem with the expansion of NATO, until it doesn't reach the east. During a meeting in Moscow on 9th February 1990, the then Secretary of States of U.S promised Gorbachev that, "there would be no enlargement of NATO's jurisdiction one inch to the east, but practically it was not the case, the expansionist nature started growing day by day.

The expansionist character of NATO along with its cold war mind set posed serious threats to the Russian Federation. NATO extended its membership to the Eastern Europe and towards Russian neighbourhood. The incorporation of the eastern bloc countries resulted in the increased tensions between the west and Russia. The end of the cold war led to the end of the Warsaw pact, but the EU and NATO started expanding day by day. Russia did not want NATO to grow any larger, but the expansion nature created problems in the Russian space. From the very beginning Russia opposing the move, during the 2008 when the alliance considered admitting Georgia and Ukraine, move was opposed by Germany and France, which would unduly antagonise Russia.

U.S and EU leaders blundered in attempting to turn Ukraine into a western stronghold on Russia's border". Putin maintained that, "Admitting those two countries to NATO would represent a direct threat to Russia". The Russian invasion of Georgia ousted any remaining doubts about Putin's determination to prevent Georgia and Ukraine from abstaining the membership of NATO, still then Albania and Croatia became the members of NATO in 2009 and expansion was continued, the expansionist nature of NATO and west in the name of promoting democracy added fuel to a fire waiting to ignite.

Russia stopped the great Napoleonic invasion, the imperial Germany and the Nazi Germany and saved the whole Europe from huge devastations

in the past and Ukraine served as a buffer for the strategic importance of Russia. "No Russian leader would tolerate a military alliance that was Moscow's mortal enemy until recently moving into Ukraine". The big powers are always very sensitive towards possible threats anywhere their home territory. It was quite similar, U.S doesn't tolerate distant great powers deploying military forces anywhere in the Western Hemisphere, much less on its borders. He also gave one example, "imagine the outrage in Washington if China build an impressive military alliance and tried to include Canada and Mexico in it".

"Any international crisis around the world as it signifies as failure of policy".

The U.S president argues that, the present crisis is the fault of the Russian Federation and put sanctions on individuals and entities accountable for those who violated the international norms by interfering in the internal matters of Ukraine. The sanctions put in place restrictions on the travel of certain individuals and officials. U.S authority issued an executive order, "Blocking property of additional persons contributing to the situation in Ukraine". Under this the authority steadily increased the diplomatic and financial costs of Russia's actions towards Ukraine. Sanctions imposed on certain Russian banks, energy companies and other developmental activities. The sudden euro-maidan Revolution of 2014 further intensified the conflict as 100 of people were killed and resulted in a sudden power shift in Ukraine. The west wanted to set up the government of Victor Yuschenko, whereas Russia wanted to install the pro-Russian leader Victor Yanokovich. The US tried its best and did everything to make Victor Yuschenko as the President of Ukraine and to make his country a NATO member. Many analysts frequently consider euro-maidan to be the key internal factors provoking the current crisis, the war in western Ukraine.

Richard Sakwa argued that, the present conflict was also led by some other factors. The complex religious connection, where about 70% Ukrainian considered themselves as Orthodox Christians and more in Crimea, apart from that more than 57% population considered themselves as Russians.

"The loss could have been prevented, if the new government proposed timely concessions and addressed existing fears of the Crimean population". On the other hand, he commented, "Crimean Gambit" was a result of legitimate geopolitical concerns that Moscow would loss its naval base in Sevastopol. Russia justifies the action and called this a war to stop NATO enlargement. This was the issue of existential security importance for the integrity of the country and in the focus of the day light Russian actions can be considered defensive.

The worst mistake of the West in the wake of Ukrainian crisis has been the failure to recognize the civilizational nature of the conflict. There was no long lasting peace but temporary truces, whose prime function is to allow the parties to 'breathe again' before starting fighting again. The fact is that the clash between Russia and the west is a civilizational one, which was stronger in Russia than the west. History clearly shows how difficult is constraining nationalism and how it becomes almost impossible in the event of a war or a revolution.

Many liberals supporting the expansion on NATO and U.S, its allies sought to promote democracy in countries of Eastern Europe, the increase in economic interdependence etc. but from other part, many countries argues that the west was trying to impose its monopoly and hegemonic character in the name of democratic promotion and development.

Mohanty argued that the ultra-nationalist and their western masters are completely responsible for the conflict and it was intensified when an armed coup that overthrow the legitimate president of the country by bringing upon a semi-fascist government. The problem with the west is that it never got rid of its cold war attitude. Due to the expansionist nature of NATO towards the east, Russia lost its sphere of influence in Eastern Europe. The west constantly overlooked the Russian security distresses and intended to build a missile defence system in Eastern Europe. The intensions to make Ukraine as a part of NATO created havoc in Russian space, in fact Ukraine apparently very significant for Russia without which Russia can never re-claim its great power status. *"Russia could not have sat silently on the Crimean issue since the region is historically, strategically, geopolitically too important for Russia*"

Geo-strategic Importance of Crimea

"*The BSF was always a more of a political issue than a strategic one. A newly independent Ukraine has been reluctant to sacrifice its sovereign rights to a Russia that has generally patronized it".* (The New York Times)

The importance of Crimea in the history of Russia since long back. Crimea is geographically located in the southern part of the former Soviet Union. During the 18th and 19th century Russian victories in several wars against the Ottomans, there were military conquered or ceded to and then annexed by the Russian Empire. There was no land access either to the peninsula of to the Black Fleet Sea at Sevastopol Apart from that Crimea has an overwhelming Russian speaking population and they always considered them as the part of the Russian Federation not Ukraine. Crimea is highly important for Russia, Sevastopol is more than just a naval base, rather an extensive network of airfields and ship repair yards. Losing Sevastopol would be upsetting for Russia. The climate and geography of Crimea was

very important for Russia, the Black Sea is the home to Russia's only warm water port and the plenty of certain natural resources further amplified the importance of Crimea

Crimea played very important role in Russian history from time to time. Crimea was incorporated to the Russian empire in 1783 by Catherine the Great. The Black Sea Fleet that maintains the Russian power projection up-to the Middle East has a significant strategic importance. Sevastopol played significant role during the Second World War to restrict the fascist forces. The Russian Duma recognized the reunification of Crimea. The federal constitutional law on 21 March stipulated that the peninsula would join Russia as two separate regions- the republic of Crimea became Russia's twenty-second republic, while Sevastopol joined Moscow and St. Petersburg as a city of federal significance. (Article 65 of the Russian Federation Constitution). Russia justifies its intervention in the Crimean peninsula by advocating Viktor Yanukovych as its legitimate head of the state and requested Russia to intervene in Crimea.

In the eyes of the Western countries Crimea was a part of Ukraine and the reintegration of Crimea to the Russian territory was not acceptable. Such type of attempts by Russia have worsened the West's relationship with the former. The fact is that, historically Crimea was an integral part of the imperial Russia and then under the Soviet Union for more than 168 years.

The position of Crimean peninsula became the top most priority for both Russia as well as Ukraine. There are few major facts made Crimea geopolitically viable. Crimea is a semi-autonomous region with a strong political bonding with Ukraine and remarkable cultural ties with Russia. The internal dynamics of Ukraine during the pre-crisis period evoked the Russian authorities to take actions. The rise of Ukrainian nationalism and the new government in Kyiv provoked a fear psychosis among the Russian speaking people in the eastern Ukraine. The Ukrainian Insurgent Army slaughtered hundreds of thousands of ethnic Russians, Jews and poles. The contradictory nature of the UIA and Maidan issue emerged as the main root cause of the crisis rather than the Russian impingement in Ukraine. "*The current crisis in Ukraine as the repercussion of a long standing rejection of Russia's legitimate geopolitical concerns*". Apart from that, the internal tensions and state-building process was highly controversial and triggered to the Ukrainian conflict. The unnecessary internationalization of the domestic volatility further worsens the scene.

Crimea has an important strategic importance in Russia's foreign policy objectives. Experts advocated that Russia has felt the western purpose and its expanding nature which resulted in the speedy occupation of Crimea. Russia defensible over its claims as there were threats to the ethnic Russian

population. The conception was that Ukraine belongs to Russia's historical and geopolitical sphere of influence. Apart from that Sevastopol became the only warm water naval base in Russia without that it cannot play a dominant role in the Eurasian heartland Russia, a major supplier of oil and gas to Europe as well as in Ukraine. Most of the pipelines pass through Ukraine into Europe and about 60% of oil demand Ukraine was provided by Russia and a quarter of gas to Europe. A westernized Ukraine could eventually threaten the gigantic political and economic influence.

Some argued that the Russian role in the Ukraine crisis as a result of the non-democratic nature of Russia's political regime. However, others argued that Russian state building and nation building models are more successful than those of Ukraine. The reintegration of Crimea is the result of this type of foreign policy thinking. The reunification of Crimea with Russia is used by Moscow to prove the effectiveness of Russian state institutions by comparison with Ukraine.

Legality behind Russian claim over Crimea

Historically Crimea a part of the Russian empire and then part of the Soviet Union. Only during 1954 the then ruler Nikita Khrushchev transferred the territory as a friendly gesture or for administrative benefit, when Crimea was transferred to Ukraine, the part of Black Sea Fleet and its home port of Sevastopol was also transferred to Ukraine. The real problem arises only after the disintegration of the Soviet Union, where Ukraine appeared as an independent state and the status of Crimea lingered unchanged. Neither Russia nor Crimea was consulted in this juncture, though it was informally transferred to Ukraine as a friendly gesture. Since from then the internal conflict between Russian Federation and Ukraine starts and gain its momentum during the spring 2014.

After a long continuous debate, conflict, deadlock finally both Russia and Ukraine reached an agreement on 1997, which was known as *"Russian-Ukrainian treaty of friendship, cooperation and partnership".* On the basis of the treaty, it argued that both Russia and Ukraine fragmented the BSF by 50-50 and Russia to buy back some of the modern ships with cash, but later this issue played a very important role in the domestic politics of the Russian federation. Both the countries tried to maintain their sovereignty over Crimea and Sevastopol, which further emerged as the main root of the conflict between Russia and Ukraine

In the words of Shermon Garnett, "*A waning force in capable of performing the role of soviet defence planners assigned it in the Mediterranean against the U.S 6th fleet and other NATO assets…… the real military tasks it must perform in small- scale conflicts and coastal defence, do not warrant maintenance of the current fleet and support facilities* "

The former Republican congressman and libertarian icon defends the Russian regime under President Vladimir Putin. He had gone out of his way to legitimise and justify the actions of Putin in Ukraine. "They have contracts and agreements and treaties for a naval base and the permission to go about that area". While Russia has leased its naval base from the Ukrainian government in the Crimean port city of Sevastopol until 2042, the term of that agreement explicitly prohibit the Russian forces from leaving their barracks. He also accused USA for the coup in 2014, the evidence is pretty clear that the NGOs financed by the USA have been agitating with billions of dollars, trying to get that government changed.

The Russian deployment of military forces within the sovereign territory of Ukraine, it's ordering of Ukrainian forces to withdraw form Crimea and its occupation has been described as the violation of international law by the international community. They argued that after the Second World War, the international community come together to prohibit the use of force in international relations, but can be used as a collective security measures.

Though the western countries claimed Russia violated the international law as well as the Budapest Memorandum under the false pretext of solving the humanitarian crisis. Putin argued that Russian troops entered Crimea to protect the ethnic Russian nationalists and it was a humanitarian intervention and the responsibility to protect them. He also advocated that Russia entered after it got the permission of President Yanukovych. Russia disagreed with the western interpretation of the Budapest Memorandum. Russian Ministry of Foreign Affairs argued that, "Russia did not breach the Budapest Memorandum, because Ukraine's loss of its territorial integrity was a result complicated internal processes and Ukraine's territorial integrity was lost by the referendum, not by its acknowledgement of the referendum or subsequent annexation of Crimea.

The Russian federal constitution, "Article- 65(1) it lists the constituent entities of the Russian Federation and is altered as necessary through a method prescribed by the Federal Constitutional laws". Article-65(2) "Admission to the Russian federation and the creation in it of a new subject shall be carried out according to the rules established by the Federal Constitutional law". The foreign states/territories can be a part of the Russian Federation, which must take place according to the provisions of the Russian Constitution, Federal Constitutional laws and international treaties.

In case of Crimean reintegration, Russia followed its domestic process. The referendum held in Crimea, whether to leave Ukraine of not. Putin recognised, "Crimea as an independent and sovereign country and Russia negotiate with Crimea without engaging with ant talks with the Ukrainian counter-part".

However, many countries including the west doesn't recognise the annexation and advocated that Crimea was a part of Ukraine and not Russia. The legality of Crimea's declaration of independence from Ukraine was criticised by the international laws. The main purpose of the United Nations to develop a friendly relationship among the countries on the basis of equal rights and self-determination of people. (UN Charters)

The Russian actions violates the 1994 Budapest Memorandum, which it signed along with the UK, U.S. all the parties committed, "to refrain from the threat or use of force against the territorial integrity or political independence of Ukraine" (Budapest Memorandum, 1994)

"The Russian annexation of the Crimea and the war in the eastern Ukraine is a challenge to international law and global public order at large". International law had good reason for moving beyond historical claims as a solvent of settled boundaries. Every country has a history, if the law permitted a country to plead new boundaries on the basis of whatever page of its history it choose, then claims to revise the territorial settlement would be without end.

Article- 1 of both international covenant on civil and political rights and the international covenants on economic, social and cultural rights, "people have the right of self-determination and by virtue of that right, they freely determine their political status and their economic, social and cultural developments". The members of the League of Nations agree that, "if there should arise between them any dispute likely to lead to a rupture they will submit the matter either to arbitration of judicial settlement or to enquiry by the council and they agree in no case to resort to war until three months after the award by the arbitration or the judicial decision or the report by the council". (Article-12, Covenant of the League of Nations, 1919)

UN Charter, Article-2(4) argued that, "All members shall refrain in their international relations from the threat or use of force against the territorial integrity or political independence of any states or in any other manner inconsistent with the purpose of the UN". Apart from that there are some key exceptions in the UN Charter, which needs the consent of the UN against the territorial integrity or political independence of any state. Artice-25 of the UN Charter talks, "Members of the UN agree to accept and carry out the decisions of the security council in accordance with the present charter", which was utter failure when the west tried to impose sanctions over Russia, because Russia itself a Veto power country.

By reintegrating Crimea to the Russian Federation, Ukraine brought the allegation that Russia violated the 1997 Treaty on friendship, cooperation and partnership which was ratified in 1999. According to the treaty, "Both the country will respect each other's territorial integrity and it was

based on the principles of mutual respect, territorial integrity, inviolability of borders, etc.

Under the Ukrainian constitutional framework the provision was provided to the Autonomous Crimea to organise and hold public referendum, where the Supreme Rada of Crimea has the power to conduct any referendum, which must legal. But at the same time Ukraine considers Crimea as an integral part and the Ukrainian constitution is the supreme over the Crimean constitution. Further the constitution of Ukraine advocated that *"*Any changes to the Crimean constitution must be approved by the Supreme Rada of Ukraine".

Despite of the fact, India take a more balanced approach towards the crisis by not going against Russia in the UN and only major Asian power to defend Moscow and abstained from voting against Moscow in UNGA. As it is clear that, India's long standing military and political ties dating back from the Soviet period can be widely regarded as the motive behind India's stand in UN. Although India was reluctant to make any anti-Russia powerful normative statement, still then it expressed its concern over the issue. The issue sets a treacherous precedent by ignoring the values and idea of India. India recognised the issue was to be resolved peacefully without outside interventions as it is an internal matter.

India's national security advisor Shiv Shankar Menon publically stated that Russia has "legitimate interest" in Crimea, his declaration was interpreted as expressing a pro-Russian position. After the referendum held in Crimea president Vladimir Putin expressed gratitude to India. He thanked India for its restraint and objectivity with regards to Moscow. India "does not support any unilateral measures taken by any other countries or group of countries".

However, later on India delivered an official statement without mentioning Russia's "legitimate interests". New Delhi welcomes the mutual efforts for lessening rigidities and hopes that only the internal differences could be resolved by taking all the parties to the table by meeting the aspirations of all the stakeholders. "India calls for sincere and sustained diplomatic efforts to ensure that issues between Ukraine and its neighbours must be resolved through constructive dialogue".

Irrespective of the fact, India was not in support of the Western countries action during the protest in Kiev, due to its commitment towards the maintenance of internal sovereignty and non-interference in the internal affairs of a sovereign country.

There are some reasons why the debate on the Ukrainian issue has become a subdued issue in India. The most important was that India has been in election mode since the beginning of 2014 and obviously the national

news and issues used to take the headlines. Apart from that, the attitudes of Indians towards Russia was very cordial and considered as "Friend of India". That's why the whole political spectrum was very reluctant to criticise Russia publically.

Conclusion

The 2014 crisis in Ukraine could have a long term effects and a befitting reply to the western countries, particularly in the U.S not to interfere in the matters of Russian interest in future. There are some basic questions arise here, whether the present crisis could have avoided? By reintegrating Crimea into Russia, did Putin try to revive the old glory of the former Soviet Union or just a populism agenda? What should be the future of the Crimean peninsula? Etc.

It is very obvious fact that, if Finland joins NATO, hardly any impact over Russia and have to keep in mind that 1.300km is a long border, whether Ukraine does the same it will for sure harms Russia. As Russia faces serious geopolitical and economic challenges. It is in direct hostility with the West on an apparition about the world order, on Ukraine, on Syria and on a great many other large and not-so-large issues.

Russia firmly considers that Americans are interventionists and incorrectly moralistic in their discourse. The campaign led by the external powers like the USA and the European Union to dislodge the democratically elected government in the Ukrainian territory forced the USA to reincorporate Crimea into the Russian Federation. The rigorous campaign forced Victor Yanokovych fled to Russia by seeking help amidst of political unrest.

The west need to recognise and have to tolerate the decisive role of Moscow played during the Ukrainian crisis as it is strategically very important for Russia. Some of the scholars and statesmen are arguing that, Russia could have easily managed the crisis without taking any tough position. Moscow could use the pro-Russian population along with its secret service groups to systematically destabilize the Ukrainian nationhood in such a way that it was forced into a civil war.

There are some basic and simple observations can be made in the wake of the recent crisis in Ukraine. There are as follows-

- ✓ No issue remained regional now, it has its impact worldwide.
- ✓ Crimea: strategically very important for Russia to safeguard its national interest and for accessing to the Mediterranean.
- ✓ The reincorporation of Crimea into the Russian Federation further increased the power and prestige of Mr Putin among the Russians.

Аствацатурова М.А.,
докт. полит. наук, проф., директор НОЦ политических и этнополитических исследований ПГУ (г. Пятигорск)

ВОЗМОЖНЫЙ И ЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС ЭТНОКОНФЛИКТОЛОГИИ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Развитие этноконфликтологического знания происходит параллельно с теми проблемами и противоречиями, которые фиксируются в сфере межэтнических отношений и этнополитических процессов в широком понимании их содержания. Такое понимание предусматривает проблематизацию многих процессов – этническая идентификация и самоидентификация, национально-культурное ассоциирование, национально-государственное и национально-территориальное самоопределение, сохранение или размывание этнической дистанции, межкультурная коммуникация, межэтническая толерантность, внутри- и межэтническая лояльность или, напротив, антагонизм и др.[145]

Этноконфликтология как учебная дисциплина гуманитарного цикла интерпретирует образовательно-информационные, методико-дидактические, компетентностно-воспитательные реалии современных общественных, межгрупповых, межличностных и даже внутриличностных отношений. В этом плане этноконфликтология поддерживает образовательно-воспитательные и учебно-методические ресурсы таких дисциплин, как история, политология, социология, конфликтология и др.[146]

С учетом того, что этноконфликтология имеет высокую социальную детерминацию и высокую практическую направленность, она трактуется часто именно как дисциплина практикориентированного пула. Это отвечает ее направленности, так как именно в ходе изучения этноконфликтологии как учебной дисциплины и углубления ее как научного знания формируется пакет форм и методов, техник и технологий профилактики этнических конфликтов и межэтнических противоречий. Формируются практики их урегулирования, канализирования, управления ими, вмешательства (интервенции) в конфликты и

[145] См.: Реализация гуманитарного предметно-дисциплинарного цикла в школах и вузах и вузах в аспекте формирования российской идентичности, воспитания гражданской ответственности и солидарности в регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад / Научн. конс. В.Тишков, отв. ред. М. Аствацатурова. Пятигорск: ПГУ. 2017 . 108 с.

[146] См.: Старостин А.М. социально-гуманитарные инновации в контексте философской прагматики. Ростов-на-Дону: ОАО «Дониздат». 2012. 252 с.

противоречия, а также и их дезавуации, интернационализации[147]. Также формируется пакет компетенций студентов и магистрантов, которые направлены на оптимизацию межкультурного взаимодействия в полиэтничных коллективах и на упрочение гражданской идентичности.

Этноконфликтология в ее практическом выражении в полной мере соотносится с практическим миротворчеством и миростроительством, а также с «двухколейной» и народной дипломатией. Также ее образовательные, информационные, воспитательные, а мы бы сказали, и организационные ресурсы крайне важны для поиска и воплощения эффективных стратегий и тактик социального и политического управления.

Однако не стоит считать, что в недрах этноконфликтологии не заложены возможности философского дискурса по сложнейшим вопросам, которые могут быть ранжированы по двум группам.

Первая группа вопросов – «философско-этнологических» имманентно связана с философским осмыслением феномена этничности, этнической идентичности, которые не теряют свое значимости, несмотря, на глобализацию, взаимную ассимиляцию, интеграцию и иные конвенциональные процессы[148]. Здесь философия этноконфликтологии (если допустима такая формулировка) в течение своего развития стремится проникнуть в суть этничности как идентификационного статусного комплекса.

В ходе изучения этноконфликтологии неизбежно возникает вопрос философско-методологического плана – что такое этничность, каков ее феноменологический и структурообразующий стержень, каковы ее системные свойства и вытекающие практические проекции. Этноконфликтология успешно использует впечатляющие идеи примордиализма, инструментализма, конструктивизма, которые имеют веские обоснования, факторные определения.

Однако, даже используя интегративную методологию осмысления этничности, сложно построить убедительный философский алгоритм ее понимания, восприятия, оценки, применения. Поэтому важно в ходе преподавания этноконфликтологии сосредоточить внимание обучающихся на сущностных свойствах этничности, на ее стационарности и, вместе с тем, на ее изменчивости.

Философское понимание этничности, на наш взгляд, состоит в выявлении ее социальных, культурных, этических, даже эстетических

[147] Миллер И.С. Мирные и гуманитарные технологии урегулирования конфликтов // Общественно-политический и информационный дискурс: современные сюжеты, проблемы и тенденции /Отв. ред. И.с. Румачик. Вып. 4.. Пятигорск: ПГУ. 2018. С. 92-99.

[148] Шадже А. Этнические ценности как философская проблема. Москва - 2005 Типография "Качество". 167 с.

детерминант, а также и в выявлении ее структурно-системных связей, уровней. Также важно фиксирование внешних факторов этнизации и деэтнизации стратегий и тактик, как индивидов, так и групп. Ответ на философский вопрос «*Что есть этничность?»* предполагает широкое использование диалектики научного познания, которая неизбежно продвигается и в учебный образовательный процесс.

Реализуя учебные задачи дисциплины «Этноконфликтология», стоит опасаться усеченной трактовки этничности как этнической принадлежности. Еще большую опасность представляет искушение трактовать ее как природную, генетическую, полученную при рождении идентичность[149].. Здесь важно также уйти от упрощенного понимания этничности как набора обрядовых манипуляций, внешних декоративных атрибутов (костюм, музыка, танец, кухня, мифология, даже внешняя физическая антропология, топонимика), хотя сами по себе они не случайны и самоценны.

Философское постижение этничности именно как феномена в ходе учебного процесса важно связывать с такими когнитивными усилиями, как мыслительное самопознание, интеллектуальная саморефлексия и социальная самопрезентация. И в этом плане стоит использовать известный тезис о том, что, *свобода индивида, в данном случае этническая, заканчивается ровно там, где начинается этническая свобода другого индивида*. Также в ходе преподавания этноконфликтологии целесообразно акцентировать не только феноменологические, но и институциональные свойства этничности в выстраивании обучающимися «я-концепций», в привитии им навыков социальной проектной интернациональной культуры, а также в формировании у них позитивных этнокультурных установок и установок достижения широкого межэтнического компромисса и договоренностей[150].

Вторая группа вопросов – «философско-конфликтологических». Они обусловлены многочисленностью и проблематичностью сущностной трактовки конфликтов – межгрупповых, межличностных и внутриличностных. При этом современные конфликты все больше трактуются как конфликты идентичностей, номенклатура которых чрезвычайно широка[151]. При многих известнейших концепциях общественного, в том числе, этнического конфликта, сама природа

[149] Иванова С.Ю. Общероссийская идентичность и этническая идентичность: диалектика общего и особенного // Общероссийская и национальная идентичность. Материалы Международной научно-практической конференции.- Пятигорск: ПГЛУ, 2012. С. 67-78.

[150]Алфимцев В.Н. Политико-правовые модели противодействия межнациональным противоречиям в России: сущность и проблемы регулирования // Конфликтология. 2016. № 3. С. 168-185.

[151]Попов М.Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: теоретические аспекты // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 1. С. 179-184.

конфликта, само его «тело» и «пространство» крайне сложно поддаются философскому осмыслению, а также и классификации, типологизации, этимологизации.

Казалось бы, общие определения конфликта дают однозначные толкования его сущностных свойств – противоречия, антагонизм, разница позиций, подходов, ценностей. При этом, задавая ключевой вопрос *«Кому выгодно?»,* как правило, удается определить причины конфликта, его субъектов, социальных носителей, лидеров, интересантов, сторонников, комбатантов, а также выделить его ядро, периферию и др. Но в то же время, рассматривая локальные и глобальные конфликты, эксперты часто оперируют общеизвестными детерминантами и лежащими на поверхности факторами. При этом крайне сложно определить как, где и когда разразится тот или иной конфликт, так как его причинами и катализаторами могут быть сотни обстоятельств. Все это в полной мере относится к этническим конфликтам[152].

Философское понимание конфликта как открытой стадии противоречия также является очень упрощенным. Множество конфликтов имеют скрытый характер, который предполагает в то же время ожесточение противоречий и накапливание сил. В этом смысле в преподавании «Этноконфлкитологии» важно подчеркнуть, что далеко не всегда ясно, какой из вариантов конфликтного действия более предпочтителен – манифестный и скрытый (латентный). Также важно фиксировать внимание обучающихся на широком дифференте логики развития конфликта, хотя в рамках конфликтологии разработаны изрядные схематизированные разноуровневые конфликтные тренды и тренды конфликтов[153].

Философские вопросы о сущности конфликтов включают также и аксиологический спектр, который также необходимо проблематизировать в учебной аудитории. Так, с одной стороны, социальные, в данном случае, этнические конфликты влекут за собой фатальные следствия – гибель людей, разрушения социумов, распад государств и бытование многопоколенных антагонизмов. С другой стороны, этнические конфликты, также как и иные социальные конфликты, важны как сигнализаторы неблагополучия и проблем в обществе и государстве. Позитивная роль конфликтов в природе и в обществе общеизвестна, и эту роль важно подвергнуть системному и комплексному анализу в ходе учебного процесса.

---

[152] См.: Де-Вос Дж. Этнический плюрализм: конфликт и адаптация // Личность. Культура. Этнос. Современная психологическая антропология / Под общ. ред. А.А. Белика. М.: «Смсыл». 2001. С. 229-277.

[153] Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010. 264 с.

Конкретное учебное знание «Этноконфликтологии» предполагает однозначность трактовок и определений, четкость соответствующего тезауруса. Однако дисциплина предполагает не только знание, но и понимание сущности, структуры, уровней и факторов конфликта, как явной, так и случайной детерминации. Поэтому философский дискурс «Этноконфликтологии» как учебной дисциплины может и должен включать аналитическую, творческую, проектную и прогностическую рефлексию обучающихся. Последняя возможна лишь на основе выверенной методологии (обоснованной и смыслосодержательной), либо на синтезе методологий, на интегративном подходе, который вполне оправдан, если не превращен в примитивное, безграмотное и циничное методологическое двурушничество.

Философское осмысление этнического конфликта в ходе учебного курса «Этноконфликтологии» нельзя превращать в формальную казуистику, бесконечную борьбу мнений и принципов. Ответы на философские вопросы *«Что есть конфликт?»* и «*Что есть этнический конфликт?»*, хотя и не универсальные, должны вооружать обучающихся практическим знанием и пониманием данного явления, а также навыками оценок его следствий – кратковременных и долговременных.

Таким образом, философский дискурс этноконфликтологии как учебной дисциплины может быть не только возможным, но и желательным как дискурс, нацеленный на формирование у обучающихся:

а) когнитивных способностей выявления сущностных, содержательных и структурных свойств феноменов разнообразной детерминации;

б) аналитических навыков самопознания, саморефлексии, а также классификации и типологизации внешних явлений, процессов и факторов;

в) практикоориентированных приемов методологического и аксиологического компромисса в оценке тенденций, закономерностей, противоречий и конфликтов для эффективной профилактики и конфликторазрешения.

Бережная Н.В.,
докт. филос. наук, проф.,
ЮРИУ РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ПРОГРАММНЫЙ АСПЕКТ

В современном контексте педагогических технологий и практик для высшей школы особое место занимает проектное обучение[154]. «Необходимость проектного обучения продиктовано временем. Проектное мышление включает в себя фундаментальные методы познания, необходимые во всякой созидательной деятельности, развитие его видится специалистам необходимой составной частью системы общего образования. Для формирования проектного мышления необходимы непрерывность в формировании проектной культуры, достаточность "критической" массы носителей проектной культуры, обучение и образование которых подготавливает и обеспечивает определенное понимание интеграции различных знаний, наличие налаженной системы коммуникаций для свободного распространения проектной культуры»[155]. Проектный подход противопоставляется так называемому классическому знаниевому подходу.

В реализации воспитательной концепции вуза ключевым актором является институт кураторства. При этом с сожалением следует констатировать отсутствие системных эффективных методик подготовки кураторов[156].

Целью программы повышения квалификации для воспитательного менеджмента вуза является – освоение современных технологий по воспитательной работе в вузе, их эффективное применение в соответствии со спецификой проектного обучения[157]. Целевая аудитория – заместители деканов по воспитательной работе и кураторов, профсоюзные работники вуза, студенческий актив, кураторы. Программа рассчитана на поток 30 человек (5 проектных команд по 6 человек, 5 проектных тем). Количество аудиторных часов – 72 часа. Состав рабочей группы – 5 человек.

---

[154] Гузеев В.В. Педагогическая техника в контексте образовательной технологии / В.В. Гузеев. М., 2001.

[155] Смирнова М. А. Развитие профессиональных компетенций бакалавров в условиях проектного обучения в вузе 13.00.08 - теория и методика профессионального образования. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед.н. Калининград- 2007.

[156] Жильцов Е.Н. Концептуальные особенности воздействия глобализации на сферу образования / Е.Н. Жильцов // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Россия и интернационализации высшего образования». -М.: МГУ им. М.В.Ломоносова: ТЕИС, 2005. С. 57-58.

[157] Зимняя И.А. Социально-профессиональная компетентность как целостный результат профессионального образования (идеализированная модель) / И.А. Зимняя // Тр. методологического семинара «Россия в Болонском процессе». М.: ИЦПКПС, 2005.

Предпусковые условия программы включают в себя создание образовательной интернет-площадки программы, формирование личных кабинетов слушателей, создание банка предварительного анкетирования и тестирования. Создание контрольно-тестовой площадки промежуточного тестирования слушателей, запуск проектной площадки тьюторов и экспертов проекта.

Программа состоит из двух основных форм: 1) предварительное online анкетирование и тестирование слушателей программы, предварительный экспертный анализ категорий слушателей для выявления критических и проблемных зон базового (допрограммного) уровня воспитательных и организационных компетенций; 2) работа в проектных группах в реальном сессионном времени.

Основные дистрикты программы включают: презентационную часть программы (2 часа), первый модуль «Современные педагогические технологии в воспитательной работе вуза» (24 часа), второй модуль «Современные психологические технологии в воспитательной работе вуза» (24 часа), третий модуль «Управленческо-организационные технологии воспитательной работы в вузе» (18 часов), защиту проектов и завершающую часть программы (4 часа).

Презентационная часть программы открывается торжественными мероприятиями – вступительным словом ректора вуза, выступлением проректора по воспитательной работе и руководителя программы. Далее следует открытая видео-презентация каждого слушателя программы. Слушатель в течение одной минуты представляется экспертам и участникам программы. Презентация записывается на видеокамеру для дальнейшего экспертного анализа имиджевых компетенций слушателей.

Первый модуль «Современные педагогические технологии в воспитательной работе вуза» включает в себя 4 темы: индикация актуальных проблем в воспитательной работе вуза; институт кураторства в вузе – современные технологии организации; технологии тьюторства[158] в современной педагогической науке; коучинг – наставничество в вузе[159].

Результативной частью указанных тем являются: пакет документации «Индикаторы актуальных проблем в воспитательной работе вуза», план-схема мониторинга применения технологий, рабочая тетрадь практических рекомендаций «В помощь куратору вуза», рабочая тет-

[158] Андреева Е.А. Сравнительный анализ моделей тьюторства (на примере Англии, Германии, Объединенных Арабских Эмиратов и России). 13.00.01 - общая педагогика, история педагогики и образования. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед.н.. М., 2012.

[159] Ненашев Д.В. Коучинг как эффективная технология формирования эмоциональной компетентности будущих менеджеров. 13.00.08 Теория и методика профессионального образования. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед.н.. Киров, 2009.

радь практических материалов «Технологии тьюторства», портфель документов «Наставничество»[160], пособие «Первые шаги». Памятка для наставника, а также пакет документов «Система отчетности по наставничеству».

Планируемые формы работы в первом модуле программы: практический семинар, практикум (кейсы, кейс-грейдинг[161]), деловая мини-игра «Вводная лекция для первокурсников», деловая мини-игра «Экскурсия по зданию вуза», деловая мини-игра «Формирование пула лучших наставников», работа в проектных командах.

По результатам прохождения первого модуля программы проводится контрольное промежуточное тестирование на базе личного online-кабинета.

Второй модуль «Современные психологические технологии в воспитательной работе вуза» содержит пять рабочих тем: психологические особенности воспитания студентов в вузе; управление конфликтами в студенческой среде; профилактика социальных девиаций в молодежной среде, в том числе молодежного экстремизма; профилактика аддиктивного[162] поведения студентов; тестологические технологии в рамках воспитательной работы студентов в вузе. Результативной частью указанных тем являются: пакет тестов «Психологический портрет студента», кодекс управления конфликтами в студенческой среде, пакет тестовых материалов «Выявление социальных девиаций в молодежной среде», пакет тестовых материалов «Выявление аддиктивного поведения студентов», рабочая тетрадь «Букварь тестовых технологий для куратора».

По результатам освоения второго модуля проводится экспертная оценка слушателей в процессе деловой дискуссии и практикума, работы в проектных командах.

Третий модуль программы «Управленческо-организационные технологии воспитательной работы в вузе» реализуется в четырех заключительных темах: концепция воспитательной работы в вузе; управление качеством воспитательной работы в вузе; технология реализации воспитательной работы в вузе в соответствии с эффективным

[160] Наставничество как условие профессионального становления молодого учителя: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2007.

[161] Коломиец Н.В. Кейс-грейдинг. Опыт Ростовской области практика внедрения современных образовательных технологий для сети МФЦ // [Информационный ресурс] Совершенствование государственного управления. Портал административной реформы. Всероссийский форум многофункциональных центров государственных и муниципальных услуг 2016 года.

[162] Аддиктивное поведение – одна из форм деструктивного (разрушительного) поведения, стремление уйти от реальности путем изменения своего психического состояния приемом некоторых веществ или постоянной фиксацией внимания на определенных предметах или активностях (видах деятельности), сопровождающихся развитием интенсивных эмоций.

контрактом; система KPI для воспитательной работы вуза. Результативной частью указанных тем определяется: рабочая тетрадь «Формирование концепции воспитательной работы в вузе», рабочая тетрадь «СМК в воспитательной работе вуза», матрица использования методов реализации воспитательной работы в вузе в соответствии с эффективным контрактом, портфель материалов «Система KPI для воспитательной работы в вузе».

По результатам прохождения третьего модуля проводится итоговая экспертная оценка слушателей в процессе тренингов, деловых игр и работы в проектных командах.

Четвертый, заключительный модуль, содержит в себе сущностную часть программы – защиту проектов, осуществляемую в присутствии приглашенных независимых экспертов.

Вывод: Программа, разработанная на основе методологии проектного обучения в контексте современных мировоззренческих, психолого-педагогических и организационных технологий воспитательной работы в вузе, имеет ряд весомых конкурентных преимуществ: индивидуальный подход, практическая часть – 90% (интерактивные задания), контроль знаний – 10%, короткие сроки обучения, мобильность, пул квалифицированных модераторов, тьюторов и экспертов-практиков, возможность планирования времени обучения без отрыва от работы, получение сертификата, создание реального эффективного проекта внедрения воспитательной работы в конкретном вузе.

Вакула И.М.,
докт. филос. наук, проф., РЮИ МВД России
(г. Ростов-на-Дону)
Топилина А.В.,
канд. филос. наук, доц., РЮИ МВД России
(г. Ростов-на-Дону)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

За последнее столетие наша страна пережила несколько войн: Гражданскую, Мировую, «холодную», а сегодня мы живем в состоянии информационной войны. Этот совершенно специфический вид противостояния не оставляет братских могил, и войска для этой войны не нужно переправлять эшелонами. Основное поле боя находится в сфере интеллектуальной и эмоциональной – в сердцах и умах обычных людей, граждан России, которые потенциально могут начать представлять угрозу для окружающих и для страны в целом.

Известно, что наиболее социально и политически активная часть населения – это молодежь. Те самые 5% населения, которые выходят на демонстрации, митинги и участвуют в вооруженных столкновениях, в большинстве своем состоят из людей до 30 лет. Именно эта возрастная группа одновременно является наиболее активной в информационном поле, представляя собой потребителей информации, которая распространяется через социальные сети и контекстную рекламу, популярные видеоролики и рассылки в мессенджерах. Написание данного текста было инспирировано одной из подобных рассылок. В ней русские люди призывались к сплочению против президента страны, который провозглашался «не русским» человеком, а врагом России, далее перечислялся список из 35 пунктов, по которым президент признавался виновным. Анализ данного текста вскрывает механизмы, которые антироссийская пропаганда использует в информационной войне.

В основе антироссийской пропаганды зачастую, как это ни парадоксально, стоит призыв русских людей к сплочению перед лицом внутреннего врага. Лозунг «Наших бьют!» представляет собой наиболее сильный по воздействию механизм психики, что было обнаружено еще Б.Ф. Поршневым[163]. Некритичному читателю первоначальная посылка, в которой указывается на то, что ущемляются представители его социальной группы, заменяет анализ текста. Эта посылка позиционирует, что автор текста заодно с читателем, значит, действует в его интересах и хочет ему помочь «осознать» некие важные вещи, подавая под их видом пропаганду совершенно различного свойства. Национализм возникает именно из этого лозунга. Концепт «наши» и информация об ущемлении своей группы запускает очень мощные механизмы подсознания, которые требуют немедленных действий[164].

Далее перечисляются совершенно голословные и спорные, часто лишенные любой информативности «факты», подтверждающие и усиливающие эффект ущемления. В завершение, как правило, следует призыв к действию: читатель достаточно «подготовлен» к тому, чтобы, во-первых, распространять информацию дальше, вовлекая в геометрической прогрессии новых адептов в эту войну, во-вторых, часть читателей готова действовать физически.

Таким образом, на элементарном примере, с которым сталкивался практически каждый пользователь сети Интернет, мы видим, что

[163] См.: Вакула И.М., Зубарева А.В. Механизм формирования национальной идентичности в условиях многонационального государства // Философия права, 2012, №1. С. 40-46.
[164] См.: Зубарева А.В. Ксенофобия как угроза национальной безопасности России // Философия права, 2015, №2. С.69-73.

орудия информационной войны просты и доступны каждому. Закономерным шагом является разработка мер по защите от вредоносной информации. Мы не может защититься или защитить молодежь физически: антипропагандисты постоянно создают новые тесты и ролики, однако можно защититься интеллектуально, научившись и научив подрастающие поколения критически анализировать информацию и различать вредоносные вбросы.

Национальная безопасность страны напрямую зависит от самоидентификации ее граждан и готовности поддержать власть либо высказать ей недоверие. Национальная безопасность характеризуется способностью нации поддерживать стабильность, самосохраняться и самовоспроизводиться. Важнейшее значение в этом процессе имеет поддержание информационной безопасности, или безопасности информации, поступающей к гражданам, и способность защититься от вредоносной дезинформации.

Работу над информационной безопасностью следует осуществлять комплексно, воздействуя по нескольким направлениям.

1. Изучение русского языка.

Изучение языка формирует особый тип сознания, что было доказано еще Э. Сепиром и Б.Л. Уорфом. Для россиян, для которых русский язык не является родным, владение им и способность мыслить на нем представляются навыками, позволяющими ассимилировать русскую культуру и ценности. Язык несет в себе важнейшую информацию о моральных императивах и способе восприятия мира. Владение общим для всех россиян русским языком позволяет не только понимать друг друга на уровне непосредственного общения, или денотата, но также оценивать коннотат сообщения, считывать коды культуры и реагировать на них.

2. Изучение истории России и истории родного края.

Изучение истории России и родного края способствует формированию патриотизма и устойчивости к дезинформации. Точное знание событий отечественной истории, открытий и достижений, деятельности исторических личностей и боевой славы позволяет критически оценивать информацию о нашей стране, её прошлом и настоящем, которые «вбрасываются» дезинформаторами и иностранными пропагандистами[165]. Подготовленный гражданин способен отличить истинное от ложного и разоблачить для окружающих вредоносный контент.

[165] См.: Вакула И.М., Зубарева А.В. Правосознание как фактор формирования национальной и культурной идентичности // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории. Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции в 2-х частях. Краснодарский университет МВД России, 2013. С. 9-14.

3. Пропаганда.

Пропаганда должна осуществляться на всех уровнях: в семье, в образовательных учреждениях, в средствах массовой информации. Опыт нашей страны в XX веке, когда пропаганда была частью государственной программы, показывает, что был сформирован особый тип советского гражданина, верящего правительству и стремящегося работать на благо своей страны. Отношение человека к миру, так или иначе, лежит в сфере веры. Имеется в виду вера не религиозная, а вера как противовес точному знанию. Действительно, рядовой гражданин не может знать наверняка о том, что происходит в высших сферах политики, но он может сделать выбор: верить государству или не верить, воспринимать себя как его часть или не воспринимать. Грамотная пропаганда служит именно этой цели, укрепляет веру в государство и государственную власть, способствует укреплению национальной самоидентификации, а, следовательно, производит лояльного гражданина.

4. Борьба с антипропагандой.

Особенно важно отслеживать деятельность вредоносной антипропаганды и своевременно давать опровержения, пока она не стала эффективной. В этом процессе должны быть задействованы как государственные органы по надзору за распространением информации, так и социально активные граждане. Можно возразить, что это напоминает цензуру, которая не является признаком гражданского и демократического общества. Нам представляется, что национальная безопасность государства не может в полной мере обеспечиваться в демократической среде, и в критические моменты истории государства можно уменьшить степень демократизированности общества.

5. Углубленное изучение философии и логики как инструментов, позволяющих критически анализировать информацию, находить противоречия и делать выводы.

Даже при отсутствии конкретных знаний об определенных событиях отечественной истории или современных фактах образованный человек способен оценить качество информации, которую он получает, интерпретировать её и сделать выводы. Механизмами развития этих инструментов ума являются логика и философия. Эти науки изначально возникли для формирования и поддержания культуры мышления, и актуальность оттачивания данных навыков остается непреходящей.

Таким образом, национальная безопасность поддерживается в одной из важнейших ее составляющих – в способности граждан оказать поддержку государству.

Nisha Sharma,
research Scholar (Ph.D.)
SIS/Centre for Russian and Central Asian Studies
JNU, New Delhi

REFUGEES IN RUSSIA: SOCIAL INTEGRATION OR ALIENATION?

Introduction:

Russia ranked at number nine for being most populous country after the China, India, US, Indonesia, Brazil, Pakistan, Nigeria and Bangladesh, despite being a largest country in terms of geographical area. It has unique location making it attractive for migrants. Immigrants tend to come in Russia due to its attractive economy and availability of jobs as workers. A huge number of migrants keep coming to Russia every year. Nonetheless, the present day migration is a vital economical need of Russia also. Russia's shrinking population also invite's immigrants to live in Russia. After the collapse of the Soviet Union, Russia's large cities turned as a magnet for migrants, mainly from neighboring countries. Hence, in Russia both the types of migration is observed: the inflow of immigrants as well as outflow of emigrants. People emigrating from Russia, mainly move from Russia to more developed countries mostly Israel, USA, Germany and EU states etc. The mass inflow in Russia was mainly Russians only coming back from erstwhile territory of USSR. The major challenge with regard to migration before the government was the management of the mass inflow of Russians. Inter-ethnic disputes and unresolved conflicts were among other issues that came to the surface. Subsequently, disintegration of Russia brought several problems and challenges related to immigration in front of government.

1. Asylum problem:

After the disintegration of Soviet Union in 1991 huge influx of population made situation difficult in terms of seeking asylums for refugees and force migrants. Many refugees and forced migrants live on the risk such as security, health, employment etc. It was only in 1992 that the Russian government came up with its first agency dealing with the migrant's issues - the Federal Migration Service (FMS). However, it could not resolve the challenges completely as it was underfunded and understaffed. Apart from this there were many reasons for the lack of sufficient asylums. Immediate influx of a large number of people did not give enough time to make arrangements for their asylum, high prices of available asylums and also the corruption were among other reasons for insufficient asylums. There were several other international social and charitable organizations also works to

provide assistance for refugees and migrants. But their work has not been well coordinated with the FMS or among themselves.

Number of Persons Receiving Temporary Asylum in the Russian Federation, 2007-2012[166]

	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Quantity of foreign nationals or persons without citizenship who applied for temporary asylum	1434	1829	2992	1708	1027	1087
Quantity of foreign nationals or persons without citizenship who received temporary asylum	402	797	2270	1040	648	571
Quantity of foreign nationals or persons without citizenship who have temporary asylum in the RF and are registered with FMS Russia, including those:	1180	1613	3425	3726	3036	2993

Asylum seekers in Russia generally have to wait many days to receive a proper documentation from the FMS. In between this long duration, they are typically living without proper legal documents. These conditions create tough situations like impossible for them to find a job outside of the local markets or other places. According to the United Nations, until recognized as refugees by the state, asylum seekers cannot enjoy such rights as "legal employment, healthcare, housing assistance and social benefits" and even the right to register marriages and births. Asylum seekers in Russia have to, constantly, encounter with the law enforcement authorities. They are often harassed and mistreated by police officers who have less or no respect for refugees or migrants. "Asylum-seekers are often harassed and ill-treated by law enforcement officers who feel they can abuse such people with impunity". As projected by Amnesty International which has received persistently the "reports of asylum-seekers from outside the territory of the former Soviet Union having their identity papers destroyed by police and being subjected to police harassment in the form of extortion, beatings and general intimidation. Many have been subjected to police raids or intimidated into leaving their homes".

Situation of asylum seekers continues to remain poor over a period of time. According to the Russian Federal Migration Service in 2015 there are 7,424 Syrians came in Russia. But among them, only 333 Syrians have received temporary asylum and only three Syrians have gained official refugee status in Russia. Rest 7088 Syrian migrants remain undocumented on

[166] FMS Russia Data http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/, Cited in, Irina Ivakhnyuk and Vladimir Iontsev,The Integration of Refugees, Asylum Seekers, and IDPs in the Russian Federation, Consortium for Applied Research on International Migration, CARIM-East Explanatory Note 13/119,1

the Russian territory. Hence, this data is sufficient to show that getting asylum is one of the toughest jobs for refugees and forced migrants in Russia. In addition to this, those refugees and migrants who got asylums, lives in bad condition such as no water, sanitary problems and security issues etc. For example Russia's ombudsman, Vladimir Lukin, told about the Golyanovo camp for immigrants in Moscow that sanitary conditions at the camp were unacceptable, especially the state of the toilets and the lack of proper washing facilities.

2. Health issue:

Health issues are the issues not only for migrants but it is of concern even for the native population of the country that receives them. It is harsh truth that there are very few comprehensive studies conducted identifying health condition of migrants as they enter the country. Communicable diseases and epidemics among the refugees and forced migrant in Russia are posing potential threats in the country. A report of Federal service of consumer Rights protection says that there are 6,226 communicable diseases were identified in 2013 in Russia. These diseases prevalent among migrants also have the possibilities of affecting the local people of the country. Migrants living in difficult circumstances faced health care risk such as Sanitary problem, medication etc. Among refugees, getting healthy and nutritional food are also major challenges. Many survey reports reveals that majority of migrant workers consume a large amount of alcohol which is hazardous for health. In addition to this migrants face discrimination while accessing healthcare facilities. According to the Civic Assistance Committee, 2012 annual report:

"As regards access to healthcare, in a particularly disturbing recent case, on November 11, 2013, in the country's easternmost city of Vladivostok, an Uzbek woman in labor was repeatedly denied admission by a local maternity hospital. Healthcare officials later referred to her lack of proper identity documents and medical insurance (neither of which would justify refusal of emergency medical assistance), but television reporters who appeared at the scene captured footage of medical personnel consistently referring to her Uzbek nationality when refusing admission. When the labor reached its final stages, the woman had to lie down on a side-walk next to the hospital. Then, after an intervention by several local residents and police officials, the hospital workers finally agreed to admit her." (Civic Assistance Committee 2012)

3. Education problem:

Refugees and forced migrants face discrimination in the education sector. According to different Center for Migration Studies survey, only 15–25% migrants' preschool children attend kindergartens in Russia, while the

share of Russia's preschool children covered by preschool institutions varies from 50 to 80% which is depending on the region. The cause behind this is both the absence of vacant places in kindergartens and the shortage of information about the procedure of placing children on waiting lists. The other reasons are lack of money among migrants to pay for a kindergarten and the complexities associated with gathering documents, requirements for parents registration and a special medical policy, without which a child can not admitted to a full medical examination, and therefore, the child will be unable to enroll in a kindergarten. At the present time, the most difficult barrier for migrants to overcome, when trying to enroll their children in a school is health insurance, without that it is impossible to pass a full medical examination and have necessary vaccinations.[167]

4. Language problem:

In recent years, migrants arriving in Russia has been becoming more and more culturally backward, and they have a lower level of education with a much lower level of knowledge of the Russian language than previous arrivals. Migrants, who not able to speak Russian language suffer in many ways. Migrants' children often arrive without being able to speak Russian at all or having very poor vocabulary. In the past children compensated for the lack of Russian language by communicating within their families and studying Russian in Russian language schools before arriving in Russia, now the number of such well-prepared pupils are becoming smaller, because of the predominance of rural migrants. Adapting such migrant children into the Russian school education is very difficult due to lack of knowledge of Russian language. In Russia's many regions, particularly, in Moscow, authorities are trying to solve the problem with the Russian language through arranging additional classes and special training. They open special groups for studying Russian as a foreign language for those who need extra support for being included in the educational process.[168]

5. Labor Exploitation:

In the early 1990s, better living conditions of the Russian Federation and liberalization of the economy attracted many labors to come Russia. Today also different countries workers have tendency to migrate to Russia in search of jobs. Many refugees also work as a migrant labor for the fulfillment of their basic need. In U.S. department of state report, one million people in Russia are estimated to be exposed to "exploitative" labor condi-

[167] Florinskaya, Yu. F. (2011), " Migration of Families with Children to Russia: Integration Problems (Based on the Materials of Sociological Queries Conducted by the Center for Migration Studies)", Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Journal of Public Health, 23 (4): 213-221

[168] Florinskaya, Yu. F. (2011), " Migration of Families with Children to Russia: Integration Problems (Based on the Materials of Sociological Queries Conducted by the Center for Migration Studies)", Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Journal of Public Health, 23 (4)

tions in 2012. These workers faced different types of exploitations in working place and lives in bad condition. According to article in 2009, 'Preventing Forced Labor Exploitation and Promoting Good Labor Practices in the Russian Construction Industry', reported that:

"They have no social rights and are totally at the mercy of their owners. None of the workers interview received their contractual salary. Many had received no cash for months some were working for nothing. One group of workers had had no pay for six months. The norm is for workers to receive their salaries irregularly and even then they rarely receive the full amount. Several workers also reported that they had not received work permits and that their employer had confiscated their passports. They were forced to work with an 'illegal' status, could not leave, and had to work in the hope that at some point they would receive money and once again see their documents."

It is harsh fact that, no significant data available for particularly for migrant workers exploitation which made very difficult to understand the real scenario related to workplace exploitation. There are several cases related to slave labor also reported in many reasons, such as in North Caucasus, Bashkiria, Nizhny Novgorod, Voronezh oblast, and Moscow region. Lokshina, senior researcher at Human Rights Watch (HRW) in Moscow said that "Part of the problem with irregular migration is that employers don't provide migrant workers with proper contracts. No one wants to work without a contract or permit – they do it because they have no other option. The government should ensure that migrant workers have contracts and relevant guarantees." The human rights organization, Human Rights Watch released a report on the criminal exploitation of immigrant workers employed in the preparations for the 2014 Olympic Winter Games. So, in conclusion, it can be said that migrants worker, refugees are placed at the lowest level in Russian working class and in spite of the fact that they get many works in Russia at the same time they faced exploitation at working place, violation, ethnic conflicts and discrimination in wedge in comparison to local workers.

6. Trafficking:

Trafficking is the most disturbing common problem faced by refugees and forced migrants everywhere. Russia is strongly interested in counteracting human trafficking in the region. According to U.S. department of state report, "In 2012, twenty-nine trafficking offenders were convicted under Article 127.1 of the Russian Penal Code, which is typically used for sex trafficking crimes. Five traffickers were convicted of the use of slave labor, compared to a total of 32 people convicted under Article 127.1 and 11 convicted under Article 127.2 in 2011." Trafficking is affecting every country in the world. Most importantly, human trafficking aspect of migration is

very significant today which needs a special attention of policymakers for the elimination of trafficking and migration management. "Government of Russia realizes that widespread human trafficking practices in the sphere of the irregular labor migration damage national labor market breeds shadow sector of the economy, gives rise to corruption, and provokes criminality and social tension".[169] Russia is a destination country for human trafficking routes from CIS countries and poor Asian regions. As far as major reasons for human trafficking are concerned, poverty, unemployment, gender discrimination and better living prospects in abroad factors generally responsible for it. Many scholars suggested in their research that Government bodies, institution of civil society and NGO'S have to work together for elimination of trafficking, escalation of human security and management. "Development of legal channels of migration, access of potential migrants to information about migration possibilities, migrants' rights and threats of illegal employment, specialized juridical and consultation services for migrants, severe penalties for unscrupulous employers hiring migrants illegally can reduce the sphere of human trafficking and increase human security of migrants".[170]

7. Human rights violation:

Human rights violation is the most hazardous and risky issue for refugees and forced migrants. They face harassment, racial discrimination, exploitation at workplace, beating etc. Generally, refugees do not know about human rights due to the lack of education, Russian legislation etc. With these prejudices, many refugees and asylum-seekers face difficult challenges whilst trying to integrate into Russian Society. Some refugees face harassment from the police and by local people beatings. The main centers of such activity are Moscow, St. Petersburg and Ninzy Novgorod. Many groups attack goes unreported, because of fear of police harassment. In addition, since some of refugees do not possess a legal status, they do not report the crime. Since many of the Refugees are not aware of the laws of Russia, if they break them, they can be sent back to their country of origin or imprisoned. According to Human rights watch, "In 2013, there was a large-scale police raids against migrants in Moscow. Police began rounding up thousands of suspected irregular migrants, including nationals of Vietnam, Syria, Afghanistan, Egypt, Morocco, Kyrgyzstan, Uzbekistan, and Tajikistan. Most detainees were released after several hours, but some were held for more than a week. Some individuals were denied access to a law-

[169] Ivakhnyuk, Irina (2009), "The Russian Migration Policy and Its Impact on Human Development: The Historical Perspective. Publication. Moscow: United Nations Development Programme", Human Development Reports.
[170] Mukomel, Vladimir (2013), "Asylum, Refugees, and IDPs in Russia: Challenges to Social Cohesion" Carim East – Consortium for applied research on international migration , Note 13/117, EU.

yer, with police sometimes even refusing to admit for hours or even days that they were being held in custody. Many of those did not get paid wages owed to them by their employers."

According to FIDH report, which is an international human rights NGO in 2014 the authorities of Moscow that "Operation Migrant 2014", aimed at cracking down on "illegal" migration. 7000 migrants were arrested in the first four days during mass raids in which police have used violence. This was criticized by many organizations and call on the Russian authorities to immediately suspend the operation. Tolekan Ismailova, vice-president of the International Federation for Human Rights (FIDH) said that "This is simply an institutionalized way of intimidating migrants and their families. The operation violates Russia's international obligations to respect human dignity and ban the practice of arbitrary detentions." Several migration specialists have openly questioned about the policy of mass arrests. For example, Vyacheslav Postavnin, president of the Migration XXI Century foundation, said to Russian news agency: "There are a lot of question marks around operations like this. I can see no quantitative value in them. Even if a thousand people were detained, there are thousands more that have not broken laws. The question is why were they arrested, taken away somewhere and to some extent humiliated? What happens when it is found out that they are working legally?"

Another example of human rights violation can be taken from Winter Olympic Games in 2014, where Human Rights Watch has acknowledged exploitation of migrant workers on numerous sites in Sochi, including important Olympic sites, such as the Central Olympic Stadium, the Main Olympic Village and the Main Media Center. In these places migrant workers suffered due to nonpayment of wages or excessive delays in payment of wages, including in some cases nonpayment of wages for weeks or months, failure to provide written employment contracts, 12-hour shifts without payment of overtime, and overcrowded employer-provided housing and inadequate employer-provided meals etc. In the camps where refugees get shelter, situation is worse because of authorities failure to provide them basic necessities, health-care, sanitation etc. Russia's ombudsman, Gannushkina, and Vladimir Lukin, visited one of the camps in Moscow, and explained the conditions of the camp to Human Rights Watch as "inhuman." Another human rights activist, Alexander Kulikovsky, who visited the camp many times, told to Human Rights Watch about no access to drinking water and inadequate meals etc.

There are several examples available related to human rights violation of refugees and forced migrants in Russia. One of the well-known example can be taken from, Russian State Radio's Vesti FM which has published on

its website a map entitled "Illegal Aliens," marking neighborhoods with supposedly dense populations of undocumented migrants in Moscow and encouraging Muscovites to help update the map to expose "the migrant underground." Civil society activists have called for Vesti FM to shut down its map project by calling it an offer for violence.

8. Xenophobia:

The term 'xenophobia' is typically used to represent a hatred attitude towards foreigners or the unknown. Racism is also a part of Xenophobia. Present days increasing pattern of xenophobia is the biggest problem for asylum-seekers and refugees in Russia. There are many occurrences of asylum seekers being beaten by local gangs in Russia. According to Ismailova, vice-president of the International Federation for Human Rights (FIDH): "Central Asian migrants are harassed because there is a culture of racism in Russia that perpetuates the stereotype that they are 'black' and they do the 'black' work in Russia. Many Russians have prejudices against Central Asians."

Refugees often avoid going to legal authorities for help due to constant allegations of terrorism and crime, lack of legal documentation and fear of arrest. The data on Xenophobia and hate crimes are not available, that's why it seems impossible to study this problem directly. Those who have certain recognizable ethnic features (For example, Tajiks) are more vulnerable for this crime. Consequently, widespread negative image of refuges in the Russian Federation makes it very difficult for them to integrate into society. The Russian Center of Research on Public Opinion (RCRPO) reports that 69% of Russians think that it is necessary to attract Russian and Russian-speaking migrants and to limit immigration for people of other nationalities.

Ms. Tatyana Regent (Head of the Federal Migration Service in 1999), has claimed about the linkages between immigrants from the Third World with illegal trade and crime in the Russian Federation (Regent 1999: 18). This kind of dangerous thinking still has in certain sections of Russian Society today. Dr. Andrei Chernenko (Deputy Minister of the Federal Migration Service in 2002), also claims that "the Russian Federation has become a transit point for illegal migrants, supplying members to criminal organizations" (Newsline 2002). It is very strange that there is no positive or strong correlation between immigration and crime, thus people today believe that crimes are caused by refugees and asylum-seekers.

Conclusion:

As the research has demonstrated, from the time of breakdown of USSR, major problems faced by refugees are social-economic such as, seeking shelter, security, health, employment which makes refugees and ethnic migrants feel socially alienated from the rest of the society. We can see that the social distance between refugees and the local people is increas-

ing gradually due to lack of jobs, security-issues, health-care, language and culture etc. Clearly, nowadays the major challenges are social and cultural integration between refuges and native population in Russia. Few scholars make compelling argument for why integration into the Russian Culture poses a formidable challenge, for example Afshar (2005) said that "The absence of legal status, problems with housing, employment, healthcare, language, as well as ongoing harassment of the police coupled with allegations of crimes and terrorism all hinder integration into Russian society". On the other hand, some of the immigrants also do not want to assimilate in Russian socio-cultural environment because of their wish to maintain their own ethnic identity. "Migrants in transit are not going to integrate with the local society not in the least. They feel forced to stay in a country, which they regard not more than a staging post on their way to more prosperous states in terms of economic opportunities and welfare system".[171] This isolation has a negative impact on Russia due to political economic, social, cultural and moral division of society.

Most importantly, in this Global era when, Russia became a nation of global trade, businesses, information, exchange and services, social distance between ethnic migrants, refugees and the local people is increasing gradually within the country. While today, migration is a vital economical need of Russia and its shrinking population also invite's migrants to live in country, there is a need for a greater focus on an inclusive study for the integration of different ethnic migrants and refugees into Russian society. Clearly, more research should be done to the abolition of negative attitude towards refugees and migrants, and making of effective migration policy to help them from isolation.

Bibliography:

(* indicates a primary source)

Afshar, Ahoura (2005), "Refugees in Russia: the Law on Refugees and its Implementation", *Journal of Refugee Studies,* 18 (4): 468-491.

Bookman, Z. Milica (1997), *The demographic struggle for power: The Political Economy of Demographic Engineering in the Modern World,* Frank Cass, Portland.

Breedlove T. Felix, "Refugees and Asylum Seekers in the Russian Federation".

Florinskaya, Yu. F. (2011), " Migration of Families with Children to Russia: Integration Problems (Based on the Materials of Sociological Queries Conducted by the Center for Migration Studies)", *Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Journal of Public Health,* 23 (4): 213-221

[171] Ivakhnyuk, Irina (2009), "The Russian Migration Policy and Its Impact on Human Development: The Historical Perspective. Publication. Moscow: United Nations Development Programme", Human Development Reports.

Flynn, Moya (2001), *Global frameworks, local realities: Migrant resettlement in the Russian federation,* Ph.D.Thesis, Birmingham: University of Birmingham.

Flynn, Moya (2004), *Migrant Resettlement in the Russian Federation: Reconstructing 'homes' and 'homelands*, London: Anthem Press.

Flynn, Moya (2007), "Reconstructing 'Home/lands' in the Russian Federation: Migrant Centred Perspectives of Displacement and Resettlement", *Journal of Ethnic and Migration Studies,* 33 (3): 461-481.

FMS (2013), "Instructions for Foreign Citizens or Stateless Person Arriving to the Russian Federation Visafree with the Aim of Temporary Labour Activity." Official FMS Website of the Russian Federation. Russian Federation, Accessed 17 jan. 2016.

Human Rights Reports, *Country Reports on Human Rights Practices for 2013,* United States Department of State*:* US.

Human Rights Watch (2009), *Are You Happy to Cheat Us?: Exploitation of Migrant Construction Workers in Russia,* New York.

Human Rights Watch (2013), *Russia: Mass detention of migrants: Racial Profiling, Arbitrary Detention, Harsh Detention Conditions.*

International Organization of Migration (1997b), UNHCCR-IOM Joint Fact-Finding

Irina Ivakhnyuk and Vladimir Iontsev,*The Integration of Refugees, Asylum Seekers, and IDPs in the Russian Federation*, Consortium for Applied Research on International Migration, CARIM-East Explanatory Note 13/119,1.

Ivakhnyuk, Irina (2009), "The Russian Migration Policy and Its Impact on Human Development: The Historical Perspective. Publication. Moscow: United Nations Development Programme", *Human Development Reports.*

Krindatch, D. Alexey (2006), "Changing relationships between Religion, the State, and Society in Russia", *GeoJournal*, 67(4): 267-282.

Lokshina, Tanya (2013), Dispatches: An Open Invitation to Violence in Russia?, Associate Director, Europe and Central Asia Division.

Malashenko, Alexey (2013), The Fight for Influence: Russia in Central Asia, Moscow: Carnegie Endowment for International Peace.

Mikhail A. Alexseev (2008), Inter-Minority Xenophobia in the Russian Federation: Ethnic, Religious, and Status Differentials, San Diego State University.

Mukomel, Vladimir (2013), "Asylum, Refugees, and IDPs in Russia: Challenges to Social Cohesion" Carim East – Consortium for applied research on international migration , Note 13/117, EU.

Refworld,(2013), " 2013 Trafficking in Persons Report – Russia", United States Department of State: US.

Ryazantsev, V.Sergei (2012), "Modern Migration Policy of Russia: Problems and Necessary Directions of Perfection", Institute of Socio-Politic Research of Russian Academy of Sciences, Moscow.

Sergei, V. Ryazantsev (2011),"The Modern Migration Policy of Russia: Problems and Necessary Directions of Perfection", Institute Socio-Politic Research of Russian Academy of Sciences: Moscow.

Stracansky, Pavol (2014), Russia's Immigrants Facing Crackdowns and Xenophobia, Moscow.

UNHCR (1995), The State of the World's Refugees, Oxford: Oxford University Press.

UNHCR (1996), The CIS Conference on Refugees and Migrants, European Series, vol. l (1).

UNHCR (2000), Background Paper on Refugees and Asylum Seekers from the Russian

UNHCR (2005c), 2004 Global Refugee Trends: Overview of refugee populations, new arrivals, durable solutions, asylum seekers, stateless and other persons of concern to UNHCR: Geneva

UNHCR (in Russian).

*UNHCR Asylum Trends 2014.

*UNHCR-Mid-Year trends,(2015).

UNHCR/IOM (2000), Assessment Report of the Conference Process (1996-2000),

United Nations (2006), International Symposium on International migration and development, Department of Economic and Social Affairs, Italy,28-30 June 2006

*United Nations High Commissioner for Refugees (2003), 'UNHCR Statistical year book'.

Vitkovskaya, G. (1998), "Resettlement of 'Refugees' and 'Forced Migrants' in the Russian Federation", Geneva.

Vladimir Mukomel (2013), Asylum, Refugees, and IDPs in Russia: Challenges to Social Cohesion, Consortium for Applied Research on International Migration, Carim-East Explanatory Note 13/117, 2.

Internet Sources:

Civic assistance committee, [Online: web] Accessed 2 Feb.2016 URL: mhttp://refugee.ru/en/projects/school-on-human-rights-for-migrants/.

Human rights watch,(2014), "Labour Practices in the Russian Construction Industry",[Online: web] Accessed 8 Jun. 2016 URL: https://www.hrw.org/news/2014/01/16/russia-letter-un-special-rapportuer-human-rights-migrants-and-un-independent-expert

Migration policy Institute, [Online: web] Accessed 3 March 2016 URL: http://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/mapping-destinations-international-migrants-over-time.

International organization for migration, [Online: web] Accessed 11 March 2016 URL: http://www.iom.int/.

Афанасьева И.И.,
докт. экон. наук, РГЭУ (РИНХ)
(г. Ростов-на-Дону)

КАФЕДРА ЮНЕСКО КАК ЛИМИНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

В научной литературе все чаще встречаются публикации, где описываются процессы и тенденции, характерные для научного познания и современного образования в условиях влияния трансформационных факторов глобального мира, которые предопределили зарождение и развитие новых научных и образовательных дисциплин, ориентированных на глобальную проблематику.

Как отмечают ведущие ученые, «появление и развитие глобалистики и других форм глобальных исследований и направлений образования оказалось неизбежным научным ответом на глобальные вызовы конца XX и начала XXI в. Осознание важной роли глобализации, глобальных проблем и других старых и новых общепланетарных феноменов и понимание перспектив дальнейшего развития современного образования. Глобальная проблематика уже выдвигается в лидеры научно-образовательного процесса и становится одним из оснований современной научной картины мира и мировоззрения. Происходит отчетливо выраженный и интенсивный процесс глобализации науки и образования, идут глобально-революционные трансформации и в других сферах деятельности» [172].

Исследования глобальных процессов и лиминальных факторов в их динамике в современной науке и образовательных процессах обеспечат дальнейшее превращение образовательных учреждений в ведущие научные центры нового вида образования, уже получившего широкое распространение за рубежом как глобальное.

В ряде современных публикаций, отмечается что «принципиальная новизна современного мира заключается в том, что важнейшей составляющей социально-экономического и культурного развития становятся знания и информация, овладение которыми требует высшего профессионального образования. Изменяется сам подход к сущности, смыслу и способам приобретения знаний и отбора информации. Новая парадигма образования состоит в том, чтобы не просто передавать обучающимся конкретные знания, а научить их умению адаптировать-

[172] Ильин И.В., Урсул А.Д. Образование, общество, природа: эволюционный подход и глобальные перспективы/И.В. Ильин, А.Д. Урсул; Предисловие В.А. Садовничего. – М.: Издательство Московского Университета, 2016. – 556 с.

ся к качественным условиям жизнедеятельности в целом, встраиваться в постоянно меняющуюся социально-экономическую и культурную среду»[173].

В контексте рассматриваемой проблематики, необходимо констатировать, что «ценность образования резко возрастает в современном мироустройстве, которое сегодня преимущественно рассматривается как общество постиндустриальное или информационное, то есть предположительно базирующееся не столько на силе и богатстве, сколько на информации и знаниях. Высшее образование становится из ранее редкого и малодоступного практически всеобщим в развитых странах. Без хорошего образования становится все более невозможным получить сколь-нибудь достойную работу и обеспечить себе приличный уровень жизни. Более того, однажды полученного даже качественного базового образования уже на всю жизнь не хватит – надо продолжать учиться, все время пополняя свой багаж знаний»[174].

Образование играет первостепенную роль в развитии личности человека, организационно-экономическом росте и укреплении социальных связей. Современное образование пока представляет собой консервативный механизм трансферта знаний и опыта, не позволяющий эффективно содействовать решению глобальных проблем.

Оценивая особенности сложившейся ситуации, важно отметить своевременность и актуальность инициирования кардинальных трансформаций в научно-образовательном процессе.

Как следует, все больший размах принимают не столько глобализационные процессы и усиливающиеся в результате их влияния лиминальные факторы, сколько распространение глобального образования, обеспечивающего формирование и развитие глобального мышления через углубленное изучение результатов глобалистики.

Образование как особый институт в настоящее время охватило большую часть населения планеты и уже в скором времени сможет активно стимулировать зарождение новых подходов, методов и средств научного исследования и развития знаний.

Следовательно, возникает необходимость в новых стратегических идеях, связанных с конструированием глобальных гуманитарных технологий в образовании, международных отношениях, глобальной экономике и политике, формированием новых направлений глобаль-

[173] Юлдашева М.Р. Проблема подготовки кадров культуры в эпоху глобализации// Вестник ЮНЕСКО. – 2010. - №13. – С. 108-115.

[174] Саямов Ю.Н. Кафедра ЮНЕСКО как глобальная политическая технология и инструмент «мягкой силы» международного образования в целях развития и сотрудничества [Электронный ресурс] // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). – 2018. – № 2. – Режим доступа: http://www.a-factor.ru/archive/itemlist/category/76-politologiya.

ной практической деятельности в сфере науки и образования.

Таким образом, подтверждается актуальность, значение и объективная необходимость расширения сети кафедр ЮНЕСКО как совершенно новационного научно-образовательного инструмента стратегии развития современного глобального сообщества, предоставляя возможность эффективно использовать и обмениваться знаниями и опытом в мировом образовательном процессе.

Как известно, кафедры ЮНЕСКО как научно-образовательные новационные центры системы ЮНЕСКО функционируют уже более 20 лет. Еще в 2007 г. С.В. Лавров на всероссийском конгрессе кафедр ЮНЕСКО отметил, что «в условиях формирования глобализационного информационного общества, эти кафедры призваны стать настоящими центрами передового опыта и содействовать наращиванию инновационных процессов»[175].

Тем не менее, научное сообщество нашей страны практически не имеет достаточно полного представления о специфике их деятельности, структуре, особенностях направлений работы, уровня качества и результатов реализации образовательных проектов и разнообразных программ.

В этом ключе положений следует особо обратить внимание на то, что «образовательные программы ЮНЕСКО обеспечивают, с одной стороны, прямой и постоянный доступ педагогического коллектива университета к передовым методикам и к опыту других стран в области образования, а с другой — возможность распространения собственного опыта в других образовательных учреждениях на национальном и региональном уровнях. Инновационный стиль и лидерство кафедр ЮНЕСКО как ключевых партнеров ЮНЕСКО, высокий профессиональный уровень ученых, работающих в этой сфере, могут открывать новые потенциальные возможности для инновационного развития университетов»[176].

Отмечая безусловную актуальность и успехи в решении проблем современной системы образования, необходимо подчеркнуть, что реализуемая по итогам Генеральной конференции ЮНЕСКО (1991 г.) инициатива продвижения и расширения знаний и обмена научно-образовательным опытом современного мира посредством программы

[175] Лавров С. В. Участникам Всероссийского конгресса кафедр ЮНЕСКО. Обращение Министра иностранных дел Российской Федерации, Председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО С. В. Лаврова // Всероссийский конгресс кафедр ЮНЕСКО. Москва, 1–2 марта 2007 г. М.: Изд. РАГС, 2007.

[176] Балясникова Л. А. Кафедры ЮНЕСКО как инновационные структуры для развития университетов//Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. - №136. – С.131-136.

УНИТВИН (UNITWIN – University Education Twinning and Networking Scheme) – «породнение университетов посредством создания университетских сетей» обеспечила такие условия, что «кафедры ЮНЕСКО несут ключевую нагрузку в обмене знаниями и опытом, обеспечивают вхождение вузов и научных учреждений в действующую всемирную систему многостороннего межвузовского и научного сотрудничества, будучи по сути механизмом вовлечения образовательных учреждений в мировую инфраструктуру и рынок образовательных услуг»[177].

В ходе предпринятых научных изысканий, можно констатировать, что создание сети кафедр ЮНЕСКО играет немаловажную роль во многих вопросах, имеющих приоритетное значение для нашей страны: обеспечение непрерывного профессионального образования в соответствии с требованиями современного глобального мира, и как следствие и необходимость, развитие науки и модернизация системы высшего образования, обеспечение возможности приспособления лучшего мирового опыта в российских вузах, повышение качества преподавания и обучения, проведения научно-исследовательских работ.

Изучение влияния глобальных вызовов на развитие системы образование показало, что сетевые кафедры ЮНЕСКО являются одним из лиминальных факторов в формировании системы непрерывного образования, ориентированного на иновационные методики, технологии обучения преподавательского состава, обеспечивающего тем самым формирование фундаментальной базы образовательных ресурсов.

Вместе с этим возрастает и роль сетевых кафедр ЮНЕСКО в реализации концепции устойчивого развития. Так, расширение сетевого сотрудничества кафедр ЮНЕСКО для устойчивого развития позволяет внедрять новые механизмы сетевого взаимодействия различных стран мира в сфере образования, культуры и других совместных долгосрочных гуманитарных программ глобального сообщества.

На сегодняшний день кафедры ЮНЕСКО работают в вузах 126 стран мира. Москва стала первым в мире городом, с которым ЮНЕСКО заключила официальное соглашение международного характера. Кафедра ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем и возникающих социальных и этических вызовов для больших городов и их населения на факультете Глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова была создана в соответствии с этим соглашением[178].

[177] Власенко Н.А., Кудрявцева С.П., Максименко А.А. Роль кафедры ЮНЕСКО «Новые информационные технологии в образовании для всех» в реализации стратегий и программ ЮНЕСКО//УСиМ – 2011. – № 4. – С. 28-36.

[178] Экономист. - №12-13 (61-62). – 27 апреля 2018 г.

По данным интернет-источников Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в России функционирует более 60 кафедр ЮНЕСКО и более 350 ассоциированных школ. Как правило, большинство кафедр многопрофильные, но есть и специализированные. Так, около 15 – специализируются в сфере образования и примерно столько же в сфере социальных наук, около 20 – занимаются развитие инженерных и естественных наук, около 10 – занимаются развитие культурных связей и коммуникациями. Кроме этого, для возможности обобщения опыта созданных и вновь открываемых кафедр ЮНЕСКО, распространения необходимой информации о наиболее интересных проектах и программах, реализуемых ЮНЕСКО создан и успешно функционирует Координационный комитет кафедр ЮНЕСКО.

Исходя из сказанного выше, полагаю, что создание кафедры ЮНЕСКО на базе РГЭУ РИНХ явилось объективным научным ответом на глобальные вызовы современного мира, и вместе с этим, одной из стратегических линий научного поиска, направленного на изучение междисциплинарных и философских проблем международных отношений в глобализирующемся мире.

В частности, участие Ростовского государственного экономического университета по линии расширения сети кафедр ЮНЕСКО реализовано через подписание соглашения, основной целью которого является «продвижение интегрированной международной сетевой системы научных исследований, обучения, обмена знаниями, опытом, информацией и документацией в областях, связанных с изучением и исследованиями глобальных проблем и возникающих социальных и этических вызовов, в особенности, относящихся к альтернативным моделям глобализации в современной глобалистике и основным аспектам этой темы»[179].

Согласно выбранному направлению научно-исследовательской и образовательной деятельности сетевая кафедра ЮНЕСКО РГЭУ (РИНХ) призвана стимулировать проведение совместных с другими вузами страны междисциплинарных исследований, оказывая консультативную и иную помощь в развитии методов и методик осуществления этих исследований профессорско-преподавательскому составу университетов, вовлеченных в совместные исследования и проекты.

Перспективная деятельность кафедры ЮНЕСКО в составе РГЭУ (РИНХ) будет ориентирована на обеспечение формирования и реали-

[179] Соглашение о создании сетевой кафедры как секции кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем на факультете глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, в Ростовском государственном экономическом университете (РИНХ) при институте междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации.

зации направлений развития программы УНИТВИН/кафедры ЮНЕСКО в сфере межрегионального и международного сотрудничества, установления партнерских отношений учреждений системы образования и культуры, и, как следствие, обмена профессорско-преподавательским составом и организации студенческой мобильности, внедрения современных образовательных информационно-коммуникативных технологий.

Учитывая динамичное и перспективное развитие кафедр ЮНЕСКО в России, хочется отметить, что в будущем научно-исследовательская и образовательная деятельность сетевых кафедр ЮНЕСКО и университетов будут охватывать все более широкие аспекты и разрезы проблем глобального сообщества.

Склярова Е.А.,
докт. филос. наук, проф.,
ДГТУ (г. Ростов-на-Дону)

ИДЕИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Идея социально-политического порядка – это доминирующий принцип, согласно которому формируются основные взгляды и представления относительно закономерности политических, социальных процессов и явлений в исторически заданном контексте. Проблема сущности социального порядка в современной России вызывает споры и дискуссии. Осмысление данной проблемы не может быть осуществлено без анализа того, *что* представляет собой «порядок» в текущем состоянии нашего общества, с какими процессами и событиями он связан и каковы противоречия его нынешней трансформации? В широком смысле понятие порядок можно рассматривать как определенность, стройность и закономерность явлений и процессов.

Существует несколько подходов к пониманию социально-политического порядка. Первый подход ставит на первый план роль принуждения и господства посредством силы в его укоренении. Эта традиция прослеживается с XVIII века. Томас Гоббс аргументировал свою концепцию «войны всех против всех» в «Левиафане». При другом подходе предпочтение отдается утилитаристским рассуждениям. Согласно данной логике, социальный порядок поддерживается путем установления между социальными субъектами многочисленных отношений взаимозависимости, приносящих выгоду (Макс Вебер). При третьем подходе (Толкотт Парсонс) исследователи склоняются к нормативной позиции, когда возможность существования социального

порядка определяется посредством общепринятых ценностей. Упорядоченные отношения могут устанавливаться, поскольку социальные субъекты используют ожидаемые от них роли: формы поведения, предписанные ценностями и нормами. Эти роли интегрируются в личности индивидов. Конформизм индивидов по отношению к ожидаемым ролям становится ключевым элементом поддержания социального порядка. Социализация, таким образом, приобретает статус фундаментального процесса, посредством которого ценности и нормы передаются и внушаются.

По мнению Агафонова Ю.А, социальный порядок можно определить как множество «общих принципов, законов или моделей взаимоотношения индивидов с социальной структурой»[180]. Объектом исследования в этом случае становятся социальные процессы, которые происходят в экономике, политике, духовной жизни и проявляют себя в изменениях общественной структуры, институционального устройства, общественных и правовых норм, массового сознания.

Организации и институты России значительно отличаются от их официального и идеологического образа, создаваемого средствами массовой информации. Обыденное понимание складывающегося положения вещей формируется через призму «идолов рынка», искажающих реальность.

Принято различать стабильное и кризисное состояние общества. Первое означает устойчиво воспроизводящийся социальный порядок. Второе выражает нарушение стабильности, служит острой формой проявления социального конфликта, способом движения социальной системы от прежнего ее состояния, через дезинтеграцию и конфликт, к новому состоянию. Совокупность хозяйственного, экономического, социального, политического, культурно-идеологического, духовного кризисов, затронувших суперэтнос, есть в целом кризис цивилизации. Во время последнего общество стоит перед необходимостью смены основных представлений о мире и о себе, переоценки ценностей, включающих в себя как морально-этические, адресованные непосредственно к отдельной личности, так и социальные и общечеловеческие, адресованные ко всему обществу.

Происходящие в России социально-политические изменения по укреплению власти затрагивают все сферы человеческих отношений: деятельность, отношения, поведение и сознание индивидов, организаций и институтов. Однако темпы индивидуальных, организационных и институциональных изменений различны. Они включают множество

[180] Агафонов Ю. А. Социальный порядок в России (институциональный и нормативно-правовой аспект). Ростов-на-Дону. 2000. С. 26.

трансформаций (включая ценностные ориентиры), их различную динамику.

Нормативно-ценностная сфера современного общества может рассматриваться как постоянно меняющаяся система ценностей, норм и правил поведения и деятельности с тенденцией к их жесткой кодификации. В ней существуют два типа человеческой активности, направленной как на создание ценностей, так и на их разрушение. Нормативно-ценностный порядок общества – это комплекс обязанностей и правил, регулирующих все сферы человеческой активности путем отнесения их к духовным ценностям.

Западная цивилизация потеряла роль образца и источника ценностей, идеала общественного порядка. Также массовая культура, в которой господствуют средства массовой информации, не способствует формированию устойчивых нормативно-ценностных систем. Она популяризирует совершенно иной тип социальных отношений, заменяя общепринятые нормы случайными и непостоянными связями между людьми. В этих связях реальное поведение индивидов не является воплощением определенных правил, а результатом более или менее произвольного индивидуального выбора.

Надежда на то, что в современных условиях России удастся перенести опыт западных демократий, рухнула, тем более, что демократический порядок претерпевает кризис и в странах Запада. Перспектива социального порядка становится все более неопределенной, а состояние хаоса может стать постоянным, вытекающим из множества локальных и глобальных процессов. Множество исследователей обращает внимание на неизбежность процесса «потери действительности» – чрезвычайной трудности для современного человека выйти за рамки вымышленного мира, создаваемого средствами массовой информации. Нас окружает теледействительность и виртуальная действительность Интернета. В этой действительности на одном и том же плане находятся действительно важные и ничтожные вопросы, страшные и смешные события, высокие и низкие ценности разных культур. Все это затрудняет их иерархизацию в соответствии с такими нормативно-ценностными системами, которые выдержали бы многовековую проверку временем. Далеко не случайно современные философы называют существующий мир индустриальных и постиндустриальных обществ «действительностью свалки», в которой человек превратился в «мусор»[181].

Изучение социальных трансформаций и изменений нормативно-оценочных систем нашей страны с использованием категорий неопре-

[181] Захариаш А. Антропотелизм. Варшава, 1996. С. 32.

деленности, распада и хаоса не менее важно, нежели анализ данных процессов с применением категории социального порядка. Более того, нынешняя неопределенность нормативно-ценностных систем современного общества не является преходящим явлением, характерным только для периода «перехода к рынку и демократии», который должен закончиться установлением нового социального порядка. Поэтому нельзя утверждать, что в нынешней России происходит распад ценностей как таковых. Рушатся, скорее, определенные иерархические системы ценностей. Ценности сами по себе бессильны, если они не воплощены в действительность, т.е. реальное поведение индивидов. Сами по себе ценности существуют лишь в текстах культуры и благодаря этому могут реализовываться в любых ситуациях. Состояние социального хаоса отчасти вытекает из разрыва между нормотворческими процессами и правилами реального поведения. Источником норм повседневного поведения все в большей степени становится изменчивая мода, герои телевизионных сериалов, поведение политических руководителей, одновременно не обладающих социальным авторитетом, или сама социальная практика, подтверждающая успешность или бесполезность определенных образцов поведения. Слабая укорененность норм разрушает чувство уверенности, связанное с возможностью предвидения поведения других индивидов и последствий собственного поведения.

Процесс деструкции нормативно-оценочного порядка и создания новых норм протекает в различном темпе в разных сферах общественной жизни. В сфере политического поведения индивиды конституционно определяются как «граждане». Предметом нормативного упорядочивания здесь являются отношения между индивидом и государством со всеми его институтами, правила политической борьбы. Переход к свободной гражданской деятельности в политической сфере неизбежно порождает хаос. Именно политическая деятельность для большинства граждан выглядит как наименее определенная. Тем не менее, сам политический процесс с его нормами, на сегодняшний день, воспринимается большинством граждан не как следствие случайных и произвольных решений, а как элемент последовательно реализуемого плана, базирующегося на ценности сильной политической власти, обеспечивающей приоритеты России на международной арене. Результаты последних президентских выборов показали, что стремления и вера граждан в возможность установления «правильного порядка» велика. Запад, как отмечают его идеологи, уже исчерпал потенциал либеральных ценностей и сам находится в поиске своего развития. У России, учитывая её богатый исторический опыт, все еще есть шанс стать главным вектором развития мировой цивилизации.

Старостин А.М.,
докт. полит. наук, проф., директор
Института МИГПиГ РГЭУ (РИНХ)
(г. Ростов-на-Дону)
Швец Л.Г.,
докт. полит. наук, проф., ЮРИУ РАНХиГС
(г. Ростов-на-Дону)

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

В современной науке в последние десятилетия интенсивно развиваются гендерные исследования. Сформировались гендерные парадигмы и направления в социологии, политологии, психологии, педагогике, конфликтологии и др. Затронули они и сферу философии, где прежде всего феминизм нашел благодатную почву для анализа значимой асимметрии в деятельности субъекта познания, властвования, управления и других сфер субъектных проявлений, в рамках которых подспудно, контекстуально заложено андроцентрическое (маскулинное) начало: «Для большинства философов «человечность» и «маскулинность» тождественны»[182]. Что составляет благодатную почву для критического анализа.

Концептуальный каркас, который фигурирует на философском и научном уровне гендерологии включает такие категории, как: «гендерная система», «гендерная стратификация», «гендерная идентичность и идентификация», «социальное конструирование гендера», «феминное и маскулинное сознание и самосознание», «феминизм» и ряд других.

Нельзя не заметить, что гендеризация в науке и философии обусловлена интенсивным эмансипационным процессом, который с нарастанием происходил в XX в. и продолжается в XXI в., пройдя ряд этапов. Прежде всего он коснулся женщин и их стремления к равенству в сфере труда и социально-политических отношений.

Если брать общий контекст гендерных изменений, то речь идет прежде всего о том, что в развитых странах происходят изменения, связанные (по определению И.С. Кона) с сексуальной, гендерной и семейной революциями[183].

Словом быстрое развитие гендерного перепозиционирования в социальной практике, идущее рука об руку с гендерными исследова-

[182] Брокгауз. Философия: концепции, мыслители. Пер. с нем. – СПб.: Амфора, 2010. С. 81.
[183] Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революция // Постклассические гендерные исследования: Колл. моногр. / Отв. ред. Н.Х. Орлова. СПб.: Изд-во С-Петерб. унта, 2011. С. 8–31.

ниями, не могло не выйти на уровень философских обобщений и обоснований. Тем более, что гендерные изыскания развиваются уже не только в русле феминизма, но захватывают сферу маскулинных и квазигендерных отношений.

В существующих философских обобщениях гендерной направленности уже обозначилась соответствующая проблематика и приверженность к инструментарию ряда фундаментальных философских парадигм и их сегментов[184] (прежде всего социально-философский и философско-антропологический анализ в рамках философии марксизма, философии постмодернизма, философии жизни). Следует указать на то, что в рамках Ростовской философской школы также интенсивно ведутся исследования субъектности в различных контекстуальных полях[185], обозначено понятие «модальности субъектности»[186], связываемой с неклассическим пониманием субъектности.

Продолжение указанной линии философского анализа, связанной с многомерным пониманием субъектности, ориентацией на разные модальности субъектности, приводит к обнаружению более детальной, но значимой дифференциации всей сферы когнитивной деятельности по гендерному основанию.

В частности, ведя анализ в сфере многомерной модели интеллекта (чье появление обусловлено в первую очередь формированием когнитологии и исследованиями в области искусственного интеллекта) и выделяя как наиболее значимые ее сферы – сферу рационального и эмоционального интеллекта, нельзя обойти вниманием тот факт, что с современной точки зрения основные проявления рационального интеллекта представлены в рамках деятельности маскулинной субъектности, а эмоционального – в рамках феминной субъектности[187], которая изучена значительно хуже.

В рамках различной гендерной субъектности практическая асимметрия рационального и эмоционального интеллектов приводит не только к попыткам переделки «леворуких» женщин в аутентичных

[184] Определенный вклад в развитие философии гендера сделан в рамках Ростовской философской школы, представленной в трудах I–XIV Международных гендерных чтений, проводимых около 10 лет на базе РГУ-ЮФУ и Донского философского общества (рук. программы – проф. Л.А. Савченко).

[185] Новое понимание субъектности в различных контекстуальных полях. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2011.

[186] См.: Старостин А.М., Швец Л.Г. Классические и неклассические модели субъектности в контексте философской инноватики // Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник – 2012. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2013. С. 519-526.

[187] Это очень наглядно показано в одной научно-популярной работе, где дана обширная сводка когнитивных различий по гендерному основанию: см.: Жуков Д.А. Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей: в 2 т. Т. 2. – М., 2014, гл. 8 – Он и Она: с. 119-322, 358-359. Автор основывается на обзоре «Sex Differences: Summarizing More then a Century of Scientific Research. Rsychology Press, 2008», где представлены 18000 научных исследований половых различий, которые касаются не только поведения, но и анатомии, физиологии, склонности к различным заболеваниям. Кроме того проанализированы и исследования по гендерным различиям: эмоциям, обучаемости, склонностям.

«праворуких» маскулинных интеллектуалов, но и к разработке тонких когнитивных технологий, позволяющих эффективно воспользоваться природой и обществом сформированной гендерной асимметрией.

Изложенные соображения позволяют сделать вывод о том, что исследования в рамках философии гендера могут развиваться разными путями. Например, традиционным и уже явно обозначившемся, когда осуществляется критика традиционных философских обобщений с точки зрения гендерной репрезентации и преодоления новых «идолов познания».

Другой путь развития философско-гендерных исследований, примеры которого мы постарались представить выше, обнаруживается с точки зрения появления новых источников философского опыта. Каковым выступают иные, нежели уже хорошо освоенные, измерения субъектности (гендерное, квазигендерное, лица с ограниченными возможностями – disabled person, кросс-культурное).

И еще один аспект обсуждаемой темы, который тесно связан с конструктивистской позицией современного феминистского движения и гендерной философии. Как показывают исследования в различных течениях гендерологии, далеко не всегда препятствия для кажущихся должных преобразований, ведущих к гендерному равноправию, находятся в социально-политических и экономических стереотипах патриархата. Речь нужно вести и о внутренних (для женщин, да и в какой-то мере и для мужчин) барьерах, которые закладываются, программируются в механизмах первичной и вторичной социализации и в сфере личностных ценностно-мотивационных установок, обусловленных внутренней психологической и соматической структурой гендерного происхождения. Как раз последнего плана факторы просматриваются прежде всего в смысложизненных стратегиях.

Следует подчеркнуть, что на уровне крупномасштабных глобально-гендерных проявлений просматривается не только гендерная асимметрия в смысложизненных стратегиях, но и стремление ее переконструировать. С одной стороны, значительно большая доля альтруизма и консерватизма, проявляемой в женских смысло-жизненных стратегиях, с другой – индивидуализма и эгоизма, а также предприимчивости и инновационности – в мужских стратегиях. В принципе такая диспозиция достаточно ясно была обозначена уже в классических гендерологических исследованиях. Но это явно недостаточно для последующей конкретизации. А последующее движение может быть, с одной стороны, заострено на типичные социальные и психологические ситуации, где человеку приходится менять свою жизненную стратегию под давлением прежде всего внешних обстоятельств и конфликтных

ситуаций (получение профессии, устройство на работу, смена места жительства, кризисы в семье, потеря работы и источников существования и т.п.), что характерно для сторонников адаптивистского подхода. В отличие от этого сторонники развивающего подхода полагают, что изменение жизненных стратегий связано с точками и трудностями роста и сопутствующих им вызовам, кризисам, конфликтам, что продолжается в течение всей жизни.

Резюмируя сказанное об особенностях видения базовых сфер реальности сквозь призму гендерной философии, необходимо подчеркнуть тот факт, что гендеро-философский дискурс следует отнести к одному из течений философской альтернативистики[188], что в общем-то основано как на альтернативной субъектности и ее опыте, так и на специфике гендероцентричного мышления, которое не всегда отрефлексировано.

Несомненно, что гендерная философия и, прежде всего феминистская философия как ее наименее разработанная проекция[189], остро ставят проблемы гендерной спецификации интеллектуальной, когнитивной, коммуникативной, образовательной деятельности. Это логично и вполне приемлемо, если социальная практика востребует и требует учета данных спецификаций. К примеру, специфические особенности социализации и обучения слепоглухих людей положили начало тифлосурдопедагогики и соответствующей практики.

Социальный прессинг со стороны феминизма и взаимно коррелирующие с этим быстрые изменения социума в условиях глобализации, вовлекающие в общие процессы различного рода обменов и коммуникаций субъектов с различной спецификой, положили начало гендерной педагогике и психологии[190]. Прежде всего в этой области идет разработка гендерных подходов к образованию и реализация методологии гендерной философии и гендерной философии образования.

Что касается стратегий образования, на которых сказывается действие гендерных особенностей, то следует выделить следующие тенденции:

Во-первых, возрастание динамики социального развития и значительное снижение контрастов в обозначении гендерного аспекта на макрорегиональном и локально-цивилизационном уровне приводит к

[188] См.: Старостин А.М. Философия в диатрибической и исследовательской проекциях (на материале кейс-стади «политическая философия») // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и экономика. 2018. № 10.

[189] См.: Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии. – М.: РОССПЭН, 2005.

[190] См.: Ерофеева Н.Ю. Гендерная педагогика. – Ижевск: Изд-во ERGO, 2010; Чекалина А.А. Гендерная психология. – М.: «Ось-89», 2006; Ярская-Смирнова Е.Р. Гендерная социализация в системе образования: скрытый учебный план // Международный альманах гендерных исследований. Минск, 2000.

постепенному выравниванию в пропорциях занятости мужчин и женщин в различных отраслях экономики и управления. Этому серьезно способствует и феминистский социальный прессинг. На примере же современной России видно, как за четверть века кардинально изменилась экономико-отраслевая структура и пропорции трудовой занятости людей, а также уровень оплаты их труда. Так, доля промышленных отраслей занятости и занятость в них существенно снизились. Зато выросла более чем вдвое занятость в отраслях торговли, сервиса, финансово-экономического обслуживания. В них как раз преобладает женский труд. Он, соответственно, стал относительно более оплачиваемым и востребуемым. В профессиональной когорте «экономисты, юристы» в сфере труда и профессионального обучения ныне доминируют женщины. И это обстоятельство позитивно сказывается на их статусных позициях, отнюдь не по причинам борьбы за равноправие, а по причинам большей отраслевой востребованности в современных обстоятельствах. Поэтому вряд ли удастся существенно снизить потребность в этом секторе образования. Он уже серьезно «обжит» и на него есть гендерно обусловленный запрос.

Другое дело, что более маскулинно выраженный запрос на инженерно-техническую профспециализацию снижает возможности статусного и профессионального продвижения мужской половины.

Во-вторых, возрастание рисков политической и экономической нестабильности, развитие процессов урбанизации, значительный рост институтов социальной поддержки (прежде всего, социальной), удлинение сроков первичной и профессиональной социализации до 23-25 и более лет снизило в значительной мере социокультурные функции семьи и довело до критических значений ключевые демографические показатели (прежде всего воспроизводство и средний возраст населения). Это в итоге существенно высвободило женщину из области семейных обязанностей и повинностей и во многом уравняло в возможностях и правах с мужчинами, но значительно феминизировало и общество, и образование.

В исторически краткой перспективе это остро почувствовалось в российском обществе. К тому же, данная динамика привела к позитивным статусно-ролевым и мотивационным изменениям в когорте женщин и негативным для когорты мужчин: «В современном мире полоролевые стандарты для мужчин гораздо жестче, чем для женщин. Отношение к маскулинным девочкам менее категорично, чем к феминным мальчикам. Активную независимую женщину общество примет легче и лучше, чем беспомощного мужчину. В связи с этим мальчик

испытывает жесткое давление и может ощущать себя некомфортно, если не соответствует стереотипу»[191].

В-третьих, в управленческой сфере и прежде всего в современном бизнесе, в связи с развитием ориентаций на новые отношения: HR-, GR, PR, существенно возросла востребованность эмоционального интеллекта, характеристики которого присущи прежде всего женской когорте. Это, с одной стороны, значительно влияет как на специализированную, так и на общегуманитарную образовательную подготовку. А, с другой стороны, повышает востребованность людей, одаренных задатками эмоционального интеллекта. Наблюдаемые социально-когнитивные сдвиги естественным образом ведут к смене статусных, кадровых, профессиональных приоритетов и создают новые преференции к их обладателям по гендерному признаку.

Поэтому формирование новых экономических и технологических укладов, которые имеет новая волна глобализации, в сочетании с развитием новых технологий обучения и социализации, идущих следом, может в среднесрочной перспективе скорректировать в лучшую сторону закон Кэрол Гиллиган, открытый в 1990 г., который гласит: «маленькие девочки вступают в жизнь уверенно и энергично, но их самоуважение улетучивается в подростковом периоде… В результате к 20 годам девочкам приходится бороться за то, чтобы вернуть себе силу личности, которой они располагали десятью годами раньше»[192].

Правда все еще остаются по меньшей мере два момента, которые вызывают острую критику у представителей феминизма:

Во-первых, серьезные диспропорции у женщин и мужчин в рамках соотношения рабочей и домашней занятости и общего баланса занятости. Средние затраты времени на все виды домашнего труда составляют по данным социологов и экономистов 30,3 часа в неделю у женщин и 14 часов – у мужчин[193]. В среднем общее время занятости у женщин трудоспособного возраста в 2 раза больше, чем у мужчин[194].

Во-вторых, серьезные диспропорции в статусном положении мужчин и женщин в системе управления, высшего образования, науки. Так, при общих неплохих показателях занятости в системе госуправления, где даже преобладают женщины, в высшей ее страте их численность во многие разы уступает мужчинам. Так и в системе высшего

[191] Ерофеева Н.Ю. Гендерная педагогика. – Ижевск: ERGO, 2010. С. 63.
[192] Массионис Дж. Социология. – СПб.: «Питер», 2004. С.177.
[193] См.: Мезенцева Е.Б. Мужчины и женщины в сфере домашнего труда: логика экономической реальности против логики гендерной идентичности? // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. – М.: МОТ, 2003. С. 57-58.
[194] См.: Колесникова А.А. Выпускники высших учебных заведений на рынке труда (гендерный аспект) // Гендерные отношения в социокультурной среде. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2013. С. 140.

образования на примере Ростовской области видно, что среди профессуры женщин втрое меньше, чем мужчин, а среди ассистентов – вдвое преобладают женщины[195].

Дабы не дожидаться истечения среднесрочной перспективы, чтобы выровнять указанные диспропорции (а они серьезно беспокоят общественность), необходимо существенно наращивать возможности непрерывного образования и прежде всего дистантного. Именно эти ресурсы чаще всего востребуют молодые женщины для конвертации своей трудоспособности и желания самореализации – в статусные позиции.

Резюмируя сказанное, подчеркнем то обстоятельство, что гендерные факторы в системе образования по мере демократизации и гуманизации способствуют уравновешиванию прав, возможностей и статусов мужчин и женщин. Однако движение в направлении устранения гендерной асимметрии в этом аспекте порождает серьезные проблемы в социально-демографическом аспекте, а также первичной и вторичной социализации. Здесь образовательные стратегии пока не срабатывают на опережение и социально не программируются. Возможно, данное направление купируется действиями глобальных элит, живущих в парадигме «пределов роста». Но возможно действуют и более глубинные факторы, связанные с антропологической эволюцией и ее пересечениями с тенденциями глобализации.

[195] См.: Астоянц М.С. Мотивация профессиональной деятельности преподавателя вуза: гендерный аспект // Гендерные отношения в социокультурной среде. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2013. С. 13.

Баранов А.В.,
докт. полит. наук, докт. ист. наук,
проф., КубГУ (г. Краснодар)

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОЛИТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Статья посвящена актуальной теме – анализу проявлений и динамики российской цивилизации в прикладных политических исследованиях. Тема уже привлекала внимание исследователей, в основном – философов и историков (А.С. Ахиезера[196], Л.И. Семенниковой[197], И.Г. Яковенко[198], Б.С. Ерасова[199]). Но цивилизационный подход трактуется противоположно в идейных направлениях либерально-западнической и консервативно-россиецентричной историософии. Политологи же чаще всего провозглашают цивилизационную принадлежность той или иной страны, не аргументируя свои выводы состоянием коллективных идентичностей и общественного мнения, а преимущественно ссылаясь на исторические традиции и коллективную память общества, на идеологические проекты[200].

Цель статьи – определить контуры и социологические индикаторы цивилизационной идентичности современного российского общества.

Мы даём определение цивилизации как общественной макросистемы предельно высокого уровня, объединяющей индивидов, социальные группы и территориальные сообщества на основе мировоззрения («духовного ядра»), целостной совокупности базовых ценностей существования общества. Цивилизация обычно не совпадает территориально с государствами, этническими и языковыми группами; не сводится она и к геополитическим ареалам.

«Духовное ядро» составляет структурообразующий компонент цивилизации. От него зависят способы взаимодействия общества с природой, экономическая, социальная, политическая, социокультурная подсистемы социума. Самобытность цивилизации – явление историческое, подверженное изменениям. Но «духовное ядро» остаётся относи-

[196] Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. М., 1991. Т. 1.
[197] Семенникова Л.И. Цивилизационные парадигмы в истории России // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 44–57.
[198] Яковенко, И.Г. Познание России: Цивилизационный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012.
[199] Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002.
[200] Пантин В.И. Представления об «особом пути» России: содержание и социально-политическая значимость // Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. М., 2004; Мишучков А.А. Цивилизационная идентичность в системе общенациональной безопасности России // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2014. № 11 (172). С. 244–250.

тельно устойчивым, сообщает преемственность, устойчивость подсистемам общества. «Духовное ядро» включает в себя, по Э. Шилзу, компоненты: «картину мира»; смысловую трактовку жизни и смерти, добра и зла, успеха и неуспеха; религиозные ценности; осмысление власти и права; понимание соотношения «индивид – группа – общество – человечество». На основе «центральной», осевой системы ценностей исторически складываются и передаются от поколения к поколению социокультурные традиции. Они проявляются повседневно в форме установок и стереотипов деятельности[201].

«Ядро» цивилизации связано с «периферийными» подсистемами ценностей, которые обеспечивают возникновение и адаптацию новшеств в рамках традиции. «Ядро» цивилизации исторически изменчиво, в каждом случае оно имеет своеобразное содержание и степень однородности. «Духовное ядро» цивилизации выполняет такие функции, как воспроизводство самобытной традиции; интеграция и структурирование общества; адаптация новшеств.

Другой актуальный вопрос: сводится ли «палитра» обществ к противопоставлениям «Восток – Запад» и таких дихотомических качеств, как застой – динамика, сакральность – секулярность, коллективизм – индивидуализм, бесправие – законность? Или существует сложное множество цивилизаций, проявления которых не сводимы к бинарной оппозиции «Восток – Запад»? Некоторые цивилизации имеют «мозаичное» и расколотое ядро базовых ценностей, что аргументировано на российском материале А.С. Ахиезером[202].

Парадигма исследования основана на принципах преемственности политического развития страны, выявления смыслов национальной идентичности, осмысления России как закономерности существования евразийского пространства, «страны – континента»[203].

Традиция России – надэтничная (на основе симбиоза этнических и конфессиональных традиций, с ключевой ролью русского ядра)[204]. И.Б. Орлова называет российскую цивилизацию евразийской, сложившейся в итоге более чем тысячелетнего взаимодействия народов «срединного континента» от Китая до Европы. Она обладает цивилизационной идентичностью, не уничтожающей этническое, религиозное,

[201] Шилз Э. О соотношении центра и периферии // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. М., 1998. С. 171–176.
[202] Ахиезер А.С. Указ. соч. Т. 1. С. 141–142.
[203] Ерасов Б.С. Социокультурные и геополитические принципы евразийства // Полис. 2001. № 5. С. 65–74; Цымбурский В.Л. Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над картой XXI века) // Pro et contra. 2000. *Т. 5*, № *3*. С. 173–197.
[204] Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 47.

территориальное самосознание[205]. На наш взгляд, надэтничная парадигма «страны – континента» с признанием консолидирующей роли православного ядра корректно осмысливает специфику нашего цивилизационного ареала. В противоположность западной (римско-католической в первооснове) цивилизации, российская не ассимилировала этнические и конфессиональные меньшинства, а интегрировала их в имперскую систему. Славянское большинство населения в России несло на себе повышенную налоговую, административную и военную нагрузку, формируя так называемую «империю положительной деятельности» (Т. Мартин), в которой легче жилось этническим и конфессиональным периферия м, а не великорусскому ядру[206].

«Матрица» российского общества исторически включает в себя систему идей и ценностей, выросших на почве православного мировоззрения: соборность, единство духовной и светской власти (симфонию), морализм права, «добротолюбие». В исследованиях Л.В. Милова и Б.Н. Миронова доказано, что такой выбор не был случайностью, а диктовался природными – крайне суровыми условиями жизни в Северной Евразии[207]. По истокам «матрица» России близка традиционалистскому восточному типу. В основе политической системы до 1861 г. было не саморегулируемое гражданское общество, как на Западе, а идеократическое «государство правды», контролирующее все ресурсы власти и собственности. Такая система обеспечивала самостоятельность России в системе стран Европы, создавала условия выживания и интеграции общества[208].

Но такое состояние России сохранялось и воспроизводилось не автоматически, а вследствие соответствия экономическим и политическим, международным вызовам своего времени. Буржуазные реформы 1860-х – 1870-х гг. и 1905–1914 гг. по идеологии и институциональным формам были западническими, они подрывали традиционное общественное и государственное устройство России, не создавая взамен достаточно прочных и адаптированных к российской цивилизационной традиции институций и практик.

Обратим внимание на «переходное общество», которое способно долго сохранять самобытные механизмы регуляции в ходе навязанных

---

[205] Орлова И.Б. Евразийская цивилизация: Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М., 1998. С. 109, 112.

[206] Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 11–39.

[207] Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности исторического процесса. М., 2001. С. 555–557; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд. В 2 т. СПб., 2003. Т. *2*.

[208] Мощелков Е.Н. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. М., 1996. С. 33, 54, 69–70.

«извне» реформ. Опыт России и стран Востока доказывает, что подобное состояние может длиться веками[209]. Это наблюдение соответствует обоснованной в исследованиях истории XX в. теорией многоукладности. Россия переживает модернизацию с начала XVIII в. по настоящее время. Но навязанные в ходе «неорганичного импорта» институты, общественные отношения, идентичности и общественные доктрины, если они выживают в России, то получают адаптированную к национальным условиям форму. Модернизация России всегда была фрагментарной, проводилась усилиями правящих элит «сверху», а не вызревала в замыслах институций гражданского общества. Целью такой модернизации было достичь экономической, технологической и военно-дипломатической конкурентоспособности, сохранив при этом имперскую политическую и традиционную социокультурную системы общества.

Изучим материалы социологических опросов, которые характеризуют состояние и тенденции изменений базовых ценностей россиян в 1990–2010-х гг. Если в конце 1980-х – начале 1990-х гг. ещё наблюдалось достаточно массовое – до 30% распространение западнических, либеральных ориентаций общественного мнения[210] (правда, оно было аллергической реакцией на советскую реальность и абстрактной мечтой о «всём хорошем», а не аргументированным проектом строительства будущей России), то с середины 1990-х гг. тренд кардинально сменился на признание самобытной роли России в глобальном мире. В 1998–1999 гг. данный сдвиг зафиксировали массовые опросы под руководством М.К. Горшкова (Институт социологии РАН)[211] и В.А. Колосова (Институт географии РАН)[212]. На той стадии сложилось неустойчивое равновесие трёх типов ценностей россиян: западнического либерального, россиецентричного социально-консервативного и промежуточного между ними.

Вследствие экономического и политического укрепления России (2000–2007 гг.) соотношение значительно сместилось в пользу россиецентризма, как свидетельствуют данные опросов ВЦИОМ и проекта “World Values Survey”[213].

---

[209] Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 173; Shanin T. Russia as a Developing Society: Roots of Otherness, Russia’s Turn of Century. London, 1985. Vol. 1.

[210] Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 68.

[211] Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000. С. 355–364.

[212] Криндач А.Д. Русская идентичность: представления о себе и своём месте в мире // Геополитическое положение России: представления и реальность / под ред. В.А. Колосова. М., 2000. С. 267–300.

[213] Дубин Б.В. Запад для внутреннего употребления: образ «другого» в структуре коллективной идентичности // Дубин Б.В. Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. М., 2007. С. 313–331; Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Высшие ценности Российского государства. М., 2012. С. 307–358.

Например, Б.В. Дубин приводил итоги опроса «Советский человек» ВЦИОМ (2000 г., выборка 1600 чел.), по которым процент сторонников развития России по своему особому пути вырос за 1989–2000 гг. с 11 до 34%. При этом «никогда» не ощущали себя европейцами 55% опрошенных в 2003 г.[214] Считали, что западный вариант общественного устройства – это образец, который полностью или с адаптацией пригоден для России, 19% респондентов, а отвергали данный вариант полностью 37%, отвергали с оговорками – еще 30% (2000 г.). Преимущества российского общества опрошенные видели в более человечных, добросердечных межличностных отношениях (44% ответов), чем в Западной Европе (19%) и США (11%). Напротив, западные общества представлялись более привлекательными в аспекте отношений между гражданами и государством (58% ответов против 14% привлекательности российской модели)[215].

Бесспорно, цивилизационные ориентации самоопределения россиян объясняются не только динамическими факторами (эффективностью экономической и политической модели развития, привлекательностью символов и образов современной массовой культуры), но и долгосрочными факторами: конфессиональной самооценкой респондентов, их пониманием иерархии базовых жизненных ценностей. Как к этому не относиться, но православная самоидентификация, связанные с ней модальности оценок истории России, базовых институтов и практик политической жизни, символов гордости остаются ядром цивилизационного самосознания россиян. Так, опрос ВЦИОМ 1998 г. зафиксировал религиозность 61% респондентов, а 32,8% назвали себя неверующими и 6,2% затруднились с ответом. Православные по самооценке составляли 86% всех верующих, «просто христиане» (в основном, протестанты) – 8,2%, мусульмане – 4,0%, приверженцы иных конфессий – 1,8%[216]. Исследование Института социологии РАН (2014 г.), цитируемое М.М. Мчедловой, дало иные итоги: 69% всех респондентов считают себя православными, 6% – «просто верующими», 5% – мусульманами, 2% – приверженцами иных верований, 10% – атеистами[217]. Политические ориентации основных религиозно-идентификационных групп различаются слабо и имеют ядром запрос на социальную справедливость и сильное государство. Налицо, с оговорками на различие методик расчета, весомый рост религиозности россиян.

[214] Дубин Б.В. Указ. соч. С. 321–322.
[215] Дубин Б.В. Указ. соч. С. 328–329.
[216] Криндач А.Д. Указ. соч. С. 180–181.
[217] Мчедлова М.М. Влияние религии на ценностное сознание россиян // Российское общество и вызовы времени / под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М., 2015. Кн. 1. С. 168–169.

Материалы международного лонгитюдного опроса “World Values Survey”, в котором замеряются индикаторы ценностных приоритетов и взаимная близость/дальность социокультурных дистанций между странами, показали яркую выраженность в России ценностей взаимопомощи людей, самодостаточной власти при слабом политическом участии народа, и одновременно – слабой популярности либеральной трактовки прав человека и личного достижительного успеха. Иерархия базовых ценностей россиян принципиально иная, нежели в США или ФРГ. В России она включает в себя (по убыванию) ценности семьи, труда, патриотизма, ответственности, экономического роста. Только на 6-м месте по популярности терпимость, снижено значение самостоятельности, настойчивости, бережливости, человеческой жизни[218].

Вместе с тем, российское общество остаётся крайне неоднородным по цивилизационным ориентирам. Ведущими размежеваниями являются: возраст, проживание в городе или сельской местности, вовлечение в глобализацию и этноконфессиональные факторы. Концептуальным обобщением этой проблемы стала теория «четырёх Россий», обоснованная географом Н.В. Зубаревич по критерию размера населённых пунктов[219]. Исследования уровня влияния российской национальной идентичности в регионах доказали, что при среднем уровне распространённости приоритета «я – россиянин, гражданин России» свыше 60% отчётливо выделяются в негативную сторону подвыборки респондентов в республиках Северо-Восточного Кавказа (от 20 до 50%). В последних на первом месте по влиянию прочно находится конфессиональная идентичность, на обыденном уровне синкретично связанная с этничностью и языком[220]. Очевидно, глобализация усиливает ценностные размежевания внутри российского общества и делает сверхактуальным проведение продуманной и последовательной политики идентичности, нацеленной на укрепление российской цивилизационной самостоятельности и единства российского социокультурного ареала на основе интегрирующих ценностей.

Сделаем выводы о сфере применения и эвристическом потенциале цивилизационного подхода в политической науке России. Цивилизация трактуется как социокультурная макросистема, присущая надэтничному и надгосударственному сообществу в силу самобытности его мировоззрения. Ценности и ориентации культуры входят как неотъем-

[218] Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Указ. соч. С. 326–332.

[219] Zubarevich N. Four Russias: Rethinking the Post-Soviet Map // Regionalism(s): A Variety of Perspectives from Europe and the Americas. Innsbruck, 2014. P. 71-88.

[220] Шульга М.М. Образы Родины как индикатор ценностных установок региональной молодежи // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития. Ростов н/Д, 2014. С. 141–145.

лемый компонент в «духовное ядро» цивилизации. Этим определяется соотношение цивилизационного подхода с другими исследовательскими стратегиями: историко-нарративной, политической, правовой, социологической, культурологической. Цивилизационный подход позволяет выявить «черты вечного» в краткосрочном политическом процессе; дает возможность сравнить проявления преемственности и новшеств в текущих фактах и явлениях.

Обозначим отрасли науки, в которых цивилизационный подход дал зримые результаты либо вызвал актуальные дискуссии. Это – цивилизационная компонента политических учений и идентичности; социокультурный контекст законодательства и политических идеологий; анализ типологии власти и политических систем; осмысление диалектики имперского и этноконфессионального принципов в государственном строительстве; центр-периферийное взаимодействие; внутригосударственные факторы участия России в международных отношениях.

Российская цивилизация трактуется как самобытная, развивающаяся циклически, связанная с континентальным пространством Евразии. Ядро ценностей российской цивилизации определяется православием и русскими этническими традициями, но данная социокультурная система полиэтнична и поликонфессиональна. Она секулярна в своих проявлениях после 1917 г.

Сделан вывод о разрыве между прикладным и теоретическим уровнями исследований. Это состояние профессиональной науки затрудняет выполнение её идеологических и воспитательных задач в обществе. Перспективным для осмысления цивилизационных качеств России становится обновленное евразийство.

Белов А.В.,
докт. филос. наук, проф., ЮФУ
(г. Ростов-на-Дону)

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПЕДАГОГИКА О ВОСПИТАНИИ ДУХОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Воспитание духовности личности – одна из ведущих проблем поиска философской, культурологической и педагогической мысли. Воспитание – это «всегда воспитание ценностей», – отмечает Н.Д. Никандров, указывая, что «искать эти ценности надо не где-то на стороне, а в истории нашей Родины». Психолог и педагог В.И. Слободчиков считает, что «образование – это Дар одного поколения другому», а основополагающие смыслы новых образовательных программ для пореформенной России призваны: *а*) укоренить духовно осмысленный уклад

жизни и деятельности людей в определенном культурно-историческом пространстве и тем самым преодолеть их сегодняшнюю *без*-родность и *без*-домность; *б*) выращивать жизнеспособные, соборные детско-взрослые общности, не оставляющие человека *бес*-призорным и *без*-надзорным; *в*) культивировать встречи поколений в их самоценных *образ*ах и формах жизни[221].

Современные авторы, исследующие проблему воспитания духовности личности, справедливо обращают свой взор на изучение проблемы духовности в русской философии XIX-XX вв. И.В. Кирéевским, В.В. Розановым, И.А. Ильиным и др.

Так, В.В. Розанов выдвинул четыре основных «*начала*», принадлежащих духовности русского народа: *гармонии*, согласованности и соразмерности частей в противовес антагонизму сословий, групп и классов; *доверия*, как естественного выражения этой согласованности и соразмерности; *цельности личности* в отношении к действительности, к истине, которая постигается не только обособленным действием рассудка, но, прежде всего, благодаря нравственным поискам; *соборности*, главного духовного условия единства славян, общности людей, объединенных единым мировосприятием, которая гарантирует духовную целостность каждой личности, «слиянность с ближним»[222].

В работе «Путь духовного обновления» И.А. Ильина *духовность* предстает как самое значимое в душе личности, ее главным содержанием, любовью и служением, силой личного самоуправления и силой «поющего сердца», жилищем совести и местонахождением художественного искусства, источником правосознания, истинного патриотизма и основой здоровой государственности великой культуры.

Главное в человеке, – был убежден И.А. Ильин, – это *духовный опыт*. «Воспитать человека значит, прежде всего, пробудить в нем… доступ к духовному опыту. Только в этом опыте человек может постигнуть, что такое *любовь*, какова ее глубина и сила и в чем ее священное значение. Только здесь он может научиться отличать *добро* от зла, услышать в самом себе голос совести, постигнуть, что такое честь, благородство и служение. Только в этой области он может увидеть, что такое художественность и прекрасное искусство, воспитать свой вкус и развить свое восприятие *красоты*. Только духовный опыт может открыть ему, что такое *истинное знание*, очевидность и доказательство и в чем состоит научная культура и достоинство ученого»

[221] Педагогика. 2008. № 9, с. 4, 37.
[222] См.: *Ерофеев В.В.* Разноцветная мозаика розановской мысли // В.В. Розанов Несовместимые контрасты жития. Литературно-эстетические работы разных лет. М., 1990, с. 20.

(*Курсив* мой – *А.Б.*)[223]. Итак, в духовном опыте, согласно И.А. Ильину, личность может постигнуть Любовь, Добро, Красоту и Истинное знание. Иначе говоря, духовность *не формируется* «снаружи», а *произрастает* изнутри, – из *природы*, *истории* и *культуры* родной страны, выполняя функцию своеобразной пуповины, соединяющей человека с его бытийными истоками, давая ему жизненную опору «здесь и сейчас», открывая ориентиры для выхода за индивидуальные пределы.

Пространство России не есть пустое вместилище, в которое можно механически, по произволу, вложить заимствования из других культур, не считаясь с законами ее духовного организма, – отмечал И.А. Ильин. – Россия есть живая духовная система, поэтому нам нельзя заимствовать духовную культуру у других народов, мы должны творить свое и по-своему – русское, по-русски. У других народов – другой характер, другой творческий уклад; другие вера, природа и история. Россия призвана творить свою собственную духовную культуру – культуру сердца, культуру «*созерцающей любви*». И.А. Ильин был убежден, что именно *любовью* строится совместная жизнь на земле, и заявлял, что русско-славянская душа органически предрасположена к *состраданию* и *доброте*, *ласковости* и *гостеприимству*, *совестливости* и *отзывчивости*. «Без любви русский человек есть неудавшееся существо. Цивилизирующие суррогаты любви (долг, дисциплина, формальная лояльность, гипноз внешней законопослушности) сами по себе ему мало свойственны. Без любви он или лениво прозябает, или склоняется к вседозволенности. Ни во что не веруя, русский человек становится пустым существом, без идеала, без цели. Ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью». Вот почему так необходимо, чтобы еще в семье «ребенок получил доступ ко всем сферам духовного опыта; чтобы его духовное око открылось на все значительное и священное в жизни; чтобы его сердце научилось отзываться на всякое явление…»[224].

Огромную роль в воспитании детей И.А. Ильин отводил семье, которая, как он считал, «возникает из *любви* и дает человеку *счастье*». «Семья, внутренно спаянная любовью и счастьем, есть школа *душевного здоровья*, *уравновешенного характера*, *творческой предприимчивости*» и ее мыслитель уподоблял распустившемуся цветку. «В счастливой семье воспитывается человек с *неповрежденным душевным организмом*, который сам способен органически любить, органически строить и органически воспитывать». «Воспитание детей есть именно *пробуждение… к национальному духовному опыту*, укрепление в нем

[223] *Ильин И.А.* Путь духовного обновления // И.А. Ильин Собр. соч.: в 10 т. М., 1993, с. 68.
[224] Там же, с. 56, 207.

их сердца, их воли, их воображения и их творческих замыслов», – настаивал И.А. Ильин, полагая, что бороться с национальным обезличиванием наших детей нужно именно на этом пути, для чего надо сделать так, чтобы «все прекрасные предметы, впервые пробуждающие дух ребенка, вызывающие в нем умиление, восхищение, преклонение, чувство красоты, чувство чести, любознательность, великодушие, жажду подвига, волю качества – были национальными, у нас в России – национально русскими». Средствами воспитания духовного мира ребенка выступают *язык, песня, молитва, сказка, мифы, поэзия, история, армия, природа, труд.*

1. «Язык вмещает в себе таинственным и сосредоточенным образом всю душу, все прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа. Все это ребенок должен получить с молоком матери», поэтому не следует учить его иностранным языкам до тех пор, пока он связно и бегло не заговорит на своем родном языке.

2. Русскую песню, по убеждению И.А. Ильина, ребенок должен слышать еще с колыбели, ибо она «глубока, как человеческое страдание, искренна, как молитва, сладострастна, как любовь и утешение». Пение призвано научить его первому одухотворению душевного естества; оно несет ему первый душевный *вздох* и первый духовный *стон*.

3. Молитва, как «сосредоточенная и страстная обращенность души к Богу», даст человеку *духовную гармонию*, источник *духовной силы*, религиозный опыт. «Молитва научит его сосредоточивать чувство и волю на совершенном – *по-русски*».

4. «Сказка будит и пленяет мечту. Она дает ребенку первое *чувство героического* – чувство испытания, опасности, призвания, усилия и победы; она учит его мужеству и верности; она учит его созерцать человеческую судьбу, сложность мира, отличие «правды и кривды». Она заселяет его душу национальным мифом, тем хором образов, в которых народ созерцает *себя* и свою *судьбу*, исторически глядя в прошлое и пророчески глядя в будущее. В сказке народ схоронил свое вожделенное, свое ве́дение, свое страдание, свой юмор и свою мудрость. Национальное воспитание неполно без национальной сказки. Ребенок, никогда не мечтавший в сказках своего народа, легко отрывается от него и незаметно вступает на путь интернационализации. Приобщение к чужеземным сказкам вместо родных будет иметь те же самые последствия».

5. И.А. Ильин советовал нам пленять воображение детей и молодежи живыми образами *национальной святости и национальной доблести.* Образы *святости* пробудят у них *совесть*, а образы *героизма* – волю к доблести, великодушие, правосознание, жажду подвига и слу-

жения, готовность терпеть, бороться за непоколебимую веру в духовные силы своего народа.

6. После того, как наши дети начнут говорить и читать, их душу должна пленять «благодатно-магическая сила» русского стиха, ибо «русский народ имеет единственную в своем роде поэзию, где мудрость облекается в прекрасные образы, а образы становятся звучащей музыкой. Русский поэт одновременно – национальный пророк и национальный музыкант. И русский человек, с детства влюбившийся в русский стих, никогда не денационализируется».

Призывал И.А. Ильин и к необходимости открывать детям доступ ко всем видам *национального искусства* – от архитектуры и орнамента, от пляски до театра, от музыки до скульптуры, особенно указывая на непосредственно национализирующий духовный мир ребенка вид искусства – русскую пляску «со всей ее свободой и ритмичностью, со всем ее лиризмом, драматизмом и неистощимым юмором».

7. И.А. Ильин был глубоко убежден, что «русский ребенок должен с самого начала почувствовать и понять, что он славянин, сын великого славянского племени и в то же время сын великого русского народа, имеющего за собою величавую и трагическую историю, перенесшего великие страдания и крушения и выходившего из них не раз к подъему и расцвету. Необходимо пробудить в ребенке уверенность, что история русского народа есть живая сокровищница, источник живого научения, мудрости и силы. Душа русского человека должна раскрыть в себе простор, вмещающий *всю* русскую историю», и при этом ссылался на окрыленные слова великого русского поэта А.С. Пушкина: «Клянусь вам моею честью, что я ни за что на свете не согласился бы ни променять родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какую нам послал Господь».

8. Русскую армию И.А. Ильин рассматривал как волевую силу и оплот России, воплощенную храбрость русского народа, организацию чести, самоотверженности и служения; и это чувство должно быть передано молодому человеку национальным воспитателем.

9. Русский человек должен с детства понять, что народ живет не *для* земли и не *ради* земли, но *на* родной земле и *от* родной земли, «знать и любить просторы своей страны: ее жителей, ее богатства, ее климат».

10. Наконец, с раннего детства он должен почувствовать «творческую радость и силу труда, его необходимость, его почетность, его смысл». В нем должна проявиться склонность «к *добровольному*, *творческому* труду, и из этой склонности он должен почувствовать и осмыслить Россию как бесконечное и едва початое трудовое поприще.

Тогда в нем пробудится живой интерес к русскому национальному хозяйству, воля к русскому национальному богатству как источнику духовной независимости и духовного расцвета русского народа».

Народная культура связывает личность с родной природой, объединяет в национальный Космос природный ландшафт, жилище, способ добывания пищи и т.д. «Дух народа своими корнями уходит в ту природную среду, с которой связан он своим трудом и бытом, досугом и мечтой. Природный мир формирует эстетические и нравственные ценности, умение прислушаться к окружающей жизни, оценить красоту»[225], – писал Ю.А. Жданов, будучи убежденным, что *культурное* не из чего вывести и построить кроме как из *природного*. «Человек и его культура несут в себе природу матери-земли, свою биологическую предысторию… Культурное есть природное, продолженное и преобразованное человеческой деятельностью»[226]. Ему вторил другой известный российский культуролог Г.Д. Гачев: «Природа и Культура находятся в диалоге: и в тождестве, и в дополнительности. Общество и История призваны восполнить то, чего не даровано стране от природы»[227].

Итак, мы рассматриваем *духовность личности* как целостную систему, сплав эмоционально-чувственных и мысленных связей внутреннего «Я», находящегося в процессе своей деятельности в непрерывном взаимодействии с окружающим миром, со своей сложной структурой, на становление и развитие которой оказывают постоянное влияние природа родного края, культурный и исторический процессы. На наш взгляд, именно в *духовной личности* взращивается, культивируется и живет человечность, «выражением» которой является Любовь – высшее духовное состояние гармонии, олицетворяющее совершенство и Красоту, созидающее Добро и подвигающее человека к поиску Истины. Ныне эти высшие ценности в России пытаются заменить стремлением к материальным благам и удовольствиям. Любовь, как ценность, возвышает человека в его деяниях, а ее отсутствие возводит его к самодовольству, оставляя «самодвижущийся нож разума» (И.В. Кирéевский), тем самым открывая путь к возведению «нашего самовластья и хотений в ранг законов бытия», воспеванию «гимна себе, ведущего к деградации» (П.А. Флоренский). Истинная Любовь предполагает такую форму отношений, в которой составными элементами являются труд, забота и ответственность по отношению к другим и самому себе.

---

[225] *Жданов Ю.А.* Культура и натура // Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. – Ростов-на-Дону, 1979, с. 282-283.
[226] *Жданов Ю.А.* Избранное: в 3 т. Т. II. Ростов-на-Дону, 2009, с. 111.
[227] *Гачев Г.Д.* Русская Дума. Портреты русских мыслителей. М., 1991, с. 11.

Власова В.Н.,
докт. филос. наук, доц., РостГМУ
Минздрава России (г. Ростов-на-Дону)

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И ЕЁ РОЛЬ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Та ситуация в сфере юридического образования, которую мы видим сегодня, требует внесения существенных корректив в систему подготовки будущих юристов. На наш взгляд, квалифицированный юрист должен являться всесторонне развитым и глубоко образованным человеком, который способен аккумулировать и использовать в своей деятельности достижения отечественных и зарубежных учёных, а также чувствовать себя уверенно и свободно в новых общественно-политических и правовых реалиях. Уровень компетентности юристов в большой степени определяет как эффективность функционирования механизма правового регулирования, так и отношение рядовых граждан к праву и правовым институтам.

Другими словами, авторитет права и государства, уровень правового сознания, правовой культуры населения во многом определяются профессионализмом юридических кадров. Однако именно качество подготовки юристов является наиболее острой проблемой современного юридического образования. Следовательно, исключительную актуальность приобретают воспитательно-правовые аспекты качественного обновления системы юридического образования. «Так как процесс демократических реформ в России осуществлялся гораздо более интенсивно и ускоренно, нежели в других регионах мира, основные задачи социализации нового поколения и ресоциализации работающих специалистов легли на высшую школу»[228]. Юридическое образование должно быть неотделимо от гуманистического воспитания личности будущего юриста, сформированностью у них этических основ понимания права и правотворчества. Это невозможно без формирования философского знания о праве, о его этических идеалах и природных начал[229].

Подготовка обучающихся, а также наличие у них определённого уровня компетентности в области правоведческих дисциплин позволяет развить необходимый стиль юридического мышления, навыки познания права, правоотношений, правовой культуры[230]. Это представля-

[228] Старостин А.М. Социализирующая функция образования и её роль в модернизации современной высшей школы // Экономика образования, №2, 2014. – С. 85.
[229] Маркин А.В. Ценность исторического и философского знания о праве и ответственности в гуманитарном формировании личности будущего юриста // Вектор науки ТГУ. № 2 (20), 2012. – С. 198.
[230] Алешина Е.А. Формирование правовой культуры в процессе юридического образования// Автореферат на соиск. уч. степ. канд. юридич. наук. − Ростов-на-Дону, 2008. – С. 17.

ется нам невозможным без изучения философии права, т.к. данная дисциплина в большой мере способствует фундаментализации образования будущих юристов, развитию их компетентности, а также позволяет развить необходимый стиль юридического мышления, навыки познания права, правоотношений, правовой культуры[231].

Изучение философии права позволяет воспитать в будущих юристах правовую культуру – категорию, представляющую собой не только юридическое право, но, в большей степени, общую концептуальную картину права, его функционировании, а также о деятельности государственных органов и уполномоченных лиц. Правовая культура играет важнейшую роль в процессе реализации права и функционировании законотворческого процесса. Правовая культура, безусловно, способствует пониманию особенностей юридической деятельности правоохранительных органов[232]. В процессе заложения правовой культуры личности обучающегося в процессе юридического образования увеличивает значимость философии права[233].

На наш взгляд, в основе юридического образования должна стоять такая модель специалиста, которая будет ориентироваться на нужды социального и правового развития Российской Федерации. Именно поэтому невозможно переоценить роль права в юридическом образовании. Актуальным по сей день остаётся высказывание Н.М. Коркунова, который утверждал, что «нельзя понять и положительного права, не имея понятия о том, какими теоретическими воззрениями руководствовались люди, созидавшие обычаи, законодательство, судебную практику»[234].

Но так как данные модели на сегодняшний день методологически не типизированы и не разработаны в полной мере, существует необходимость анализа взаимоотношений философии права и юридического образования, а также правовой культурологии и юридической науки в современном государстве. Таким образом, мы видим, что изучение философии права в рамках юридического образования обусловлено особой ролью, которую будущие юристы играют в обеспечении эффективного функционирования правового регулирования на всех его стадиях.

---

[231] Власова В.Н. Философско-правовые аспекты в системе современного юридического образования // Философия права. 2017. № 2 (81). С. 77-81.

[232] Ушакова Е.В., Карасартова М.М. Правосознание и правовая культура: соотношение и структурные компоненты в современном юридическом образовании // Философия образования. № 1, 2012. – С. 192-201. – С. 194.

[233] Власова В.Н. Философия образования: вопросы, проблемы и перспективы. – Ростов-на-Дону, 2017. – С. 34-37.

[234] Цит. по: Кожевников В.В. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014, № 1 (38). – С.8.

Загутин Д.С.,
докт. филос. наук, проф.,
ДГТУ (г. Ростов-на-Дону)

ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРОВ В СИСТЕМЕ МНОГОУРОВНЕВОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В начале третьего тысячелетия, образование как фактор социально-экономического прогресса, претерпевает существенные изменения. На рубеже тысячелетий, человечество оценивает итоги прошлого и определяет возможные перспективы его развития в будущем. Проблема поиска новой модели образования, соответствующей требованиям, предъявляемым в новом тысячелетия, потребует интеллектуальных, организационных ресурсов и усилий государства и общества. Образовательная стратегия XXI века должна опираться на модели построенные, основываясь на новые целевые установки, и учитывающие сложность форм социально-педагогической деятельности.

Основной тенденцией, характеризующей современное общество, является постоянно возрастающая востребованность образовательного и научного ресурса системы образования. В наши дни, не вызывает споров тот факт, что качественное образование выступает основой устойчивого экономического роста государства и играет уникальную роль в культурном, социальном и экономическом развитии общества.

«Важная роль непрерывного образования в экономическом и социальном развитии современного общества, обеспечении международной конкурентоспособности национальных экономик предопределяет постоянный интерес политических, научных, деловых и общественных кругов к проблемам государственной образовательной политики. Общепринято понимание, что "будущее принадлежит тем странам, которые имеют наиболее эффективные школы, способные создать интеллектуальный потенциал как важную объективную основу для развития способностей большинства граждан и для обеспечения их благополучия»[235].

Еще древние греки говорили, что в обществе есть две важнейшие профессии – это преподаватели и врачи. Но если ошибка врача влияет лишь на ближайшее будущее одного человека, то ошибки педагогов - на далекое будущее всего общества.

[235] Загутин Д.С., Нагнибеда Б.А., Самыгин С.И. Становление техногенной культуры инженеров в формате промышленной безопасности Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 65-68.

Поэтому, в современных условиях, повышение роли непрерывного образования, рассматривается, как вопрос стратегический, который относится к числу национальных приоритетов, через которые государство реализует потребности, направленные на обеспечение своей национальной безопасности.

Очевидно, что от уровня образовательной подготовки молодого поколения, обусловленного развитием профессиональных знаний и навыков, формированием социальных ценностей, навыков культуры и нравственных идеалов, зависит состояние национальной безопасности России. Именно государство должно формировать для образования ту среду, в которой оно будет развиваться. В контексте этого, необходимо осуществить методологическое и теоретическое осмысление процессов, обобщить новые черты социальной организации, выявить вызовы и угрозы.

В связи с этим, сегодня, перед образованием ставятся задачи, которые требуют его радикального качественного преобразования, осмысления места и роли образовательной системы в политике Российской Федерации, восстановления приоритетного статуса образовательной системы, что нашло отражение в важнейших государственных документах и программах: Национальная доктрина образования в Российской Федерации и Федеральная целевая программа развития образования на 2011-2015 годы. В этих документах, основными целями провозглашаются качество, доступность и эффективность, в условиях безопасной образовательной среды»[236].

Следует отметить, что на данный момент, практически отсутствуют научные работы, в которых проблема образования как образовательных стратегий национальной безопасности России рассматривалась бы в социально-философском аспекте, позволяющем изучить, оценить и обобщить имеющиеся общепедагогические, социально-философские, исторические, культурологические и иные подходы к ее решению.

В сущности, образование выполняет две ключевые функции.

«Во-первых, образование – это система социализации конкретного индивидуума. Приходит в школу ребенок, а выходит социализированный, в этом обществе, индивидуум, готовый к жизни»[237].

Во-вторых, система образования выполняет нациообразующую функцию. «Знаменитая фраза Бисмарка о том, что битву при Садовой

[236] Definition of the subjectivity of financial capital in sociological science Volkov Y.Y., Krotov D.V., Rachipa A.V., Zagutin D.S., Zhapuev Z.A. Indian Journal of Science and Technology. 2016. Т. 9. № 5. С. 87629

[237] Культурология для студентов вузов. Воденко К.В., Волкова Д.В., Денисенко И.Ф., Загутин Д.С., Латышева А.Т., Сотникова А.В., Сущенко Л.Г. Ростов-на-Дону, 2014.

выиграл школьный учитель, сказана, именно об этом. Без прусской школы не было бы прусской армии, не было бы прусского государства: прусская школа сделала нацию, которая оказалась способна на такие деяния.

По мнению некоторых отечественных исследователей, ряд стратегических ошибок, допущенных «реформаторами», позволяет утверждать, что такого института, как школа, которая была бы готова воспроизводить нацию, в России, сегодня, нет.

В качестве основных причин, ключевыми (и очевидными) представляются следующие»:[238]

- всевозможные "дорожные карты" и новый Закон об образовании, повлекшие увольнения преподавателей и учителей с повышением аудиторной нагрузки оставшимся. Более того, Закон «Об образовании в РФ» создал базу для сворачивания сети школ с углубленным изучением ряда предметов, создававшуюся с начала 60-х годов и давшую стране выдающихся ученых и инженеров, программистов, не говоря уж о сотнях тысяч грамотных специалистов;
- чуждые образовательным ценностям принципы оценки деятельности школ и университетов, основанные на странных и главное, не выдерживающих ни какой критики принципах;
- за период реформ значительно понизился социальный статус профессий ученого, преподавателя и учителя. И дело не только в низких зарплатах и увеличении нагрузок[239]. А в том, что добившись унизительного социального положения представителей этих профессий, происходит выдавливание из этих профессий молодежи, - ту, которая не изберет эти профессии, и ту, которая уйдет из нее, не видя перспектив нормальной работы, и ту, которая, не желая изменять профессии, уедет за границу в поисках лучших условий для работы;
- сегодня государством образование рассматривается как затратная сфера. Оно не рассматривает образование как сферу производительную, даже больше – как единственную производительную сферу, безусловно, необходимую стране – ведь без нее никакие другие производительные сферы не могут существовать. Но для правительства затраты на образование всего лишь затраты. В реалиях сегодняшнего дня для него это исключительно потеря денег.

[238] Загутин Д.С. Практический опыт реализации процесса интеграции дополнительного образования и вуза. Культурная жизнь Юга России. 2010. № 1. С. 36а-38

[239] Загутин Д.С. Особенности учебно-воспитательной работы, направленной на развитие культуры творческой деятельности студентов, в технических ссузах. Среднее профессиональное образование. 2007. № 11. С. 17-18.

Загутин Д.С., Фокин Н.И. Проблемы информационной безопасности личности в современных условиях. Вестник непрерывного образования. 2016. № 2. С. 17-22.

«По мнению, профессор РГПУ, члена общественного совета Минобрнауки по реформе РАН, Рукшина Сергея Евгеньевича: “И не уподобимся ли мы, слепо копируя по подсказкам американские и другие иностранные модели школы, университета и организации фундаментальной и прикладной науки, Соединенным Штатам Америки, вынужденным “импортировать” лучших ученых, инженеров, конструкторов, программистов, а теперь еще и студентов и аспирантов ведущих научно-технических специальностей из других стран? Давайте вспомним, сколько замечательных американских ученых, нобелевских лауреатов, выдающихся инженеров, конструкторов авиационной и космической техники, не являются продуктом американской системы образования?... Достаточно вспомнить имена: Сикорский, Эйнштейн, Зворыкин, Г. Гамов, Энрико Ферми, Вернер фон Браун, В. Леонтьев.

III
Стратегии развития образования в современной России

Иванников И.А.,
докт. юр. наук, докт. полит. наук, проф.,
ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

МОДЕРНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭТИКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В Российской Федерации продолжается образовательная реформа. Отказ от советской системы образования, переход на Болонскую систему, а также кардинальное изменение образовательного законодательства породили разные оценки реформы в образовании.

Возникает вопрос: опирается ли модерное образовательное поле на культуру, убеждения большинства населения? Кто продвигает Болонский процесс в России? Каковы текущие итоги модернизации высшего юридического образования? По этим вопросам мне не раз приходилось выступать на научных конференциях разного уровня, сравнивать советскую и современную системы образования в Российской Федерации. Некоторые тезисы этих рассуждений нашли отражение и в данной статье.

В Западной Европе и в России Болонский процесс в образовании болезненно. Высшее образование стало массовым при падении его качества. Болонский процесс эволюционировал. В 1999 г. при подписании Болонской декларации 29 странами он был один, а через 15-19 лет другим. В России от федеральных государственных стандартов переходят к потребностям работодателя. Академические свободы, доступ студентов к управлению вузом являются безусловными плюсами Болонской системы. Плюсы Болонской системы образования заключаются также в возросшей мобильности студентов, доступности европейского образования. Есть еще и культурно – географический аспект. Западная Европа стала распространять свою систему образования до российского Сахалина. Однако недостатки более Болонской системы тоже существенны: потеря качества образования и подготовки научных кадров. Как это проявляется в России. Если в Западной Европе есть ограничение доступа бакалавров в магистратуры, то в России широкий доступ, в том числе лиц без профильного бакалаврского образования.

Государственные и негосударственные вузы России с 2011 года приступили к подготовке бакалавров и магистров. Эта система обучения в стране еще не достаточно была отработана. С 2011 по 2013 годы в магистратуры поступали единицы магистрантов, которые имели юридическое образование. Все остальные магистранты-юристы не имели дипломов специалистов или бакалавров по юриспруденции. Это были экономисты, менеджеры, биологи, филологи, географы, инженеры, военные и т.д. Для этих обучающихся магистратура появилась возможность получения второго высшего юридического образования. Если в магистратуру психологического факультета набирают учителей и выпускников других факультетов, прошедших подготовку по программе бакалавра, то на юридических факультетах учатся лица не имеющих такой подготовки.

Для какой деятельности готовятся эти магистры – юристы? Смогут ли они за 2 года освоить профессию юриста и стать высококлассными специалистами? На какого работодателя рассчитаны основные образовательные программы? Или они рассчитаны на подготовку научных кадров? Вот круг вопросов, которые актуальны сегодня в системе юридического образования в России вообще и магистерского в частности. Одним из главных критериев оценки вуза считается показатель трудоустройства выпускников. Кто несет ответственность за это? Фактически никто. Хотя моральную ответственность должен нести руководитель учебного заведения. Для того, чтобы трудоустроить выпускников, необходимо принимать их в магистратуру по направлению от работодателя и обучать по договору. Для этого нужно заинтересовать работодателя. Как это можно сделать? Учебный план должен учитывать региональный аспект и быть привлекательным для потенциальных работодателей в регионе. В России трудоустройство далеко не всегда связано с качеством подготовки выпускника. Оно может быть результатом родственных отношений, землячества, личных контактов и прочих факторов. Думая о перспективе образования и повышении его качества, можно предположить некоторые идеи:

1. В магистратуру необходимо принимать преимущественно бакалавров юристов.

2. Подготовка кадров должна осуществляться в условиях мобильности магистрантов и преподавателей. В целях повышения уровня знаний магистрантов необходимо, чтобы как минимум одна лекция в учебный год должна быть им прочитана ведущим специалистом из другого вуза или иностранным профессором, чтобы состоялись встречи магистрантов с профессорами ведущих российских и зарубежных вузов на семинарах, научных конференциях и др.

3. Политика участия студентов в процедурах гарантии качества, в оценке учебных программ не должна иметь место, так как у них нет для этого достаточных знаний и опыта.

4. Успешна та процедура подготовки магистерских кадров, при которой реализация программы осуществляется преподавателями по специальностям, близким к названию магистерской программы: юристами и политологами, юристами и экономистами, психологами и т.д. Магистранты и аспиранты, а также работодатели, которые направили определенных лиц на обучение, должны иметь право заказать учебные курсы, которые соответствуют профилю будущей работы. Официальные процедуры по утверждению программ сторонними органами, постоянное взаимодействие с работодателями, представителями рынка труда и другими организациями может себя оправдать лишь тогда, когда кадры готовятся не для научной деятельности, а для практической работы.

5. Руководство университета должно нести не только моральную ответственность за трудоустройство своих выпускников. Министерство образования должны иметь право ограничивать прием обучающихся в вузы, которые не могут трудоустроить своих выпускников.

6. Российская Федерация должна учесть опыт предшествующей образовательной политики в Российской империи и в СССР. В государственных вузах обучение должно быть бесплатным. Необходимо пересмотреть балльно-рейтинговую систему, процесс тестирования в образовании. На гуманитарных факультетах больше должно быть дискуссий, дискурсов, выступлений перед аудиторией, которые обеспечивали возможность получить оценку «Хорошо» и «удовлетворительно» автоматически по итогам работы в семестре или за год. Это не только повысит посещаемость занятий, но и творческую активность студентов, ответственность преподавателей за качество проводимых занятий.

7. Модерное образовательное поле не опирается на веками сложившуюся в России мораль и культуру в целом. Предоставление некоторым вузам права присваивать ученые степени в условиях криминализации российского общества разрушает не только правовое образовательное поле, но и в перспективе приведет к снижению качества подготовки научных кадров. По сути, подготавливается почва для развала самого государства.

Семенов В.С.,
канд. полит. наук, научн. сотр. ФБГУН «ФИЦ ЮНЦ РАН», мл. научн. сотр. ИМИГПиГ РГЭУ (РИНХ) (г.Ростов-на-Дону)

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Современный многополярный мир переживает качественные перемены мировоззренческих и духовных основ, изменяются типы цивилизационного развития. «Либеральный консенсус» и «конец истории», объявленный Френсисом Фукуямой[240], не состоялся. История продолжается и этот процесс далеко не однозначен, внутренне противоречив, векторы движения зачастую противоположны. Столкновение цивилизаций из дискутируемой концепции Сэмюэла Хантингтона[241] становится реальностью, а состояние современного человечества все чаще описывается в терминах глобального кризиса – геополитического, социально-экономического, экологического, духовного.

Отметим, что цивилизационный раскол пролег не только между условными Западом и Востоком (или, как принято говорить сейчас, Севером и Югом). Запад также не един: с идеей однополярного «Pax Americana» все более расходится европейское понимание многополюсного мира. Число новых цивилизационных проектов растет. Либеральная унификация мира не стала фактом, происходит диффузия власти, дробление финансово-экономических влияний, социокультурное размежевание, даются полярно противоположные трактовки смысла современности. Каждый претендент на внедрение нового проекта отстаивает собственные идеи и перспективы его социально-экономического и политического содержания, которые затрагивают все стороны существования и развития общества, в том числе одну из наиболее значимых – образовательную.

Кризис данной сферы развития человечества проявляется в усугубляющемся расхождении потребности в новых специалистах, соответствующих динамичным качественным изменениям социума вместе со средой его существования, и несоответствием результатов образовательного процесса, который все более превращается в универсальную автономную систему, функционирующую по собственным консервативным установкам, не всегда связанным с реальной жизнью.

Кардинальное изменение целей, методов и смыслов образования в условиях глобальных изменений, борьбы цивилизационных проектов

[240] Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., «Ермак». 2004.
[241] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций М., AST Publishers. 2014.

и все более очевидной поляризации социокультурных и иных фундаментальных установок, требует принципиальной переориентации всего образовательного процесса в контексте информационной цивилизации. Речь идет не только и не столько о массовом привитии навыков оперирования новыми коммуникационными технологиями, сколько о «"распредмечивании" классического предмета образования и обеспечении выхода на новые образовательные ценности, новые этические принципы».[242] Задачи, практически не имеющие аналогов в истории человечества, нуждаются в обновленной философии их осмысления, многоуровневой системе построения и синтеза знаний, соотнесения приоритетов и выработки смыслов.

Подобный подход в глобальном и национальном измерении формирует ряд общезначимых и специфических императивов, подходов, практических путей реформирования образования. Сохраняется доминирующее значение привития обучающимся необходимых стереотипов поведения, продуктивных схем самообразования и когнитивных подходов в целом, а также социокультурных, эмоциональных, коммуникативных и других реакций, определяющих самоидентификацию личности. При этом следует учитывать смещение акцентов в восприятии реальности, возрастающую роль виртуальных факторов в трактовке окружающего мира и рост их влияния на образ жизни многих людей. Данное воздействие затрагивает, прежде всего, поведенческие стереотипы молодежи и все более определяет ее мировоззрение. В условиях, когда роль основного источника информации и приоритетного средства обучения переходит к компьютерным сетям, а значение суммы знаний, полученных в процессе образования, уступает место приобретению способностей к самообучению, коммуникации, анализу и творческих навыков – возникают новые требования к педагогике и педагогу. Ключевой целью образования становится формирование интеллектуальных способностей и поведенческих навыков, необходимых для самореализации в реальном мире, при осложняющих факторах виртуальных воздействий и влияний техносреды.

При этом главным средством обучения стали компьютерные сети, позволяющие слушать и принимать интерактивное участие в лекциях ведущих специалистов современного мира, получать доступ к разноплановой информации, заметим, не всегда объективной и проверенной, поскольку в интернете зачастую больше «информационного шума», чем предметного содержания. Соответственно, решающее значение в процессе образования приобретает не передача и усвоение не-

[242] Талалова Л.Н. Современная философия образования: в поисках объективного результата или позиция сознания? // Вестник РУДН, сер. Философия, 2003, № 2. С.15

кой ортодоксальной суммы знаний и умений, но в широком смысле развитие личности, способной своевременно и адекватно реагировать на динамичные перемены информационного, постиндустриального общества. Личности, способной находить свое место и продуктивно функционировать в новых социально-экономических отношениях и структурах, получать, обновлять и эффективно использовать профессиональные навыки.

Соотношение глобального и национального измерений образования в эпоху глобализации связано с безопасностью государств. Стратегическим фактором в этой области является ситуация, сложившаяся вокруг так называемой «утечки мозгов», которая непосредственно связана с перспективами сохранения субъектности государства. Условием конкурентоспособности в современном мире является непрерывное производство новых знаний и передовых технологий, что полностью зависит от сохранения и развития интеллектуального потенциала. Аутсайдеры интеллектуально-технологической гонки обречены на роль рынков рабочей силы, сырьевых придатков, объектов политических манипуляций и т.п. Это объясняет накал межгосударственной борьбы за приумножение своего интеллектуального капитала, в том числе за счет иностранных кадров. Россия пока остается страной-донором, граждане и бывшие граждане которой сформировали за рубежом крупнейшую в мире научную диаспору[243]. Причины такого положения вещей не только в падении престижности и низкой оплате научно-образовательной деятельности, но также и в неблагоприятной среде для учебной и исследовательской работы, реализации идей. Примечательно, что развитые страны к настоящему времени основное внимание уделяют привлечению в свою науку и образование уже не столько квалифицированных иностранных специалистов, но прежде всего перспективных молодых ученых, аспирантов, студентов и даже школьников.

Также в числе ключевых задач в сфере образования выделяется устранение дисбаланса между динамично меняющимися запросами рынка труда и структурой, а также качеством выпуска вузовских специалистов. Необходимы скоординированные меры федеральных структур по сохранению и подъему уровня подготовки, восстановлению объемов выпуска инженерных кадров и др. Постоянное реформирование системы образования лишает его перспективы определенности. Риторические высказывания чиновников о необходимости создания наукоемкой экономики, как правило, не подкрепляются финансированием и системными шагами. Непосредственное влияние на ситуацию

[243] Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // Журнал «Социологические исследования». М., 2013. № 4. С.28

в образовании оказывает специфика отечественного бизнеса, в котором весьма слаба реальная конкурентная среда и ничтожен интерес к инновационным институтам, но при этом гипертрофирована деятельность по установлению и развитию сотрудничества с органами государственной и местной власти, стремление к участию в целевых программах. В итоге, отечественное образование и наука недостаточно финансируются частным капиталом. Заметим, что и государство слабо стимулирует предпринимателей в этом направлении, не в полной мере использует свои позиции влияния в фискальной политике. Между тем зарубежный опыт подтверждает эффективность привлечения в образование и науку структур бизнеса, которые целенаправленно развивают новейшие технологии, реализуют свою заинтересованность в подготовке соответствующих специалистов.

Пока же остро обсуждается комплекс вопросов о целесообразности отказа от достижений отечественного образования, оправданности и допустимой степени следования западным образцам, о приобретениях и потерях в результате присоединения России к Болонскому соглашению.

Корректировка отечественных подходов к осмыслению и реализации названных задач осуществляется в масштабной реформе образования. Ключевые направления и цели реформирования отражаются в поручении Президента России В.В. Путина о создании в стране к 2024 году «не менее 15 научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики»[244]. Поручение дано в рамках указа «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и нацелено на создание центров интеграции передовой академической науки, вузовского образования и промышленности. Насколько эта задача реализуема в современных условиях – покажет ближайшее будущее.

[244] Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». 7.05.2018. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425 (дата обращения – 10.09.2918).

Самойлова И.Н.,
канд. филос. наук, доц.,
Таганрогский институт имени А.П. Чехова
(филиал) РГЭУ (РИНХ) (г. Таганрог)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОГО ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье решается задача выявления значения антропологии в контексте функционирования современного инновационного образования. Обращение к данному концепту вызвано необходимостью внедрения результатов антропологических исследований в образовательную и социокультурную практики, а также изучения субъекта во всем многообразии его проявлений.

Как известно, в развитие антропологического дискурса внесли существенный вклад научные школы Запада, среди которых наиболее влиятельными являются: представители британской школы социальной антропологии Д. Фрэзер, Э. Б. Тайлор, Г. Спенсери др.; ученые Североамериканской школы культурной антропологии Ф. Боас, А.Г. Морган, Л. Уайт и др.

Выводы западных антропологов оказывают существенное влияние на формирование целостной картины мира, являются важными для понимания решения глобальных задач, одной из которых является рефлексия феномена функционирования современного инновационного образования.

На наш взгляд, многочисленные антропологические инновационные методы и средства современного образования не имеют конкурентов благодаря своей способности наиболее полно, точно и объективно отображать происходящие современные события. В этой связи логично считать антропологию культурологической деятельностью, сберегающей генофонд нации, так как в ней благополучно взаимодействуют искусство, гуманитарные и технические науки, информационные технологии[245].

Как мы уже отмечали ранее, «особое значение в современном образовании обретает проблема культурной безопасности как совокупности социальных отношений, отражающих состояние, условия воспроизводства, а также процессы минимизации социокультурных рисков, опасностей и угроз, возникающих на уровне личности, социальной

[245] Голобородько А.Ю. Государственная культурная политика в системе обеспечения национальной безопасности современной России: социальное и политическое пространство реализации // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук // ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2016

группы или иной структуры общества, вследствие процессов культурной глобализации и формирования информационного общества»[246].

В XXI в. стремительное развитие получила инновационная антропология образования. Обращаясь к дефиниции концепта, отметим, что это комплексная творческая, научная, организационная, информационная и технологическая деятельность субъекта, направленная на получение аудиальной и визуальной информации, с дальнейшей реализацией в социальной практике.[247] Рассмотрим подробнее указанные сферы деятельности.

1. Своеобразие творчества в инновационной антропологии образования заключается в новизне решаемых задач, связанных с отображением мало изученных сторон жизни субъекта (катастрофы и риски, глобальные изменения в атмосфере, исследование космоса и др.).

2. Под научной деятельностью, как видом познавательной деятельности человека, направленной на получение и систематизацию знаний о мире, мы подразумеваем также весь спектр теоретических и экспериментальных исследований, проводимых в рамках антропологии образования, а также в сопредельных науках (неразрывность временных модусов; информационные каскады; научно-образовательный потенциал педагогической науки; уровень креативность создаваемого человеком продукта; изучение миграционных процессов населения земли и пр.).

3. На начальном этапе в антропологии образовании важна организационная деятельность при решении вопросов, относящихся к различным сферам деятельности человека (дессиминация личного опыта субъекта, знание компьютерных программ, изучение артефактов, моделирование, кодирование и декодирование информации и т.д.).

4. Для информационно-технологической деятельности антропологии образования присущи две черты: способность к решению проблем визуальной антропологии (экстернализация и интернализация, расцвет массмедиа, развитие ноксологии, расширение регулятивных полномочий и др.); порождение проблем этического и эстетического характера, требующих оперативного решения (корпоративная философия, этика деловых отношений, изменение доминанты воздействия, владение оперативными данными и т.д.).

---

[246] Быкасова Л.В. Антропологический дискурс дистанционного образования: виртуальность, визуальность, медийность // Философская и педагогическая антропология детства / Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2012.

[247] Голобородько А.Ю., Стеценко И.А., Стеценко В.В. Семиотическое пространство «сближения» актуального педагогического и политического дискурсов современной России в контексте укрепления культурной безопасности (к постановке вопроса) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области (Ростов-на-Дону), 2018.- № 3.

Обобщая данные черты, можно отметить, что жизненным ориентиром как современного человечества, так, несомненно, и инновационного образования должен стать девиз «Чтобы сохраниться – надо измениться!».

Особенностью четырех сфер деятельности антропологии образования является стремление к формированию гаптически, эмоционально и визуально-ориентированного человека. Сферы деятельности индивида охватывают независимые компоненты, включают их в систему, взаимодействуют, создавая синергетический эффект, формируют собственный предмет антропологии образования как самостоятельной научной дисциплины, при этом происходит взаимообогащение новыми результатами, возможными только в такой комбинации и только в таком взаимодействии.

Одним из приоритетных адресатов культурной политики имманентно выступает институт образования, призванный обеспечить условия для эффективной социализации личности посредством воспроизводства поведенческих паттернов в основополагающих сферах жизнедеятельности: воспитывая новое поколение в ценностях культуры, образование, тем самым, выполняет функцию жизнеобеспечения культуры, воспроизводя ее ценности, нормы и запреты в повседневной жизнедеятельности человека[248].

Мы убеждены, что развитие инновационной антропологии образования имеет определенные особенности. К ним следует отнести: выдвижение идей цивилизационно-идентичной модели российского образования в контексте конструирования ценностной матрицы личностного развития человека; социальный прогресс как общепринятая ценность; приобщение к инновационному образованию не только детей и молодежи, а также представителей старшего поколения; интерактивная возможность получения образования для всех категорий граждан; расширение круга профессиональных интересов; совместная работа специалистов-практиков и обучающихся: передача знаний, организация обучающего дискурса, мониторинг результативности; образование становится гораздо живее, содержательнее и гуманнее.

Субъект современного инновационного образования имеет возможность функционировать во взаимодействии с прошлым, настоящим и будущим, при этом пространство и время становятся материальными основами новой культуры, в которой границы между действительным и воображаемым подвижны.

[248] Агапов Ю.В. Массовая и немассовая культура в образовании // Вопросы культурологи, 2011. - № 9.

Основная функция образования состоит в межпоколенной трансляции социального опыта, через такую трансляцию происходит самовоспроизводство социума, а это предполагает, что транслируются не только накопленные знания, но и идентичные для данного социума ценности. В связи с этим, распространенный до недавнего времени сервисный подход к образованию как совокупности образовательных услуг, клиентских отношений обучающего и обучаемого противоречит ценностно-антропологическому осмыслению образования.

Резюмируя сказанное, отметим, что инновационная антропология образования – это комплексная деятельность, направленная на обеспечение индивиду возможности бесконфликтного вхождения в социум[249].

Тованчова Е.Н.,
канд. полит. наук, мл. научн. сотр. Института МИГПиГ РГЭУ (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)

ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ И ИНКЛЮЗИВНЫЙ ФОРМАТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ЭКСПЕРТНОЙ ПОДДЕРЖКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУКОВОДЯЩЕГО ЗВЕНА СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Новый век информационных технологий требует от государственных служащих обладать высокими профессиональными навыки и знаниями, которые соответствуют требованиям современной политической обстановки.

Спекуляция информационными фактами, информационные войны и другие девиации, связанные с использованием информационных ресурсов, изменяют функциональное содержание государственного управления в информационном обществе. Современному чиновнику в таких условиях необходимо своевременно и оперативно реагировать на большой объем информации, быстро приспосабливаться к изменениям в информационной среде.

Руководители высшего звена не способны со своей ежедневной загруженностью периодически и эффективно получать новые знания в высших учебных заведений, в связи с чем возникает необходимость организовать для чиновников политико-административной системы индивидуальную экспертно-аналитического поддержку.

[249] Ремезов И.И. Современная философская антропология. М., 2010.

Руководителям государственного управления необходим консультант – профессионал, задачей которого является формулирование актуальных практических рекомендаций для них, а также экспертное заключение по проблемным ситуациям.

Консультанты по отношению к государственным структурам могут быть как внешние, так и внутренние. Как правило, консультирование в органах власти осуществляется с помощью аутсорсинга – привлечения внешних консультантов с целью оказания качественных консультационно-методических услуг, действующих на основе соответствующего договора.

Анализ литературных источников и описанного опыта практической консультативной деятельности позволил определить основные преимущества и недостатки внутренних и внешних консультантов.

В процессе сопровождения профессиональной деятельности государственных служащих высших должностей могут оказываться консультационные услуги как управленческого, охватывая все основные стороны деятельности организации, так и специфического, антикризисного характера, связанные с совершенствованием системы.

Объектами консультирования могут быть[250]:

во-первых, сопровождение управленческого процесса, научно-практическая помощь в разрешении проблем связанных, как с личностным развитием в процессе обучения в целом, так с учебно-познавательной деятельностью;

во-вторых, оказание консультационных услуг различным субъектам управления, работающим в органах власти;

в-третьих, научно-методическое сопровождение профессиональной деятельности чиновников.

В качестве консультантов могут быть различные субъекты консультирования, выбор которых зависит от разных факторов.

Консультирование в управленческом процессе имеет двойственную природу: с одной стороны, является одной из функций государственной управленческой деятельности в целом (субъектом являются госслужащие разного уровня власти, а с другой – субъекты, обладающие специфическим видом профессиональной деятельности отдельных специалистов[251].

[250] Вырупаева Т.В., Иванов А.Б. Проектный подход к управлению кадровым резервом на государственной службе// Тенденции развития науки и образования. 2017. № 29-1.

[251] Глазков Е.Б. Совершенствование форм и методов управления кадровым резервом на государственной службе// В сборнике: Актуальные проблемы профессионального образования: цели, задачи и перспективы развития сборник научных статей по материалам 15-ой всероссийской заочной научно-практической конференции. ФГБОУ ВО Воронежский филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 2017.

Требования к консультантам управленческой элиты[252]

№	Факторы	Требования к консультантам
1	Специфика объекта консультирования	Консультанты – представители органов управления образованием, сотрудники консалтинговых служб и агентств, профессора и доценты кафедр управления, коучи.
2	Уровень профессиональной подготовки и опыта консультационной деятельности	Привлечение авторитетных специалистов; наличие подтверждающих дипломов, сертификатов; в резюме – опыт консультационной деятельности; наличие отзывов.
3	Характер анализируемой проблемной ситуации	Внешние и внутренние консультанты, эксперты-консультанты.
4	Личностные особенности консультанта	Коммуникабельность, эмпатия, готовность к сотрудничеству, способность к оценочно-аналитической деятельности

Недопустимы стандартные подходы к отбору кандидатов для подготовки экспертов-консультантов. Консультанты по вопросам развития системы государственного управления причисляются к категории специалистов высшей квалификации, а процесс их подготовки достаточно трудоемок и требует специальных подходов. Эксперты-консультанты должны быть профессионалами не только в определенной области, у них также должны иметься базовые и специальные компетенции, которые обеспечили бы им возможность эффективного осуществления не только экспертной деятельности, но и работы консультанта, аналитика. Также для экспертов-консультантов важна возможность выступать в качестве разработчиков по широкому кругу взаимосвязанных аспектов и направлений инноваций в образовательном процессе.

[252] Методические рекомендации по работе с резервом управленческих кадров. РАНХиГС. Москва, 2018.

Заикин А.А.,
канд. филос. наук,
Таганрогский институт им. А.П. Чехова
(филиал) РГЭУ (РИНХ) (г. Таганрог)

ГЛОБАЛЬНЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Культура традиционного общества и глобализм как болезнь цивилизации

Если мы обратимся к истории культуры, то мы увидим, что такого понятия как глобализация в ней не существовало до XX века: культура различных по своему типу цивилизаций переживала взлеты и падения, видоизменялась под влиянием социально-исторических факторов, религии, оставаясь при всем при этом культурой обществ традиционного типа – обществ, в которых на первом месте стояли такие культурные феномены, как традиционная семья, почет и уважение старших, воспитание младших в духе традиций и обычаев, сложившихся много лет назад и почитавшихся веками.

Традиции и обычаи позволяли обществу воспроизводить себя на этой матрице, каждый раз используя стандартные культурные инструменты, проверенные временем и закрепленные в культурном коде как наиболее успешные и эффективные, благодаря которым цивилизации и общности смогли просуществовать тысячи лет; например, китайская культура как самостоятельное явление существует около пяти тысяч лет, индийская – более пяти тысяч лет, - и они существуют до сих пор именно потому, что используют механизмы культурной передачи в виде традиций и обычаев от старшего поколения младшему.

Глобализм как явление появился и обозначил себя именно в XX веке, на фоне исторических «успехов»[253,254] западноевропейской, а затем и североамериканской цивилизации, обусловленных торжеством научно-технического прогресса как инструмента развития общества, наиболее выраженным в его практической форме в виде научных открытий и внедрения разработок, полученных в результате его практического приложения, либо путем изобретательских идей, воплощенных в практике.

Глобализм предложил новый критерий оценки эффективности цивилизации – уровень научно-технического развития и степень внедрения передовых научных разработок в повседневную жизнь людей;

[253] Дергачева Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональной трансформации. / Дисс. … канд. филос. н. – Брянск, 2005.
[254] Кара-Мурза С. Наука и кризис цивилизации. // Вопросы философии, 1990, №3, с. 3-15.

но он также предложил и новое понимание общества, новую его модель, основанную на экспансии как смысле существования.

В чем сущность глобализма и его проект?

Глобализм как проект не декларирует в открытую уничтожение культурного многообразия, но фактически он эту идею в жизнь проводит последовательно и непреклонно: многообразие культур, обществ, цивилизаций существовало исторически с давних времен; особенности каждой общности предполагали наличие определенного уклада, исторически сложившихся обычаев и традиций, религиозных верований; глобализм же призывает вместо яркого и разностороннего многообразия унификацию, вместо широты и количественного множества – единообразие, вместо различных по разным параметрам обществ со своими культурными особенностями – стандартизацию[255].

И ладно бы, если бы он оставался территориально и культурно на тех позициях и в тех странах, где он зародился и культивируется, где он принимается как норма большинством представителей этих западноевропейского и североамериканского социумов, - но вместо этого он проводит активную экспансионистскую политику, которую Г.В. Драч как-то назвал «вестернизацией», то есть зачищение культурного поля других стран и народов от их национальных культурных особенностей, сложившихся исторически, и насильственное внедрение своих смыслов и ценностей, во-первых, качественно отличных от имеющихся, во-вторых, кардинально от них отличающихся вплоть до антагонизма.

Ценности как зеркало культуры и идентификатор здоровья социума

В вопросах культурной идентификации и сравнительного анализа культур нам никак не обойтись без вопроса ценностей. Мы рассматриваем ценности как наиболее существенный фактор для анализа типа культуры, для оценки характера общности на том или ином историческом этапе.

То, что обществом исторически почитается как важное, что передается как культурный багаж из поколения в поколение, служит важным мерилом прочности этой общности и ее здоровья.

Ценности отражают наиболее устойчивые особенности социума, переходящие неизменно в историческом развитии от одного исторического этапа к другому, сохраняя свою важность и определяя основу культуры данного социума, его культурное ядро.

[255] Щеглов Б.С., Заикин А.А., Лойтаренко М.В. Глобализация и ее ценностное измерение в рамках анализа современного социума // Философская инноватика и глобальные проблемы современного общества. Сборник научных трудов / Отв. ред. проф. А.М. Старостин. – Ростов н/Д.: Редакционно-издательский центр ЮРИФ РАНХиГС, 2012, 396 с., С. 63-74.

Именно это является уникальным идентификатором общности или цивилизации в историческом разрезе: сплав обычаев, традиций, образцов поведения, исторических фактов и уникальных особенностей формируют культурное своеобразие.

Вместе с тем культурное выхолащивание, принижение и упрощение, присущие глобализму, выражаются в сведении к минимуму всего богатства, присущего культурам традиционных обществ, в одну простую форму, наиболее выраженную в лозунге «Бери от жизни все!».

Глобальные ценности – ценности отрицания и хаоса

Каковы же они – глобальные ценности? Они представляют собой продукт высшей фазы развития западноевропейского общества и его культуры – предельное упрощение и предельное принижение: высшие культурные потребности, высокие ценности, культурное разнообразие предельно упрощаются до базовых и принижаются до материальных.

Подмена высшего низшим порождает убогость и серость, подмена духовного материальным – низменность и ограниченность.

Вместо развития такие ценности ведут к деградации, активно пропагандируя удовлетворение прежде всего своих личных потребностей, порождая культуру эгоизма, прежде всего материальных потребностей, порождая культуру массового потребления, прежде всего сегодняшних интересов, порождая культуру исторического забвения[256].

Традиционные ценности – признак здоровья цивилизации

В отличие от последних, традиционные ценности опираются на историю народа, на особенности жизни, на богатство культуры и важность религии.

Традиционные ценности призывают к достижению высоких идеалов, сформированных исторически, и к высоким личностным стремлениям, направленным на духовное совершенствование.

Их выражением служат забота о близких, щедрость, милосердие, самоотречение и самоотверженность, и подобные им качества личности, что составляет основу большинства древних религий, актуальных и сегодня.

Традиционные ценности – это традиционная семья – муж и жена, это дети – как можно больше, это дом, достаток и мир.

Именно они являются залогом существования цивилизации, ее сохранения и развития.

[256] Хоружий С.С. Ницше и Соловьев о кризисе европейского человека. // Вопросы философии, 2008, №2, с. 52-68.

Гусева А.Ю.,
канд. филос. наук, доц., РГГМУ
(г. Санкт-Петербург)
Бубнова Я.В.,
ст. преп., РГГМУ (г.Санкт-Петербург)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ «ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ» ХОУВА-ШТРАУССА: ПРАКТИЧЕСКАЯ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

Массовое образование, в первую очередь высшее, является наиболее цивилизованным способом организовать молодежную энергию и оградить общество от эксцессов ее непредсказуемого выброса, т.е. стабилизировать общественную жизнь, как указывает К.С. Пигров[257]. Наряду с образованием существуют и иные формы канализации деструктивной (с точки зрения старших поколений) молодежной энергии – война, самая древняя и грубая форма; всеобщая воинская обязанность (более мягкая форма, чем война); также существенную роль играют сформированные новоевропейской цивилизацией социальные институты спорта, религии, тюрьмы.

В современном российском обществе, как нам представляется, указанная функция высшего образования реализуется неполно, в искаженных формах. В то же время молодежная энергия проявляется в маргинальных формах. Российские СМИ регулярно публикуют примеры влияния на молодежь тюремной субкультуры[258], вплоть до заявлений некоторых журналистов, что тюрьма и есть российская национальная идея. Официальные лица в ответ заявляют, что необходимо усиливать военно-патриотическую работу, и как национальную идею следует рассматривать патриотизм. Об образовании в подобных дискуссиях речь идет не в первую очередь, т.к. это инструмент сложный и тонкий.

Предполагаем, что результативность образования как способа организации «деструктивной» энергии молодежи может стать выше, если представители образовательных структур будут учитывать некоторые особенности поколенческих различий членов социума.

Сегодня в отечественной системе образования определенно популярна так называемая теория поколений Штраусса и Хоува. Она

[257] Пигров К.С. Социальная философия. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. - С. 240.

[258] Например: Школьный учитель избит старшеклассниками в Таврическом саду. Он не поддержал разговор в «пацанском» стиле // Фонтанка.ру. Петербургская интернет-газета. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.fontanka.ru/2018/08/27/121/

сформировалась в конце XX в. в западной социальной науке, и в начале XXI в. адаптирована российскими исследователями.

В 1991 г. была опубликована книга американского историка У. Штраусса (William Strauss) и историка, экономиста и демографа Н. Хоува (Neil Howe) «Поколения» («Generations»), в которой были изложены ключевые идеи «теории поколений».

Затем авторы опубликовали дополняющую ее теорию поколенческих циклов[259]. Современной концепции поколений предшествует солидная история изучения этого феномена, восходящая к Дж. Вико и через социально-философские идеи европейского Просвещения (Ж. Кондорсе, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юм) идущая к социологии поколений К. Мангейма[260]. Среди отечественных работ о поколениях невозможно не отметить исследования Т. Шанина[261].

Поколение в теории поколений Хоува-Штраусса рассматривается как совокупность людей, рожденных в определенный возрастной период (промежуток времени примерно 20 лет) и сформировавшихся под влиянием одних событий и особенностей воспитания, с похожими ценностями.

Одно поколение отделяется от другого по следующим критериям: его представители проживают в одну историческую эпоху (одинаковые ключевые события истории попадают на одни и те же фазы жизненного цикла – детство, молодость, средний возраст, старость); имеют некие общие убеждения и модели поведения; для них существует объединяющий опыт и особенности психики и поведения, осознание которых дает чувство принадлежности к поколению.

В 2003-2004 гг. адаптацию теории поколений для России выполнили исследователи проекта RuGenerations под руководством Е. Шамис[262]. Сегодня инструменты теории поколений применяются в различных областях, но прежде всего в управлении и образовании. Российские исследователи указывают следующие факторы формирования поколений: большие исторические события-воспоминания (полет человека в космос, Олимпиада 2014 г. и т.п.); тип главенствующих сообщений социума молодым поколениям.

Выявив эти факторы, можно увидеть и источник формирования поколенческих ценностей – их формирует дефицит. Например, если во

[259] Howe, Neil; Strauss, William (1997). The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. New York: Broadway Books.
[260]Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение, 1998. № 2 (30).С.7-47.
[261] Шанин Т. История поколений и поколенческая история России [Электронный ресурс] Режим доступа: http://polit.ru/article/2005/08/09/shanin/
[262] RuGeneration – Российская школа теории поколений [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rugenerations.su/

времена детства поколения редкостью были книги, они останутся важной ценностью и в последующей жизни поколения.

Если в дефиците живое общение, как сегодня у поколения, растущего среди гаджетов, то его представители будут стремиться открыть миру каждое свое переживание.

Исследования RuGenerations постулируют в современной России существование следующих поколений:

1) поколение GI (1900–1923 г.р.) – его представителей, очевидно, осталось совсем немного, ценности их сформированы бурными историческими преобразованиями начала XX в.;

2) «молчаливое» поколение (1923–1943 г.р.) – его представителей также уже сравнительно немного, а ценности связаны с историей социалистического строительства и тоталитарной власти;

3) поколение беби-бумеров (1943–1963 г.р.) – социально активное сегодня поколение, представители которого росли в период послевоенного восстановления страны, начала «оттепели» и холодной войны; для них крайне важен труд, успех в карьере, рабочая этика;

4) поколение X (1963–1984 г.р.) – социально активное сегодня поколение, детство которого прошло «в эпоху перемен», поэтому считается, что они некомфортно чувствуют себя в стабильном мире и зачастую, не всегда осознанно, провоцируют в нем изменения;

5) поколение Y (или Миллениум, 1984–2000 г.р.) – активно проявляющее себя в социуме сегодня; интересно, что это поколение формировалось в ситуации глобализации и поэтому ценности и поведение российских и западных (условно) миллениалов весьма близки: им более интересно разнообразие эмоционального опыта и самореализация, чем материальные ценности, влияние и власть;

6) поколение Z (с 2000 г.р.) - своеобразное переходное поколение из XX века в век XXI; это дети информационного общества, мультимедийных технологий; являясь детьми «иксов» или «игреков», они существенно отличаются от родителей.

Заметим, что теория поколений Хоува-Штраусса при теоретическом анализе вызывает ряд критических вопросов. М.Н. Чистанов указывает на недостаточную проработанность вопроса о сущности самого процесса смены исторических поколений; по мнению философа, попытка исторической ретроспективы применительно к нему ведет к дурной бесконечности, т.к. «Структура и характер ценностных установок выделяемых поколений рассматриваются <…> как результат воздействия внешних условий (то есть внешней по отношению к поколению истории).

В то же время результатом сформировавшихся установок становится комплекс целерациональных действий самих исторических субъектов. В свою очередь, эти действия выступают в качестве внешней среды для формирования установок последующего поколения»[263]. Применительно к философии образования вопрос не менее актуален.

Несколько иначе выглядит лестница поколений, построенная в работах Т. Шанина, где период смены поколений составляет приблизительно 15 лет. В этом подходе в России XX в. можно увидеть следующие поколения:

1) Фронтовики (1910-1925) – ключевые события, определившие мировоззрение этого поколения – революция и война. Это поколение пережило террор, но также и победило во Второй мировой, что определяет их человеческое достоинство.

2) Шестидесятники (1925–1940) - определяющее мировоззрение событие – так называемая «Оттепель»; это поколение идеалистов-романтиков, стремившихся стать свободными, но мало в том преуспевших и мало что изменивших.

3) Семидесятники (1940–1955) или «поколение застоя». Их мировоззрение сформировалось в «брежневскую» эпоху, которая была довольно мирной, но одновременно безыдейной и лицемерной, с потребительскими ориентациями, прикрытыми красивыми словами.

4) Поколение перестройки (1955–1970) – их мировоззрение сформировано перестройкой, развалом СССР, иллюзорной свободой «импорта, а не духа».

5) Разочарованное поколение (1970–1985), или поколение безыдейных циников, взгляды которых формировались событиями «лихих 90-х», приватизацией; это привело к зависти по отношению к богатым и власть имущим вместо возмущения «беспределом».

6) Потерянное поколение (1985–2000) – оно пережило нефтяной и потребительский бум, перерождение государственного режима (от авторитаризма к нео-тоталитаризму) и стало поколением эмиграции (если не внешней, то внутренней), хотя могло стать поколением реформаторов, поскольку это было первое свободное постсоветское поколение.

7) Поколение без будущего (2000–2015) – оно формируется в непростые исторические времена и предположительно может оказаться поколением реформаторов, когда вступит в активную социальную и политическую жизнь, т.е. примерно в 2020-2025 гг. Имя этого поколения не означает, что будущего у него нет – скорее, предполагается, что это

[263] Чистанов М.Н. О границах применимости теории поколений в современной философии истории// Гуманитарный вектор, 2017, Т. 12, №3. С. 35-39 - С. 37.

будущее формируют сами представители поколения, а не некая идеология или внешние силы[264].

Между американским и российским подходами, несомненно, есть и содержательные, и методологические различия, но тем примечательнее совпадение по последнему поколению, названному у Хоува и Штраусса «Поколением Z», а у Т. Шанина «Поколением без будущего». И, хотя отечественный социолог меньше акцентирует момент влияния на это поколение информационных технологий и виртуальной реальности, вероятно, при образовательной работе с его представителями небесполезно применять некоторые приемы, учитывающие поколенческие психологические особенности. Например, американский психолог Дж. Коатс рекомендует:

- хорошо структурировать учебный процесс;
- обеспечивать «обратную связь»;
- делать учебный материал «ярким и зримым», «рисовать словами картину»;
- использовать простые для восприятия тексты, структура которых соответствует их содержанию, а ключевые пункты визуально выделены;
- подводить итоги на каждом этапе обучения и сразу ставить задачи на следующий этап;
- давать обучающимся возможность продемонстрировать свои знания;
- помнить о необходимости и важности устной коммуникации;
- предлагать оптимистичный тон в изложении материала;
- ясно и четко формулировать требования и предлагать точную информацию;
- эффективно использовать время, меняя вид деятельности каждые 15-20 минут[265] (из-за неустойчивости внимания представителей поколения Z).

Вообще говоря, эти приемы соответствуют дидактическим принципам великого Я.А. Коменского, изложенным в «Великой дидактике» еще в XVII в.: сознательность и активность учащегося, наглядность представления знаний, их постепенность и систематичность, упражнения для прочного овладения знаниями и навыками[266].

[264] Пастухов В. Теория о поколениях России: от «фронтовиков» - к «поколению без будущего» и дальше // Новая газета, 2015, №77 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/07/18/64943-teoriya-o-pokoleniyah-rossii-ot-171-frontovikov-187-8212-k-171-pokoleniyu-bez-buduschego-187-i-dalshe

[265] Коатс Дж. Поколения и стили обучения. М.: МАПДО, 2011. – 121 с.

[266] Я.А. Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци. Педагогическое наследие. – М.: Педагогика, 1987. – 412 с.

Может быть, хорошо прочитанная «классическая лекция» ничуть не менее эффективна, чем мультимедийная презентация по той же теме? Возможно, что на смену «теории поколений», если она не получит онто-гносеологического обоснования, через некоторое время придет другая прикладная концепция, подобно тому, как сама эта теория сменила модную некогда соционику. Однако на сегодняшний день применение рекомендаций, учитывающих особенности поколения Z, на практике повышает результативность образования.

Канышева О.А.,
канд. филос. наук, доц. кафедры социальных и гуманитарных наук РГГМУ
(г. Санкт-Петербург)

ИДЕАЛЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ИХ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ» ВОЗДЕЙСТВИЕ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

> «…о прирожденном требовании разума …изображать человеческий род не как злой, а как род разумных существ, стремящийся подняться от зла к добру и постоянно двигаться вперед, преодолевая различные препятствия; при этом воля его в общем добра…»[267].

В истории цивилизации ценностными установками были этические идеалы, которые выступали и выступают в качестве образца человеческого поведения. Главной особенностью идеалов является приобщение их к метафизическому плану, не смотря на земное существование. Гегель Г.В.Ф. пишет о том, что для обывателей великие люди ничем не отличаются от них самих: также едят, спят, гуляют…Физический план существования человека одинаков для всех, т.е. ничем особенным не отличается, а вот на уровне метафизическом…идеалами становятся: Герой, Мудрец, Бог, Правитель, Человек.

1. Герой – это идеал первобытной культуры.
2. Мудрец – это идеал древнейших цивилизаций.
3. Бог – это идеал Средневековья.
4. Правитель – это идеал Нового времени.
5. Человек – это идеал Современной философии.

[267] Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. -СПб.: Наука,1999. -471с. С.448.

В психоанализе К.Г. Юнга есть архетипы, т.е. врожденные первообразы коллективного бессознательного, которые в этике являются этическими идеалами.

Конечно, нельзя ограничиться этим перечнем идеалов, на самом деле их намного больше. Эти идеалы выполняют роль собирательных образов. В жизни каждого человека есть целый ряд идеалов, который складывается индивидуально.

Идеал – это образец, который у Платона существует вечно, а у К.Г. Юнга является врожденным архетипом. Его появление связано с рассмотрением философии как триады: диалектики, физики и этике. Поведение человека, по мнению философов, напрямую связано с мыслительной способностью, которая, в свою очередь, отражает законы природы. Идеал, поэтому, пребывает в природе, т.е., существует вечно, как и сама природа. Несоответствие идеалу может привести человека к гибели, т.к. природа и идеал взаимозаменяемы. Жить по идеалу, значит, жить по природе.

Герой — это одновременно физически и нравственно совершенный человек. Более того, физические достоинства героя являются знаком нравственного совершенства. Здесь природа и идеал, физическое и духовное находятся в неразрывном единстве. Нравственное поведение неотделимо от его природы. Герой борется за то, чтобы обрести славу и стать бессмертным. Его жизнь может оказаться короткой, но он – герой, исполнитель воли богов.

Мудрец — это знаток жизни, как правило, старец, постигший человеческую природу. Мудрец выступает в качестве помощника, подсказчика, который, будучи сам немощен физически, обладает высоким интеллектом. Его поведение было связано с невозмутимостью, не деянием, отрешенностью, принадлежностью к божественному плану.

Он не исполнитель божественной воли, а скорее ее знаток. Мудрец стоит на грани жизни и смерти, соединяет два мира своим существованием, соизмеряет жизнь смертью и смерть жизнью.

Сократ олицетворяет воплощение в человеке внутреннего демона, который позволяет человеку самому принимать решения, не опираясь на богов.

Бог — это дух, витающий там, где ему угодно

Правитель — это исполнитель всеобщих интересов граждан государства, возможно, в ущерб единичных интересов.

Человек — это «звездное небо надо мной и моральный закон во мне», две стихии, соединившиеся воедино.

История этики и сама этика существует только до 19 века, а затем начинается критика и разочарование в морали. Сегодня этика ста-

новится прикладной и выполняет роль предписаний – руководства к действию, что напоминает, скорее всего, этикет. Здесь не нужно задумываться, а нужно исполнять. Кризис метафизики напрямую связан с кризисом этики. Государство берет на себя роль нравственного опекуна народа. Право и мораль отождествляются. У гражданина есть права и обязанности перед государством. Сегодня героем является антигерой.

Современная философия вращается вокруг новых ценностей, где посредственность занимает центральное место. На первый взгляд ничего особенного: мы видим деятельных людей, жизнерадостных, активных, а с другой стороны – они ничего не продуцируют, одним словом, симулякры. «Сегодня люди – это все люди»[268]. Раньше людьми называли тех, кто сделал шаг вперед в собственном развитии, за которым устремлялись и остальные. Сегодня никто ни на кого не равняется, каждый сам для себя человек. «Мы же довольствуемся тем, что возводим в ранг универсального понятия абстрактно-родовую ценность, основанную на эквивалентности всех членов рода и на исключении всего прочено»[269]. Создается видимость работы, видимость мыслительной деятельности, но на самом деле – это тотальная инфантилизация мира. Мир инфантилен, но не признает этого по причине массовой инфантильности. Смерть порабощает мир.

Знак – условная форма выражения мысли, представленная системой символов, которые обретают разные формы выражения: рисунок, алфавит, число, постройка, одежда, техника, музыка, икона, памятник…

Чувственное восприятие мира сталкивается с потоком знаков. Но в каком случае знак является знаком? Знак – это прочитываемый символ, информация. Выходит, что знак кому-то нужен, иначе в нем нет никакого смысла. Знак является знаком только тогда, когда он отвечает духовным запросам человека. Связь между предметом и мышлением устанавливается в контексте рождающейся ценности. Знаково то, что ценностно.

Знаковость этических героев в истории цивилизации превращается в их культ. Мы культивируем Конфуция, Моисея, Иисуса Христа, Сократа, … Имена великих людей становятся для нас обретшими бессмертие. Перейти в бессмертие означает не просто умереть, а перейти в другую жизнь, имя которой память. Человечество чтит своих героев и пока живет человек на Земле, живут и его герои, сделавшие его таким, каким он есть. Из поколения в поколение передается рассказ о людях, изумившими современников. Ими восхищаются, не давая это-

[268] Жан Бодрийяр. Символический обмен и смерть. М.: «Добросвет»,2000. - 387с. С.231.
[269] Там же.

му отсчет. Причиной такого восхищения служит нечто, что переводит человека из мира природного в мир умопостигаемый, потому что там что-то делается, что меняет саму природу. Бахтин М.М. пишет, что человечество после смерти Христа не сможет жить, как жило до этого прежде.

История этических учений есть история людей, изменивших мир, т.к. после них этот мир не мог и не может жить иначе, как по-другому. Каждый из них открывает духовное небо, которое бездонно. Время от времени рождаются учения, подытоживающие развитие какой-либо ценности. Например, Аристотель в 4 в. До н.э. подвел итоги развитию античной философии, а Гегель. В.Ф в 19 в. подвел итоги развитию всей цивилизации до момента его творческого пути. Если Аристотель увидел в развитии античной мысли поиск первоначал, где больше четырех им не было обнаружено, то Гегель схватил движением мысли к самой себе.

История этики обнаруживает движение нравственных норм от поступков к их осмыслению. Герои совершали божественные поступки, мудрецы рассказывали о мудрости древних, Бог стал олицетворением недостижимости нравственного идеала, правитель – усмирителем человечества, а человек – все нравственные коллизии передал праву.

Сегодня героями становятся военные, полицейские, погибающие в борьбе с противниками права и государства. Мудрецами выступают учителя, которые транслируют знание. Богом стало государство, оно обладает неограниченной властью: дарит жизнь и ее забирает. Правитель выступает в роли устрашителя,

который, как инквизиция, придет и совершит правосудие. А человек предоставлен самому себе.

«Таковы предположительно последовательные фазы эволюции образа:

− он есть отражение базовой реальности

− он маскирует и искажает базовую реальность

− он маскирует отсутствие базовой реальности

− он не имеет отношения к какой-либо реальности, чем бы она ни являлась:

он является своим собственным чистым симулякром»[270].

Так мы можем увидеть историю этического идеала, устремленного в никуда. Герой является воплощением божественной воли. Мудрец повествует о том, каким надо быть человеку, но сам таковым не является. Бог являет идеал человека, которого нет аналогов в мире. Чело-

[270] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Текст] / – Перевод О. А. Печенкина. – Тула, 2013 – 204 с. С.23.

век современный является носителем виртуального мира, внутри которого он считает себя героем, но в реальном мире он такой же как все. Теперь миф царит во внутреннем мире каждого человека, в реальности же он не существует. Герой сегодня это симулякр.

Идеал рождается как путь индивидуализации человека в личном развитии. Стремление к обособлению и созданию внутреннего мира является смыслообразующим. Идеал существует на уровне мечты, которая глубоко упрятана в душе каждого человека. Внутренне переживание себя героем приносит нравственное самоудовлетворение. Прикосновение к метафизическому плану бытия есть стремление души, по Платону, к миру вечных идей. Временно вернувшись в этот мир, душа испытывает наслаждение. Оторвавшись от мира идей, душа превращается в симулякр. Она теряет свою субстанциальность, т.е. психологизируется, отождествляет себя с потоком состояний. Душа перестает быть самой собой.

Гибель культур по О. Шпенглеру сопряжена с рождением, расцветом и увяданием, с реализацией души через прохождение трех возрастов. Музеи и памятники являются лишь артефактами исчезнувшей культуры. Эти симулякры являются лишь пустыми знаками, из которых ушла душа. История есть наука о симулякрах. Историки вспоминают героев, чтят их, но сами не претендуют на героические места. Прошлое тяготеет над ними, и они бегут от него прочь в бурный поток жизни. Для историков Бог тоже мертв. И для Бога они мертвы тоже.

Скуднова Т.Д.,
докт. филос. наук, доц., Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ) (г. Таганрог)

ЧЕЛОВЕКОСООБРАЗНОСТЬ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Основная идея статьи заключается в осмыслении концепции антропологической соразмерности европейской культуры и философии образования. Ценность феномена развития человека возрастает в зависимости от общечеловеческой ориентации культуры общества. К человекоразмерности в науке и образовании относят, в первую очередь, европейскую культуру. «Человекосообразность» становится мерой отношения личности к самому себе и к окружающему миру. Многочисленные философские и психологические концепции человека привели к становлению «гуманитарного европеизма», признающего повышенный

интерес к целостному человеку как деятельному субъекту самопознания, саморазвития и самореализации. Европейский человек, отличительной чертой которого является гуманистическая направленность, остро ощущает свою индивидуальность и субъектность, потребность в поиске смысла жизни и саморазвитии. Будущее за человеком, готовым к изменению себя и окружающего социума, а наука берет на себя функцию социального конструирования реальности.

Становление постнеклассической философии рационализма связано с требованием обращения к понятию культуры, где смыслам и ценностям принадлежит особая роль. Проблемы ценностно-смыслового самоопределения человека в культуре и становления философского мировоззрения субъектов образования активно обсуждаются в научных кругах. Повышенное внимание к этим проблемам связано с усилением нестабильности и неопределенности в мире, новой волной глобализации и развитием современного глобального эволюционизма как ведущей парадигмы XXI века. Философия образования человека культуры, таким образом, опирается на основополагающие антропологические принципы (природосообразности, культуросообразности, свободосообразности), составляющие ядро человекосообразного воспитания, гуманитарного человеческого образования.

Европейская антропологическая наука складывалась в результате синтеза рефлексивных теорий философской антропологии, школ гуманистической психологии и экзистенциальной философии. Об этом свидетельствуют труды Ж.Ж. Руссо, Ф. Ницше, И. Фихте, И. Канта, М. Шелера, Н. Бердяева, Т. де Шардена, З. Фрейда, К. Юнга, А. Адлера, Ж.П. Сартра, А. Маслоу, К. Роджерса В. Дильтея, Д. Дьюи, М. Бубера, К. Ясперса и др., чьи имена вошли в золотой фонд культуры. Российская философия образования развивается на основе междисциплинарного подхода к исследованию человека, опираясь как на отечественные гуманистические традиции, так и на зарубежные гуманитарные инновации.

В условиях становления информационного общества, основанного на цифровых технологиях, высшее образование приобретает особую роль в развитии человека. Проблемы развития этой части культуры отличаются парадоксальностью, проявляющейся в сложных и противоречивых субъект-объектных отношениях с социумом. Отражая противоречивость и неоднозначность трансформационных процессов в социуме, сфера высшего образования должна стать движущей силой и локомотивом опережающего развития.

В условиях глобализации наблюдается снижение темпов модернизационных процессов в системе европейского образования. Необхо-

димо объединение усилий всех стран, направленных на повышение уровня подготовки конкурентоспособных специалистов. Разрабатываемые в рамках построения общеевропейского образовательного пространства критерии сближения европейских систем высшего образования предполагают создание единой модели высшего образования, что неизбежно порождает противоречия между требованиями Болонского процесса и необходимостью сохранения национальных традиций. В многообразии подходов, концепций и парадигм трансформации современного образования неизменным остается необходимость сочетания общеевропейского и национального компонентов в его содержании.

В настоящее время в России наблюдается тенденция к усилению трансформационных процессов в высшей школе. В этой связи особую актуальность приобретает междисциплинарный подход к анализу реформирования российской системы высшего образования: образование как часть культуры и важнейший социальный институт в настоящее время становится актуальным предметом психолого-педагогических, социально-философских, культурологических, экономических, антропологических исследований.

В социально-философских исследованиях, ориентированных на решение методологических проблем российского образования, центральной установкой выступает идея «человекоразмерности», обеспечивающей подготовку образованных людей, способных к воспроизведению и развитию современного человеческого капитала. Идеология человекосообразности образования предполагает, что каждый человек имеет заложенный в нём когнитивный и творческий потенциал. Принцип человекосообразности направлен на решение главной задачи образования – выявление, раскрытие и реализацию этого потенциала.

В условиях демократических изменений в жизни страны в общественном и педагогическом сознании все более отчетливо проявляется тенденция ориентации на «человеческое измерение», доминирования «человекообразующей», «человекосозидающей» его функции, актуализируются проблемы саморазвития, самообразования, самовоспитания, самоопределения, самореализации субъектов образования. Институт образования все более отчетливо проявляет свою онтологическую сущность – как сложный и противоречивый процесс становления человека в качестве субъекта образования и ценностно-смыслового самоопределения в культуре. Отмеченные тенденции позволяют утверждать, что в философии образования назрела острая необходимость в переоценке традиционной концепции института образования на базе выявления универсальных (онтологических) оснований.

В данной статье предпринята попытка раскрыть основополагающие принципы построения института гуманитарного образования, определяющие его цели, задачи и содержание, опираясь на социально-антропологический и культурологический анализ гуманистической традиции современного философского знания[271]. Методологическая позиция исследовательского поиска и философской рефлексии определяется на основе экстраполяции в философско-образовательное знание эпистемологического понятия «человекоразмерность» как ценностного императива. Общенаучная значимость введения данного понятия обоснована В.С. Степиным в концепции современной постнеклассической науки, включающей не только научные, но и этические регулятивные связи между традиционными принципами науки и вненаучными социальными ценностями[272].

Антропологические поиски российских философов как воплощение постнеклассических идей образования отражают одно из непреложных качеств гуманитарного образования – его человекоразмерность. Научная школа А.В. Хуторского подтвердила возможность экстраполяции понятия «человекоразмерность» в философию образования[273].

На 12 Саммите психологов, состоявшемся в июне 2018 г. в Санкт-Петербурге, в рамках научной дискуссии обсуждался доклад члена-корреспондента Российской академии образования, профессора Т.В. Черниговской «Человек в цифровом мире». Подчеркивалось, что с появлением цифровых технологий мир существенно изменился и осознать последствия этого для человеческой психики, для воспитания детей и для сохранения человека как вида на нашей планете учёным еще предстоит. По мнению ученых, необходимо конвергентное образование, которое поможет научить детей жить в цифровом мире, разовьет навыки адаптации к переменам и умение верифицировать информацию, самообразовываться и саморазвиваться.

Дискуссия о человечности в цифровую эпоху нашла отклик в докладе психолога Д.А. Леонтьева «Антропологическая катастрофа: причины и следствия», который назвал главной причиной антропологической катастрофы нарушение баланса взаимодействия личного и социального, линейную логику, черно-белое мышление. Готовность

[271] Скуднова Т.Д., Кобышева Л.И., Шалова С.Ю. Психолого-педагогическая антропология. Москва-Берлин, 2018.
[272] Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 2006.
[273] Хуторской А.В. Педагогические основания Доктрины образования человека в Российской Федерации: Доклад к заседанию Бюро Отделения философии образования и теоретической педагогики РАО 27 января 2015 года [Электронный ресурс] // Вестник Института образования человека; 19.01.2015 г. – http://eidos-institute.ru/journal/2015/0119.htm

изменяться, усилия по производству человеческого в самом себе – это необходимая работа, которая помогает даже в сложных социальных условиях сохранять себя[274].

В выступлении академика А.Г. Асмолова отмечалось, что мы живем во времена цифровой, когнитивной, технологической революции, в эпоху неопределенности, когда все застывшее, определенное, одностороннее неэффективно. Именно образование призвано обеспечить для полноценной жизни человека гибкость, пластичность, креативность. Ученый предлагает формулу современного образования из 4 «к»: коммуникация, критическое мышление, креативность и кооперация[275].

Таким образом, на смену одномерным концепциям развития образования приходят многомерные, вариативные «нелинейные» воззрения. Философская, социальная и психолого-педагогическая антропология акцентирует понимание сущности человека как субъекта образования, становится адекватным ответом на вызовы неклассической ситуации. Педагогическая антропология как интегративная дисциплина выступает методологическим ориентиром современного гуманитарного знания и системы современного образования. Антропологическая направленность присуща отечественной традиции в целом, а современная постнеклассическая ситуация актуализирует ряд фундаментальных проблем философской и психолого-педагогической антропологии. В постнеклассическом дискурсе происходит трансформация культурно-антропологического статуса человека: с одной стороны, в область усиления гуманитарно-экзистенциальных интенций, а с другой, в область «постчеловеческой персонологии». Это требует культурно-антропологического обоснования образования как феномена культуры, которое может стать решающим в выборе стратегии развития образования либо по гуманитарно-экзистенциальному пути, либо по деперсонифицировнному, «цифровому» сценарию развития. Антропологические поиски постнеклассической науки связаны с пониманием человека как целостности, субъекта культуры и образования. Важно подчеркнуть, что трансформации, происходящие с человеком, касаются, прежде всего, экзистенциальных проблем его бытия, от разрешения которых зависит будущее человека. Поиски образовательной парадигмы, адекватной вызовам современности, ведут к философско-антропологическому обоснованию ее человекосообразности.

[274] Леонтьев Д.А. Антропологическая катастрофа: причины и следствия. Материалы 12 Саммита психологов. С-Петербург, 2018.

[275] Асмолов А.Г. Образование как потенциальный ресурс модернизации общества.// Образовательная политика, 2016, №2 (72), с. 2-19.

Островский С.В.,
канд. филос. наук, доц., ЮРИУ РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону)
Лобова Л.А.,
мл. научн. сотр. Института МИГПиГ РГЭУ (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)

НАУЧНЫЙ ФАКТ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Характерное для постнеклассической науки внимание к «человекоразмерным» объектам проявилось в эпистемологии снятием крайностей фактуализма и теоретизма в понимании оппозиции «теория – факт». Многомерная, структурная и «человекоразмерная» трактовка фактов науки, которая, как представляется имеет аксиологические продолжения, дана А.Л. Никифоровым, в работах которого преодолено созерцательно-пассивное, одномерное понимание научных фактов. Напомним суть дела.

Анализ реальной истории науки, примеров установления научных фактов (факта наличия кислорода в атмосферном воздухе) обнаружил, что научный факт не есть нечто простое, что можно найти, «открыть» моментально, подобно нахождению ценного гриба в незнакомом лесу: вы знаете, что ищете и вдруг, одномоментно замечаете, находите, обнаруживаете. Так, факт присутствия кислорода в атмосфере формировался шаг за шагом, и каждый шаг был связан с работами разных ученых (Шелле, Пристли, Лавуазье), последовательно внесших свой вклад в его образование. История науки зафиксировала многочисленные аналогичные примеры: «открытие» факта имеет свою историю. Но если установление факта не происходит внезапно и в полном объеме, то логично понимать факт как некоторое сложное, структурированное образование, состоящее из нескольких взаимосвязанных элементов.

Наличие в структуре факта первых двух составляющих очевидно. Любой факт представлен некоторым предложением, которое можно назвать лингвистическим элементом факта и без которого говорить о чем-либо как о факте бессмысленно.

Вторым, не менее явно выраженным элементом факта науки, является перцептивный компонент, то есть чувственные образы и их совокупности, участвующие в формировании научного факта. Наличие чувственной стороны в каждом факте обязательно. Сенсорный контакт может быть выражен явно, в случае фактов, устанавливаемых простым, прямым, непосредственным наблюдением, и более опосредованно, когда используется технически сложный экспериментальный

инструментарий, но его наличие в структуре факта несомненно. Взаимосвязь языковых средств и чувственного восприятия в факте общепризнанна. Но названные элементы факта далеко не исчерпывают его сложной структуры.

Существует третий, материально-практический элемент факта. Он не столь очевиден, как первые два, но не менее важен. Речь в самом общем виде может идти о материально практической деятельности и ее результатах в целом и, в особенности о множестве инструментально оформленных, алгоритмизированных практических действиях процесса установления научного факта. Действительно, большая часть научных фактов существует только потому, что разработан экспериментальный инструментарий и сформировались навыки эмпирических действий с системой приборов.

Третий, материально-практический элемент, обнаруживает себя явным образом в режиме преемственности и межкультурного взаимодействия, в ситуации передачи одной культурой или эпохой своих фактов другой культуре, эпохе. Ясно, что факт предстанет перед наследником, получателем факта в виде предложения. Но фактофиксирущее предложение само по себе, даже если и будет понято, принято другой культурой, без материально-практического, технического элемента останется наивно-умозрительной, спекулятивной гипотезой. Даже в случае простого наблюдения третий элемент всегда присутствует: важны хронологические и хорологические условия наблюдения и навыки использования наблюдателем своих «естественных приборов» – органов чувств (например, случай дегустации). Три элемента факта органично взаимосвязаны. Их разведение, возможное и полезное в анализе, в практике познавательной деятельности приводит к утрате познавательного статуса научного утверждения как научного факта, к регрессии факта как элемента научной теории, к статусу умозрительно-спекулятивного предположения.

Факт, как сложноорганизованное, структурированное, культурно-исторически определенное целое, требует некоторого уточнения понятия истины. Классическое определение истины как отражения действительности не способно выразить сложной структуры факта как аккумулятора материальных усилий и интеллектуально-духовных достижений некоторой культуры, эпохи, их духовной и практической адаптации к миру, особенностей чувственно-эмоционального бытия. Заявление «Факты – упрямая вещь» не более чем гносеологический предрассудок малообразованного человека, наивно понимающего факты как нечто абсолютное, однородное, простое. В заявлении «Факты – упрямая вещь» речь идёт, строго говоря, не о фактах, а об упрямой ре-

альности. Ведь «Бумага всё стерпит», файл не примет, да язык часто без костей.

Нет «упрямых фактов», а есть ограниченные, ленивые люди. Факты упрямы постольку, поскольку ограничены познавательно-практические способности и навыки людей, мыслящих нечто как факт. Многомерное, адекватное понимание факта включает в себя сюжет социокультурной относительности фактов. Так, любые фактические утверждения, включающие понятия веса, объема, температуры, не станут фактами для культуры, не знающей достаточно точных весов, термометров и др. приборов.

Представление факта как чего-то простого, очевидного нередко выражено утверждениями о том, что предложение отражает, «описывает», «выражает» факт. Но предложение как лингвистический элемент факта не способно само по себе отразить, выразить и даже описать факт, поскольку предложение ничего не сообщает о других необходимых элементах факта – перцептивном и, тем более, материально-практическом элементах. Предложение способно только «представлять» факт, но лишь тому, кто знаком хотя бы в общих чертах со всеми составляющими факт элементами. Только люди одной культуры понимают предложения как представляющие факты[276].

Презумпция простоты и самоочевидности факта проявляется в распространенном в публицистической, учебной и, к сожалению, даже научной литературе представлении об «открытии», «обнаружении» факта. Столь поверхностные заявления особенно нетерпимы применительно к научно-практическим достижениям, потребовавшим огромных усилий множества людей: например, «12 апреля 1961 года был открыт тот факт, что человек может находиться в космическом пространстве».

Для наивно-созерцательного, стихийно-метафизического мышления мир есть набор «реальных положений дел» и «жизненных ситуаций». «В тесном общении с природой» (так было написано в одном из учебников) ученый внимательно и систематически осуществляет наблюдение, попадает в ситуации и, оценивая их как фактическое «положение дел», «обнаруживает», «открывает», «добывает» факты – дискретные фрагменты действительности, выраженные в языке, из которых научная теория складывает замысловатую мозаику – картину природной гармонии. Современная эпистемология далека от этих пасторальных картинок, изображающих увлеченных сборщиков ценных и

[276] Никифоров А.Л. Философия науки. М., 2006. С. 162-165.

редких грибов (научных фактов) в густом, темном, незнакомом лесу (природе). Дело обстоит намного сложнее.

Общественный человек (род), чрезвычайно противоречиво организованный, в различных формах социального разделения и кооперирования труда, замечает, намечает и практически выделяет в действительности адаптивно важные ее фрагменты, включая их в собственную преобразующую деятельность, заинтересованно в том числе и личностно расчленяет действительность (реально и концептуально), сам, упрямый, создает ситуации и положения дел, носящих его деятельностно-личностный отпечаток. Установление, но не «открытие», «собирание» и т.п. фактов представляется итогом, результатом сложноорганизованной, преобразующей мир деятельности Рода, некоторым упрямым представителем которого удается соединить воедино необходимые элементы факта и, наконец, установить его. Каждое такое установление имеет свою, порой драматическую, а часто и трагическую историю.

Вспомним приведенный пример «открытия» факта возможности существовать в космическом пространстве. Здесь перед нами тот редкий случай, когда отвлеченные, абстрактно-философские в данном случае эпистемологические тонкости («установить» или «открыть» факт, три элемента составляют факт или два) имеют явные мировоззренческие продолжения, дают прямые ценностно-культурные уроки, столь востребованные, как представляется, в нынешние времена. Так, если вы знаете и помните о сложной структуре научного факта, о его материально-практическом элементе, то у вас есть хотя бы возможность вспомнить о тех десятках и десятках, а может быть, и сотнях тысяч людей, которые полегли, устанавливая тот факт, что человек может находиться в космическом пространстве. Они были положены в физическом смысле в фундамент материально-практического элемента данного факта. Они не получили даже благодарность потомков, которые сейчас часто их называют «совками», а получили голод, холод, цингу, туберкулез и прочие лагерные прелести. Так что не только тысячи собак легли в основу физиологических фактов, установленных Павловым. Но последним хоть памятник поставили! Так и назвали его Собаке Павлова. Да и устанавливали, забытые псевдолиберальным мировоззрением «совки», строго говоря, не факт способности человека к космическому полету, а фактически военно-стратегический и научный паритет тогдашнего СССР и США. Размышления о структуре факта приведут нас, таким образом, к сюжетам предпосылочного знания, роли идеологической, ценностной составляющей в формировании структуры факта науки.

Шипилова Т.В.,
канд. эконом. наук, доц. кафедры
мировой политики и глобализации
РГЭУ (РИНХ), (г. Ростов-на-Дону)

ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ФРГ И ГДР

Вопросы развитие системы высшего образования в контексте плюрализма моделей в философии образования сегодня весьма актуальны. Интересен опыт развития высшего образования в одной из развитых капиталистических стран – Германии. Исторически – это две страны, которые после Второй Мировой войны пошли разными путями развития: капиталистическим и социалистическим.

Поскольку система высшего образования России находится в процессе поиска новых вариантов развития, исследование вышеупомянутых процессов имеют большое значение, поскольку могли бы помочь отслеживать изменения, появление новых тенденций, корректировать направления реформ высшего образования.

Известно, что Германия была одна из первых стран, которая подписала Болонское соглашение о реорганизации системы высшего образования и сегодня считается примером эффективной и хорошо проведенной модернизации высшего образования.

Следует отметить, что, высшее образование, обусловлено потребностями общества, и отсюда в его истории отчетливо отражаются общественно-политические процессы.

Рассмотрим две системы развития высшего образования в ФРГ и ГДР в период их раздельного существования как стран с различными общественно-политическими укладами, начиная с 1945 года.

В послевоенное время на территории ГДР начала осуществляться программа глубоких преобразований, связанных с фашистским прошлым, в основе которой лежало стремление уничтожить германский милитаризм и нацизм, осуществить разоружение и демилитаризацию Германии, искоренить нацизм из политической и общественной жизни. Немецкие коммунисты решили, что в высшие учебные заведения должен проникнуть новый дух истинного прогрессивного гуманизма и боевой демократии[277].

Таким образом, началось изменение высшего образования, в основы которого был положен опыт Советского Союза. Важно отметить, что руководство страны контролировало идеологическое воспитание

[277] Высшая техническая школа ГДР. Проблемы. Задачи. Решения [Текст] / Г.Л. Таукач, Ю.Ф. Чубук, В.Я. Ожогин. - Киев : 1973. - 167 с.

через общественные организации. Возникли новые органы управления, в том числе Министерство народного образования. В основе идеологии развития системы стоял марксизм-ленинизм как идейная основа высшего образования. Необходимо было соединить в единое целое учебу, исследования и воспитание с практикой строительства социалистического государства.

В высшем образовании появились такие особенности как отмена привилегии буржуазии на образование. Специально созданные при университетах рабоче-крестьянские факультеты готовили детей рабочих и крестьян к учебе в вузах. Благодаря этому количество студентов из рабочих и крестьян составило почти 28% (1949-1950гг), а через несколько лет их стало примерно 50% [278].

После окончания вуза большое количество студентов стали преподавателями вуза и, соответственно, стали продвигать идеи социализма и гуманизма.

Дальнейшее становление социалистического государства требовало реформирования высшей школы. В 1950-1952 годах для подавляющего числа дисциплин были разработаны более современные учебные программы, поскольку в развивающейся экономике началось внедрение новых научных исследований, происходила подготовка новых специалистов на руководящие должности в государственном аппарате, промышленности и сельском хозяйстве.

Постепенно система высшего образования подошла к проведению второй реформы высшей школы ГДР в 1957-1958 гг. Перед высшими учебными заведениями была поставлена задача – направить все свои силы на решение исследовательских и промышленных задач, связать их с обучением и подготовкой кадров. Данная реформа обобщила накопленный опыт строительства социализма с активным участием в нем высшей школы и поставила новые задачи демократизации всего высшего образования и воспитанию кадров, преданных делу социализма.

Проведенная в 1965-1967 гг. третья реформа высшего образования, подтвердила создание подлинно социалистической высшей школы. Важнейшим достижением явилась возможность для каждого гражданина получения образования на любом уровне, если только он проявит способности, любознательность и готовность к учебе.

Единая система народного образования обеспечивала каждому возможность непрерывного социалистического воспитания, образования и повышения квалификации. Она была построена так, что позво-

[278] Там же.

ляла осуществлять естественный переход к каждой последующей, более высокой ступени[279].

Основными чертами реформирования высшей школы ГДР являлись: освобождение от наследия фашизма, создание предпосылок для демократического образования, концентрация и сплочение демократических сил в ВУЗах, увеличение количества студентов, активизация их участия в первом опыте социалистического строительства, обобщение его и воспитание новых социалистических кадров высшей школы, становление подлинно социалистической высшей школы как составной части развитой общественной системы социализма.

Таким образом, до 1990 года организация образования в ГДР представляла единообразную общенациональную систему. Она была доступна всем гражданам, независимо от социального происхождения, профессии и экономического положения.

Иные задачи стояли перед образованной в 1949 г. ФРГ. Необходимо было воссоздать систему высшего образования, при этом в условиях, когда лучшая часть профессорско-преподавательского состава или погибла, или эмигрировала.

Ведущее место в координации деятельности высших учебных заведений принадлежало Западногерманской конференции ректоров, которая была основана в 1949 г. Конференция изучала интересы учебных заведений в области учебного процесса, исследований, самоуправления и способствовала достижению единства и взаимодействия между высшими учебными заведениями.

В 1957 г. в результате соглашения федерального правительства и администрации земель был создан Научный совет, являющийся основным консультативным органом по вопросам высшего образования в ФРГ. В его состав вошли известные ученые и государственные служащие, обладающие высокой квалификацией.

Создание Объединенной комиссии федерального правительства и администрации земель по вопросам планирования развития образования и исследований (1970 г.), означало предоставление федеральному правительству равных с землями прав в вопросах планирования развития высшей школы и исследований и строительства высших учебных заведений.

Важно отметить, что в 1976 году был принят общий закон о высшей школе. Этот нормативный акт стал первым, предложившим единые принципы функционирования высшей школы во всех землях. В законе было отмечено, что вузы являются частью государственной

[279] Высшая техническая школа ГДР. Проблемы. Задачи. Решения [Текст] / Г.Л. Таукач, Ю.Ф. Чубук, В.Я. Ожогин. - Киев : 1973. - 167 с.

организационной структуры и государство ответственно за их функционирование.

Сегодня система высшего образования ФРГ представлена двумя основными типами учебных заведений:

1) университеты и учебные заведения университетского уровня, куда относят высшие педагогические школы, объединенные высшие школы (объединенные университеты) и др., – их посещает более 70% студентов;

2) высшие профессиональные школы, охватывающие около 30% студентов.

Высшие технические и высшие педагогические школы получили статус учебных заведений университетского типа только в начале 70-х годов. Организационно-структурные преобразования, приведшие к существенному расширению рамок высшей школы, были вызваны, прежде всего, развитием НТР, а также усилением консолидации демократических сил, рассматривавших право на получение образования как неотъемлемое условие развития личности.

Первые два десятилетия второй половина XX века характеризовались небывалым наплывом студентов в университеты. За период 1950-1974 гг. студенческий контингент увеличился с 110 тыс. до 779,6 тыс. человек. НТР многократно увеличила спрос на кадры с высоким уровнем общеобразовательной и профессиональной подготовки, поскольку умелое приспособление всей системы образования к новым требованиям является залогом успешного развития производства.

Однако к середине 70-х годов в ФРГ появляются качественно новые учебные заведения - объединенной высшей школы. Их организация рассматривалась как эксперимент по интеграции в рамках одного учебного заведения подготовки специалистов разных уровней и профилей, что одновременно должно было максимально упростить для учащегося в случае необходимости менять содержание подготовки. Задачи новых учебных заведений были сформулированы в «Рекомендациях по организации и развитию высшего образования» (1970 г.) и в «Общем законе о высшей школе» (1976 г.)[280].

Важным нововведением реформирования стало появление двух моделей объединенной высшей школы, базирующихся на принципах интеграции и кооперации. Первая модель предполагала создание на базе нескольких одного учебного заведения с единой внутренней структурой, профессорско-преподавательским составом, интегрированными учебными программами, централизованным руководством;

[280] Ворожейкина О.Л. Образование в ФРГ // Социально–политический журнал. – 1998. № 4. - С. 21-25.

вторая – сохранение за объединяемыми вузами специфики своего учебного процесса, но тесное взаимодействие и подчинение общему органу управления. Модель интеграции получила более широкую поддержку как отвечающая целевому назначению нового учебного заведения.

Сегодня в высшем образовании в ФРГ заметна тенденция к унификации структуры и деятельности образовательных институтов. Так, система образования в ФРГ отличается высоким уровнем координации и стандартизации на уровне федерации с незначительной самостоятельностью каждой из земель в рамках процессов кооперации сохранить специфику, обусловленную местными традициями и образом жизни.

Характеризуя современную систему образования ФРГ, отметим, что существуют резкие различия в образовательных возможностях между детьми из богатых и бедных или иммигрантских семей. В Германии действует трехуровневая система, которая заранее определяет, будет ли у ребенка доступ к университету или колледжу.

В 2000 году общество было шокировано опубликованным выпуском образовательных ранжировок PISA, спонсируемых ОЭСР. Исследование показало, что система двойного следования, которая делит школьников на тех, кто считается пригодным для получения высшего образования, и тех, кто направляется в профессионально-технические училища, значительно увеличивает неравенство и общую деградацию общества[281].

А ведь те, кто получает качественное образование, с большей вероятностью найдут лучшую работу и будут больше зарабатывать. Они также больше интересуются политической жизнью и чаще берут на себя волонтерские обязанности. Все эти факторы влияют на и политическую активность в стране.

Неслучайно, партия Альтернатива для Германии имеет подавляющее большинство членов в землях бывшей ГДР. Народ, получивший демократическое образование, «зараженный вирусом свободы и равноправия» четко отстаивает свои права и в отношении возможности получения высшего образования, и обеспечения своих прав относительно политики «толерантности» к мигрантам, выбора дальнейшего пути развития страны, с учетом интересов всех ее граждан.

Представляется, что только та страна, в которой, практически, каждый имеет право на образование, может построить истинно демократическое государство и обеспечить высокий уровень роста экономики и процветания страны.

[281] Германская система образования [Электронный ресурс] - метод доступа https://studfiles.net/preview/4271780/

Печерская Н.М.,
канд. психол. наук,
мл. научн. сотр. Института МИГПиГ
РГЭУ (РИНХ)
(г. Ростов-на-Дону)

РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРЕОДОЛЕНИИ ОТЧУЖДЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Межкультурная коммуникация является одним из основных предметов исследовательских стратегий современной культурологии. Это, прежде всего, связано с глобализацией мирового пространства и нарастанием конфликтности в современном обществе. Главным условием бесконфликтности в межкультурной коммуникации является наличие созданного образа культуры. Осознание его несовпадения с подлинной национальной осуществляет отбор приемлемых образцов чужой культуры, обогащающих свою[282]. Наиболее устойчивая форма закрепления и сохранения социокультурного опыта – традиция, образец поведения, мышления и переживания, оцениваемый положительно или отрицательно, принадлежащий культурному наследию социальной группы; особый вид исторического сознания, преобразующий неоднозначность фактов прошлого в однозначные ценности современного[283]. Отчужденная идентичность в первом приближении демонстрирует человека, который не руководствуется в своём поведении традициями и обычаями, как некими истинами, не вызывающими сомнения. Между тем традиционный образ действий не исчезает бесследно, но перерождается согласно логике массовой культуры.

Отчужденная идентичность создаёт социокультурные и идеологические угрозы. Например, экология человека и психофизиологические особенности регуляции артериального давления. Отчужденная идентичность приводит к отказу руководствоваться в своем выборе поведения традициями и обычаями, тем самым, усиливая нарушение социальной адаптации индивида.

В пределах синергической биосоциодуховной концепции артериальной гипертонии именно это является фактором риска её развития[284].

---

[282] Царева М.А. Культурный образ в межкультурной коммуникации/ http://cheloveknauka.com/kulturnyy-obraz-v-mezhkulturnoy-kommunikatsii

[283] Бабахова Л.Г. Отчужденная идентичность в эпоху глобализма/ Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики: монография / под науч.ред. А.У. Альбекова, Г.Г. Матишова, А.М. Старостина. – Ростов н/Д : Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2018. – с. 260 – 262.

[284] Сидоров Е.П. Синергическая биосоциодуховная концепция артериальной гипертонии / Экология человека №1. Екатеринбург: ФГУП «Издательство «Наука», 2015. -с. 49-57. Российский психиатрический журнал №4. М.:ФГБУ «ФМИЦПН им. Сербского» Минздрава России, 2017. -с 4-13.

Почти в 90% случаев в основе патогенеза лежит психоэмоциональный стресс, что способствует дестабилизации уровня принятия и поддержки в распределении социальных ролей семейных отношений. Семья и как ячейка общества, и как малая социальная группа естественно оказывается на передовой и становится одной из первых мишеней отчужденной идентичности, превращаясь в семью гипертогенную. В семейном воспитании установки типа «будь внимателен», «соберись», «только, если ты обходителен, мы тебя любим» поражают непредсказуемостью деструктивных для становления личности ребёнка последствий.

Себя любить или других? Золотое правило мотивации, которое гласит «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними»[285], прописанное в религиозной культуре христианства и адаптированное в социальной психологии культуры, в межкультурной коммуникации играет неоценимую роль. Между тем, агрессивность в искусственно созданной битве религиозных идентичностей на межконфессиональном уровне, будь то догматические расхождения[286], или обвинения в педофилии[287], исключает возможность налаживания межкультурного диалога. Общая задача встраивания этого правила в совместную схему этического воспитания терпит поражение. В образовательном процессе применение непринудительных методов формирования религиозной идентичности, позволит человеку избежать дезадаптации и её последствий. Исходя из этого, результатом эффективного взаимодействия религиозной и социальной культур является этическая коммуникация, которая, прежде всего, решает задачи этической ответственности. «Зрелый коммуникатор понимает и принимает позицию ответственности и воспринимает любую коммуникативную ситуацию через призму вопросов-выборов: что я делаю, участвуя в разговоре? Как я отвечаю на то, что произошло в предыдущем действии? Каким должен быть мой следующий шаг-действие? Каковы будут последствия этого действия для меня и для остальных участников? Если возникает проблема: что я могу сказать-сделать, чтобы изменить ситуацию к лучшему?»[288].

Историко-психологическая оценка динамики в культурно-историческом пространстве образов бога, переживающих смены политических режимов, идеологическую конфронтацию, политическую ан-

[285] Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Минск, Беларусь: Библейская лига, 2004. -с. 70

[286] Василенко Л.И. Краткий религиозно-философский словарь. М.: Истина и жизнь, 2000. –с.59.

[287] Euronews /http://ru.euronews.com/2018/08/25/ireland-pope-arrival

[288] Межличностная коммуникация: теория и жизнь /О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С.А. Биби, Ж.В. Зарицкая. Сп/б.: Речь 2011. –с.82.

тирелигиозную агитацию и пропаганду, показывает всю бесполезность обвинений сторон, конфликтующих на этой почве в процессе двухтысячелетней межкультурной коммуникации. Культурный образ начинает жить своей жизнью, аккумулируя вокруг себя представителей определённых социальных групп. Традиционно-ортодоксальное его понимание оставляет за этим образом право сохранять религиозное вероучение, разделяющееся по конфессиям и теологическим доктринам. Церковь, мечеть, собор, синагога как социальные институты до сих пор продолжают по всему миру собирать 32 % людей религиозного мировоззрения. Атеистическое понимание, как выдумки и мифа не изменяет своей привычке делать упор на исторических условиях возникновения религии, на социально-типологических, психосоциальных и художественных аспектах образа бога. Люди атеистического мировоззрения могут по-прежнему восхищаться религиозными образами произведений искусств[289].

Научно-рационалистическое представление оставляет за развивающейся наукой право в будущем объяснить рациональными способами сверхъестественные явления. Мифологический образ бога всё так же неоднократно подвергается доктринально-теоретической и литературной обработке. Огромное количество этнографов, антропологов, фольклористов, религиоведов, психоаналитиков и специалистов в других областях научного знания объясняют это как случай закрепления событий в коллективной памяти досовременных народов.

Нарратологический образ позволяет выстроить биографию основоположника религии, лишенную каких бы то ни было сверхъестественных элементов с дальнейшим запуском в упрощенной форме процессов его героизации и подражания ему. Именно в этом аспекте межкультурной коммуникации рефлексивное Я объединяет в себе, как религиозные, так и гражданские чувства. Историческая психология, затрагивает тему беллетризованных форм религиозной идентичности, которые идентичны процессу самообразования, в котором писатель, создавая текст книги, даёт образу новую жизнь. Зарубежный писатель (Сторки, 2008) главную фигуру религии христианства Иисуса делает политически активной личностью, которая высказывая свои политические воззрения и насаждая новую политику, не допускает политического самоуправства со стороны своего культурно-политического окружения[290].

Отчужденная идентичность дезориентирует гражданскую активность. Мы имеем богатый педагогический материал культурного

[289] Третьяковская галерея. Коллекция // https://www.tretyakovgallery.ru/collection/
[290] Алан Сторки. Иисус и политика. К.: Коллоквиум, 2008 / http://esxatos.com/files/storki

наследия героических исторических примеров. Индивидуальная отчужденность в ознакомлении с документальными архивными свидетельствами очевидцев тех событий создаёт риски искажения исторического знания, умалчивания отдельных фактов. Геноцид малых народов на территории Советского Союза демонстрирует процессы глокальной индивидуальной отчужденности, а классическим глобальным примером является тема Холокоста и «стоящие в стороне» равнодушные свидетели.

Целенаправленно выстроенный в рамках образования диалог культур реконструирует на постсоветском пространстве, из всеми осуждаемого в советское время репрессированного, образ героя. Подвиг Александра Печерского[291], единственного успешного побега из концлагеря – смерти, расположенного во времена Второй мировой войны на территории Польши в Собиборе, россиянам стал известен благодаря выходу в 1987 году художественного фильма британского режиссёра Джека Голда «Escape from Sobibor». В дальнейшем издание книг, выпуск документальных фильмов, установление мемориальной доски, премьера в 2018 году отечественного художественного фильма режиссёра и исполнителя главной роли Константина Хабенского «Собибор», установление бюста и звезды героя в городе Ростове-на-Дону на аллее звёзд активизировало проведение разъяснительной работы, организации школьного музея и присуждение образовательному учреждению его имени.

Идеологические угрозы отчужденной идентичности в последние два десятилетия возникают в результате идеологического вакуума или, всяких попыток реанимировать идеологию предшествующего советского периода. В пространстве СМИ в схватку информационной войны вступают звучные и узнаваемые всеми установки «совок» и «потребитель», погружая индивида в непрекращающееся состояние внутренней и внешней конфронтации. Отчужденная идентичность, как защитная реакция в ней побеждает.

В образовании процесс самореализации личности помогает избежать нарастания негативного влияния на личность отчужденной идентичности, поскольку заставляет, не нарушая правовых основ гражданской идентичности, обращаться к тем или иным формам культурного наследия предшествующих исторических периодов.

Мотивация объясняется нежеланием прослыть человеком в педагогическом смысле невежественным. В этическом – не уважающим

[291] Лейтенант из Собибора. Побег из лагеря смерти/ https://life.ru/t/%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B8/1111916/lieitienant_iz_sobibora_pobiegh_iz_laghieria_smierti

традиции. В итоге – некомпетентным в области приложения своих профессиональных интересов.

Отчужденная идентичность в одних случаях является защитной реакцией личности, в других, угрожает трансформировать её. Самореализация в образовательном процессе структурирует самоидентичность посредством межкультурной коммуникации.

Варданян Е.А.,
канд. филос. наук, РЮИ МВД России
(г. Ростов-на-Дону)

СПИРАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ МЫШЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Концепция «спиральной динамики» набирает своих последователей в понимании закономерностей человеческого мышления и эволюции цивилизаций. Клэр Грейвз[292], заявивший о закономерностях развития «по спирали», организовавший прикладное исследование человеческого поведения, заявил, что каждую эволюционную систему характеризует не поведение, а то, «как и каким мышлением оно сформировано».

Развивая концепцию спирального развития К. Грейвза, его ученики Дон Бек и Крис Кован[293] представили положение спиральной динамики через цМемы как особого понятия, отражающего доминирующее мировоззрение, систему оценивания, уровень психологического существования, структуру веры, организующий принцип и способ мышления.

Направленность цМемов, по замыслу авторов, есть не что иное, как основные факторы, которые формируют сегодня образовательную систему и направляют поведение человека, оказывают воздействие на все жизненные важные выборы в качестве основы для принятия решения – с изменением условий жизни, состоящий из исторических времен, географического места, экзистенциальных проблем и социальных обстоятельств.

---

[292] Грейвз, Клер Уильям (англ. Clare William Graves) - американский психолог, доктор психологии (1945), профессор (1956). Является основоположником теории уровней развития человеческих биопсихосоциальных систем. Основная работа была названа им «Теорией эмерджентных циклических уровней существования (The Emergent Cyclical Levels of Existence Theory)». Цитируется по URL:// https://ru.wikipedia.org/wiki/

293 Дон Бек и Крис Кован. Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в 21 веке. – BestBusinessBooks. – 2010. – стр 419

Сама концепция спиральной динамики – это новая основа для понимания динамических сил, влияющих на человеческие вопросы – личную жизнь, образование и даже геополитику. В результате многолетних исследований использования на реальных прикладных задачах и на основании открытий как организационных теоретиков, нейробиологов, концепция спиральной динамики позволила описать особые инструменты развития, мышления и поведения людей. Это, прежде всего, глубинные свойства разума.

Клэр Грейвз утверждал, что человек - это открытая развивающаяся система, что адаптационные возможности нашего мозга неограниченны, что в ответ на изменившиеся условия жизни люди развивают новые системы ценностей, изменяя собственный уровень психологического существования.

Спираль имеет два измерения. Первая спираль представляет собой градацию условий жизни, в рамках которых существует система; а вторая спираль характеризует градацию психологических и когнитивных процессов, фильтры внимания, через которые люди воспринимают мир. Из взаимодействия первой и второй спирали возникают относительно устойчивые пары условий жизни и способов мышления, которые Грейвз обозначал двумя буквами AN, BO, CP и др. Наибольшую популярность данная концепция приобрела благодаря не буквенному, а цветовому обозначению уровней развития по спирали, от условно «бежевого» уровня до «бирюзового». Всего количество уровней эволюции развития согласно «спиральной динамике» – восемь уровней. Однако первый из них – бежевый – лишь отправная точка для зарождения ценностей и мышления 1 уровня, а – бирюзовый уровень как апофеоз мышления и точка развития бесконечности в мышлении 2-го уровня.

«Каждый раз, начиная свой подход, – пишет Клэр Грейз, - человек верит в то, что сможет найти ответ о смысле своего существования…На первом уровне он находится в поиске автоматического физиологического удовлетворения. На втором уровне он жаждет безопасности в жизни и далее, по очередности – поиск подтверждения своего героического статуса, власти и славы, поиск элементарного порядка, поиск материального благосостояния, поиск любовных отношений, поиск основы для самоуважения и поиск умиротворенности в нашем непостижимом мире… К своему удивлению и смятению, на каждом этапе он обнаруживает, что решение вопроса бытия – это не то решение, которое он собирался найти. Каждый достигнутый этап оставляет человека в растерянности и недоумении. Решая одни проблемы, он сразу начинает сталкиваться с другими. И его путешествие

становится бесконечным…». Основной код Грейвза представляет собой следующий путь по спирали по определению условий человеческого существования и человеческого поведения:

Бежевый уровень: Естественная природная среда обитания и действия человека, подобные другим животным;

Фиолетовый уровень: таинственный и страшный мир, наполненный духами и пронизанный волшебств. Человек озабочен задабриванием духов и объединением с другими для обеспечения общей безопасности;

Красный уровень: жестокий и опасный мир, в котором каждый сам за себя. Каждому необходимо бороться за выживание и удовлетворение потребностей, невзирая на желания других;

Синий уровень: высшая власть регламентирует всякое поведение людей. Человек обязан подчиняться высшей власти и сохранять верность истине;

Оранжевый уровень: Мир полон эффективных альтернатив и возможностей. Каждому необходимо прагматично оценить преимущества для достижения успеха;

Зеленый уровень: уровень, провозглашающий ценности гуманизма, равноправия, всеобщей коллективной и взаимной поддержки, заботы. Мотив действий людей - присоединиться к сообществу для того, чтобы разделить развитие вместе с ним;

Желтый уровень: мир - это естественный и органичный хаос. Каждому необходимо учиться оставаться свободным, сохраняя принципиальность;

Бирюзовый уровень: мир - это единая живая сущность. Каждому необходимо искать порядок и взаимодействие в кажущемся хаосе.

Грейвз сопоставлял свою модель с ещё 25 моделями (подходами) поведения человека, из которых наиболее известны теории Л. Колберга и Э. Эриксона. Отправной точкой его исследований был вопрос студентов о том, какую из преподаваемых им моделей поведений личности и общностей считать «правильной». Инициированный им исследовательский проект привёл его к выводу о том, что существует несколько обособленных биопсихосоциальных систем, каждой из которых присущ свой набор ценностей и моделей поведения. При этом новые системы могут сменить старые, однако старые никуда не исчезают. Таким образом каждая новая система отличается от старой своей сложностью — новая система включает предыдущую и дополняется новыми свойствами, ранее не доступными. Более того, потенциально существуют новые биопсихосоциальные системы, которые сейчас могут быть не доступны, но будут существовать в будущем.

Основные её положения своей теории Грейвз приводил в следующих тезисах:

- человеческая природа не является статичной или конечной. Человеческая природа меняется вследствие изменения условий существования и тем самым кует новые системы. Тем не менее, старые системы остаются с нами;

- когда активируется новая система или уровень, мы меняем нашу психологию и правила жизни для того, чтобы адаптироваться к новым условиям;

- мы живем в условиях потенциально открытой системы ценностей, и нам доступно неограниченное количество способов прожить жизнь. Нет никакого конечного состояния, к которому мы все должны стремиться;

- человек, компания или общество в целом может позитивно реагировать только на те принципы управления, мотивационные призывы, методы образования, юридические и этические правила, которые приемлемы для нынешнего уровня человеческого существования.

Введенное учениками Грейвза понятие цМемов усиливают заложенную учены идею дискретности мышления. Это не только набор идей, ценностей или мотивов человеческого поведения. Это парадигмы развития, ориентированных в традиционных системах на выживание, родство, власть, цель, достижения и консенсус, а в концепциях современных вызовов и нового времени – интегративную и целостную ориентацию, через которую отдельные личности (значимые в историческом контексте), организации, общества, нации, правительства приходят в настоящее время. Ученые предсказывают, что динамика спирали приведет к дальнейшему интегрированному «глобальному пробуждению», которое, в свою очередь, приведет к еще более новым цМемам, поскольку процесс совершенствования человеческих систем, как представляется, не имеет конца.

Рассматривая через систему цМемов уровни развития по спирали приобретают новую наполненность взаимодействия людей, воспроизводства, образования и общества в целом. Бежевый цМем живет в разрозненных группах и поддерживается процессами выживания. Требует удовлетворения нужд существования, чтобы оставаться в живых.

Фиолетовый цМем состоит из кланоподобных групп и подкреплен «круговой порукой», клановостью. Подпитывается через соблюдение ритуалов, нахождение уверенности через понимание «таинства» жизни.

Структура Красного цМемам – империи, подкрепленные эксплуатационными, стремящимися к власти процессами. Воспитывается ис-

ториями героев, празднованиями подвигов завоеваний и свидетельствами уважений.

Структура Синего цМема имеет пирамидальную форму и поддерживается целенаправленными, контролирующими и даже авторитарными процессами. Усиливается за счет обращения к традициям, всеобщей справедливости чествования, стажа служения и преданности.

Оранжевый цМем подразумевает делегирование полномочий, опирающийся на стратегические процессы, ориентированные на достижения и стремящиеся к автономии. Развивается, демонстрируя символы успеха, признания за достижения и преодоления трудностей.

Зеленый цМем структурирован в эгалитарной манере и опирается на процессы, которые являются одновременно эмпирическими и согласованными. Укрепляется, когда подчеркивается важность людей, восприимчивость к чувствам и ощущается забота социально ответственного сообщества

ЦМемы новой парадигмы мышления (мышления 2-го уровня): Желтые цМемы представляются гибкими, интегративными и основанными на знаниях структур и процессов, а Бирюзовые, в принципе, целостны и глобальны по своей структуре, многомерны в своих процессах.

Набор инструментов спиральной динамики применяется для анализа любых эволюционных систем, вплоть до крупномасштабных систем – геополитических сдвигов и нового мирового порядка. Принципы спиральной динамики успешно применяются в деятельности отдельных правительств, Общества исследований будущего, Лондонской школы экономики и других организаций мирового уровня и дают уникальное понимание изменений, которые происходят в образовательной модели. Особенно в условиях, когда старые формы образования уже отживают, а новые только приобретают конкретные конгруэтные черты. Клэр Грейвз уверен, что «когда одна из форм существования перестает быть функциональной в реалиях существования, то иная форма, выше или ниже в иерархии становится лучшем вариантом существования. В долгосрочной временной перспективе более высокие уровни лучше, чем более низкие уровни, и что важнейшими целями руководящих фигур любого общества должно быть поощрение движения людей вверх по уровням спиральной динамики».

Заикин А.А.,
канд. филос. наук,
Таганрогский институт им. А.П. Чехова
(филиал) РГЭУ (РИНХ) (г. Таганрог)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИДЕЙ ПРАВА И СВОБОДЫ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СОЦИУМА

В бытии свободы существует как бы некий водораздел, связанный как с ее онтологическими основаниями, так и одновременно с идеей права. Эту линию условно можно провести между существованием общества традиционного типа и возникновением цивилизации как таковой; именно с возникновением цивилизации происходит переломный момент в бытии свободы, она меняет свой облик; другими словами, идея свободы наполняется новым смыслом, и этот новый смысл в понимание идеи свободы вносит возникновение идеи права как такового. Именно с появлением правового мышления в самом первичном его виде появляются зачатки цивилизации, как мы ее понимаем; вся архитектура общества современного типа получает здесь свое первичное воплощение. По замечанию П.П. Баранова и Г.С. Працко, «…цивилизационный порядок выражает устойчивые связи в общественной жизни, вытекающие из системообразующих элементов»[294]. Одним из таких элементов, по нашему мнению, является право. Именно воплотившись в праве как понятии, основанном на идее формального равенства людей перед законом, а также основываясь на идее собственности, прежде всего частной или принадлежащей определенной группе людей, и возникает цивилизация как таковая. Идея права пронизывает ее насквозь, начиная с древнейших времен. В онтологической концепции права Р. Марчича содержится идея о том, что «в основе любого, исторически данного, позитивно установленного порядка … лежит неустановленный, препозитивный (допозитивный) порядок бытия, … который и трактуется … как препозитивное право, как право бытия, как естественное право»[295].

Доцивилизационный период характеризуется историками философии как господство мифологической картины мира, с цикличностью времени, повторяемостью действий, их ритуализацией, с особым способом бытия и особым типом сознания. Бытие идеи свободы носит внеличностный характер и понимается в данном случае как первозданная данность. Идея свободы понимается как свобода всех при

[294] Баранов П.П., Працко Г.С. Концепция цивилизационного порядка в теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского.//Философия права. – 2007. - №5. - С. 7-13. – С. 12.
[295] Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 656 с. – С. 629.

наличном, искони присущем, а не формальном равенстве людей на уровне онтологического плана.

Однако с появлением разделения людей по формальному признаку появляется одновременно и понятие собственности как прерогативы узкой группы лиц, или в пределе – одного человека. Именно тогда и возникает идея права как попытка упорядочить эти отношения, а также закрепить статус того, кто обладает собственностью, обоснованием какого-либо формального права на нее.

По мнению Ю.В. Тихонравова, «вначале идея права появляется как идея выхода из кризисной ситуации посредством установления системы принудительных норм»[296].

Практически точно невозможно сказать, когда же, в какое время произошло рождение идеи права; можно лишь указать, что отличительным признаком этого является появление излишков труда, характер распределения людей по типу труда или общего вклада в социум, распределения награды по результатам труда, а также имущественное расслоение. Именно выделение различных групп людей, особенно с привилегированным положением, привели к возникновению идеи права в своем первоначальном виде.

Таким образом, отличительными признаками появления идеи права в общественном сознании можно считать возникновение социального неравенства, излишков, которые распределялись неравномерно, и закрепление этих принципов жизни в виде некоего формального закона. Идея права возникает из ситуации неравенства людей и описывает механизмы распределения благ в соответствии с положением в обществе и определенными заслугами. Однако вместе с тем идея права возникает и из идеи свободы, точнее, из замены всеобщей онтологической свободы на «свободу неравенства», порождая тем самым феномен цивилизации и одновременно глубокий онтологический кризис общества доцивилизационного типа.

Именно трансформация идеи свободы, ограничение ее онтологической составляющей введением формального подхода к человеку и социуму, а также введение идеи справедливости порождают первичную правовую реальность, зачаток цивилизации как феномена социальной реальности и, вместе с тем, новое понимание человека как правового, а не онтологически свободного существа. В.С. Нерсесянц утверждает, что «бытие права … представлено в принципе формального равенства, включает в себя и выражает всю совокупность внутренне взаимосвязанных и предполагающих друг друга объективных свойств и сущност-

[296] Тихонравов Ю.В. Основы философии права. – М.: Вестник, 1997. – 604 с. – С. 54.

ных характеристик права как всеобщей и необходимой формы равенства, свободы и справедливости в общественной жизни людей»[297].

С возникновением цивилизации и становлением гражданского общества совершается трансформация идеи свободы; все большее развитие идеи права, основанной на формальном равенстве, вынуждает идею свободы смещать свое понимание с внутренних, онтологических оснований на внешние, носящие также формальный характер. Эти внешние основания суть производные социальной жизни людей, и потому исторически изменчивы так же, как и идея права. Эта трансформация идеи свободы порождает и два способа осмысления ее бытия, которые впервые были озвучены теоретиками гражданского общества, а именно – позитивную и негативную свободы. П.Ф. Казначеев, анализируя концепцию двух свобод И. Берлина, заявляет: «Определяя свое разделение в отношении свободы, Берлин вводит понятие "негативной" свободы, смысл которой определяется вопросом: "Велико ли пространство, в рамках которого человек или группа людей может делать что угодно или быть таким, каким хочет быть?" Противоположное понятие, в качестве антитезиса названное "позитивным", определяется принципиально другим вопросом: "Где источник давления или вмешательства, который заставит кого-то делать то, а не это, или быть таким, а не другим?"»[298]. Несмотря на различие, оба эти вида свободы целиком относятся к понятию свободы внешней, обусловленной процессами, происходящими в социуме. На первый план в таком бытии идеи свободы выступает прежде всего личностное отношение к человеку, признание его активным субъектом, преобразующим социум; и это связано также с трансформацией идеи права, которая выдвигает на первый план права человека, носителем которых является представитель гражданского общества. По мнению О.Г. Данильяна, «по своему смысловому содержанию права человека очерчивают пространство, которое обеспечивает каждому человеку условия его самореализации, то есть пространство его личностной автономии»[299].

Вместе с тем понятие гражданских прав обосновывается через введение специальной теоретической конструкции, названной «естественным состоянием», то есть обосновывается понимание доцивилизационного и одновременно доправового состояния социума как «войны всех против всех». Таким образом, введение понятия естественного состояния позволяет теоретикам гражданского общества обосновать то

[297] Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 656 с. – С. 40.
[298] Казначеев, П.Ф. Философия неопрагматизма и теория свободы в современном либерализме./Дисс. … канд. филос. наук. – М.: МГУ, 2002. – С. 71.
[299] Философия права./Под ред. О.Г. Данильяна. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с. – С. 241.

ограничение идеи свободы, которое происходит вследствие восприятия социума как группы индивидов, чья свобода в доцивилизационный период воспринималась как произвол (с точки зрения формально-правовых позиций), и вместе с тем обосновывается соответственно ограничение этой разрушительной свободы, во-первых, появлением идеи права, во-вторых, обоснованием идеи верховной власти, которой переданы полномочия по ограничению этой разрушительной свободы. Е.Р. Ашибокова утверждает, что «из-за отсутствия в нем [западном мировоззрении] творческого, позитивного осмысления свободы, свобода выливается, в конце концов, в иррациональный произвол, не подчиняющийся никакой дисциплине ума. Сдерживающим, регулирующим течение жизни фактором служат лишь устанавливаемые обществом юридические законы»[300]. Согласно концепции Т. Гоббса, такой силой выступает государство, которому индивиды передают часть своих (имманентных им) свобод взамен на защиту своей личности некими формальными средствами; и государство осуществляет эту защиту введением особых социальных институтов, призванных оберегать основы гражданского общества. Идея свободы, следовательно, находит свое ограничение в идее гражданских прав или, иными словами, свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого.

Поэтому основными формами бытия идеи свободы в гражданском обществе остаются позитивная и негативная свободы, выражающие вектор социальной настроенности субъектов гражданского общества. Оба эти понятия являются двумя сторонами одной социальной реальности, начало которой было положено «проектом Просвещения» и осуществляется до сих пор.

Идея гражданских прав в социуме также претерпевает значительные изменения: обретение все большим количеством членов социума этих прав и свобод видится как прогресс на пути построения гражданского общества, и это явилось первым этапом его осуществления; второй этап связан прежде всего с расширением прав и свобод, с либерализацией как нормой жизни. Окончательное возобладание идеи права в современном гражданском обществе связано с кристаллизацией и формальным закреплением таких предельных оснований жизни как общечеловеческие ценности; вводя это понятие, западный социум претендует на роль «законодателя мод» в системе правового регулирования социальной жизни.

В связи с распространением идеи гражданских прав возникает вопрос о степени свободы социального субъекта в гражданском обще-

[300] Ашибокова Е.Р. Проблема свободы личности и общества.//Философия права. 2008. № 1. С. 146.

стве. Повсеместно наблюдается в западном социуме хорошо изученный и описанный Э. Фроммом феномен «бегства от свободы», порождаемый чрезмерным обилием внешних прав, с масштабом которых человек уже не может справиться.

Идея права и идея свободы оказываются связаны одной исторической судьбой, а также едиными онтологическими основаниями. Невозможно такое понимание идеи права, которое в том или ином виде не было бы основано на понимании идеи свободы; вместе с тем, внешний социальный прогресс оборачивается глубоким внутренним кризисом личности социального субъекта как члена гражданского общества, и этот кризис требует своего надлежащего осмысления.

Однако, как бы то ни было, бытие современного социума связано с идеями права и свободы, которые не только взаимосвязаны, но и взаимообусловлены; дальнейшее осмысление бытия социальной реальности возможно только в единстве восприятия этих идей, их конструктивном воплощении и трансформации. Именно взаимосвязь идей права и свободы породила современный социум, и именно в осмыслении ее природы лежит понимание будущих социальных изменений.

Иконникова О.Н.,
канд. фил. наук, доц. кафедры
педагогики ГБУ ДПО РО РИПК
и ППРО (г. Таганрог)

НЕПРЕРЫВНОСТЬ ШАХМАТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ

Общеизвестно, что шахматы являются сплавом спорта, науки и искусства, способствуют повышению интеллектуального уровня личности. Чем больше распространены в стране шахматы, тем больше креативно мыслящих людей, способных принимать ответственные и логичные решения.

В шахматах сочетаются три компонента, обеспечивающие функционирование логической умственной деятельности: идея, реализация, взаимодействие[301]. Шахматы являются не только развивающим типом деятельности, но и когнитивным ресурсом и инструментом, подготавливающего субъекта к ведению научной деятельности[302].

[301] Вершинин М.А., Иванова З.И. Комплекс условий формирования логического мышления шахматистов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 10. С. 142-147.
[302] Иконникова О.Н. Шахматы как инструмент когнитивно-личностного развития студентов и школьников / Когнитивные исследования на современном этапе. КИСЭ – 2014: Материалы Пятой Международной научно-практической конференции.- Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2014. - С. 116-119.

Привлечение школьников, студентов и молодежи к шахматам как к культурно-досуговой деятельности выполняет ряд общественно важных функций: как средство выработки мышления, памяти, внимания и других психических процессов, а также специфической способности действовать «в уме»; 2) как оздоровительное средство; 3) как средство изучения других предметов; 4) как воспитание характера, в особенности таких его черт, как критический дух, объективность и самокритичность; 5) как средство развития творческой и эстетической стороны личности.[303]

С позиций философии примечателен также факт, отмеченный М.Е. Гутеневым, что «…. благодаря шахматной игре обостряется философская составляющая проблемы истины. Критерием этой истины в шахматной партии может выступать как собственно победа над противником, так и эстетическое «послевкусие».[304]

Введенный в систему начального общего образования шахматный всеобуч ставит собой цель не только общее развитие личности, обеспечение поэтапного развития у детей значимой для системы образования способности действовать «в уме», но и развитие массового детско-юношеского шахматного движения как средства популяризации шахмат и самоорганизации свободного времени детей, с перспективой отбора наиболее талантливых и мотивированных детей для их дальнейшего спортивного совершенствования в детско-юношеских спортивных школах, учреждениях дополнительного образования. Основной ориентир – это создание непрерывного цикла “образование - развитие - отдых - совершенствование”, в том числе посредством организации школьных шахматных секций и клубов и реализации моделей внутриведомственного (образовательные учреждения ↔ учреждения дополнительного образования детей, детско-юношеские спортивные школы) и межведомственного взаимодействия (шахматные федерации, комитеты по физической культуре и спорту ↔ образовательные учреждения) при реализации шахматного всеобуча.[305]

Таким образом, наибольший охват шахматами детско-юношеской среды начинается с шахматного всеобуча в школах, что должно, в свою очередь, находить преемственность в учреждениях

[303] Иконникова О.Н. Значение шахмат как культурно-досуговой деятельности в молодёжной среде // Культурно-досуговая самореализация личности: воспитание и самовоспитание студентов: материалы XII Международной молодежной научно-практической конференции. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2015. - С. 21-22.

[304] Гутенев М.Ю. Влияние шахматной игры на развитие творческого потенциала личности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14. № 3. С. 57-61.

[305] Иконникова О.Н., Певицына Л.М. Методические рекомендации по внедрению проекта «Шахматный всеобуч» в систему начального общего образования Ростовской области Ростов н/Д: Изд-во ГБУ ДПО РО РИПК и ППРО, 2017. – 96 с.

среднего профессионального и высшего образования. Здесь необходима интеграция не только общего и дополнительного шахматного образования, но и общего, среднего и высшего шахматного образования. В перспективе важна также преемственность подготовки, связывающая в единое целое общее, дополнительное, среднее и высшее образование.

Целью такой интеграции является обеспечение доступности шахматного образования и популяризации шахмат как интеллектуального вида спорта и искусства среди школьников и в молодежной среде.

Примечателен тот факт, что еще в XVI веке английский философ и педагог Томас Коген в своём «Сборнике советов студентам о том, как сохранить здоровье и пополнить знания» писал: «Древняя игра под названием «шахматы» заслуживает самых лестных слов. Это полезное упражнение для ума, помогающее вырабатывать последовательность в рассуждениях и действиях и постигать явления в их совокупности».[306] Следует отметить тот факт, что ещё в XIX веке преподавание шахмат было включено в учебные программы военных академий ряда стран. Так, в 1815 году шахматы были объявлены обязательным предметом в Военной академии датской армии в Копенгагене. В обоснование этого решения начальник академии докладывал военному министру, что «игра, в которой существует около 72000 различных способов сделать первые два хода, не может не быть полезной для будущих офицеров с точки зрения выработки у них быстроты реакции на быстро меняющуюся ситуацию.[307] Примеру Дании последовала Пруссия и некоторые другие страны, в том числе Аргентина.

Итоги педагогического эксперимента, проводимого на базе Российского государственного социального университета, подтвердили эффективность использования шахматной игры в системе высшего образования в качестве средства интеллектуального развития студентов и, следовательно, подтвердили и детерминировали целесообразность введения экспресс-курсов обучения шахматной игре в системе высшего образования.[308]

В 2015 г. на базе Российского государственного социального университета была создана Российская студенческая шахматная лига, призванная объединить ведущие вузы страны в популяризации шахмат. В аспекте непрерывности шахматного образования релевантно создание региональных шахматных центров в качестве базовых вузов Лиги и ресурсных центров шахматного образования.

[306] Александрович Г.С., Столяр Е.С. Многоликая Каисса. – М.: Физкультура и спорт, 1989.
[307] там же, с. 21
[308] Алифиров А.И., Зарывкина А.В. Развитие интеллектуальных способностей студентов посредством игры в шахматы // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2016. Т1. №1. С. 46-50.

Приоритетными направлениями деятельности таких региональных шахматных центров, на наш взгляд, являются следующие:

- формирование непрерывной вариативной системы шахматного образования, позволяющую охватить 100% обучающихся;
- выявление молодых и талантливых шахматистов, поддержка их в процессе творческого развития, привитие интереса к шахматам;
- подготовка и проведение шахматных мероприятий, турниров, мастер-классов, матчей, сеансов одновременной игры и др.;
- участие студентов и сотрудников в соревнованиях и мероприятиям по шахматам различного уровня;
- организация и введение спецкурса по шахматам на кафедрах физвоспитания и на военной кафедре;
- организация курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагогов, реализующих шахматный всеобуч;
- научно-методическое и учебно-методическое обеспечение шахматного образования (спецкурса по шахматам, курсов повышения квалификации и др.);
- создание системы социального партнёрства и межведомственной интеграции при реализации шахматного образования (координация действий различных ведомств, социальных институтов, служб с целью поддержки развития шахматного образования: Федерации шахмат, Управления образованием, образовательные организации и др.).
- обеспечение доступности и популяризации шахматного образования среди всех категорий населения
- повышение эффективности реализации региональной системы шахматного образования.

Следует отметить тот факт, что шахматное образование способствует когнитивному развитию личности, так как шахматное обучение - это составная часть когнитивного обучения. Важнейшим и основополагающим принципом когнитивизма в образовании является трактовка обучающегося как познающего и деятельностного субъекта, активно воспринимающего информацию и продуцирующего новое знание в соответствии со своей ментальностью.[309] Т.е. шахматы являются инструментом когнитивно-личностного развития студентов и школьников [Иконникова 2014].

Таким образом, непрерывное шахматное образование образует своеобразное интеллектуальное пространство, в котором происходит когнитивно-личностное развитие.

[309] Иконникова О.Н., Масалова С.И. Когнитивно-дидактические аспекты обучения шахматам младших школьников / Всероссийская конференция по когнитивной науке КИСЭ-2017: материалы Всероссийской конференции. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2017. – С. 337-354.

IV
Многообразие культурно-образовательных систем и образовательных практик как описание сферы философии образования

Рогочая Г.П.,
канд. филос. наук, доц., КубГУ
(г. Краснодар)

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРАКТИК ПОСРЕДНИЧЕСТВА В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ

Современный мир характеризуется тенденцией к расширению и углублению горизонтальных связей, межкультурных контактов в различных областях экономической, общественно-политической, социальной жизни. Это делает актуальным обращение к проблемам межкультурной коммуникации, построению диалоговых практик между представителями различных культур. Однако при наличии объективной потребности в межкультурной коммуникации и межкультурном диалоге, зачастую возникает проблема непонимания представителей иной культуры, особенностей коммуникативного поведения и способов построения диалога. Все это обуславливает необходимость обращения к проблематике кросс-культурного диалога и кросс-культурной коммуникации.

Понятие «кросс-культурность», зародившись в рамках культурной антропологии и философии, и получивший развитие в американском холокультурализме, на сегодняшний день является концептуально-определяющим для кросс-культурной психологии, кросс-культурной лингвистики, кросс-культурного менеджмента, кросс-культурной педагогики.

Методологическими основаниями кросс-культурного подхода (кросс-культурного диалога) является принцип плюрализма культур их взаимопроникновения и взаимообмена. Кросс-культурный подход исключает доминирование какой-либо одной системы культурных ценностей и понятий и предлагает герменевтическое отношение к миру, как к пространству диалога и коммуникации.

Стоит отметить, что кросс-культурный подход не сводится к сравнительно-историческому методу исследования, хотя именно сравнительно-исторические исследования в области культурной антропо-

логии, сравнительного религиоведения подготовили богатую эмпирическую базу для формирования этого междисциплинарного подхода[310]. Для понимания теоретических и методологических оснований кросс-культурного подхода необходимо указать на идейную преемственность с существующими философскими и культурологическими теориями.

Так проблема межкультурного взаимодействия прослеживается еще на заре древнегреческой философской мысли. Греки впервые формулируют дихотомию «свое-чужое», как способа понимания себя, как основание для собственной идентификации. В древнегреческом понимании культурные миры делятся на миры входящие в ареал греческой, а затем и римской культуры и миры «чужие» - варварские. Сам способ дихотомического мышления основывается на принципе разделения, дистанцирования и создания определенных границ. Но, наряду с такой гносеологической установкой, следует отметить, что именно в рамках греческой философии зарождаются диалогические практики в философском дискурсе.

Начиная с Сократа и Платона, диалогический метод познания становится первым в истории философии способом постижения мира, этому во многом способствует устный характер древнегреческой философии и коммуникативные практики ведения устных бесед. А основным герменевтическим принципом становится принцип постановки вопроса. У Сократа это вопрос «Другому», у Платона это скорее вопрос «Себе» как начало рефлексии. «Рефлексия невозможна без глубинного диалога с собственным «расщепленным Я» (по выражению В.С. Библера): на основе самопознания и соотнесенности себя с «Другим» складывается начало культурного диалога».[311]

В более выраженном виде проблематика кросс-культурного взаимодействия проявляется на рубеже XIX-XX веков.

В трудах О. Шпенглера, Н.Я. Данилевского, А. Тойнби, П. Сорокина, К. Ясперса рассматриваются проблемы развития отдельных цивилизационных и культурных образований. Их позиции в отношении культурного диалога и взаимопроникновения культур разнятся. Так, О. Шпенглер настаивает на сохранении принципиальной изолированности культур друг от друга, утверждая невозможность разрушения «границ» между ними, а у К. Ясперса, наоборот, мы можем увидеть убедительную аргументацию в пользу взаимного общения как способа

[310] Вайнштейн С.И. Сравнительный метод. // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.2. - СПб.:Университетская книга; 1998. С. 224.

[311] Паксина Е.Б. Концепция диалога в работах М. Бахтина и В. Библера // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-2.

исторического развития культур, их взаимного обогащения и необходимого условия для культурного прогресса.

Нельзя не отметить вклад культурных антропологов, таких как Л. Морган, Э.Б. Тайлор, Г. Спенсер, Дж. Фрэйзер, проводивших сравнительно-исторические исследования различных культур и религиозных верований, и ставших предтечами кросс-культурного подхода. Однако, долгие годы доминирующей установкой в философии культуры, был принцип единства человеческой культуры. Это ориентировало исследователей заниматься поисками универсалий человеческой культуры, а различия культур лишь определяли границы этих универсалий.

Выделение кросс-культурного подхода в самостоятельное направление исследований связано с результатами реализации двух крупных кросс-культурных проектов: «Реестра культурных элементов» В. Кребера и «Группы межкультурных обзоров» Дж. Мердока. Собственно это был прорыв в новую научную парадигму кросс-культурных исследований. Именно Дж. Мердок обосновал эффективность кросс-культурного метода в исследовании культуры[312]. Практически одновременно начали разрабатываться и кросс-культурные идеи в области психологии Э. Аронсоном и Д. Мацумото. Большой вклад в развитие теории кросс-культурного анализа внес А.Р. Лурия. Появляется и самостоятельное направление в развитии практической этнической и кросс-культурной психологии благодаря исследованиям Г. Триандиса. Что касается проблематики кросс-культурной коммуникации и кросс-культурного диалога, то Э.Холл в конце XX века сформулировал тезис о необходимости обучения культуре общения с иными народами, став основоположником теории межкультурной коммуникации.

К наиболее известным теориям межкультурной коммуникации относятся теория высоко- и низкоконтекстуальных культур Э. Холла, теория культурных измерений Г. Хофштеда и теория культурной грамотности Э. Хирша. Исходя из теории межкультурной коммуникации, можно выделить ряд положений являющих базовыми и определяющими объективные основания для межкультурной коммуникации. Коммуникация выстраивается исходя из понимания общности и различий между культурами, складывающимся в процессе формирования каждой этнической культуры.

В рамках каждой культуры существую нормы, которые регулируют практически все области человеческого сознания и поведения и оказывают влияние на характер восприятия, оценки и межличностные отношения. К таким нормам можно отнести образование, воспитание,

[312]Этнографические архивы/http://pciholog.com/kross-kulturnaya psixologiya/etnograficheskie-arxivy/

историческая память, традиции, обычаи и язык, которые вырабатывают систему ориентаций, позволяющую людям адаптироваться в различных ситуациях.

Поведенческие реакции на внешний мир также определяются особенностями той культуры, к которой принадлежит человек. Зачастую культурные нормы не осознаются, воспринимаются как данность, поскольку составляют органическую часть личности и объективно присущи родной культуре. Осознание этих норм происходит через контакт с «Другим», с людьми, которые руководствуются иными культурными нормами. Причем, зачастую, такое взаимодействие может вызвать психологический дискомфорт, и даже стать поводом для конфликтной ситуации. Поэтому особенности кросс-культурной коммуникации и преодоления конфликтов в кросс-культурной коммуникации требует обстоятельного исследования с целью формирования знаний и навыков межкультурной коммуникации.

С этой целью нами было проведено пилотное исследование направленное на выявление психологических особенностей посредник (медиатора) в урегулировании конфликтов и проведено интервью с профессиональными медиаторами, представителя различных национальных культур. Интервью было взято у восьми человек. Один представитель татарской культуры, имеющий религиозный сан, профессиональную подготовку в области медиации и на протяжении более чем 10 лет занимающийся практикой конфликторазрешения. Одно интервью у представителя казахского этноса, профессионального нотариуса, медиатора.

Два интервью у представителей адыгского этноса, также профессиональных юристов, адвокатов и медиаторов. Два интервью у представителей черкесского этноса, профессиональных психологов, медиаторов. И одно интервью у представителя азербайджанского этноса, родившейся и постоянно проживающей в Киргизии, профессионального переговорщика и медиатора. Одно интервью было взято у новообращенной в ислам русской женщины, адвоката, медиатора. Занимается урегулированием споров в кросс-культурных конфликтах между представителями кавказских этносов.

Вопросы интервью были ориентированы на выявление специфических особенностей практики конфликторазрешения, сформированных в национально-этнических культурных пространствах, на выявлении психологических качеств посредников, способствующих положительному восприятию личности посредника-медиатора при урегулировании споров. Часть вопросов была ориентирована на выявление культурно-обусловленных отличий связанных с особенностями построения

диалога при разрешении споров, особенностей поведения, обусловленных культурой, которые могут способствовать создание атмосферы доверия при проведении примирительных процедур. Интерес представлял и вопрос учета религиозных ориентаций и установок, существующих в данных культурах при проведении примирительных процедур.

Так, для медиаторов из Казахстана и Киргизии вопрос специфических практиках конфликторазрешения, сформированных в национальных культурах не оказался существенным. Оба эксперта акцентировали внимание на светском характере государств и на доминировании светской культуры. Хотя медиатор из Киргизии отметила, что на законодательном уровне в республике создан институт старейшин, участвующих как вспомогательная общественная структура в разрешении бытовых и семейных конфликтов: «Так в Кыргызстане на протяжении ряда лет существует такой институт, как суд аксакалов. Это неформальный суд, участвующий в разрешении конфликтов. Судьи – это авторитетные люди в какой-то области, или просто уважаемые люди. Урегулируют споры в основном в местных сообществах, бытовые споры. Задача этих судей принять справедливое решение». На вопрос какими качествами должен обладать посредник, эксперт перечислила следующие: «уверенность, справедливость, степенность, спокойствие, терпеливость, мудрость, коммуникабельность»

Эксперты из Адыгеи и Карачаево-Черкесии, наоборот отметили отсутствие законодательно оформленных традиционных институтов в практике конфликторазрешения, но указали на обязательную необходимость учитывать традиционные нормы адата и правила поведения, принятые в традиционном сообществе. Эксперт из Адыгеи сделала акцент на толерантности адыгской культуры, но отметила, что на ее взгляд именно толерантность размывает традиционный характер культуры. Прежде всего, это выражается в том, что молодое поколение плохо знает национальный язык. «О примирительных процедурах у адыгов хорошо известно. У истоков медиации адыгов лежит неписанный свод законов Адыгэ-Хасэ». «Чаще всего роль посредника выполняли старейшины в населенном пункте или роду. Ключевым является жизненный опыт и неукоснительное соблюдение неписаного закона Адыгэ-Хасэ». По мнению эксперта, личность медиатора определяет «сама жизнь, уважение, которое человек смог заслужить в том месте, в котором он живет». Это должен быть человек, который «Слов на ветер не бросает, сказал – сделал». Кроме этого, посредник в урегулировании споров «должен быть профессионалом в своем деле, не важно, чем

он занимается, добившийся уважения. А уважение складывается из поступков».

Эксперт из Казахстана отметила, что все процессы урегулирования споров происходят в рамках республиканских законов и формальных институтов, но указала на такую особенность, что в Казахстане предусмотрено урегулирование и уголовных преступлений посредством медиации, если эти преступления не являются тяжкими. Главным фактором успешности проведения процедуры является личность самого медиатора и доверие, которое он может вызвать у сторон конфликта.

На вопрос о традиционных примирительных практиках эксперт отметила, что «Когда-то существовали суды биев-старейшин, но сейчас этого не встретишь. Однако в отдаленных уголках Казахстана есть непрофессиональные медиаторы. Их обучают техникам медиации в рамках президентской программы. Это люди старше сорока лет, имеющие жизненный стаж, высшее образование и добившиеся уважения». На вопрос о психологических качествах, которыми должен обладать посредник в урегулировании споров, эксперт отметила, что «главное – это любовь к людям, желание нести людям мира и умение дать людям понять, что ты несешь ими добро». Буквально «вырвать свое сердце и сделать добро людям».

Медиаторы, позиционирующие себя, прежде всего, как представителей конфессиональной культуры (мула из Татарстана и новообращённая в ислам русская из Москвы), отметили, что главной особенностью примирительной процедуры является ее соответствие нормам шариата.

Из самой процедуры медиации они отметили эффективность техник коммуникации применяемых в обычной процедуре, как инструмента приведения к диалогу и согласию сторон. В то же время, новообращенная в ислам медиатор подчеркнула, что на ее взгляд «Религиозные взгляды не входят в понятие культуры. Культура может разобщить и разъединить.. Урегулирование споров возможно только с позиций религиозных… Для верующего человека религиозная подоплека поступков важнее, чем культурная». Медиатор проиллюстрировала это утверждение примером из своей юридической практики разрешения споров между аварцем и чеченцем. На вопрос о психологических качествах посредника в урегулировании споров в исламе, эксперт ответила, что это должен быть «человек внимательный к мелочам, вникающий в нюансы интересов сторон. Это должен быть человек благонравный, и он не должен быть лицемером».

На просьбу пояснить кто такой лицемер, эксперт охарактеризовала его со ссылкой на религиозные тексты следующим образом: «лицемер – это тот, кто предает, заведомо обманывает и предает гласности то, что должно оставаться конфиденциальным». Еще одно качество обязательное для примирителя – самокритичность.

Эксперт несколько раз возвращалась к такой характеристике, как благонравность, поясняя ее неукоснительное следование нормам ислама. Описывая свой опыт урегулирования споров между представителями различных кавказских этносов эксперт ссылалась не только на нормы исламского права, но и отмечала использование техники активного слушание, психологической поддержки сторон в конфликте. Мула из Татарстана сказал, что более половины кадиев республики прошли обучение медиации по программе «Базовый курс», отметив эффективность применения техник и приемов медиации в традиционной для ислама практике урегулирования споров. Важными психологическими характеристиками для посредника в урегулировании споров, по его мнению, является «терпимость, внимание к людям, доброжелательность, умение выдержать нейтральность по отношению к участникам споров».

Способы улучшения межнациональных и межконфессиональных отношений, выбора оптимальных форм и методов разрешения конфликтов, возникающих в процессе конфликтного взаимодействия, вышли в ряд наиболее острых проблем современного мира.

В России поиск оптимальных способов регулирования всего спектра межнациональных и межконфессиональных проблем приобретает исключительную актуальность, в силу специфики этнического и конфессионального состава государства, исторически являющегося многосоставным.

Кокин А.В.,
докт. геол.-минералог. наук, проф.,
ЮРИУ РАНХи ГС (г. Ростов-на-Дону)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К УСВОЕНИЮ ПРЕДМЕТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ КАК ОПЫТНАЯ СФЕРА ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Философия образования со времён Дж. Дьюи[313] уже рассматривает изучение конкретного предмета как детерменированная самой природой философии область системного анализа, но по большей части в рамках прикладных исследований философии[314]. В этой связи современная система философии образования просто обязана рассматривать предмет во всей совокупности взаимопроникновения, взаимообусловленности естественных и гуманитарных (исторически развивающихся социокультурных) связей в рамках завершенного единства и целостности воззрения на изучаемый предмет (дисциплину). Наиболее полно эта образовательная целостность вытекает из необходимости междисциплинарного подхода к изучению и преподаванию предмета[315]. Неследование такому направлению современной философии образования (детерменированное самой природой философии) приводит к ограниченности представлений о сущности предмета или даже ущербности самого образования[316]. Особенно это касается предметов, формирующих миропонимание и мировоззрение не только в национальном, но и глобальном измерениях.

В качестве примера рассмотрим некоторые тенденции в философии образования, касающиеся представлений о естественных и антропогенных факторах, влияющих на глобальные экологические процессы в структуре и функции биосферы.

Сегодня доминирующим представлением является строго не доказанная степень преимущественного влияния антропогенного фактора на глобальные изменения, происходящие в озоновом слое Земли (проблема так называемых «озоновых дыр»), на глобальное потепление климата и на другие экологические проблемы. Альтернативные представления этим изменениям в биосфере (мало влияющим на при-

[313] Дьюи Дж. Введение в философию образования. - М., 1921. С. 55.
[314] Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. - М.: Школа-Пресс, 1995. С. 25.
[315] Единство в многообразии: наука и социальная практика в фокусе междисциплинарности // Материалы всероссийской научно-практической конференции. - Ростов - Таганрог: Изд-во ЮФУ. 2018. 440 с.
[316] Кокин А.В. «Противоестественный гуманитарий» или междисциплинарные проблемы при подготовке государственных и муниципальных служащих // Материалы всероссийской научно-практической конференции. - Ростов - Таганрог: Изд-во ЮФУ. 2018. С. 375-379.

нятие элитами управленческих решений в глобальном масштабе) являются естественные квазипериодические процессы, довлеющие над антропогенными.

В результате на глобальном уровне возникли условия о необходимости принятия управленческих решений («Монреальский протокол», «Киотский протокол», «Парижское соглашение по климату») по минимизации влияния хозяйственной деятельности на обменные процессы, происходящие в биосфере.

Современная наука и образование не комплементарно отреагировали на двойственную природу глобальных (естественных и антропогенных) экологических изменений, став исключительно на точку зрения атропогенных факторов. Это повлекло за собой отход от представлений сущности самой философии, в которой подсистема разума (человека) противоречила самоорганизованной сущности самой Природы как системы[317], свойства которой являются определяющими эволюционную картину Мира[318].

Заблуждения, которое сегодня доминируют в оценке естественных и антропогенных факторов в биосфере[319],[320],[321] привели к однобокому пониманию сущности преподаваемых предметов в области экологии, экономики, природопользования, экологического права, экологической политики вне связи их завершенного экологического единства, влияющего на определение целей, задач, прикладного измерения преподаваемых дисциплин.

На глобальном уровне возникло ощущение того, что именно хозяйственной деятельностью человека можно повлиять на естественные квазипериодические процессы, происходящие в биосфере. Хотя из исторической геологии хорошо известно, что изменение толщины озонового слоя и потепление климата происходило периодически до появления хозяйственной деятельности человека и в масштабах не соизмеримых с современными тенденциями.

Тем не менее, искусство современной рыночной экономики невероятно быстро задействовало механизм извлечения прибыли в результате торговли квотами на выбросы углекислого газа (отнюдь не самого парникового газа в атмосфере Земли), на внедрение сомнительных (чаще всего более дорогих) технологий в области использо-

[317] Кокин А.В., Кокин А.А. Смысл разума.- С-Пб: Бионт. 2018. 323с.
[318] Кокин А.В., Кокин А.А. Осмысление Мира. -С-Пб: Бионт. 2010. 687с.
[319] Кокин А.В., Кокин А.А. Современные экологические мифы и утопии.- С-Пб: Бионт. 2008.
[320] Данилов-Данильян В., Лосев К. Рейф И. Кризис мировой цивилизации на весах научного подхода // Наука и жизнь. № 9. 2005. С. 2 – 11.
[321] Максимов Н. Озоновые мифы.- Vesti.ru. - Наука. 13.11.2000.

вания хладонов, по разному влияющих на степень разрушения озонового слоя.

Хотя многим естественникам давно известно постоянство естественного «дыхания» земных недр водородом, гелием, метаном и др. газами, влияющими как на состояние озонового слоя, так и потепление климата[322].

Примером междисциплинарного подхода к исследованию и преподаванию может служить дисциплина «Экологичный менеджмент» или в более прикладном аспекте – «Экологичный менеджмент на предприятии». Основные цели и задачи курса должны базироваться не на принципе получение бизнесом максимальной прибыли на вложенный капитал, а получение максимальной прибыли при минимизации давления на окружающую среду с учётом сбалансированного природопользования. Из этого принципа бизнес должен не только понимать, но и избегать экологических рисков, поскольку лни дорого обходятся компаниям.

Рассмотрим эту проблему системно.

1. Бизнес и слушатели курса должны понимать сущность экологичного менеджмента как механизм управления экологизацией производства в рамках установленных государством и экологическим правом (как завершенное экологическое единство ресурсного и природоохранительного права) нормативов на использование природных ресурсов (возобновляемых и не возобновляемых), нормативов на производство отходов разного класса и негативного влияния на состояние качества среды. А это означает, что бизнес обязан за всё платить. При этом цена платежей должна определяться стоимостными затратами на воспроизводство природных ресурсов и качества окружающей среды в рамках естественного ассимиляционного потенциала их воспроизводства конкретного природохозяйственного комплекса (не больше и не меньше), а не формироваться произвольно.

В рамках системного подхода в предмете формируются взаимозависимые связи между смыслом «экологичный», «экономичный», «сбалансированный обменными процессами принцип получения максимальной прибыли на вложенный капитал при условии минимизации давления на окружающую среду и сбалансированного использования природых ресурсов».

В последнее интегрируется представление о том, что использование одного не должно отрицательно влиять на другой вид природного ресурса и качество окружающей среды. При этом бизнесу подаётся сигнал «о завершенности экологического единства между используе-

[322]Дегазационная теория глобальных катастроф в интерпретации д.г.-м.н. В. Сыворткина. https://regnum.ru/analytics/author/vladimir_syvorotkin.html.

мыми природными ресурсами и качеством окружающей среды». То есть платить не только за нерациональное использование природных ресурсов, но и за негативное воздействие на окружающую среду. Отсюда он также должен иметь представление о необходимости платы только за антропогенный фактор влияния на ресурсы и окружающую среду, но не за естественный процесс их изменения состояния.

2. В системной связи «государство и бизнес» ужесточение во времени норм на природопользование определяется необходимостью учёта экологических коэффициентов в рамках соотнесения их величины с ассимиляционным потенциалом природохозяйственного комплекса.

Государство при этом должно давать сигнал бизнесу, что стоимость всех платежей за пользование природными ресурсами и природоохранных мероприятий должна быть меньше стоимости новейших (доступных) современных технологий по переработке отходов (либо их субсидировать из экологических фондов, либо диверсифицировать затраты). В противном случае бизнес никогда не будет внедрять новые и современные технологии. При этом бизнесу открывается путь к созданию природоподобных технологий, отдавая предпочтение энергетическим затратам самой природе.

3. Философия подачи предмета должна включать в себя необходимость интеграции знания о сущности предмета в необходимые и достаточные междисциплинарные связи, определяющие целостность его самоорганизованной сущности. Т.е. экологическая политика не должна быть оторвана от экологичной сущности производства, от взаимообусловленных связей экобезопасности, экономичности, социальности, будущности состояния экосистем и времени существования самого человека.

4. В рамках существующих экологических, экономических, социальных парадигм и акцента на ускоряющийся во времени процесс изменения качества окружающей среды и природных ресурсов необходим учёт не только антропогенных, но и естественных факторов. При этом возникает новая парадигма, определяющая место хозяйственной деятельности человека в биосфере и разума как такового. Сущность новой парадигмы должна заключаться в следовании фундаментальным законам эволюции, т.е. приспособительности разума (его хозяйственной деятельности) к изменяющимся условиям среды, а не пытаться находить механизмы влияния на скорость её изменения искусственно и вне природоподобных технологий. При неизбежной необходимости управления отходами производственно-хозяйственной и социокультурной деятельностью.

5. Глобальное мировоззрение на место человека в природе должно исходить из необходимости рассматривать его деятельность как разумную (не стихийную и случайную), связывающую её с фундаментальными законами природы.

Разум в своей эволюции способен не только быть частью природы, но и противостоять вырождению жизни, предотвращению вырождения самого себя и противостоять нарастанию энтропии в окружающем его мире.

Шугайло И.В.,
канд. филос. наук, доц.,
доц. кафедры межфакультетских дисциплин
СЗИУ РАНХиГС (г. Санкт-Петербург)

РОЛЬ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Лингвострановедческий аспект в обучении любому иностранному языку и, в частности, английскому, как наиболее востребованному в практике международного общения, является чрезвычайно актуальным на любом этапе изучения иностранного языка. Задача современной педагогики – расширять кругозор учащегося, способствующий активному познанию мира и успешному вхождению в иное культурное и языковое пространство. Изучение страноведческого материала, знакомство с визуальными материалами помогают развивать интерес к культуре, истории, этикету других стран, дают понимание «инаковости» другого человека и другой культуры[323].

Начиная с обучения детей 3-7 лет, в рамках занятий в игровой форме учат английские песенки и игры разных народов, проводят игры «английские трапезы и обычаи», смотрят мультфильмы и слушают аудиокниги. Уже учащиеся школ, техникумов, а, тем более, вузов, могут читать статьи и книги по страноведению, осваивать авторские стили, смотреть фильмы на иностранном языке и мн. др. в рамках самостоятельной работы.

В связи с тенденциями широкого распространения английского языка как глобального знакомство со страноведческими материалами становится все более востребованным. На современном этапе увеличивается необходимость включения в изучение материалов не только по истории и культуре Великобритании и Америки, но также Австралии,

[323] Шугайло И.В. Визуальное как новый язык коммуникации в глобализированном мире // Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 226 – 229.

Новой Зеландии, ЮАР, Канады, Мальты, Индии и других стран, говорящих на английском языке.

Знакомство с культурой страны изучаемого языка было одной из главных задач ученика еще со времен античности. Преподавание классических языков не мыслилось без комментариев исторического контекста, традиций культуры и т.д. Пожалуй, лишь при изучении «мертвого» языка, латыни, таких комментариев было меньше всего, хотя вопросы словообразования имели место и здесь.

В преподавании живых языков с конца XIX в. на первое место наряду с устной речью выдвигается ознакомление с культурными реалиями стран, с авторскими особенностями текстов. Особенно это характерно для немецкой лингводидактической школы. В нашей стране различные сведения о том или ином государстве, стране, которые даются учащемуся в процессе обучения языку, принято называть страноведением.

Когда наряду со страноведением присутствует анализ диалектов и особенностей языка и культуры страны, имеются более разносторонние лингвистические и фонетические комментарии, этот подход называют лингвострановедением. В Германии нечто аналогичное получило название культуроведения, в Америке существуют курсы «Языка и территории» (language and area), во французской лингвистической школе бытует понятие «язык и цивилизация», а в рамках «Культурной антропологии» (некого аналога нашей «Культурологии») изучаются исторические основания рождения диалектов и смерти языков.

С развитием лингвострановедения переосмысливают и современные процессы зарождения сленгов и жаргонов. Так, на примере исторических данных о переселении ирландцев на территорию Америки ученые лингвисты выяснили определяющее влияние ирландских слов, в частности, гэльского языка, на появление жаргонных выражений американского английского языка[324]. В процессе ассимиляции многие слова ирландского разговорного языка стали чем-то вроде тайных слов для выявления «своих». А многие жаргонизмы андеграунда впоследствии стали частью англо-американского языка. Таким же образом некоторые слова и фразы иммигрантов постепенно входили в английский язык, дополняя его новыми красками и оттенками смыслов. Обогащающую роль вносили и национальные игры, которые входили в англоязычное общество как элемент времяпровождения и структурирования времени. А.Н. Щукин, например, подчеркивает, что иностранный язык нужно изучать в сопоставлении с родным, тем самым,

[324] Daniel Casidy. How the Irish invented slang; The secret language of the crossroads. Counter Punch and AK Press, 2007. 303 p.

углубляя осмысление корней культуры. При этом объектом рассмотрения выступает язык как носитель культуры[325]. Современный английский язык обогащается словами и фразами из местных анекдотов, а фразовые глаголы и идиомы также неотделимы от истории местной литературы[326].

Проблематика лингвострановедения делится на два типа: лингвистическая и методическая. Лингвистические вопросы касаются анализа единиц языка с целью выявления национально-культурного смысла, заключенного в них: безэквивалентная лексика, невербальные средства общения, фоновые знания, характерные для культуры изучаемого языка, языковая афористика и фразеология. Методические вопросы касаются приемов введения, закрепления и активизации специфичных для изучаемого языка единиц национально-культурного содержания, извлекаемых из изучаемых текстов. При этом важно выявление корней заимствованных слов на появления неологизмов и осмысления by words (слов с близким содержанием). Термин «лингвострановедение» стал трактоваться как методическая дисциплина, воспроизводящая в учебном процессе сведения о национально-культурной специфике речевого общения носителя языка с целью обеспечения коммуникативной компетенции[327]. Акцент стал делаться на том, что изучающий иностранный язык должен знать тексты иностранной культуры. После «перестройки» открывается новая специальность «Менеджер по туризму» в ряде средних специальных и высших заведений России, требующая знаний по страноведению и лингвострановедению у обучающихся по этому профилю. В образование включают «Лингвострановедение» и «Страноведение», которые, к сожалению, в связи с «оптимизацией» сократили. Многие аспект чужой культуры стали изучаться в рамках истории экономики в традициях французской «школы анналов».

Тем не менее, лингвострановедение породило широкий круг проблем, над которыми в настоящее время работают ученые из разных областей знаний: лингвисты, филологи, антропологи, историки, психологи, психолингвисты, социологи, социолингвисты, практики-экскурсоводы, писатели и преподаватели иностранных языков. Учитывая многообразие языковых форм английского языка и возросшие возможности путешествовать по всему миру для русского человека, линг-

[325] Щукин А. Н. «Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для вузов», М.: Высш. шк., 2003. – С. 34.

[326] Symons Mitchell. There are Tittles in this title; The Weird word of words. London: Michael O'Mara Books Limited, 2014. 192 p.

[327] Прохоров Ю. Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение. Теория и практика обучения русскому языку как иностранному. М., 1996.

востроведческий подход видится чрезвычайно актуальным. Читая курс лингвострановедения в течение ряда лет, могу утверждать, что страноведение повышает мотивацию к изучению иностранного языка, желание и возможность путешествовать. Последнее, безусловно, показывает необходимость говорить именно на английском языке как одном из наиболее распространенных, наряду с испанским, китайским, французским. Посещение ряда музеев мира также видится невозможным без умения читать и бегло переводить надписи. Любители экскурсий сразу понимают важность восприятия беглой английской речи на слух. При общении с другими людьми возникает необходимость знать традиции, этикет, элементы культурного взаимодействия.

До сегодняшнего дня лингвострановедение разработано в большей степени как методика преподавания русского языка иностранцам. В связи с тем, что по материальным причинам преподаватели иностранных языков не могут изучать языки за рубежом, в большинстве своем, общие положения лингвострановедения развиты больше, нежели прикладные его аспекты. Посещения же языковых школ, устроение стажировок и обменов студентами видится актуальнейшей задачей современного образования. На примере Санкт-Петербурга могу утверждать, что первоисточники из таких стран как Новая Зеландия, Австралия, Индия, Мальта, ЮАР представлены крайне мало в наших книжных магазинах и библиотеках. В провинциальных городах существует еще больший дефицит этой литературы. Наличие учебников по лингвострановедению, включающие сведения не только по культуре и языку Великобритании и США, но и других англоговорящих, ощущается насущной проблемой современного образования.

В рамках лингвострановедения важно знать и различать стили языка: высокий, средний, низкий с особенностями их языковых норм. Лингвострановедение ставит своей задачей изучение языковых единиц, отражающих национальные особенности культуры народа – носителя языка и среды его существования. Некоторые фразы невозможно понять так, как их понимает носитель языка. Это ощущается при чтении художественной литературы, прессы, при просмотре кино и видеофильмов, при прослушивании песен и др.

В настоящее время лингвострановедческий аспект должен становиться частью уроков иностранного языка, особенно в старших классах средней школы, в школе с углубленным изучением языка, в техникумах, в вузах, воспитывающих менеджеров по туризму и регионоведов. Широкий культурологический фон, создаваемый такими уроками, будет способствовать приобретению дополнительных лингвистических навыков и умений. Через применение лингвострановедческого

подхода создаются предпосылки для иного восприятия языка как составной части всей духовной жизни общества. Изучение языка уже не представляется ученику механическим процессом заучивания новых слов и грамматических правил. Такой подход позволяет снять многие трудности, типа сложностей с переводом, незнанием специальных слов, с которыми сталкиваются учащиеся, обеспечить большую свободу в общении с представителями различных стран.

Среди основных приемов внедрения лингвострановедения можно выделить наиболее популярные, типа:

а) просмотр фильмов по истории страны на английском языке,

б) просмотр фильмов по истории страны на русском языке,

в) прослушивание лекции с презентацией и аудиокниг;

г) комментирование видео (в т.ч. уроков носителей языка);

д) просмотр видеокниг с переводом учащихся;

е) просмотр мультфильмов и отрывков из фильмов с переводом учащихся и комментариями преподавателя.

В содержание обучения лингвострановедению включаются следующие компоненты: изучение страноведческих тем, связанных с общими сведениями об англоговорящих странах; с их историей и географией; общественными и социальными отношениями в этих странах; политической системой; обычаями и системой ценностей; экономическими, хозяйственными и культурными связями; окружающей средой; средствами массовой информации; проблемами иммиграции; жизнью элит и т.д.

Сегодня стала больше осознаваться необходимость учитывать весь сложный комплекс школьных условий обучения – отсутствие англоязычной среды, естественной потребности у обучаемых в практическом применении иностранного языка, наличие у школьников даже одной возрастной группы разных психологических и когнитивных способностей. В целом, лингвострановедческий подход к обучению решает ряд важных задач, таких как: воспитание эрудированной языковой личности, расширение культуры и кругозора учащегося, проблему адаптации к реальной языковой практике, увеличение креативности обучающегося.

Серова Н.В.,
канд. филос. наук, доц. ГМУ им. адм. Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск)

О ДИДАКТИЧЕСКОЙ РОЛИ ПОЭЗИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ

Современные исследователи отмечают глубокую содержательную связь между философией и поэзией, подчёркивают очевидное тематическое сродство между ними, а также обращаются к поэтическому творчеству выдающихся философов, среди которых – М.В. Ломоносов, К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, В.С. Соловьёв, А.Ф. Лосев, Ф. Ницше и многие другие. В данной статье нас интересует вопрос о том, может ли поэтическое творчество стать частью методики преподавания философии в учебном процессе, в какой форме это должно было бы проходить и какие результаты могут быть при этом получены.

О взаимосвязи философии и поэзии В.В. Розанов писал: «На мой взгляд, плох тот человек, который не писал стихов; и плоха та философия, в которой ни одна часть не просится в стихи»[328]. В.В. Розанов видел отношение философии и поэзии именно в том, что первая предоставляет некое содержание, которое затем воплощается в художественном слове поэзии. Однако не всякий стих создается таким образом и будучи таковым вовсе не лишён самостоятельного содержания. Тем не менее, эта мысль о поэзии и философии В.В. Розанова имеет, на мой взгляд, и иное прочтение.

Сравнивая особенности духовно родственных видов деятельности, И.Н. Сиземская отмечает, что поэзия и философия взаимодополняют друг друга и интенционально взаимосвязаны. Интенциональная взаимосвязь поэзии и философии выражается в том, что «философская рефлексия является в одинаковой мере («наравне») с образностью мышления глубинным источником вдохновения, она пронизывает поэтическое творчество и присутствует в нем как его некоторый обязательный, содержательнообразующий элемент...»[329]. Из этого не следует, как далее отмечает автор, что предназначение поэзии состоит лишь в выражении абстрактных идей. Она способна не только облекать их в формы художественного слова, но и самостоятельно продуцировать новые идеи и, кроме того быть катализатором новых идей. Характеризуя творчество философов-поэтов, И.Н. Сеземская указывает на то, что «у них художественный образ, не лишенный поэтической яркости и

[328] Розанов В.В. Полное собрание сочинений в 35 томах. Серия «Литература и художество» в 6 томах. СПб.: Росток. 2014, с.713.
[329] Поэзия как жанр русской философии. Сост. И.Н. Сиземская. М.: ИФРАН. 2007.

лирической музыкальности (т.е. самодовлеющего значения), выступает как определенный символ отвлеченной мысли, двигающейся к постижению глубин мироздания»[330]. Отношение взаимодополняемости выражается в том, что оба вида духовной деятельности человека обладают творческим характером и исходят из творческого созерцания, но если для философии оно необходимо как отправная точка для последующей рефлексии, то для поэзии оно не имеет обязательного значения. Творческий характер поэзии и философии выражается, прежде всего, в нацеленности на открытие и на всеобщее постижение мира. Однако они совершаются разными путями и средствами: поэт схватывает скрытые смыслы бытия, руководствуясь вдохновением и благодаря интуиции; философ же «мучительно и долго добирается до их сути по ступеням умозаключений...»[331]. Взаимодополняемость философии и поэзии состоит, таким образом, в том, что они соучаствуют в едином процессе открытия новых смыслов и обогащают этот процесс тем, что выводимые из небытия истины философия выражает в понятийной форме, а поэзия — в художественных образах.

В поиске точек соприкосновения между философией и поэзией, А.И. Столетов приходит к выводу о том, что общим для них является язык, благодаря которому обоснуются философские идеи и создаются поэтические образы. «И философия и поэзия, – пишет А.И. Столетов, – творятся посредством языка. Вне сферы языковых форм они просто не могут существовать»[332]. Ключевой в этом суждении является мысль о том, что поэзия и философия именно творятся посредством языка и в том автор видит их отличие от иных форм речи, в том числе и обыденной. А.И. Столетов отмечает и различие между ними, состоящее в том, что поэзия не является логической мыслью в чистом виде, но всегда только образной мыслю, обращенной не столько к разуму, сколько к чувствам людей. На мой взгляд, творческий характер поэзии и философии, созидаемых посредством языка, проявляется не только в чувственности образов одной и доказательности аргументов другой, но в производстве новых слов. Потому что посредством них открываются ранее не известные грани бытия человека.

В суждениях об отношении поэзии и философии обоих авторов следует подчеркнуть одну общую для них мысль об их различии соответственно как некоего образного, наглядного, связанного с опытом чувственных переживаний человека мышлением и мышлением

[330] Поэзия как жанр русской философии. Сост. И.Н. Сиземская. М.: ИФРАН. 2007, с. 7.
[331] Там же, с. 9.
[332] Столетов А.И. Философия и поэзия: точки пересечения // Вестник ТГПУ 2007. Выпуск 11 (4). Серия Гуманитарные науки (философия), с.19.

абстрактным, логическим и никак не связанным с миром человеческих чувств. По моему мнению, равно как стихотворения имеют логический смысл, так и философские произведения (часть которых написана вовсе не форме трактатов, но афоризмов, диалогов и поэм) не отвлечены от мира человеческих переживаний и в целом жизненного мира человека. Философские тексты отличаются не меньшей метафоричностью и образностью, нежели стихотворения. Они побуждают человека не только мыслить, но обращаться к собственному внутреннему миру, чувствовать и сопереживать. Так же как мы понимаем чувства, переживаемые в стихотворении, мы сопереживаем понятому в философских произведениях.

Авторы согласны в том, что поэзия не имеет никакого дидактического значения для философии. И.Н. Сиземская полагает, что дидактическая роль поэзии должна была бы состоять в выражении «отвлечённых мыслительных схем»[333], но поэзия не ставит перед собой такой задачи. Если же стихотворение и выражает некую философскую идею, от этого многое теряет в качестве художественного произведения и его поэтические образы превращаются в символы абстрактной мысли. Мнение о том, что философская поэзия не имеет дидактического значения в процессе философствования, высказывает А.И. Столетов. Он полагает, что она ни чему не обучает, так как не содержит готовых ответов, и она не имеет ценностного значения, так как не содержит рефлексивного отношения человека к его собственному внутреннему опыту. Если мы будем игнорировать тот факт, что философские идеи, побуждают человека не только их осмыслить, но и пережить в своем внутреннем опыте, то мы не заметим, как они же подведут его к решению об изменении не только своих взглядов, но и образа жизни в целом. Тогда было бы правильным отрицать дидактическую роль поэзии в философии. Если мы будем разграничивать философию и поэзию как сферу логической мысли и сферу экспрессивной чувственности, то и сама возможность философской поэзии окажется под сомнением. Более того мы так и не выйдем за рамки представлений классической метафизики о человеке исключительно как мыслящем субъекте вне его индивидуального жизненного опыта и этот опыт останется неизвестным и неизученным.

Эта проблема стала ведущей темой творчества Э. Гуссерля, показавшего всю значимость и многообразие проявлений жизненного опыта личности. «Опыт как личный habitus, – писал Э. Гуссерль, – есть осадок совершённых в течение жизни актов естественного опытного

[333] Поэзия как жанр русской философии. Сост. И.Н. Сиземская. М.: ИФРАН. 2007, с. 7.

к ней отношения. Он обусловлен по существу своему тем, в какой форме личность как вот эта особая индивидуальность допускает мотивацию своих действий актами своего собственного испытания, а равным образом и тем, в какой форме допускает она воздействие на себя со стороны чужих и унаследованных опытов, обнаруживающихся в признании или отклонении их ею»[334]. Жизненный опыт личности разнообразен и проявляется в качестве теоретического, практического, религиозного и аксиологического опыта, в свою очередь связанных с многообразием палитры её индивидуальных переживаний. В нём отражаются следствия влияния окружающего мира, опыта других людей, а также отношение самой личности к этим воздействиям. В результате формируются особые черты характера, воззрения и намерения человека, без которых он уже не мог бы быть самим собой. Мы не можем отделять чувственную сторону личности от её логических способностей и ценностных предпочтений. Полагать, что какие-либо виды её деятельности способны отображать одни, игнорируя другие, было бы ошибочно. Мы можем лишь исследовать то, каким образом разные виды человеческой деятельности помогают формировать особые способности, образующие личный опыт человека.

Впервые с методикой «Философских игр для детей и взрослых» я познакомилась благодаря посвящённой этой теме работе Л.Т. Ретюнских[335]. В ней были описаны разные методики и виды философских игр. Некоторые из них я включала в практические занятия по философии. Разумеется «игровое бытие»[336] погружало в особую атмосферу и побуждало студентов проявлять заинтересованность в изучении отрывков из философских текстов и раскрывать свой творческий потенциал в реализации понятого ими смысла в виде рисунков, составления диалогов, в написании стихов. Как показала практика применения данной методики, наибольший интерес у исполнителей и у слушателей вызывало задание написать стихотворение по тематике прочитанного ими отрывка из философского текста. Конечно, стихи по своей литературной значимости были очень разные. Но в данном случае ценен был сам опыт их написания и тот эффект, который следовал после их прочтения перед другими студентами. Если первоначально этот метод обучения вызывал у студентов некоторые опасения и нежелания (видимо в силу инертности или внутренней скованности), то к концу семестра ситуация существенно изменялась.

[334] Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Философия как строгая наука. М.: АСТ. 2000, с. 726.
[335] Ретюнских Л.Т. «Школа Сократа»: Философские игры десять лет спустя. М.: Изд-во Московского психолого-социального института. 2003. 208 с.
[336] Там же, с. 3.

Написание стихотворения на заданную философскую тему, обозначенную в отрывке, часто было похоже на откровение души, что делало очевидным и глубину понимания прочитанного, и сопереживание представленной в отрывке теме (философской идее), и внутреннюю потребность души высказать собственное отношение к ней. И именно это выраженное пусть не в самой привычной для философии форме поэтического произведения отношение должно стать содержанием жизненного опыта студента. Потому что он не только прочитал и понял философский текст, но сформулировал собственный ответ на обозначенные в нём вопрошания. В связи с тем, что поэзия способствует формированию жизненного опыта человека и подвигает его к экзистированию, вырывая его из обычного хода жизни в соответствии с расхожими мнениями, необходимо признать её дидактическую роль в философии. Она обучает человека не только пониманию философских идей, но научает опыту обретения собственного бытия, без чего жизнь оказывается пустой и бессмысленной. «На вопрос, – писал В.В. Розанов, – почему люди пишут стихами, а не прозою, можно, действительно, дать этот общий ответ, что стих и есть особенная и новая форма для содержания тоже особенного и нового»[337]. Философия открывает человеку новый для него жизненный опыт и предлагает ему узнать себя с иной стороны. Поэзия же помогает ему выразить себя и найти единомышленников. В личном опыте человека, формируемом под влиянием философии и поэзии, находится место и высоким чувствам и глубоким философским идеям. Этот духовный опыт останется с человеком на протяжении всей его жизни и, возможно, будет определять его решения.

[337] Розанов В.В. Полное собрание сочинений в 35 томах. Серия «Литература и художество» в 6 томах. СПб.: Росток. 2014, с.713.

Гдалевич И.А.,
канд. юр. наук, доц. кафедры теории и философии права,
Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ) (г. Таганрог)

ТИПОЛОГИЯ ПРАВОПОНИМАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Соотношение права и морали как форм культуры издавна занимала умы многих мыслителей. Данная проблема была объектом многочисленных философских, правовых и социологических исследований. Но на вопросы: «Всякое ли нарушение норм права является аморальным поступком? Всегда ли злоупотребление правом считается неправомерным поведение?» так и не был дан однозначный ответ. Однако именно право должно способствовать утверждению идеалов свободы, добра, справедливости в обществе, укреплять законность. Еще Цельс считал, что право есть искусство добра и справедливости. Данное утверждение можно рассмотреть через призму концепции злоупотребления правом, которая позволит увидеть право во всех ее проявлениях.

Взаимосвязь злоупотребления правом с различными типами правопонимания позволит проанализировать некоторые важные аспекты, касающиеся сущности и особенностей злоупотребления правом. Трудно спорить с тем, что на практике количество злоупотреблений правом возрастает, а в юридической науке эта проблема остается весьма неоднозначной и дискуссионной. Связано это с тем, что злоупотребление правом выражается в искажении назначения права, в противопоставлении буквы закона его духу и т.д. Создается ситуация, когда субъект права поступает в соответствии с законом, но по существу – вопреки ему. В буквальном понимании термин «злоупотребление правом» означает «употребление права во зло в тех случаях, когда управомоченный субъект обладает субъективным правом, действует в его пределах, но наносит какой-либо ущерб правам других лиц или обществу в целом»[338].

В целом, в современной юридической литературе существует два противоположных мнения по вопросу о злоупотреблении как правонарушении[339].

Так, В.М. Корельский и В.Д. Перевалов считают, что понимание злоупотребления правом в качестве правонарушения не вполне адек-

[338] Теория государства и права/Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 1997. С.413
[339] Теория государства и права /Под ред. А.Ф. Черданцева. М., 1999. С. 319

ватно отражает его содержание. Правонарушение – это виновное противоправное общественно вредное деяние[340]. Однако, злоупотребляя правом, субъект действует в рамках предоставленного ему субъективного права, противоправность как основной юридический признак здесь отсутствует. Причем, злоупотребление не связано с нарушением конкретных запретов, невыполнением обязанностей (что характерно для правонарушения). В общем виде недопустимость злоупотребления правом закреплена в ст. 10 ГК РФ. В исключительных случаях, когда степень общественной опасности злоупотребления правом велика, законодатель определяет его как правонарушение. Таковы, например, ст. 201, 202, 285 УК РФ, ст. 284, 285, 293 ГК РФ, ст. 69 СК РФ.

В.М. Корельский и В.Д. Перевалов считают, что «отрицание противоправности злоупотребления правом не дает оснований и для характеристики его как поведения правомерного, ибо последнее всегда социально полезно. Полагаем, что данный феномен нужно рассматривать как самостоятельный вид правового поведения»[341]. Предполагается, что в данном варианте не наступает юридическая ответственность, а только признается недействительность последствий злоупотребления правом.

В настоящее время перед теорией права стоит задача разработки такой концепции правопонимания, которая могла бы дать теоретически обоснованные критерии злоупотребления правом и, тем самым, определить границы для законодателя и правоприменителя. В этом плане, следует рассмотреть различные типы современного правопонимания, но прежде необходимо определить понятие «тип правопонимания» в качестве специфического вида научной парадигмы, в рамках которой возникает и развивается конкретный теоретико-методологический подход к формированию образа права и его основных признаков, отражающий то или иное видение проблемы. В соответствии с таким определением в основание классификации типов правопонимания нами будет положена методология анализа права, позволяющая выделить позитивистский и непозитивистский типы правопонимания, в рамках которых развиваются различные концепции права.

Позитивистский тип правопонимания основан на методологии классического позитивизма как особого течения социально-философской мысли, суть которого состоит в признании единственным источником знания конкретных, эмпирических данных, установленных путем опыта и наблюдения, в отказе от рассмотрения метафизических вопросов, в том числе от анализа сущности и причин явлений и про-

[340] Теория государства и права/Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 413.
[341] Там же. С. 414.

цессов. Исторически первым и основным по своей значимости направлением позитивистской юриспруденции является легистский подход к пониманию права, в рамках которого право отождествляется с законом, т.е. (слово «закон» используется в широком смысле, включающем в себя судебный прецедент и правовой обычай). Таким образом, для данного подхода характерно злоупотребление законом.

Позднее сложилось социологическое[342] направление позитивистского правопонимания. Развитие социологического правопонимания, сторонники которого всегда выступали с резкой критикой легизма, в значительной мере явилось реакцией на усиление позиций легистского подхода к праву в юридической теории и практике. И хотя с точки зрения методологии исследования социологическое правопонимание, так же как и легизм, оставалось в рамках позитивистского подхода, ограничивая сферу своего научного интереса лишь уровнем эмпирического анализа (т.е. наблюдаемым правом), право толковалось им уже не как система нормативных предписаний государственной власти, а как факт социальной жизни.

Е. Эрлих в «Основах социологии права» отмечает, что право коренится не в текстах законов, а в жизни: «Центр тяжести развития права в наше время, как и во все времена, - не в законодательстве, не в юриспруденции, не в судебной практике, а самом обществе»[343]. Далее он пишет, что исходные начала права следует искать в обществе, в образующих его объединениях и союзах, таких как семья, торговые товарищества, община и само государство. Таким образом, можно сказать, что в социологическом типе правопонимания злоупотребление законом невозможно, а допускается возможность злоупотребления в социальной жизни.

Одним из направлений позитивного правопонимания является исторический тип правопонимания. Данный тип правопонимания возник как противовес теории естественного права, из которой вытекали демократические и революционные идеи, призывы к коренному изменению существующего со средних веков политико-юридического строя и принятию законов, отвечающим «требованиям разума», «природе человека».

В отличие от естественно-правовой теории права, историческая школа права обращается к реальным процессам возникновения права. «Действующее в государстве право, как утверждают авторы исторического типа правопонимания, совсем не сводится к совокупности законов. Право возникает спонтанно, не создается законодателем, а разви-

[342] Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 48.
[343] История политических и правовых учений /Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1998. С. 678.

вается подобно языку народа, его манерам и физическим характеристикам людей. Так же, как и язык, право, по мнению К. Савиньи, вырастает из национального духа, народного сознания. Никакой законодатель не в силах остановить или изменить это развитие права. Савиньи утверждал, что право первоначально «заключается» в сознании народа и только по мере развития культуры начинает разрабатываться юристами. Таким образом, юристы не являются творцами права – они лишь выражают национальное самосознание. Делается вывод, что нормальный путь развития права – естественный рост, а не революция или установления»[344]. Представители исторического подхода к праву утверждают, что злоупотребление правом возможно в случае несоответствия существующим в обществе установкам правового сознания и правовой культуры, не противоречия принятым обычаям, традициям, канонам.

Непозитивистское правопонимание с точки зрения методологии своего подхода к анализу права исходит из представления о наличии идеального правового критерия, позволяющего оценивать правовую природу явлений, наблюдаемых на эмпирическом уровне. В рамках такого типа правопонимания можно выделить два основных направления - естественно-правовое и философское понимание права. Для естественно-правового подхода таким критерием оценки позитивного права является не теоретическое представление о сущности права, а естественное право, выступающее одновременно и как некий идеал, и как реально существующее подлинное право, которому должно соответствовать действующее законодательство.

Естественно-правовой подход исходит из признания естественного права, которое противопоставляется праву позитивному. Для сторонников естественно-правовых идей естественное право – это единственно настоящее право, коренящееся в объективной природе, в природе человека, в «природе вещей» и т.д. Данный подход воплощает начала разумности, нравственности и справедливости. В отличие от него позитивистское право рассматривается как отклонение от естественного права, как ошибочное или произвольное установление людей. Согласно такому подходу, собственно правом является только естественное право, а злоупотребление возможно естественным правом. Таким образом, в естественно-правовом подходе происходит смешение права с неправовыми явлениями – моралью, нравственностью, религией и т.д., отсутствие четкого критерия отличия права от всего неправового.

[344] Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Тимошенко И.В., Шапсугов Д.Ю. Теория государства и права. Ростов н/Д. 2003. С. 433.

Философский подход определяет сущность права как критерий оценки и правового качества закона, и правовой природы естественных прав в отличие от позитивистского и естественно-правового подходов к праву. Закон, не соответствующий правовой сущности, носит неправовой, произвольный характер.

Наиболее последовательное развитие философское понимание права получило в рамках либертарной концепции правопонимания. Данный тип правопонимания, в основе которого лежит различение права и закона и трактовка права как всеобщей формы и равной меры свободы индивидов[345], начал формироваться в российской теории права с середины 70-х гг. в острой полемике с позитивистским подходом к праву. Автор либертарной концепции правопонимания В.С. Нерсесянц под сущностью права понимал формальное равенство, раскрываемое как единство трех составляющих: всеобщей равной меры регуляции общественных отношений, свободы и справедливости. Согласно такому подходу право как специфическая форма общественных отношений людей по принципу формального равенства – это абстрактно равная и одинаково справедливая для всех мера (масштаб) свободы[346].

Либертарный подход предполагает различение и соотношение права и закона – от разрыва и противостояния между ними (в случае антиправового, правонарушающего закона) до их совпадения (в случае правового закона). В данном подходе происходит различение права и закона как необходимое основание для адекватного понимания смысла их соотношения и, в конечном счете, их надлежащего синтеза в форме правового закона (позитивного права). Таким образом, в данном подходе возможно злоупотребление правом и законом.

Как справедливо отмечает Ж.-Л. Бержель: «Есть случаи, когда какие-то лица по форме соответствуют существующей правовой системе, но, придавая своим действиям полную видимость юридической правильности, на самом деле используют свои права, отдельные правила или институты в целях противоположным тем, которые преследуются позитивным правом. То есть они следуют букве права, но нарушают его дух, – далее он отмечает, – если, не нарушая материальных границ своего права, индивид использует его в ущерб другому индивиду; если, соблюдая букву закона, он нарушает его дух, тогда говорят, что он злоупотребляет своими правами, но никак не употреб-

[345] Нерсесянц В.С. Различение и соотношение права и закона как междисциплинарная проблема. М., 1973. С. 58.
[346] Нерсесянц В.С. Юриспруденция. М., 1998. С. 33.

ляет его на пользу, и такое злоупотребление не может иметь юридических оправданий»[347].

«Либертарное правопонимание, по мнению В.В. Лапаевой, может стать логически последовательной концептуальной основой для соединения различных типов правопонимания»[348].

Клочков В.В.,
канд. ист. наук, доц.,
ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В последнее время все чаще говорится о том, что отечественное социогуманитарное знание переживает глубокий методологический и эпистемологический кризис. Действительно, в последние четверть века, когда в отечественной гуманитарной науке (в данном случае я буду говорить, главным образом, о политической философии и о тех науках, которые знаю близко: истории, социологии и праве) были предприняты попытки свободного от идеологических установок осмысления ее объектов, обнаружилось, что методология исследования не отвечает современным представлениям о критериях научности гуманитарного знания[349].

Возникновению дискуссии о кризисном состоянии эпистемологии гуманитарного знания в современной России способствуют два важных обстоятельства. Позитивный отказ от использования диалектики как универсальной методологии гуманитарного знания сопровождается парадоксальным методологическим регрессом, который проявляется в стремлении сохранить привычную позитивистскую парадигму социогуманитарного исследования. С другой стороны, кризис эпистемологических оснований в отечественной гуманитарной науке развивается на фоне современной методологической ситуации, имену-

[347] Бержель Ж.-Л. Общая теория права/Под общей ред. В.И. Даниленко. М., 2000. С. 441-442.

[348] Лапаева В.В. Различные типы правопонимания: анализ научно-практического потенциала // Законодательство и экономика. № 4. Апрель 2006. С. 17.

[349] См.: Пятигорский А. Что такое политическая философия. М., 2017. С. 8-10; Клочков В. В. Артур Джон Бреретон Марвик: междисциплинарные исследования в современной британской историографии и поиск «методологического консенсуса» в истории//Концепт. 2018. Т. 34. https: // e-koncept.ru/bestarticle/2018/participants.html; Соколов М. Российская социология после 1991 г.: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // Laboratorium. 2009. №. 1. С. 23; Демидов А. И. О методологической ситуации в правоведении // Правоведение. 2001. № 4. С. 16-17; Звонарева О. С. О цивилизационном подходе в теории государства и права // Правоведение. 2004. № 1. С. 173-174.

емой постмодерном, когда оказались поставленными под сомнение критерии научности знания как таковые[350].

В итоге складывается весьма интересная с эпистемологической точки зрения ситуация. Бросается в глаза, что в последнее время деградирует общая культура исследования. Так, средний объем научной статьи по праву и социологии сегодня не превышает 5-7 страниц, зачастую (особенно это касается права) с минимальным количеством ссылок, либо вообще без таковых. В статьях по истории и политической философии ситуация несколько лучше, но и она не отменяет того, что из современного социогуманитарного исследования в России практически ушли такие ключевые составляющие, как факт и аргумент. На смену последним, как справедливо отметил ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете (СПб) К. Титаев, пришло «озвучивание позиции»[351]. Неизбежным следствием этого явилось крайне неопределенное представление многих современных «исследователей» об эпистемологических проблемах той отрасли гуманитарного знания, которой они занимаются[352]. Более того, зачастую имеет место грубая и неконструктивная критика коллег, занимающихся непривычными и «непонятными» с точки зрения традиционной парадигмы методологическими изысканиями[353].

---

[350]См. например: Хюбнер К. Критика научного разума. М., 1994. С. 13-17; Baumann Z. Legislators and Interpreters: Essays on Modernity, Post Modernity and Intellectuals. Cambridge, 1987. P. 14. В этой книге известный английский социолог показывает (на примере права) изменение статуса интеллектуалов и науки в целом в эпоху постмодерна: ученый (и наука) превращается из законодателя в интерпретатора.

[351]Медианные 10% рейтингов Science Index российских журналов (по данным РИНЦ) по социологии и праву дают среднее количество страниц в статье за 2016 г. – 6,0, среднее количество ссылок в списке литературы – 5. Наиболее приближен к средним значениям – «Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета»: 6,5 страниц, 11 ссылок: весьма показательно с точки зрения культуры обращения с фактами. См.: Китаев К. Хвост нужно рубить радикально. Интервью изданию «Индикатор.ру» // https://indicator.ru/article/2018/02/05/intervyu-kirilla-titaeva.

[352]Что касается научной аргументации и ее критериев, то характерны результаты опроса, проведенного в 2003 г. среди преподавателей СПб юридического института Генеральной прокуратуры РФ, из которых 7 кандидатов и 3 доктора юридических наук. Большинство сотрудников института от ответа на вопрос о критериях научности юридических знаний отказались, что свидетельствует об отсутствии сформировавшегося мнения. Из 10 опрошенных 5 человек критерии научности юриспруденции связали преимущественно с практической проверяемостью (верификацией) знаний. Двое посчитали главным критерием научности логичность понятийного аппарата. Наличие предмета и метода научного исследования оказались основным критерием научности для 2 экспертов. Кроме того, среди ответов оказались и достаточно неожиданные. Например, к критериям научности отнесены «глубокое знание и честная оценка законов и их применения, выработка рекомендаций по совершенствованию законодательства»; «учение о субъективной и объективной стороне состава преступления» (?); «исследование закономерностей в вопросах правового регулирования общественных отношений»; «объективная потребность, признание учеными и практиками». Один из экспертов на вопрос о том, какие существуют критерии юридической науки как таковой, порекомендовал задающим вопрос обратиться к соответствующей литературе, не указав при этом к какой именно. Данные опроса заимствованы из: Честнов И. Л. Актуальные проблемы теории государства и права: эпистемология государства и права. СПб., 2004. С. 11.

[353] Гревцов Ю. И., Хохлов Е.Б. О юридико-догматических химерах // Правоведение. 2006. № 5. В этой «статье» подвергнута грубой критике коммуникативная теория права А. В. Полякова. См.: Поляков. А. В. Современная теория права. Ответ критикам // Правоведение. 2011. № 6.

Таким образом, главный парадокс российских социальных наук состоит в том, что подавляющее большинство того, что выдается за науки, никакого отношения к научному знанию не имеет вообще. Это диссертации и статьи, которые не являются научными, и это зачастую курсы, которые являются антинаучными. И не потому, что нет таких наук, а потому, что в России они такими сложились. В значительной степени это объясняется тем, что специфика критических методов гуманитарного знания и современные представления о критериях его научности не осознаются отечественными специалистами достаточно отчетливо. Анализ данной проблематики зачастую ограничивается утверждениями об особенностях предмета гуманитарного познания и необходимости его отграничения от предмета естественных наук. Это, конечно, представляет значительный шаг вперед по сравнению с известной методологией диалектических трансформаций и характерного для позитивистской методологии сведения абстрактных размышлений исключительно к анализу опытных данных. В истории методологической мысли это шаг из середины XIX в начало XX в., но логические и методологические особенности гуманитарного познания и определение его познавательных целей, выводимые из разграничения предметов естественных и гуманитарных наук, характерного для неокантианской методологии, по-прежнему остаются без должного внимания.

При этом нужно заметить, что методологическая ситуация в различных областях гуманитарного знания складывается по-разному. Если в юриспруденции в целом пока еще преобладает позитивистская догматика, с трудом воспринимающая отдельные новации коммуникативного и нарративного свойства, в целом характерные для постмодернистской методологии, то в области социологии ситуация в целом более благополучная. Наибольший методологический прогресс в отечественном социогуманитарном знании достигнут на сегодняшний день в области истории, где уже с начала нашего столетия, где под влиянием работ А. Марвика и его коллег постепенно возобладало критическое отношение к постмодернизму как самостоятельному направлению в современной историографии.

Еще в 1994 г., выступая в Казани на конференции «Политическая история на пороге XXI в.», А. Марвик говорил о постмодернистской методологии как крайне ненадежной. «Это просто ряд воображаемых скачков, каждый из которых опирается на предшествующий, заманивающих в ловушку специальным вычурным языком, но никогда не находящих подтверждения в действительности».[354] По просьбе органи-

[354] Marwick A. Concepts and Sources: Seven Modest Rules for the 21st Century // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М., 1995. С. 11.

заторов конференции, в этом докладе А. Марвик сформулировал семь базовых правил методологии исторического исследования, которые, по его мнению, могли бы гарантировать неприкосновенность предметной области исторической науки при использовании междисциплинарных подходов. Эти семь базовых правил таковы:

- цель истории – обеспечивать надежное знание о прошлом;
- любая историческая работа – это всего лишь посильный вклад в это знание, она открыта для критики и совершенствования;
- историки могут обеспечивать знание о прошлом только путем систематического изучения источников, которые являются единственными реликтами и следами прошлого;
- история – это не само прошлое, и тем более не метафизическое размышление о природе последнего, она – знание, полученное историками;
- ясность и точность – это фундаментальные качества профессионального историка;
- общие понятия необходимы историку как для интерпретации источников, так и для изложения результатов своего исследования; они в конечном итоге должны соответствовать тому, что он обнаружил в источниках;
- история должна заботливо оберегать свою автономию как в отношении других дисциплин, так и по отношению к политическим обстоятельствам[355].

В 1993 г. А. Марвик писал: «Главная задача историков состоит в том, чтобы предоставить знание о прошлом, которое бы отвечало социальным потребностям общества и гуманитарным запросам отдельного человека. Единственный способ для этого – исследование источников первого и второго порядка. Никакой историк никогда не предполагает, что любой документ прозрачен, что он – прямое изложение какой-то истины. Напротив, раскрытие подлинных смыслов и связей отдельного документа может стать весьма длительным процессом».[356] Он полагал, что «вопреки постмодернистским фантазиям, профессиональная история принадлежит к совершенно иному классу, нежели романы, рассказы, сочиненные писателями. В них тексты обыгрывают неопределенности и тональности языка. В истории же, напротив, выводы должны быть ясно сформулированы, доказательства тщательно

[355] Ibid. C. 20-21. См. также: Marwick A. Two Approaches to Historical Studies: the Metaphysical (Including «Postmodernism») and the Historical // Journal of Contemporary History. 1995. January. P. 5-34.
[356] Marwick A. «A Fetishism of Documents»? The Salience of Source-based History // The Development of Modern Historiography. New York - L., 1993. P. 107-138.

подобраны, и конъюнктура недвусмысленно отделена от надежно установленного факта»[357].

Столь подробное изложение методологической ситуации, сложившейся в исторической составляющей современного российского социогуманитарного знания представляется оправданным по нескольким обстоятельствам. С одной стороны, оно является наглядной демонстрацией той «методологической дистанции» (от позитивизма до постнеклассики), которая реально существует сегодня в отечественных гуманитарных науках, с другой – порождает необходимость более глубокого, философского осмысления такого положения вещей. Свидетельством последнего стало появление в самое последнее время концепции А. Пятигорского, предложившего адекватный современным эпистемологическим новациям терминологический словарь и методологический инструментарий в области политической философии.

Подобно уже упомянутому А. Марвику, отечественный специалист предложил несколько базовых (критических) эпистемологических установок, обеспечивающих адекватность результатов исследования в области политической философии.[358] Эти установки таковы:

- объектом политической философии является рефлексия о политике, поскольку любая философия (понимаемая в духе Спинозы и Лейбница) постигает свой предмет только через мышление о нем, собственное мышление философа прежде всего;
- предметом политической философии являются ее базовые понятия, которыми могут выступать любые категории, принципиально политически осмысливаемые: вне организованного политического мышления любая политика – пустая абстракция;
- понятия государства, политической власти, революции и войны являются не только ключевыми в политической философии: они становятся таковыми благодаря их абсолютному осмыслению субъектом политической философии;
- субъект политической рефлексии не должен оцениваться в категориях элит, групп или классов, которые есть не более чем социальные конструкты: этот субъект принципиально не определен и фрагментарен, поскольку политическому осмыслению доступны практически любые явления общественной жизни;

[357] Ibid. P. 136.

[358] То, что некритическая (наивная) эпистемология в духе Спинозы и Дж. Локка, полагавших, что истина всегда проявляет себя и у каждого есть надежный критерий для ее обнаружения, может быть источником не только знания, но и невежества, в свое время было прекрасно продемонстрировано К. Поппером. См.: Поппер К. Об источниках знания и невежества. В кн.: Предположения и опровержения. М., 2004. С. 16-59.

• политическая власть при любом ее определении предполагает участие минимум трех субъектов политического действия, из которых один приказывает второму, чтобы третий сделал что-то в интересах первого: это, в свою очередь, означает, что у всех трех есть определенный уровень рефлексии в отношении совершаемого здесь и сейчас.[359]

В качестве итога этого небольшого размышления стоит напомнить, что политическая рефлексия (это относится и к социогуманитарному знанию в целом) есть думание о современном (мне сейчас или кому-то когда-то), и именно в этом смысле оно может стать противовесом невежеству.

Назарова В.С.,
ст. преп. ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

РАЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Коммуникативная теория как методологический конструкт современной теории познания, представляет собой достаточно сложную для научного осмысления проблему. Такое положение связано прежде всего с самим статусом знания и его природой. В отличие от классического способа осмысления, где будущие состояния объекта можно предсказать, коммуникация не является таким формализованным объектом познания. В рамках классической картины мира заявленная проблема вообще не может быть решена, т. к. коммуникация является процессом, итоги которого зависят от сознания субъекта.

Исходя из этого, такой признак научного знания как рациональность, придает коммуникации статус проблемного научного поля, в рамках которого возможно использование различных методологических инструментов. Можно наметить два способа решения обозначенной проблемы. Во-первых, коммуникация приобретает рациональные свойства, если она происходит в соответствии с определенными правилами. Начало такого подхода обозначилось в русле прагматики и логической семантики (Ж. Пиаже, Дж. Келли, Г. Пирс). Второй подход связан с теориями, в которых оправдывается формирование смыслов и значений в процессе коммуникации с помощью методовсоциологического конструктивизма. (Э. фон Глазерсфельд, фон Ферсер, У. Матурана). Исходя из этой позиции, социология трактует свой объект кон-

[359] См.: Пятигорский А. Что такое политическая философия. М., 2017. С. 8 и сл.

структивистски, т. е. все предметы представлены как конструкты, которым приписывается фактическое существование, а не соответствие реальности. Все объекты создаются в деятельности. Субъект познания наделяет определенными смыслами и значениями предмет, исходя из собственной картины мира, а также ценностей и норм.

Конструктивизм как новая парадигма основывается на тезисе о конструктивной природе познания. Сознание может быть обусловлено в этом случае различными социальными феноменами, имеющими языковую или культурно-историческую природу. Однако, такой подход к познанию сопряжен с плюрализмом и альтернативностью выводов. Здесь субъект приобретает активную способность истолковывать как сам предмет и объект изучения, так и те парадигмальные основания на которых основываются выводы познающего субъекта. Такой радикальный конструктивизм влечет за сомнение в однозначности и фактичности познавательной деятельности.

В последние десятилетия XX в. сформировался новый вид конструктивизма – нарративизм, представленный в работах М. Фуко и Р. Харре.[360] Результатами их работы является отождествление научной деятельности с любыми формами символической деятельности, а научного сообщества с литературными группами. Такой поворот к лингвистическо-риторическим формам, несомненно, расширяет возможности и аппарат философии и теории познания. В тоже время формами научного дискурса не могут быть выводы, построенные под влиянием радикального субъективизма.

Как отдельное направление социальный конструктивизм был основан на идеях социальной психологии 70-х гг. XX в. Особую роль сыграло понятие дискурса и отношения между людьми в конструировании ими мира и собственного «Я». Различные конструкции были обусловлены внутригрупповым согласием по поводу того что значимо и ценно. Таким образом, знание в социальном конструктивизме представляет некоторую интерпретацию, которая противопоставлена репрезентации. Ценностное знание в данной парадигме возможно в случае достижения определенных правил созданных в результате дискурса и зависящего от мнения некоторого сообщества, в котором и происходит обсуждение.

Некоторые современные исследователи ставят под сомнение возможности социологических теорий для философии и теории познания. Так, В. Порус считает, что коммуникативный подход в науке по-

[360] Харре Р. Социальная эпистемология: передача знания посредством речи. Вопросы философии. 1992. №9. С.59; Брокмейер К., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29.

влек за собой не только сомнение в достаточности логического рассуждения, но и в его методологической обоснованности. Согласно его позиции, во всех социологических теориях присутствует однонаправленное развитие: принимается исходное понятие коммуникации, а на ее основании строится модель, которая потом расширяется и уточняется.[361]Также В. Порус указывает, что рациональный дискурс может быть рассмотрен исключительно в специфически философском смысле, поскольку сам смысл меняется от дискурса к дискурсу. К примеру, в повседневном дискурсе смысл иной, чем в научной коммуникации. Однако он сомневается в общей продуктивности подобного подхода. Исследователей смысла дискурса в изменчивых условиях (таких как А. Щюц и Н. Элиас) В. Порус называет социологическими конструкторами. Всякий поиск философских (в нашем случае методологических) оснований коммуникативной рациональности сводится автором только к описанию дискурса в социологических категориях. В отсутствие дихотомии субъекта и объекта, независимый от субъекта познания критерий истины отсутствует. Философия в данном случае лишь заимствует у социологии понятий аппарат, а не разрешает проблемы коммуникации. Также В. Порус отмечает, что «сопровождающее этот процесс ослабление критики релятивизма воспринималось скорее как положительный признак, свидетельствующий о «живом развитии» эпистемологии».[362] Однако сколь бы оправданными не представлялись высказанные В. Порусом сомнения, рациональность, по-прежнему являющаяся самостоятельной ценностью европейской культуры, остается ключевой проблемой философии познания и новые методологические поиски тому лишь подтверждение.

Так, особую роль приобретает в современной науке «коммуникативная рациональность». Новые научные ценности, идеалы и нормы науки связанные с идеями постнеклассической науки привели к изменениям самой картины миры, в которой научное знание не обусловлено жесткой природой проверяемости и достоверности. Однако, крайний релятивизм также не может быть новой логикой и методологическим идеалом. Открытия в области лингвистики в начале XX века привели к ряду новых открытий в теории познания. Структурные возможности языка подтолкнули исследователей к методологическим поискам решения сложной проблемы коммуникативного действия и его влияния на научное знание. В отличие от социального конструктивизма в теории познания появились подходы, в которых идея рациональ-

[361] Порус В. Рациональная коммуникация versus коммуникативная рациональность // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. Сб. статей. М.: Институт философии РАН, 2009. С. 29.
[362] Там же. С. 21.

ности по-прежнему является значимой. Так, идея коммуникативного разума, лежащая в основе теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, основывается на предполагаемом согласии между людьми, которые укорены в формальной структуре языка. Язык как медиум общения, то есть некая среда, в которую помещены говорящие субъекты и которая оформляет их мировоззрение – разводит его по уровням объективного, социального и субъективного мировосприятия. В этом смысле коммуникативный разум находится всегда в потенциальном состоянии и актуализируется только в ходе реальных практик общения. Однако, носителем такого разума являются сами субъекты общения. В результате дискурса они приобретают «коммуникативную компетенцию», то есть умение разграничивать в своем сознании перечисленные миры и наделяются способностью критической рефлексии как по отношению к своей позиции, так и аргументах партнеров по диалогу[363].

Однако следует помнить, что языковые принципы не являются единственными признаками коммуникации, которая претендует на рациональную значимость. Они приобрели бы утопический характер, если бы мы не подразумевали акторов и их действия, которые должны и могут следовать этим нормам. Притязания на значимость норм опосредуют некую взаимосвязь между языком и социальным (жизненным) миром. Согласно этике дискурса, принимаемой Ю. Хабермасом за образец коммуникативного действия, норма лишь в том случае может претендовать на значимость, если она охватывает всех, на кого распространяется, и при этом позволяет достичь между ними согласия. Это является основополагающим принципом этики дискурса. Недостаточно также, если норма осмысливается участниками по отдельности. Только процесс достижения интерсубъективного взаимопонимания способен привести акторов дискурса к согласию. В этом случае, участники рефлекторно смогут осознать достигнутый консенсус. Грамматическая форма выражения выработанных в процессе дискурса предположений будет соответствовать нормативным требованиям, запрещая ссылаться на определенные группы или авторитеты.

Но и этого условия не достаточно, поскольку, как отмечает Ю. Хабермас, «моральные нормы должны иметь форму безусловных универсальных предложений долженствования. В другом отношении это требование могло бы оказаться излишне ограничительным, поскольку есть смысл в том, чтобы сделать предметом практического дискурса не-моральные нормы действия, область значимости которых имеет социальную и пространственно-временную специфику и под-

[363] Шачин С. В. Философия франкфуртской школы: от Хабермаса до Либша.: М., 2015 С. 57.

вергнуть их пробному обобщению. Мы не должны принимать этот принцип универсализации за тот, в котором уже выражается основное представление этики дискурса. Согласно этике дискурса, та или иная норма лишь с том случае может претендовать на значимость, если все, до кого она имеет касательство, как участники практического дискурса достигают согласия в том, что эта норма имеет силу. Этот основополагающий принцип этики дискурса.[364]

Исходя из этой эпистемологической установки, в своей концепции Ю. Хабермас создает некую идеальную модель коммуникации, которая включает в себя диалогичность, понимание, критическую рефлексию и взаимное стремление к творческому дискурсу. Первым требованием к рациональному коммуникативному действию, помимо собственно языковых правил, он считает достижение социального порядка в обществе в рамках представленной им модели делиберативной демократии. (Делиберативная демократия опирается на идеал сообщества свободных и равных индивидов, которые в политической коммуникации определяют формы своей совместной жизни). Субъектами коммуникации здесь выступают структуры общественности, которые противопоставляются публичности.[365] Практическое осуществление ключевых положений этой модели зависит от того, носят ли общественные структуры и создаваемые ими негосударственные организации открытый характер[366].

Кроме того, является необходимым определение рациональной дискуссии как той, в которой высказанное акторами суждение обсуждение обстоятельно, квалифицировано и критически обсуждаемо. По мнению Ю. Хабермаса, включенность различных мировоззренческих точек зрения, а не только мнений ученых-специалистов, приводит к полноценному дискурсу. Критически мыслящий философ не связан парадигмой научной дисциплины, но играет в ней ключевую роль как человек способный рассматривать проблему в совокупном культурном контексте. Коммуникативная рациональность обнаруживает свою рациональность тем, что только она способствует взаимному согласию деятельности социальных субъектов. Кроме того, она проявляется в определении локальных контекстов деятельности в функционировании общества в целом и в нахождении той соразмерности личных и общественных интересов, которая тождественна справедливому социальному устройству.[367]

---

[364] Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. С. 106, 273.
[365] Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Институт философии РАН, 1995. С. 194.
[366] Норт Д., Уоллис Дж. Насилие и социальные порядки. СПб., 2011. С. 109.
[367] Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. С.106-180.

Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса может стать базовым онтологическим основанием рационального знания, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что в основе коммуникации нет устоявшихся онтологических, гносеологических или аксиологических принципов. Это своего рода движущееся понятие, которое раскрывается посредством изменения, и потому принципиально не сводимое только к социологическим или каким-то иным правилам.

Сорокин Г.В.,
канд. филос. наук, ДГТУ (г. Ростов-на-Дону)

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ. ПОИСК НОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В истории философской мысли нет однозначного понимания основных категорий политики и идеала социально-политического устройства общества. Кант был за устройство вечного мира, Гегель, а еще раньше Гераклит, утверждали, что "война мать всего". У самых истоков политической философии стоят Платон и Аристотель. Оба были за справедливость, как главную идею, образующую социум, но понимали её по-разному. Платон был против частной собственности, Аристотель за оную. Список можно множить. Но, если многие другие области философской мысли для людей неподготовленных кажутся бесполезными, то область социально-политической философии всегда представлялась важной даже неспециалистам.

Всю видимую историю человечества политические идеологии зарождаются и конкурируют, порождаются социальными течениями и их порождают. Противоречия между социальными группами и проистекающие из этого войны пронизывают историю. Неоднократно в новой и новейшей истории звучал призыв к человеку, как существу во многом преодолевшему свои природные ограничения, преодолеть и собственные дурные стороны. Однако, похоже, это оказалось не под силу в нашу эпоху. Ни отказ от частной собственности, ни просвещение, ни религия, ни отказ от оной, ничего не привело к преодолению противоречий, взаимной вражды.

Может, противоречия движут? Тема диалектики, которая, однако, отличает диалектические противоречия от других. Современная теория конфликта отмечает его конструктивную роль. Не вдаваясь в глубокий анализ, можно отметить крайне деструктивный характер некоторых несогласованных действий. Этнический конфликт пришел в

последнее время на смену идеологическому. Страны двух и более национальные, где не урегулированы властные отношения, находятся в состоянии скрытого и открытого конфликта, заметно отставая от других. Человечество тратит колоссальные средства на вооружения. Во Второй Мировой войны количество убитых и пострадавших уже оказалось меньше, чем в последовавших «малых», не мирового масштаба, конфликтах нашей современности.

Итак, тема власти и сопряженного с ней насилия, пусть и «легитимного», побуждает снова анализировать, искать концепции, призывать к рациональному и этическому мышлению и деянию.

Что может предложить современная философская мысль в качестве попытки осмысления места и роли политических отношений в мире человека? Коснемся некоторых подходов.

Т. Гоббс когда-то отмечал в качестве главной государственной добродетели страх перед силой. Множество теорий развития как человеческих отношений, человека, науки пытались «снять», перевести в другую плоскость властные отношения. Марксизм предполагал разрешить противоречия, решив их в «базисе общества» - устроения справедливого материального производства. На наш взгляд, марксизм вполне доказал свою обоснованность, но видение политической реальности возможно и через другие подходы. Представление человека как появившегося в результате эволюционного процесса и имеющего биологическую природу, привели как к появлению социал-дарвинизма, так и к толкованию властных отношений З. Фрейдом как проекции человеческой деструктивности. «Политика, по своей сущности, способ производства цепей аффекта, так же, как клиника, особенно в ее фрейдистской матрице, стремится быть устройством для деактивации режимов привязанности, которые поддерживают сохранение определенные конфигурации социальных связей»[368]. Vladimir Safatle согласен с Фрейдом в том, что политическая власть и коллективная идентичность народа – разные феномены. Фрейд призывал к рационализации психики, устранения скрытых механизмов бессознательного как животного начала.

Обращение к разумности человека лежит и в основе концепции Ф. Фукуямы. Если либерализм лучше, значит, по здравому рассуждению, все государства должны стать на эту идеологию. Фукуяма делал исключения для стран с религией, как нерациональной части культуры. Не в этом ли один из секретов «религиозного ренессанса»? Однако

[368] Vladimir Safatle. Fear, Helplessness, and Political Bodies as Circuits of Affect Freud on Social Emancipation, The Undecidable Unconscious: A Journal of Deconstruction and Psychoanalysis, Volume 4, 2017, pp. 67-9, p69. doi.org/10.1353/ujd.2017.0002.

и новое «постиндустриальное», «информационное», «постмодернистское» общество содержит те же проблемы и противоречия как любое другое. Попытки «деконструкции» властных отношений только отчасти пока принесла плоды. Пронизанность всех аспектов культуры, в том числе мышления, концепцией иерархии отмечается многими мыслителями. «Таким образом, выходит: мужчина централен, женщина маргинальна; Запад – централен, Восток маргинален; культура – центральна, а природа является маргинальной»[369]. Авторы подчеркивают, что необходима новая концепция человеческих отношений. Прошедший век показал «звериный оскал» политической государственности в виде колониализма и фашизма. В основе последних лежала концепция иерархии.

На наш взгляд, правильно расставленные приоритеты, могут «оправдать» иерархию. Только в философии традиционно ставилась на высшую ступеньку не «воля к власти», а способность думать, размышлять. «Рациональность можно рассматривать либо как способность, либо как достоинство»[370].

Человек преобразует, в том числе социально-политическую действительность. И поскольку он разумен, он на основании разума обновляет свои отношения с природой и другими людьми, делает их более рациональными. «Антропные категории … расположены на границе где мы рассматриваем природу не просто как нечто само по себе, но как нечто, что можно использовать, трансформировать и формировать по-разному»[371]. Человеческая практика формирует мышление, она «связана с ремеслом, производством, культивированием, торговлей и практической деятельностью в более общем смысле»[372]. Не является исключением и область социально-политических отношений.

Вывод. Политическая философия находится в развитии, поисках новых концепций и не может быть сведена к окончательной «научной» (а, скорее, псевдонаучной) системе. Философия в условиях недостаточной концептуализации и неясности целей истории должна сама их установить. В то же время, чем больше в обществе рациональности, тем оно эффективней и всё менее нуждается в репрессивных побуждениях к деятельности. Необходим как искренний диалог специалистов, так и широкое общественное обсуждение философских построений.

[369] Jajati K. Pradhan, Seema Singh. Living in Difficult Times: New Materialist Subjectivity and Becoming of Posthuman Life, Trans-Humanities Journal, Volume 8, Number 1, February 2015, pp. 89-110, p93. doi.org/10.1353/trh.2015.0004.

[370] Karl Schafer. Rationality as the Capacity for Understanding, Noûs 00:0 (2017), pp. 1–25, p2. doi: 10.1111/nous.12231.

[371] Daniel A. Weiskopf. Anthropic Concepts, Noûs 00:0 (2018), pp.1 –18, p2.
doi: 10.1111/nous.12255.

[372] Ibid., p16.

Таких как, детерминация властных отношений биологическими инстинктами, идеального коммунистического общества, концепция «психократии» Н.Ф. Федорова, развитие человека в концепции трансгуманизма и пр.

Философия сама возникла, как попытка развить способности человеческого разума, опосредовать им прочую деятельность человека.

Лобова Л.А.,
мл. научн. сотр. Института МИГПиГ РГЭУ (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)

СТРАТЕГИИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ МАЛОГО БИЗНЕСА КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Одному из главных локомотивов экономического развития, малому предпринимательству, в своей деятельности приходится преодолевать многочисленные преграды – объективные и субъективные, технические и социальные, со стороны органов государственной власти и сложившейся институциональной среды.

Особый интерес вызывает тот слой специалистов, предпринимателей, которые получают образование по программам дополнительного профессионального и бизнес-образования различной продолжительности, ибо такой механизм позволяет наикратчайшим путем включиться в предпринимательскую, на высоком уровне, деятельность и положительно сказывается на текущей предпринимательской деятельности. Данные социологического опроса в Ростовской области, где на вопрос: какие основные трудности мешают заниматься предпринимательством, 19,77 % респондентов указали на недостаток необходимых знаний и опыта[373].

Текущие проблемы малого предпринимательства можно свести к:

- Отсутствию достаточных знаний в области ведения малого бизнеса.
- Отсутствию высококвалифицированного персонала в области: консалтинга, маркетинга, риск-менеджмента и т.д.
- Недостаточности знаний нормативно-правовой базы.

Востребованность в формах предпринимательского образования, их длительности варьируется регионально и в зависимости от социально-экономического развития.

[373] Локота О.В., Буров А.В., Шутов А.Ю., Зуев С.Э, Понеделков А.В., Старостин А.М. и др. Власть, бизнес, гражданское общество: модели взаимодействия (отечественный и зарубежный опыт). Информационно-аналитические материалы Круглого стола с международным участием. – Ростов н/Д: Издательство ЮРИУ РАНХиГС, 2016

По результатам проведенного исследования вовлеченности россиян в программы дополнительного профессионального образования и предпринимательского образования, а также влияния вовлеченности на уровень развития малого бизнеса в социально-экономическом контексте субъектов РФ, выявлено, что среди образовательных программ ДПО доминируют короткие циклы (объемом до 100 учебных часов), причем наибольшим спросом пользуются программы от 72 до 100 часов[374] – они, как правило, практико-ориентированные. В данном исследовании установлено, что программы ДПО оказывают сильное и статистически значимое положительное воздействие на расширение предпринимательского сектора.

Однако, в процессе создания и поддержки внедрения программ предпринимательского образования в условиях определенного социально-экономического контекста в субъектах РФ, следует учитывать, следующее:

- В регионах с преобладанием социальных проблем для развития инновационного микробизнеса одинаково значимым стимулом является развитие и очных, и заочных программ бизнес-образования;
- В регионах с преобладанием инвестиционных проблем значимым стимулом развития инновационного микробизнеса является развитие очных программ бизнес-образования;
- В регионах с преобладанием социальных проблем развитие очных программ бизнес-образования является значимым негативным фактором развития рутинного микробизнеса;
- В регионах с преобладанием социальных проблем развитие очных программ бизнес-образования и рост расходов на образовательные организации ДПО является негативным фактором развития малых предприятий, занимающихся рутинным бизнесом;
- В регионах с преобладанием инвестиционных проблем развитие очных программ бизнес-образования является мощным негативным фактором;
- В регионах с преобладанием инвестиционных проблем развитие очных программ бизнес-образования является значимым негативным фактором развития индивидуального предпринимательства[375].

Исходя как из краткосрочных, так и из долгосрочных целей, имеет смысл:

[374] Влияние программ предпринимательского образования на развитие малого бизнеса в России: опыт эмпирического анализа в региональном контексте// Вопросы образования № 2 Духон А.Б., Зиньковский К.В., Образцова О.И., Чепуренко А.Ю, С.150

[375] Духон А.Б., Зиньковский К.В., Образцова О.И., Чепуренко А.Ю. Влияние программ предпринимательского образования на развитие малого бизнеса в России: опыт эмпирического анализа в региональном контексте // Вопросы образования. 2018. № 2 С.158-159

- разработать образовательные программы, адаптированные под потребности малого бизнеса. Внести в преподавательский состав представителей малого бизнеса для чтения лекций, в рамках которой, представится возможность делится своим предпринимательским опытом, предлагать стратегию ведения бизнеса.

- наряду с традиционным бизнес-образованием развивать программы, направленные на выработку навыков генерирования инноваций и умение распознавать прорывные технологии и продукты, хеджирование рисков, финансовых и организационных инновациях.

- решить проблему самоопределения студентов, увеличить актуальность высшему профессиональному образованию за счет возможности получения конкретных знаний и апробации их на базе образовательного учреждения посредством стартапов при поддержке и контроля обучения успешными бизнесменами и органами государственной власти на региональном уровне.

- обеспечить кураторство предпринимателем или специалистом в области предпринимательской деятельности для консультирования текущих проектов и помощи вывода их на рынок.

- организовать при образовательном учреждении влиятельный клуб представителей малого бизнеса и начинающих молодых бизнесменов наделенного полномочиями по связям со структурами госвласти.

- На базе образовательного учреждения организовать, наладить тестовое пользование бизнес-инкубаторами и дальнейшее тестирование их эффективности.

- разработать универсальные инструменты управления разных сфер бизнеса: торговли, производства, услуг, инвестиций.

- создать отдел, оснащенный необходимыми софтами для постоянного мониторинга рынков, выявление новых тенденций в бизнесе, новых потребностей покупателей (сопутствование бизнес-проектам).

Установлено, что увеличение количества образовательных организаций и рост расходов на образование, почти достоверно определяют развитие предпринимательского сектора. Однако требуется адекватная и своевременная оценка в режиме мониторинга затраченных ресурсов и полученных результатов, основанных на открытых данных от вузов и органов управления образованием.

Мышьякова Д.В.,
асп. РАНХиГС (г. Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Проблема публичных ценностей является одной из значимых в системе современного общественного, гуманитарного знания, а также и общественной практики. Последняя часто выстраивается в ускоренном режиме современности и не обращается к философско-методологическим осмыслениям явлений, реалий, тенденций, процессов. Это закономерно, так как сегодня время прохождения экономических, социальных, политических процессов ускоряется, что не дает возможности проникнуть в их сущность и освоить их феноменологическую сущность, а также и содержание их функционала в полной мере.

Публичные ценности относятся к важнейшим феноменам человеческого общежития на любой стадии развития и имеют универсальный характер. Публичные ценности составляют важнейший сегмент современной картины мира, постижение которой может быть эффективно на основе когнитологии, как традиционной, так и альтернативной[376]. Но все же конкретное время и конкретное пространство выдвигают на первый план именно те публичные ценности, которые особенно важны в данной ситуации для данного общества[377].

Применительно к современной России таких ценностей множество и они актуализированы многими обстоятельствами – внутренними и внешними, как позитивными, так и негативными. Здесь хочется выделить публичные ценности, которые свойственны гражданскому обществу как обществу сознательных, активных граждан, осуществляющих самоорганизацию, самопомощь в организациях – институтах гражданского общества. Таких публичных ценностей также немало, однако, мы поднимаем проблему философского осмысления некоторых из них.

Прежде всего, отметим, что теория публичных ценностей разработана в рамках западной философии, культурологи и вместе с тем дополнена и развита в применении к современному Российскому государству и российскому обществу многими отечественными учеными[378]. Они подчеркивают практический, менеджерский, организационный,

[376] См.: Старостин А.М. Альтернативная когнитология как фактор формирования новой волны глобализации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 8 (99). С. 135 -141.

[377] Каган М. С. О принципах разработки философской теории ценностей//Вестник СПб ГУ. Сер. 6. Выпуск 2. 1997. № 13.

[378] См.: Публичные ценности и государственное управление: Коллективная монография / Под ред.: Волкова А.В., Сморгунов Л.В. М.: Изд-во "Аспект Пресс", 2014. 400 с.

договорной смысл публичных ценностей, а также необходимость их распространения, наращивания в соотнесении с демократическим развитием РФ, модернизацией всех сторон жизни общества, а также в соотнесении с потребностями внутренней и внешней политики РФ[379].

Такое понимание публичных ценностей закономерно, так как оно приближено к общественной практике, к содержанию отношений государства и гражданского общества. В этой связи мы выделим среди прочих такие публичные ценности гражданского общества, как: ***национальная идентичность*** (как идентичность граждан в составе гражданской нации), ***гражданский патриотизм*** (как патриотизм граждан в отношении государства и страны)[380].

Философское осмысление данных публичных ценностей предполагает выделение сущностных свойств данных феноменов, которые порождены многими общечеловеческими потребностями, но также и потребностями общественно-политического процесса, социально-политической стратификацией, структурно-организационной дифференциацией общества. С учетом того, что выделенные публичные ценности имеют общественно-политические детерминанты и реализуются именно в сфере общественно-политических отношений, мы основываем их осмысление на социальной философии О. Конта, Г. Спенсера и др. Ее достижения состоят в том, что она акцентировала социальные обстоятельства и факторы в поведении индивида и групп, а также проследила тенденции и закономерности социальной эволюции человечества. Эти идеи развиты К.Марксом, который усилил внимание к экономическим, классовым детерминантам общественных феноменов. Материалистическое понимание феноменов, институтов, а также закономерностей и тенденций общественного поведения людей создает основу для осмысления многих сущностно-функциональных проявлений в сфере отношений классов, страт, партий, общественных организаций, а также индивидов как выразителей интересов определенных сообществ.

Основываясь на позитивистском, социально-детерминистском подходах выделим некоторые сущностные стержни публичных ценностей гражданского общества, которые названы выше.

---

[379] Сморгунов Л. В. От интервенции к координации: возрождение государства и трансформация режимов взаимодействия государства и общества//Государственное управление в XXI в.: традиции и инновации: 7-я международная конференция ф-та государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова; 27–29 мая 2009 г.: Материалы конференции: В 2-х ч.: Ч. 1/Отв. ред. И.Н. Мысляева. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 234–245.

[380] Баграмов Э.А. Российский патриотизм как национальная идея: концептуально-образовательный аспект // Социально-экономическое развитие Москвы и Московской области в условиях современных глобальных вызовов / Отв. ред. Е.Н. Геворкян. М.: МГПУ. 2016. С. 18-23.

Общенациональная идентичность. Важнейшим сущностным стержнем этого феномена является приверженность индивидов гражданскому сообществу через интеграцию, которая формируется на определенной стадии развития государства и общества[381]. Зрелость государственно-гражданских отношений формирует интегративные тенденции, которые упрочиваются на общности интересов, целей и задач. Здесь важны несколько векторов интеграции: интеграция граждан и государства, интеграция граждан между собой, интеграция групп и страт (профессиональных, гендерных, демографических, социальных, досуговых и иных). Феноменологическая сущность общенациональной идентичности как принадлежности к нации-государству состоит в ее универсальности, престижности, полезности и значимости, как для каждого индивида, так и для групп и сообществ. Понимание себя как представителя гражданской нации возвышает индивида над многими дифференцирующими и разделяющими его с другими индивидами признаками (возраст, социальный статус, материальное состояние, этничность, конфессиональность, профессиональный статус и др.).

Принадлежность к гражданской нации является безусловной публичной ценностью, которая актуализируется на определенном этапе развития государства и общества и без которой невозможно формирование и функционирование гражданского общества. Идентификация гражданами РФ себя как членов российской гражданской нации обеспечивает многие социальные и политические позитивы, а также и позитивы морально-нравственного, этико-эстетического свойства, которые проецируются в самоорганизации, самоопределении граждан в институтах гражданского общества.

Гражданский патриотизм. Значимым сущностным стрежнем этого феномена является приверженность общества и индивидов не только определенной стране как Родине, Отечеству, родной земле, но и государству. Гражданский патриотизм в феноменологическом осмыслении может быть отождествил с преданностью государству через осмысленное понимание его истории, его культуры, его интересов – внешних и внутренних, через партнерское взаимодействие граждан и власти[382].

Гражданский патриотизм как публичная ценность гражданского общества выражается в поддержке гражданами и сообществами, организациями политики государства, курса политической элиты, в под-

[381] Тишков В. А. Нация и национальная идентичность в России // Вестник Российской нации. Спецвыпуск 2008-2016 (№ 51). С. 7-15.

[382] Пантелеев Б.Н. 3. Партнерство органов государственной власти с общественностью (на примере взаимодействия прокуратуры с НПО в предотвращении дискриминации и ксенофобии): Изд. 2-е, исправ. и дополн. М.: Московское бюро по правам человека, “Academia”, 2008. 116 с.

держке национального лидера, которым может стать (а может и не стать) глава государства. Гражданский патриотизм является публичной ценностью гражданского общества в том плане, что именно на его основе общественные организации и активисты реализуют общественно-полезные, проекты и оказывают социально-значимые услуги.

Именно гражданский патриотизм консолидирует индивидов в самоорганизации и побуждает институты гражданского общества к добровольческой деятельности, к возложению на себя части полномочий государства в социальной сфере, сфере социального патронажа и услуг[383]. Граждане РФ становятся носителями гражданского патриотизма в силу отождествления их интересов с интересами государства, а также соотнесения своего будущего с будущим государства. Обладая гражданским патриотизмом, граждане РФ совместно с властью участвуют в достижении стабильности, безопасности, благополучия[384].

Как видно, национальная идентичность и гражданский патриотизм, являясь значимыми публичными ценностями гражданского общества, имеют сложносоставное содержание. Оно заслуживает пристального философского осмысления, методологического обоснования и операциональной популяризации на всех уровнях информационного, экспертного, политико-управленческого дискурса. Упрочение единства российской гражданской нации и гражданского патриотизма может быть успешным лишь на основе понимания их сущностных, функциональных и аксиологических свойств.

[383] Филиппов А. Ф. Мобильность и солидарность. Статья первая // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 6–9.

[384] Власов В.И. Общество – справедливость – государство – социальная напряженность – экстремизм – терроризм // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2012. № 3. С. 141-153.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....3

I. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ И КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ПОДХОДЫ В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ.....5

Альбеков А.У.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ В ВУЗЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПАРИРОВАНИЯ ДЕВИАЦИОННЫХ И ДЕЛИНКВЕНТНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В СРЕДЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....5

Старостин А.М.
ФИЛОСОФИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА.....10

Ильин И.В., Урсул А.Д.
СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА ОТ НЕУСТОЙЧИВОГО К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ «СОЦИУМ – ПРИРОДА».....20

Саямов Ю.Н.
НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕСТРОЙКИ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....27

Попов В.В., Музыка О.А.
СТАБИЛЬНОСТЬ И НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ РАЗВИТИИ.....37

Вакула И.М., Москаленко С.Г.
ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....42

Золотухина-Аболина Е.В.
ЧТО ТАКОЕ ОБРАЗОВАННОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ?.....47

Разумов В.И.
ФИЛОСОФИЯ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО СИСТЕМНОГО КРИЗИСА.....50

Sheetal Sharma
IMPACT OF GLOBALISATION AND ECONOMIC TRANSITION UPON STATUS OF WOMEN IN CENTRAL AND EASTERN EUROPEAN COUNTRIES.....55

Dr. Preeti D. Das
GLOBALIZATION, RELIGIOUS REVIVAL AND ITS IMPACT ON CULTURAL DIVERSITY 72

Голобородько А.Ю., Самойлова И.Н.
СОВРЕМЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОМ КОНТЕНТЕ ФИЛОСОФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ 84

Узнародов И.М.
ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО 94

Рябова Л.В., Лобова Л.А.
О РОЛИ ЛИЧНОСТИ УЧИТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ И КУЛЬТУРЕ 100

Шолохов А.В.
«ОБРАЗОВАНИЕ В РУИНАХ»: ПЕРСПЕКТИВА ИЛИ ОБРАТНАЯ ТОЧКА ОТСЧЁТА? 109

Паламарчук Е.А.
ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 114

Bhaswati Sarkar
BORDERS IN A GLOBALISED WORLD: THE 2015 REFUGEE CRISIS IN EUROPE 119

II. ОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ 131

Тумайкин И.В., Самыгин С.И.
ВОЗМОЖНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ПОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ 131

Ajaya Kumar Samantray
RE-INCORPORATION OF CRIMEA INTO RUSSIA: CONFLICT BETWEEN MOSCOW AND KIEV 136

Аствацатурова М.А.
ВОЗМОЖНЫЙ И ЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС ЭТНОКОНФЛИКТОЛОГИИ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ 148

Бережная Н.В.
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ПРОГРАММНЫЙ АСПЕКТ 153

Вакула И.М., Топилина А.В.
ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ 156

Nisha Sharma
REFUGEES IN RUSSIA: SOCIAL INTEGRATION OR ALIENATION?.....160

Афанасьева И.И.
КАФЕДРА ЮНЕСКО КАК ЛИМИНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ.....171

Склярова Е.А.
ИДЕИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....176

Старостин А.М., Швец Л.Г.
ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ.....180

Баранов А.В.
ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОЛИТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ.....187

Белов А.В.
РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПЕДАГОГИКА О ВОСПИТАНИИ ДУХОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ.....193

Власова В.Н.
ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И ЕЁ РОЛЬ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ.....199

Загутин Д.С.
ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРОВ В СИСТЕМЕ МНОГОУРОВНЕВОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ....201

III. СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 205

Иванников И.А.
МОДЕРНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭТИКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....205

Семенов В.С.
ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ.....208

Самойлова И.Н.
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОГО ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ 212

Тованчова Е.Н.
ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ И ИНКЛЮЗИВНЫЙ ФОРМАТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ЭКСПЕРТНОЙ ПОДДЕРЖКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУКОВОДЯЩЕГО ЗВЕНА СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 215

Заикин А.А.
ГЛОБАЛЬНЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 218

Гусева А.Ю.
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ «ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ» ХОУВА-ШТРАУССА: ПРАКТИЧЕСКАЯ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ..... 221

Канышева О.А.
ИДЕАЛЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ИХ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ» ВОЗДЕЙСТВИЕ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ... 226

Скуднова Т.Д.
ЧЕЛОВЕКОСООБРАЗНОСТЬ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ..... 230

Островский С.В., Лобова Л.А.
НАУЧНЫЙ ФАКТ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ..... 235

Шипилова Т.В.
ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ФРГ И ГДР..... 239

Печерская Н.М.
РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРЕОДОЛЕНИИ ОТЧУЖДЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ..... 244

Варданян Е.А.
СПИРАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ МЫШЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ..... 248

Заикин А.А.
ВЗАИМОСВЯЗЬ ИДЕЙ ПРАВА И СВОБОДЫ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СОЦИУМА 253

Иконникова О.Н.
НЕПРЕРЫВНОСТЬ ШАХМАТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ..... 257

IV МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК КАК ОПИСАНИЕ СФЕРЫ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ 261

Рогочая Г.П.
КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРАКТИК ПОСРЕДНИЧЕСТВА В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ 261

Кокин А.В.
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К УСВОЕНИЮ ПРЕДМЕТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ КАК ОПЫТНАЯ СФЕРА ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ 268

Шугайло И.В.
РОЛЬ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 272

Серова Н.В.
О ДИДАКТИЧЕСКОЙ РОЛИ ПОЭЗИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ 277

Гдалевич И.А.
ТИПОЛОГИЯ ПРАВОПОНИМАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА 282

Клочков В.В.
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ 287

Назарова В.С.
РАЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ 292

Сорокин Г.В.
ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ. ПОИСК НОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ 297

Лобова Л.А.
СТРАТЕГИИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ МАЛОГО БИЗНЕСА КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА 300

Мышьякова Д.В.
К ПРОБЛЕМЕ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 303

Научное издание

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 22.10.2018 г. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. п.л. 19,5. Тираж 500 экз.

Издательство РГЭУ (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69